

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО
«ЗАПОВЕДНОЕ ДАРОВОЕ»

III ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ В ДАРОВОМ

Материалы научной конференции
26 – 28 августа 2011 г.

К 90-летию музея Достоевского в Даровом

К 10-летию экспедиций МГОСГИ в Даровом

*Издание осуществлено при финансовом участии
Благотворительного фонда поддержки культуры
и сохранения исторического наследия
«Коломенский кремль»*

Т 66 III Летние чтения в Даровом. Материалы науч. конф. 26 – 28 августа 2011 г. /
ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: МГОСГИ, 2013. 240 с. : ил.

ISBN 978-5-98492-158-9

ОТ РЕДАКТОРА

В сборник «III Летние чтения в Даровом» вошли статьи, основанные на материалах докладов и выступлений одноимённой конференции 2011 г. (предыдущие состоялись в 2006 и 2009 гг.)¹. Последняя была посвящена теме «Достоевский и Россия»: чтения в Даровом складываются в основном как тематические.

Как и прежде, ведущее направление научных исследований участников сборника – Даровое в судьбе и творчестве Ф. М. Достоевского, история усадьбы в контексте истории рода Достоевских, истории страны.

Стоит отметить, что 2013 год – дважды юбилейный для нас. 90 лет назад 22 мая 1923 года усадьба получила статус музея на основании решения Отдела музеев Народного комиссариата просвещения². «Земля детства» должна была стать первым в мире самостоятельным музеем Достоевского (до этого функционировал «Музей памяти Достоевского» при Историческом музее, организованный по инициативе вдовы писателя). Однако недолгой была история Дарового в качестве музея в двадцатые годы двадцатого века³. Его драматическая судьба, угасание «места памяти» – как будто какое-то заклятье, продолжавшее действовать долгие десятилетия. В 1990 г. музей в Даровом был возобновлён, но печать отверженности осталась на нём и поныне: обращения научного и культурного сообщества к власти имущим с требованием спасти и сохранить Даровое остаются пока без ответа.

Между тем исследования, направленные на формирование научной концепции будущего музея-заповедника, в последние годы активизировались. Получили развитие общественные инициативы по сохранению Дарового. Координацию и того и другого в 2003 г. взял на себя Коломенский государственный педагогический институт, ныне Московский

---

¹ См.: Летние чтения в Даровом. Материалы междунар. науч. конф. 27 – 29 августа 2006 г. Коломна: КГПИ, 2006. 166 с.; Ф. М. Достоевский в диалоге культур [II Летние чтения в Даровом]. Материалы междунар. науч. конф. 25 – 29 августа 2009 г. Коломна: КГПИ, 2009. 255 с.

² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80.

³ Поначалу усадьба Даровое находилась в ведении Зарайского уездного музея, с апреля 1925 г. передана Губмузею Московского отдела народного образования, а 31 декабря 1928 г. приказом Музейного подотдела МОНО (там же. Оп. 4. № 2341. Л.2) причислена к недавно созданному московскому музею Достоевского на правах филиала. Это было началом конца, т.к. после смерти главного смотрителя, племянницы писателя М. А. Ивановой (ей помогала сестра О. А. Иванова), последовавшей в 1929 г., мемориальный дом и усадьба перешли в ведение местного крестьянского общества и окончательно утратили даже видимость музея. Подробнее см.: Прохоров Г. С. От Дарового к Божedomке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 2 (8). 2009. С. 115 – 130.

государственный областной социально-гуманитарный институт. Десять лет назад (таков второй нынешний юбилей) начались комплексные экспедиции преподавателей и студентов института в Даровое: научно-исследовательская работа (история, археология, фольклор, этнография, дендрология) соединялась с чисто практической (уход за Липовой рощей, посадки деревьев, расчистка территории усадьбы и храма Сошествия Святого Духа в Моногарове, уход за погостами). Ряд исследований был поддержан грантами РГНФ. В 2011 г. было организовано некоммерческое партнёрство «Заповедное Даровое», участниками которого, кроме МГОСГИ, являются Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), потомки писателя, видные учёные.

Актуализировать «проблему Дарового» в широком научном, культурном, общественном контексте – задача и настоящего сборника. Задаваясь «базаровским» вопросом «Кто нужен России?» и обзревая опыт Дарового в XX – XXI вв., мы возвращаемся к значению так называемого субъективного фактора истории. Эти соображения и привели к созданию в сборнике рубрики «Хранители», которая, мы надеемся, станет постоянной.

* * *

В статьях и публикациях сборника цитаты по изд.:
Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972 – 1990 – даются в скобках с указанием тома и страницы.

ДОСТОЕВСКИЙ И РОССИЯ

ТАЙНА «НЕЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО МЕСТА»

Топос Дарового рассматривается как архетип смиренного русского пространства в творчестве Ф. М. Достоевского. Детские впечатления от усадьбы закрепили «вертикаль» духовного мира писателя.

Ключевые слова: Даровое, генезис творчества, русский ландшафт.

Н. А. Бердяев в книге «Миросозерцание Достоевского» утверждает: «Биография Достоевского менее интересна, чем его творчество. <...> Он всего себя вложил в свои произведения. И по ним можно изучить его»¹. С этим последним тезисом трудно спорить, но доведённый до абсолюта, он закрывает дорогу генетическому постижению творческой личности. Не важно, из чего явились шедевры, важно лишь, что они нам дают. Отвергнув генезис и ограничившись имманентным чтением произведений, талантливый истолкователь способствовал образованию мифа, живучего доселе: «Достоевский был русским скитальцем (каково это было бы услышать самому писателю! – В. В.), русским странником по духовным мирам. У него не было своего дома и своей земли, не было уютного гнезда помещичьих усадеб. Он не связан уже ни с какой статикой бытия, он весь в динамике, в беспокойстве, <...> весь в революции духа»² (привет от Д. С. Мережковского!).

Сему экзальтированному театру мир Достоевского предстаёт исключительно в верхнем этаже скены. «Его стихия – огонь, а не земля»³. С огненных вершин не видать подножья, сюда не доходит запах прелых листьев, божественная амброзия осеннего леса, ведомая Достоевскому и пресотворённая в его произведениях как физика в метафизику.

1.

Если совсем оторваться от «слишком земного», станет непонятно, зачем, задумывая последний роман, русский апокалипсис, Достоевский едет в глухую деревеньку своего детства, в Даровое – запастись впечатлениями, как он говорит жене: «если отказывать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чём писать писателю!» (29; 171).

В июльско-августовском «Дневнике писателя» 1877 г. автор сообщал своим читателям об этой поездке, не раскрывая, впрочем, всех тех впечатлений, за которыми ездил и которые, несомненно, получил. Это отдельная

¹ Бердяев Н. А. *Философия творчества культуры и искусства*: в 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 22.

² Там же.

³ Там же. С. 23.

история, имеющая отношение к последующей публицистике и к генезису «Братьев Карамазовых». Пока же меня интересует самая общая и ключевая формула Дарового, которую здесь вывел Достоевский (впрочем, так и не произнеся заветного топонима, оставшегося неназванным как в публицистике, так и в художественном творчестве: «Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, но всё никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» (25; 172).

Здесь у внимательного читателя может явиться недоумение: если место *маленькое и незамечательное*, то каким образом оно так могуче воздействовало «на всю жизнь»? Думается, что в парадоксальном соединении «маленькое» / «вся жизнь» таится одно из откровений, которое дала миру русская литература, и что в отношении к Л. Н. Толстому Б. М. Эйхенбаум определил как диалектику мелочности / генерализации. Были открыты «атомы», но общая «материя» человеческой жизни не исчезла, явилось другое её измерение. Вооружённый этой новой оптикой, о. Павел Флоренский воспользовался ею применительно к изучению ранней биографии (всегда наиболее проблематичной, недокументированной) такого писателя, как о. Феодор Бухарев, в частности, говоря о значении «мелочей семейного быта»: они, «будучи мелкими сами по себе, в существенном определили выросшего среди них ребёнка».

“Дарит крепчайшее звено
Сцепленье косвенных событий”.

Эту биографическую истину да не упускает исследователь личности, ибо именно “сцепленье косвенных событий”, мелкие незаметности повседневного быта часто воспринимаются, особенно в полусознательном возрасте, с силою несравнимо большею, нежели землетрясения и ураганы окружающей жизни...»⁴.

Флоренский сравнивает эти мелкие впечатления детства с зародышами кристаллов, из которых «выкристаллизовывается» душевный строй личности. Кажется, в этом случае был бы уместнее образ, заимствованный не из жизни минералов, а из живой природы – образ зерна, заключающего в себе «программу» дальнейших метаморфоз.

2.

Для Достоевского весьма характерно представление о жизни человека как о *преображении детства*. В первом его романе Варенька Добросёлова говорит об этом просто и прямо: «И нет впечатления в теперешней жизни

⁴ Флоренский Павел. *свящ.* Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев) // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): pro et contra. СПб., 1997. С. 609.

моей <...>, которое бы не напоминало мне чего-нибудь подобного же в прошедшем моём, и чаще всего моё детство... моё золотое детство!» (1; 83). Всё уже было в золотом нашем детстве, как всё уже было в золотом веке человечества. Это циклическое время, по которому живёт мир Достоевского, даёт себя знать и в художественном, и в биографическом его измерении.

Возьмём для примера случай наиболее очевидный – рассказ «Мужик Маррей», где этот возвратный механизм циклического времени явлен во всей неприкрытости. Очень внятно в рассказе описан процесс генерализации мелочей через воскресительную силу памяти: «Начиналось с какой-нибудь точки, черты, *иногда неприметной*, и потом мало-помалу вырасталось в цельную картину, в какое-нибудь сильное и цельное впечатление». И сам случай (встреча с Мареем), оказавшийся провиденциальным для автора, поначалу характеризуется в том же кенотическом ключе: «мне вдруг припомнилось почему-то одно *незаметное мгновение* из моего первого детства» (22; 47, курсив в обеих цитатах мой. – В. В.). В черновом варианте было сказано жёстче: «анекдот, может быть, очень ничтожный» (22; 191). Достоевский снял излишнюю резкость, хотя в то же время вычеркнул и прямую подсказку читателям: «И, однако, в этих-то обыденных, совсем обыкновенных чертах и выставляется иногда вся суть дела» (22; 194).

Обратим внимание на архитектуру спасительного детского воспоминания в рассказе: галлюцинации о волке и чуду о Марее предшествует описание места, «буквально» отражающее топографию реальной усадьбы Даровое: «Я прошёл за гумна и, спустившись в овраг, поднялся в Лоск – так назывался у нас густой кустарник по ту сторону оврага до самой роши» (22; 47). Путь мальчика описан настолько топографически адекватно, что по нему, при желании, можно и сегодня вести экскурсию. Овраг, кустарниковый Лоск и березняк сохранились почти в первозданном виде, местонахождение гумна можно определить по межевым планам времён Достоевского.

Воспоминание о деревенском березняке вызывает у повествователя всплеск эмоций: «И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, ёжиками и белками, с его любимым мною сырым запахом перетлевших листьев» (22; 47). Р. Джексон заметил здесь «своего рода Эдемский сад, сад, упоминание о котором мы столь редко встречаем в произведениях Достоевского»⁵. Оставляя в стороне «арифметический» подход (бывает, что и редко, но метко), замечу только, что мотив Эдема вводится справедливо, но несколько поспешно. Любовь ко всей перечисленной лесной живности слишком уж земная, хотя и приносящая «райское» наслаждение от непредумышленной гармонии природы.

В черновом автографе рассказа была ещё одна дефиниция леса: «с его странной тревогой» (22; 193). Слово «тревога» не случайное и, судя по всему, опережающее события, т.е. сюжет о волке. Волк – тоже часть леса, как и некоторые другие существа, только упомянутые: «но змеек боюсь»

⁵ Джексон Р. Л. Искусство Достоевского. Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 29.

(к змею эдемскому они имеют, я полагаю, только номинальное отношение, хотя не исключены очень дальние ассоциации). Лес – за границей домашнего обжитого мира, таинственная неведомая земля, прекрасная, но опасная. По свидетельству младшего брата писателя, «маменька неохотно дозволяла нам гулять в этом леску (речь идёт о Фединой роще. – В.В.), так как ходили слухи, что в тамошних оврагах попадают змеи и забегают часто волки»⁶.

Мозаика детских воспоминаний в художественном топосе Достоевского возвращает нас в «Бедным людям», к «даровским» по своей генетике впечатлениям Вареньки: «Резко напечатлелся в памяти моей этот лес, эти прогулки потихоньку, и эти ощущения – странная смесь удовольствия, детского любопытства и страха» (1; 443), журнальный вариант; мотив страха в окончательном варианте развёрнут в более позднем письме Вареньки: «...а лес синее, чернеет, – особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения. <...> жутко! Сама дрожишь как лист; вот, думаешь, того и гляди выглянет кто-нибудь страшный из-за дупла...» (1; 84).

Вот, очевидно, идущий от детства Достоевского «кристаллик», или, лучше, зерно растущего образа: лес порождает удовольствие и страх одновременно, этот комплекс Достоевский перенесёт в детское воспоминание героя о лесе в романе «Униженные и оскорблённые» – генетически связанное с Даровым, с оврагом Фединой рощи: «Что за чудный был сад и парк в Васильевском <...>; в этот сад мы с Наташей ходили гулять, а за садом был большой, сырой лес, где мы, дети, оба раз заблудились... Золотое, прекрасное время! Жизнь сказывалась впервые, таинственно и заманчиво, и так сладко было знакомиться с нею. Тогда за каждым кустом, за каждым деревом как будто ещё кто-то жил, для нас таинственный и неведомый; сказочный мир сливался с действительным; и, когда, бывало, в глубоких долинах густел вечерний пар и седыми извилистыми космами цеплялся за кустарник, лепившийся по каменистым рёбрам нашего большого оврага, мы с Наташей, на берегу, держась за руки, с боязливым любопытством заглядывали вглубь и ждали, что вот-вот выйдет кто-нибудь к нам или откликнется из тумана с овражьего дна и нянины сказки окажутся настоящей, законной правдой» (3; 178).

Из сокровытого, подспудного детского страха только и можно объяснить появление в даровской части «Мужика Мареев» пугающей «галлюцинации» о волке. Заметим, что подобный дуализм, страх и любованье, присутствует и в описании главного героя рассказа – русского народа, мужика. Преодоление страха в этом основном сюжете поддержано, как это бывает у Достоевского, в сюжете побочном. Природный компонент рассказа как бы резонирует народному.

3.

Существенен и характерен для Достоевского контрастный хронотоп рассказа «Мужик Мареев»: топос каторги с его замкнутым, физически и духовно, пространством, порождающим безысходные мысли – и расширяющаяся вселенная детства, смахнувшая, как лучинки, острожные пали. Подобный переход в другое измерение, памятный нам и по «Запискам из Мёртвого дома», и по эпилогу «Преступления и наказания», в «Мужике Мареев» также открывает вертикаль, доселе скрытую от рассказчика в его сжимающемся пространстве (от пьяного народного «содома» – 22; 192 – он уходит в сердечную злобу и, соответственно, «на своё место, против окна с железной решёткой» – 22; 46). Противоток, т.е. расширение пространства – разрешается в итоговом авторском резюме: «Встреча была уединённая, в пустом поле, и только Бог, может, видел сверху...» и т.д. (22; 49). Это резюме явно закольцовано с первичным пасхальным пейзажем той же каторги: «Был второй день светлого праздника. В воздухе было тепло, небо голубое, солнце высокое, “тёплое”, яркое, но в душе моей было очень мрачно» (22; 46). Говоря словами поэта, рассказчик «в небесах увидел Бога», и эта перемена зрения случилась от «неприметного», т.е. поначалу не маркированного сознанием события.

Место провиденциальной встречи с мужиком Мареем – склон оврага близ Лоска (до сей поры неизменный). Черновой автограф рассказа передаёт динамику со-творения этого места в художественном хронотопе. Первоначально оно выглядело так: «Но недалеко, шагах в тридцати [уже поле] справа, начинается поле и там, я слышу, одиноко пашет мужик» (22; 193). Описание топографически точно: склон оврага действительно переходит в простор расстилающихся полей, так теперь, так и на межевых планах XVIII – XIX вв. Однако рядом с этим описанием появляется уточняющий набросок: «есть поляна, и там я слышу». В окончательном варианте переименование главной «сцены» действия будет закреплено: «недалеко, шагах в тридцати, на поляне, одиноко пашет мужик» (22; 47). Поляна – это не совсем поле. Так, по В. И. Далю, поле – «простор, обширная равнина», а поляна – «поле, окружённое лесом, остров, прогалина». Поляна, иначе говоря, зримо ограниченное пространство. Выбирая это слово, автор явно уходит от первоначальной локализации: интересующее нас место, стоя на нём, никак не назовёшь поляной, это действительно поле: его границей является по большей части линия горизонта. В чём же смысл переименования? Физически неизменяемое пространство сжимается при изменении масштаба его фиксации. Так при взгляде с большой высоты всякое поле кажется поляной. Достоевский, как представляется, незаметно *меняет масштаб описания*, подготавливая читателя к смене всей пространственной парадигмы. Перед нами, частично, уже то, что «Бог, может, видел сверху», хотя пока только «кристаллик» нового видения, вложенный буквально в одно слово.

⁶ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 59.

4.

Оказавшись в Швейцарии и поселившись в городке Ве́ве, Достоевский передавал свои впечатления в письме С. А. Ивановой 25 июня (5 июля) 1868 г.: «Что же касается до Ве́вея <...> – это одна из первых панорам в Европе. В самом роскошном балете такой декорации нету, как этот берег Женевского озера, и во сне не увидите ничего подобного. Горы, вода, блеск – волшебство. <...> Галерей, музеев и духу нет; Бронницы или Зарайск! – вот Вам Ве́вей. Но Зарайск, разумеется, и богаче и лучше. Тут только один из самых первых в Европе ландшафтов и больше ничего» (28.; 308).

Почему, собственно, уездный Зарайск, врата в Даровое, «и богаче и лучше» Ве́ве? Только ли синдромом кулика, хвалящего своё болото, можно объяснить предпочтение, оказанное русскому захолустному городишку, вот уж действительно *незамечательному* – для искущённого туриста – на фоне «первого в Европе ландшафта»? Тем не менее «богатство» Зарайска, лишённого галерей и музеев наподобие Ве́ве, судя по контексту, заключается для Достоевского именно в его зрительном образе.

Попытаемся хотя бы предположительно реконструировать недосказанное, т.е. разглядеть блеск того «богатства», что писатель увидел в детстве и сохранил в памяти на всю жизнь. Достоевские проезжали Зарайск⁷ тем же путём, что и мы сегодня: мимо древнего Никольского (Никола Зарайского) храма, мимо развалин кремля (ныне почти восстановленного) и старинных торговых рядов (теперь сильно усечённых)... И когда они достигали исторического центра возле торговых рядов в виду Никола и кремлёвских стен перед ними – вдруг! – открывалось впереди и где-то внизу необъятное для глаз пространство полей, зовущий к себе простор. Он словно упадет перед вами и вы – в силу известного оптического внушения – взмываете ввысь. Зарайск оказывается пограничным пунктом, предместьем земного и небесного. Таков эффект внезапно открывающегося простора, поддержанного суровой простотой взметнувшегося Никольского четверика.

Нечто похожее можно испытать, передвигаясь по усадьбе Даровое с её визуальными перепадами. Усадебный дом поставлен на опушке рощи, на самой её границе и как бы входит в него при посредстве восьми вековых лип, растущих рядом с домом и образующих – по четыре липы на двух «курганах» – своеобразные лесные островки, зелёные беседки (так по описанию А. М. Достоевского⁸). Липовая роща, вековая, тенистая, обрамлённая могучими дубами жила по своим законам. Пройдя через неё на запад от дома, внезапно попадаешь в иное, уже открытое пространство – то самое поле, которое братья Достоевские, подражая взрослым, обошли с молебном⁹.

⁷ Впрочем, Достоевские не только проезжали через Зарайск, но и многократно хаживали в него пешком из усадьбы, как о том вспоминает младший брат писателя. Там же. С. 62.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 61 – 62.

За полем вдали – оставленная деревянная церковь на древнем погосте. Липовая роща через поляну переходит в Брыков лес, он же Фе́дина роща с оврагом, местом глухим и замкнутым, уголком уединения Фёдора¹⁰. Выходы из сумрачного оврага – это выходы в свет, в одну сторону в поле, а в другую – в большой сад и на берег зеркального пруда с дальней перспективой на Моногаровский храм Сошествия Святого Духа. Восточнее сада, через дорогу, вид на тот самый мареевский Лоск (алтарная часть пространства?). На юг, через въездную аллею, уходит дорога, разветвляясь – в одну сторону на Иваново озеро и Венёвский тракт, а в другую – на детски-счастливую и карамазовски-роковую Чермашню. Контрастное соединение открытых и закрытых сфер создаёт пространственный образ, столь знакомый по произведениям Достоевского. Перемена зрения, составляющая метасюжет «Мужика Марая», словно запрограммирована этими впечатлениями, вошедшими в душу ребёнка.

Вплоть до шестидесятых годов «открытые» пространства деревенской усадьбы входят в произведения Достоевского («Бедные люди» – 1; 27, «Хозяйка» – 1; 278, «Маленький герой» – 2; 292 – 293, «Униженные и оскорблённые» – 3; 178) через детские воспоминания героев, чаще всего, чтобы оттенить «замкнутое» пространство Петербурга. С «Преступления и наказания» взаимосоотношение пространственных сфер становится сюжетообразующим фактором. Из каменного мешка Петербурга Раскольников в эпилоге как будто выходит на воздух, на «широкую и пустынную реку», с берега которой «открывалась широкая окрестность» (7; 421). С обрётённым простором физическим был как-то связан дух свободы и чистоты «веков Авраама и стад его». Здесь впечатления Дарового явным образом сопрягались с картиной омского Заиртышья. Подобным же образом Достоевский выведет Степана Трофимовича Верховенского из запертого бесами города на открытое пространство дороги. Более сложный, но столь же динамичный диалог пространств наблюдаем в «Братьях Карамазовых» – с внезапно открывающейся вертикалью (сон про «дитё» Дмитрия, «Кана Галилейская» Алексея).

Сильны, неистребимы детские впечатления, и Даровое подарило Достоевскому волнующий в своей «вертикали» пространственный образ России. Возвращаясь к его впечатлениям от роскошно-замечательной швейцарской ривьеры, можно сказать, что красота тех мест присуща им изначально, что называется, по определению. Она застыла в своей самодостаточности, и потому не случайно Достоевскому приходит на ум слово «декорация». Здесь, в колыбели кальвинизма, становится понятной природа протестантского вероучения: Христос родился – и это прекрасно, этого вполне достаточно, он есть и будет, он всегда с нами.

Такую уверенность не порождает русский пейзаж, здесь скорее поймём, что Христос сначала умер, и только потом воскрес. И нас смертью своей,

¹⁰ Там же. С. 59.

а не рождением, из ничтожества воззвал. Достоевский, как известно, очень любил стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья, эта скудная природа...». Кенозис «смирненного» русского пространства делает его «незаметным» для «взора иноплеменного», но заряженным «тайным светом» («Царь небесный исходил, благословляя»).

«Незамечательное» русское пространство у Достоевского, как и у Тютчева, таит в себе возможность перехода в другое, высшее измерение¹¹. Поэтому ограничивать представление о Достоевском как исключительно «городском» и замкнувшемся на душевном подполье писателе – увы! живучий стереотип! – значит не пойти за автором из скудных теснин к расширяющемуся свету, что открылся ему ещё в детстве.

Б. Н. Тихомиров

ДАРОВОЕ И ЧЕРЕМОШНЯ В НЕОСУЩЕСТВЛЁННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЗАМЫСЛАХ ДОСТОЕВСКОГО*

В статье анализируются три неосуществлённых замысла Достоевского: «Житие великого грешника», «Мысли новых повестей», «Роман. Помещик, отца убили...», в которых нашли отражения впечатления и воспоминания его детства и юности, связанные с именем родителей писателя – селцом Даровое и деревней Черемошня. Преимущественное внимание уделено анализу мотивов, в которых отразилось предание (фактическая достоверность которого дискуссионна) о криминальном характере смерти отца писателя, а также факт сожительства М. А. Достоевского в Даровом (после смерти жены) с крестьянской девушкой Катериной, от которой у неё был ребёнок – сын Симеон.

Ключевые слова: неосуществлённый замысел, Даровое, Черемошня, герой-подросток, убийство отца, Катерина, прижитый ребёнок.

Многие факты и наблюдения, положенные в основу настоящей статьи, достаточно известны специалистам и – некоторые давно, другие недавно – введены в научный оборот (в том числе и в моих прежних работах). Однако, как правило, они ранее рассматривались «поштучно», без необходимой связи друг с другом. Я же поставил задачу рассмотреть их в системе и взаимосвязи, причём избранный мною аспект: «Даровое и Черемошня в неосуществлённых художественных замыслах Достоевского» – позволяет достигнуть известной полноты и цельности рассмотрения материала.

Начать я хочу с достаточно известного высказывания Достоевского, без которого, однако, здесь мне не обойтись. Это – признание писателя, зафиксированное среди подготовительных материалов к роману «Подросток»: «Чтобы написать роман, надо запастись прежде всего *одним* или *несколькими* сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» (16; 10). Конечно же, это признание не относится специально к романной жанровой форме, но раскрывает истоки творчества Достоевского в целом. И одним из таких истоков являются «сильные впечатления», сохранённые писателем из его детских лет, связанные с летними месяцами, проведёнными в 1832 – 1836 гг. (а может быть, и начиная с 1831 г.) Достоевским-подростком в родительском имении, Даровом и Черемошне (Чермашне), а также драматические события, произошедшие здесь позднее, в 1839 г., когда писатель находился в Петербурге, в Главном инженерном училище. События, не просто «пережитые его сердцем действительно», но пережитые с исключительной остротой и болью и будоражившие его воображение (в том числе и творческую фантазию) десятилетия спустя, вплоть, надо полагать, до его кончины в 1881 г. (Я имею здесь в виду смерть отца, Михаила Андреевича Достоевского, и загадочные, до сих пор не прояснённые до конца и рождающие различные гипотезы обстоятельства этой смерти.)

¹¹ Мимо этого смысла прошёл исследователь, поднявший данную тему: Нива Ж. Миф русского пейзажа // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе / Пер. с фр. Е. Э. Ляминой. М., 1999. Не удивительно, что из обзора «мифотворцев» русского пейзажа выпали и Тютчев, и Достоевский.

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Неосуществлённые замыслы Ф. М. Достоевского: материалы, реконструкции, место в творческой эволюции», 2011, № 11-04-00397а.

«...Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь...» (25; 172), – приведу ещё одну хрестоматийную цитату из «Дневника писателя» 1877 г., признание, сделанное незадолго до начала работы над романом «Братья Карамазовы» и в связи с посещением Достоевским, спустя сорок лет, мест его «первого <...> детства и отрочества» (там же).

В своё время, в 1939 г., в книге «В семье и усадьбе Достоевских» обзор самых разнообразных отражений впечатлений от мест детства писателя в его завершённых художественных произведениях сделала Вера Степановна Нечаева¹. Исследовательница учла и картины *деревенской природы*, столь редкие в творчестве Достоевского, начиная с воспоминаний героини «Бедных людей» Вареньки Добросёловой, отмечая черты, точно соответствующие особенностям ландшафта Дарового. И местные *топонимические наименования*, перенесённые писателем в ряд его повестей и романов (это и Харинская пустошь, упомянутая Фомой Фомичом незадолго перед его изгнанием из Степанчиково, и рощица Брыково, где в «Бесах» происходит дуэль Ставрогина и Гаганова, и, наконец, знаменитая Чермашня в «Братьях Карамазовых», куда отправляется Иван², развязывая руки Смердякову для задуманного убийства, и которая становится в романе метонимией преступления). И такие *колоритные фигуры*, как сельская дурочка Аграфена, отразившаяся в юродивой Лизавете Смердящей – матери Смердякова. И, наконец, *имена персонажей* – например, Григория Васильевича Кутузова, слуги в карамазовском доме, в котором отразились какие-то черты даровского приказчика Григория Васильева (где Васильев, заметим, – это не фамилия, а патроним – народная форма отчества³). Указала В. С. Нечаева и на «единственный рассказ Достоевского о своём детстве в Даровом» – «Мужика Маррея» из мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

В свете новейших разысканий какие-то наблюдения В. С. Нечаевой могут быть поставлены под сомнение (например, обнаружение черт пейзажа Дарового в «Маленьком герое»⁴). Другие уточнены⁵. Но в целом исследовательская про-

¹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: (Письма М. А. и Ф. М. Достоевских). М., 1939. С. 61 – 70.

² Опускаю здесь детали сюжета: все помнят, как, пообещав отцу и объявив Смердякову, что едет в Чермашню, Иван на Волоньей станции изменил первоначальное решение и вечером поездом отправился в Москву.

³ Характерно, что в третьей и четвёртой частях «Братьев Карамазовых», при производстве судебного дознания, Григория Васильевича Кутузова последовательно именуют Григорий Васильев, то есть применяют официальную (хотя в это время уже и устаревавшую) форму именования лиц незнатного происхождения. В одном же случае его просто называют Васильев (14; 438), что является грубой ономастической ошибкой (конечно же, персонажа, прокурора, а не автора).

⁴ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 62, 65. Ср.: Фёдоров Г. А. Куманины и «Маленький герой» (московская родня Достоевского) // Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского; Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 268 – 269.

⁵ Так, после разысканий Г. А. Фёдорова и И. Л. Волгина можно вполне определённо говорить, что упоминаемые в рассказе Вареньки в «Бедных людях» Ульяна и Фроловна – это не одно лицо, Ульяна Фроловна, как полагала В. С. Нечаева, а две разных служанки в доме родителей писателя: Алёна Фроловна Крюкова и Ульяна Ивановна Чеботарёва (см.: Фёдоров Г. А. Фроловна и Ульяна // Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского... С. 62 – 64; Волгин И. Л. Семья Достоевских как социальный организм // Достоевский и современность: Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007 года. Великий Новгород, 2008. С. 282 и след.

блема «Отражение реалий Дарового и Черемошни в творчестве писателя» была впервые обозначена именно в указанной книге «В семье и усадьбе Достоевских».

Чтобы не возвращаться больше к материалу завершённых художественных произведений, приведу дополнительно к наблюдениям В. С. Нечаевой два своих комментария к романам «Игрок» и «Подросток». В первом из них Алексей Иванович, издеваясь над «немецкими фатерами», замечает: «У каждого эдакого фатера есть семья, и по вечерам все они вслух поучительные книги читают. Над домиком шумят вязы и каштаны. Закат солнца, на крыше аист, и всё необыкновенно поэтическое и трогательное...», а затем добавляет: «Я сам помню, как мой отец, покойник, тоже под липками, в палисаднике, по вечерам вслух читал мне и матери подобные книжки...» (5; 225 – 226). Эта деталь может быть расценена как личное детское воспоминание Достоевского о Даровом, в котором барский дом «был расположен в липовой роще, довольно большой и тенистой». «Около <...> нашего домика, который был крыт соломою, – вспоминал младший брат писателя, – были расположены два кургана, или две небольшие насыпи, на которых росло по четыре столетних липы, так что курганы эти, защищённые каждый четырьмя вековыми липами, были лучше всяких беседок и служили нам во всё лето столовыми, где мы постоянно обедали и пили утренний и вечерний чай»⁶.

В одном из эпизодов «Подростка» старик Макар Иванович вспоминает: «А я в <...> микроскоп, ещё тридцать пять лет перед тем, смотрел у Александра Владимировича Малгасова, господина нашего, дядюшки Андрея Петровичева по матери, от которого вотчина и отошла потом, по смерти его, к Андрею Петровичу. <...> Вот тогда и поставил он тоже этот микроскоп, тоже привёз с собой, и повелел всей дворне одному за другим подходить, как мужскому, так и женскому полу, и смотреть, и тоже показывали блоху и вошь, и конец иголки, и волосок, и каплю воды. И уж потеха была: подходить бояться, да и барина бояться – вспылчив был. Одни так и смотреть-то не умеют, щурят глаз, а ничего не видят; другие страшатся и кричат, а староста Савин Макаров глаза обеими руками закрыл да и кричит: “Что хошь со мной делайте – нейду!” Пустого смеху тут много вышло» (13; 289). Крестьянин Савин Макаров – реальное лицо, знакомое Достоевскому с детства: он действительно был деревенским старостой в сельце Даровое⁷. Упоминание в анекдотической истории с микроскопом имени *реального* старосты Савина Макарова позволяет высказать предположение, что, возможно, подобный курьёзный случай имел место в действительности и также взят Достоевским из детских воспоминаний (в таком случае прототипом «вспылчивого» Александра Владимировича Малгасова, приказавшего «всей дворне одному за другим <...> смотреть» в микроскоп, должен быть назван отец писателя М. А. Достоевский, служивший врачом в Мариинской больнице). Дополнительно отмечу, что рассказывает об инциденте со старостой Савином Макаровым персонаж

⁶ Достоевский А. М. Воспоминания. М., 1992. С. 55 – 56.

⁷ См.: Там же. С. 60, 63. Также см.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 40.

«Подростка», который в подготовительных материалах устойчиво называется именем ещё одного крестьянина Дарового – 80-летнего Макара Иванова, кстати – родного отца этого самого Савина Макарова).

Отмечу также, что в какой-то связи с Макаром Ивановым в подготовительных материалах к «Подростку» впервые в творчестве Достоевского возникает и имя Лизаветы Смердящей (затем перешедшее в «Братья Карамазовы»). Скорее всего, подобно рассказу о купце Скотобойникове, о Лизавете по первоначальным планам также должен был рассказывать Макара Иванов (см.: 16; 137 – 138, 140 и след.). Сказанное дополнительно укрепляет связь этого персонажа с впечатлениями Достоевского от Дарового.

Это, однако, пока ещё были предварительные замечания, позволяющие вплотную подойти к теме настоящей статьи. Теперь настало время обратиться к *неосуществлённым замыслам* Достоевского.

Я выделил *три* неосуществлённых художественных замысла, которые важны для рассматриваемой темы. Это набросок «Роман. Помещик. Отца убили...», первая часть «Жития великого грешника» («Детство») и «Мысли новых повестей». Сразу же подчеркну важную особенность этих замыслов. В отличие от практически всех приведённых выше примеров (за исключением «Мужика Мареев»), где реалии Дарового и Черемошни находили отражение в творчестве Достоевского *в частных моментах, на периферии художественного мира* произведений: в отдельных деталях, топонимах, именах персонажей, локальных сюжетных положениях, пейзажных мотивах, – во всех трёх названных неосуществлённых замыслах генетическая связь с событиями, имевшими место в 1830-е гг. в Даровом и Черемошне, обнаруживается в *ключевых фабульных положениях, является сюжетобразующей*.

Начну с «Жития великого грешника» – масштабного замысла конца 1860-х – начала 1870-х гг., в набросках к которому исключительно широко и разнообразно представлены реалии детских лет писателя. Достаточно указать, что, локализуя важнейшее сюжетное положение первой части «Детство» в биографическом времени заглавного героя – 11-летнего мальчика, «нигилиста-волчонка», – писатель делает запись: «сейчас <же> по переходе от Сушара к Чермаку» (9; 129). Обращение к «Летописи жизни и творчества Достоевского», где сообщается, что в 1833 – 1834 гг. братья Достоевские, Михаил и Фёдор, посещали московский пансион француза Сушарда (Драшусова), а затем осенью 1834 г. поступили в пансион чеха Леонтия Чермака, – позволяет соотнести творческие наброски к «Житию...» с фактами биографии самого писателя, которому «при переходе от Сушарда к Чермаку» было полных двенадцать лет⁸.

Для нашей темы чрезвычайно важно, что, намечая композиционное членение первой книги «Жития...», разделяющейся, по авторской терминологии, на четыре «акта», последний «акт», то есть часть первого романа – «Детство», Достоевский определяет словами: «**Деревня и Катя**, разгул с Albert'ом» (9; 131)⁹.

⁸ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993 – 1995. Т. 1. С. 27 – 28.

⁹ Здесь и далее полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи, курсивные – цитируемому автору.

Название деревни в набросках к «Житию...» отсутствует. Но общий автобиографический контекст, перенасыщенный реалиями, связанными с детством писателя, и локализация сюжетного действия во времени «сейчас же по переходе от Сушара к Чермаку» заставляют предположить, что творческим импульсом к возникновению *мотива* деревни явились детские впечатления Достоевского от Дарового. Это подтверждается и рядом мелких деталей. Так, например, запись: «Он (герой-мальчик. – Б. Т.) ужасно много читал (Вальтер Скотт и проч.)» (9; 132) – соотносится с позднейшим свидетельством Достоевского о том, что сам он «12-ти лет <...> **в деревне, во время вакаций**, прочёл всего Вальтер-Скотта» (30; 212) и т. п. Но главное доказательство здесь, конечно, в том, что в «деревенских» набросках «Жития...» рядом с героем – будущим «великим грешником» – устойчиво фигурирует героиня по имени *Катя* («В деревне. Самоотвержение. Катя»; «В деревне поднял шум за Хроменькую. Натешился над Катей» и др. – 9; 127, 135). Это, конечно же, ровесница писателя Катерина Александровна – «дворовая девка» (как она фигурирует в официальных документах) сначала в Черемошне, а затем в Даровом, которая, говоря высоким слогом – «волею судеб», а в действительности – волею её хозяина, барина Михаила Андреевича Достоевского, оказалась вовлечённой в драматические события, разыгравшиеся в семье писателя в 1837 – 1839 гг.

О Катерине отдельный разговор будет далее. Сейчас же обращу внимание на то, что наброски к «Житию великого грешника» во многом имеют хаотический характер и отражают разные фазы разработки замысла, в том числе поиски писателем композиционной организации произведения. В силу этого в разных записях «наполнение» деревенских эпизодов существенно варьируется. Для нашей темы особенно важны последние по времени варианты, на которых – что представляется далеко не случайным – разработка первой части «Жития великого грешника» пресекается, буквально на полуслове...

Но раньше два предварительных замечания. В набросках к «Житию...» ярко проявилась характерная черта творческого процесса Достоевского, который, разрабатывая в своих произведениях, в частности, автобиографические мотивы, нередко *синтезирует* в художественном образе разнородные впечатления, связанные в его биографии с жизненными обстоятельствами, имевшими место в разное время и в разных местах. Так, например, в деревенских эпизодах «Жития...» фигурируют персонажи, которых писатель наделяет именами и отчасти биографическими чертами знакомых своих родителей по Мариинской больнице – доктора Аркадия Алексеевича Альфонского и его второй жены, Екатерины Александровны (урожд. Мухановой), фигурирующей в набросках под условным обозначением «докторша». Доктор Альфонский в замысле «Жития...» – сквозной и в известном смысле ключевой персонаж, так как он – *отец* заглавного героя, являющегося его внебрачным ребенком (мотив, предваряющий разработку центральной линии романа «Подросток»: Версилов – Аркадий). Сюжетное положение, которое условно можно обозначить как «*отец в деревне*» и представляет для нас сейчас первостепенный интерес.

Прежде, однако, сделаю ещё одно, второе отступление. В мемуарной книге Зинаиды Гиппиус «Живые лица» есть такое любопытное свидетельство.

Вспоминая о своём знакомстве с Д. В. Григоровичем, Гиппиус пишет: «Григорович всегда рассказывает потрясающие вещи. Говорят, что он половину выдумывает, но не всё ли равно, если интересно. <...> он рассказывал нам про Достоевского. Подробно и картинно описывал, как отца Достоевского, из врача сделавшегося помещиком, возненавидели мужики и в роще разорвали на глазах сына, Фёдора Михайловича, тогда ещё мальчика. Я помню, он говорил „на глазах“ и спрашивал: „Ну мог ли Фёдор Михайлович забыть это? Мог ли? Это очень многое объясняет...“»¹⁰

Я не случайно предварил конкретное свидетельство о смерти отца писателя общей характеристикой, данной Гиппиус Григоровичу-мемуаристу: «половину выдумывает». Конечно же, его рассказ о том, как М. А. Достоевского «в роще» «на глазах» у сына Федора «разорвали» мужики, – это явный вымысел. Мы знаем, что Достоевский в это время был в Петербурге и даже далеко не сразу узнал о смерти отца. И тем не менее возникает неожиданный вопрос: чей вымысел? Сочинителя Григоровича? Оказывается, нет! Рассказ Григоровича потрясающим образом совпадает с такой фиксацией сюжетной перипетии, которая содержится в набросках к «Житию великого грешника»: «Тут NB, NB. Альфонского (напомню: отца героя. – Б. Т.), задурившего в деревне, **могли убить крестьяне, чему мальчик мог быть свидетелем...**» (9; 136).

(Замечу в скобках: я не однажды сталкивался с казусом, когда источником околостоевской мифологии становились творческие замыслы писателя, в том числе и неосуществлённые¹¹. Очень похоже, что в характере общения Достоевского с собеседниками была какая-то особенность, в силу которой слушавшим его не всегда удавалось уловить грань, отделяющую в его рассказах действительные факты от проявлений творческой фантазии, в результате чего возникала ситуация *qui pro quo*, когда развитие Достоевским его художественных замыслов, видимо, так или иначе имевших автобиографические истоки, собеседники воспринимали как изложение реальных событий. Рассказ Григоровича – яркое тому подтверждение.)

¹⁰ Гиппиус З. Живые лица: Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 151 - 152.

¹¹ Приведу выразительный в этом отношении пример, который оказывается тем более впечатляющим, что почерпнут из дневниковой записи современника, сделанной по горячим следам разговора с Достоевским. В записи от 2 января 1873 г. Вс. Соловьёв так передал состоявшийся у него буквально за несколько часов перед этим разговор с писателем: «Он рассказывал, между прочим, об одном человеке, о *большом* для него человеке, в котором мирилась бездна противуречий, громадный ум и талант, не выразившийся ни одним писанным словом, умерший вместе с ним, кутёж и пьянство и пострижение в монахи; умирая, он сделал Бог знает что; он был тоже в Сибири, на каторге; когда его выпустили, то из железа своих кандал он сделал себе кольцо, носил его постоянно и, умирая, проглотил его...» (Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 424). Из воспоминаний Соловьёва об этом же эпизоде мы узнаём, что речь шла о друге юности Достоевского поэте-романтике И. Н. Шидловском (см.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 204), однако ни один из приведённых фактов не соответствует действительности (Шидловский не был на каторге и т. д.). Известно, что черты личности этого друга юности писателя позднее отразились в романе «Братья Карамазовы» (отчасти в образе Ивана, отчасти в образе Мити). Не исключено, что и в рассказе Достоевского Вс. Соловьёву о Шидловском также переплелись реальные факты и творческая фантазия, и юный собеседник писателя также не смог уловить грань, где одно переходило в другое.

Как известно, до сих пор в исследовательской литературе идут споры: умер ли М. А. Достоевский своей смертью, от апоплексического удара, или был убит крестьянами? Не однажды отмечалось, что мы не располагаем ни одним прямым высказыванием Достоевского, позволяющим однозначно ответить на вопрос: какую версию смерти своего отца он разделял – официальную или криминальную? Тем не менее общепризнано, что он, как и другие его родственники, был убеждён, что смерть его отца последовала от рук крепостных крестьян¹². Приведённые наблюдения являются дополнительными, хотя и косвенным подтверждением этого мнения исследовательского сообщества.

Наброски к «Житию великого грешника», как представляется, дают дополнительный материал и для уяснения того, как мог объяснять себе Достоевский причины произошедшей трагедии. Здесь также возникают удивительные совпадения. Л. Ф. Достоевская, дочь писателя, излагая в своих мемуарах версию убийства деда, которую она не подвергает ни малейшему сомнению, употребляет выражение «акт мести»¹³. Однако из контекста её изложения как будто следует, что это была месть за жестокое отношение помещика к крепостным. Других причин Л. Ф. Достоевская не озвучивает. В черновиках брата писателя А. М. Достоевского сохранился набросок: «Причины смерти отца. Сильная любовь его к матери, его сумасшествие, его привязанность к рюмочке. **Приближение Катьки**. Постоянное возбуждённое состояние <2 нрзб.> рабочих в Черемошне, крик его на крестьян. Протест их. Боязнь протеста, *порешили*»¹⁴. Андрей Михайлович упоминает здесь в ряду прочего «приближение Катьки», но лишь рисуя общую картину последних лет жизни отца, однако в прямую связь с причинами убийства это своё свидетельство не ставит. Ещё меньше для этого оснований даёт основной текст его мемуаров¹⁵. Самое интересное, что и в рассказах крестьян села Даровое, записанных в середине 1920-х гг., среди причин убийства М. А. Достоевского также *совершенно отсутствует* сексуальный мотив. Но одна деталь в описании, так сказать, «технологии преступления», содержащаяся в этих устных свидетельствах, заслуживает специального внимания.

Приведу эту деталь: «Решили чермашинские мужики барина, Достоевского-то, кончить. <...> Василий им крикнул: „Что же стоите? зачем сговаривались?“ Мужики бросились (на барина. – Б. Т.) да за нужное место; нужное место ему завернули. Бить не били, знаков боялись...»¹⁶. Деталь, действительно, необычная. И она дала основания В. С. Нечаевой заключить: «Убийство Михаила Андреевича, по записанному нами рассказу стариков, имело особый характер,

¹² Дочь писателя, Любовь Фёдоровна, передаёт в своих мемуарах семейное предание, согласно которому «при известии о смерти отца у Достоевского случился первый припадок эпилепсии» (Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 39).

¹³ Там же.

¹⁴ Цит. по: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 60.

¹⁵ См.: Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 103.

¹⁶ Цит. по: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 57 – 58.

который может быть истолкован как месть за женщину»¹⁷. Эта догадка впервые была высказана в 1939 г. и явилась результатом разностороннего изучения проблемы. Повторю: ни у кого из мемуаристов, даже у А. М. Достоевского, мы не находим такого объяснения причин. И тем более поразительно, что «художественная версия», содержащаяся в материалах «Жития великого грешника», абсолютно точно совпадает с этой гипотезой В. С. Нечаевой.

Выше я уже цитировал запись, согласно которой крестьяне убивают Альфонского, «задурившего в деревне». В смежных записях находим необходимые пояснения: Альфонский «открыто держит любовницу. Осипова сестра. (Тут-то и засёк брата Осипова.) Альфонского убивают крестьяне» (9; 135). «Засёк» барин, естественно, своего крепостного. Значит, и «любовница» его, «Осипова сестра», – тоже из крепостных. Этот круг наблюдений опять возвращает нас к фигуре «дворовой девки» села Даровое Катерины Александровой. В набросках к «Житию...» её «сюжет» отразился в такой записи: Альфонский «в деревне поднял шум за Хроменькую. Натешился над Катей. Мать за Катю вышла из себя» (Там же).

В наших наблюдениях подошло время сказать более определённо о предположительном прототипе девочки Кати – подруги заглавного героя «Жития...». В воспоминаниях А. М. Достоевского читаем: после смерти жены и переезда в Даровое на постоянное жительство отец «понекому стал злоупотреблять спиртными напитками. В это время он приблизил к себе бывшую у нас в услужении ещё в Москве девушку Катю. При его летах и в его положении, кто особенно осудит его за это?!»¹⁸

По документам, изученным в первую очередь В. С. Нечаевой¹⁹, Катерина Александрова была ровесницей Фёдора Достоевского, по-видимому полугодом или даже более его старше (1821 г. р.)²⁰ В три года она осталась без отца, умершего от чахотки. В 1833 г. Достоевские купили 12-летнюю Катерину вместе с матерью Матрёной Максимовой одновременно с приобретением деревни Черемошня. В том же году мать Катерины вышла замуж в село Даровое, а девочка была взята в услужение в московский дом Достоевских.

(В скобках замечу, что в исследовательской литературе личность Катерины рассматривалась исключительно в отношениях с отцом писателя и никто не ставил вопроса о характере отношений её со своим сверстником Фёдором, с которым почти четыре года они прожили вместе в московском доме на Божedomке. Сложные и противоречивые сюжетные отношения

«нигилиста-волчонка» в замысле «Жития...» с девочкой Катей, конечно же, недопустимо переносить на биографию писателя, но «густой замес» автобиографизма в материалах этого неосуществлённого произведения во всяком случае делает правомерной постановку означенного вопроса.)

Сообщая, что после переезда из Москвы в Даровое Михаил Андреевич «приблизил к себе» Катерину, Андрей Достоевский умалчивает в своих мемуарах, что в результате этого «сближения» приблизительно в сентябре 1838 г. семнадцатилетняя Катерина родила сына Симеона – единокровного брата мемуариста и его сестёр и братьев. В церковной ведомости за 1838 г. «незаконнорожденный младенец» Симеон показан трёхмесячным. В церковной ведомости за 1839 г. он отсутствует, что должно понимать как смерть мальчика в грудном возрасте²¹. Вопрос: был ли жив Симеон в июне 1839 г., к моменту смерти его отца, М. А. Достоевского, остаётся открытым.

В отрывочных набросках к «Житию...» много неясного. В частности, сложно сказать однозначно, кто имеется в виду в процитированной записи: «Мать за Катю вышла из себя». Жена Альфонского, которая «била его любовницу по лицу» (9; 135), в окружающем тексте именуется «докторшей» и «мачехой героя». О матери самого «великого грешника» (напомню, он незаконнорожденный сын Альфонского) в материалах замысла вообще ничего не сообщается. Таким образом, наиболее достоверное предположение – что имеется в виду мать самой Кати. Нельзя исключать, что именно после того, как Альфонский «натешился над Катей», а мать её «за Катю вышла из себя», мужики, её односельчане и родственники, и убивают «задурившего Альфонского». Но это уже не более чем исследовательская гипотеза...

Ещё один немаловажный вопрос, требующий аналитического рассмотрения, – это соотношение в набросках Кати и Хромоножки. Одна и та же это героиня или две разные? Уже первые записи к «Житию...» заставляют поставить этот вопрос: «Хроменькая. Катя. Брат Миша» (9; 126). А. С. Долинин склонен был отождествлять этих персонажей и писал о «хроменькой Кате»²². В. С. Нечаева, наоборот, подчёркивала, что Хроменькая «во всяком случае это не Катя»²³. В пользу версии А. С. Долинина как будто свидетельствует тот факт, что в набросках ни разу не возникает сюжетных отношений между Хроменькой и Катей. Однако, пожалуй, важнее другое соображение. Хроменькая в набросках годом моложе 13-летнего (к концу первой части) героя. Если, вслед за В. С. Нечаевой, отождествить её и Катю, над которой «натешился» Альфонский, то получится, что жертвой развратных действий отца «великого грешника» стала 12-летняя девочка...²⁴ Впрочем, в «Исповеди Ставрогина», в одном из вариантов Матрёше, растлённой героем «Бесов», также «был уже двенадцатый год» (11; 109, 123). Приходится констатировать, что здесь у нас больше вопросов, чем ответов.

²¹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 58.

²² Долинин А. С. Последние романы Достоевского: Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л., 1963. С. 34.

²³ Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821 – 1849. М., 1979. С. 42.

²⁴ Напомню, что ко времени, когда М. А. Достоевский в деревне «приблизил к себе» Катерину, ей было не менее чем шестнадцать лет.

¹⁷ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 58 – 59.

¹⁸ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 103.

¹⁹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 56 – 58.

²⁰ В дополнение к данным, приводимым В. С. Нечаевой, также см.: Волгин И. Л. Семья Достоевских как социальный организм. С. 283 – 284. Отметим, что здесь в цитате из церковной ведомости 1833 г. девочка почему-то фигурирует как «12-летняя „девка Катерина Иванова“» (с. 283). Скорее всего, это простая описка (её родители Александр Ильин и Матрёна Максимова). Также немаловажно, что в ведомости за 1835 г. указан её возраст – «15 <лет>», так же как и возраст старшего брата писателя Михаила, а самому Достоевскому на момент составления ведомости – «14 <лет>» (с. 284). Это дополнительно подтверждает, что Катерина родилась в самом начале 1821 г. (если не в декабре 1820-го).

Последнее, на что интересно обратить внимание, это то, что мотив убийства отца героя возникает в набросках к «Житию...» лишь на самом последнем этапе разработки подготовительных материалов. Причём запись, в которой впервые и единственный раз отмечается, что это убийство совершается на глазах героя, обрывается буквально на середине фразы. Прочитав её ещё раз в полном объёме: «Тут NB, NB. А<льфонско>го, задушившего в деревне, могли убить крестьяне, чему мальчик мог быть свидетелем, и – » (9; 136).

Так обрывается не просто фраза, но вообще сюжетная разработка первой части «Жития...». И возникает впечатление, что в этом пункте Достоевский коснулся какого-то настолько сокровенного и интимного для себя обстоятельства, что для дальнейшей разработки этого положения у него просто не осталось внутренних сил... Споткнувшись на этом пункте, он, по-видимому, решил на время отложить работу над первой частью «Жития...» – «Детством». Оказалось, что навсегда...

Кстати, в дальнейшем, судя по всему, писатель отказался от этого сюжетного решения. Через какое-то время излагая в письме А. Н. Майкову замысел второй части «Жития...» («Монастырь»), Достоевский напишет: «13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитый и развращённый <...> будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями...» (29; 118). Стало быть, в этом варианте убийство крестьянами в деревне отца героя уже не предполагается.

При обращении, даже первоначально к двум другим названным выше замыслам: «Роман. Помещик. Отца убили...» (1868 – 1869) и «Мысли новых повестей» (1870 – 1871) – сразу же бросается в глаза, что они имеют своим истоком тот же круг жизненных переживаний автора, что и ключевой эпизод в «Житии великого грешника». Но то, что в набросках к «Житию...» воплотилось в единое, целокупное событие убийства «задушившего» в деревне помещика его крепостными крестьянами, в двух этих замыслах оказалось как бы *распавшимся, разветвившимся* на два отдельных, самостоятельных сюжета²⁵. Причём это становится вполне очевидным при рассмотрении названных замыслов во взаимосвязи и на фоне «Жития великого грешника». В одном из них отправной точкой развития сюжета становится *убийство помещика*, но без тех специфических причин и обстоятельств, о которых шла речь выше. Во втором, напротив, в центре мотив незаконнорождённого ребёнка, *прижитого «дворовой девкой» от помещика*, но – без роковых для последнего последствий. И в материалах как одного, так и другого замысла обнаруживаются черты, позволяющие говорить о их связи с уже рассмотренными событиями, некогда имевшими место в Даровом и Черемошне (в отличие от «Жития...» в этих замыслах действие разворачивается *только в деревне*).

²⁵ Речь здесь идёт исключительно о соотношении фабульных ситуаций, а не о генетической преемственности замыслов, поскольку набросок замысла 1868 – 1869 г. «Роман. Помещик. Отца убили...», записанный в рабочей тетради Достоевского, самая поздняя запись в которой сделана в июле 1869 г., заведомо предшествует разработке замысла «Жития великого грешника», к которой писатель приступил в декабре 1869 г.

Первый замысел у всех, что называется, «на слуху», поскольку начало зафиксировавшего его наброска вынес в название своей знаменитой статьи 1988 г. Г. А. Фёдоров – «Помещик. Отца убили...»²⁶. Второй замысел гораздо менее известен. В академическом Собрании он не получил должного комментария. Поэтому я начну со второго. Вот полный текст соответствующего наброска: «Настасья – высокая дворовая девушка, даже рябая, тихая, приехал помещик, жил, прижил ребенка, Григорий и Федосья, женился, умерла в родах» (12; 6).

Важнейший пункт этой записи, требующий комментария, сразу же проливающего свет на автобиографический подтекст замысла, – это имена Григория и Федосьи. Для меня нет сомнений, что здесь имеются в виду приказчик в имении Достоевских Григорий Васильев и его жена Федосья Яковлева. Главная же «фишка», как сейчас говорят, заключается в том, что, согласно церковной ведомости за 1838 г., в одном доме с Григорием и Федосьей, после возвращения с баринном Михаилом Андреевичем из Москвы, жила «дворовая девка» Катерина Александрова²⁷. Так комментарий возвращает нас к тому же кругу событий, имевших место сто семьдесят с лишним лет назад в сельце Даровое Каширского уезда Тульской губернии, о которых шла речь выше в связи с «Житием великого грешника».

Правда, «дворовой девушке» здесь дано имя Настасья. Это не позволяет нам отнести к Катерине Александровой внешние черты героини этого замысла. В придачу А. М. Достоевский применительно к середине 1830-х гг. характеризовал «Катьку» как «огонь девчонку»²⁸, что тоже не вяжется с «тихой» Настасьей «Мыслей новых повестей». Но главное не в этих частности. Сюжетная схема наброска, дополненная именами Григория и Федосьи, бесспорно, отсылает нас к биографическим обстоятельствам последних лет жизни отца писателя, Михаила Андреевича Достоевского.

Впрочем, в этом замысле умирает не герой, «помещик», а героиня, о которой сказано: «умерла в родах». Это тоже требует комментария.

Известно, что в конце 1839 г., через пять месяцев после смерти М. А. Достоевского, Катерина Александрова вышла замуж в родную Черемошню, в многолюдную семью Фёдоровых, за тридцатипятилетнего вдовца Алексея Фёдорова. В браке у неё родилось два ребёнка, но оба они, как и первый сын Симеон, жили недолго. В 1845 г., в возрасте 24 лет, по неустановленной причине Катерина умерла²⁹. Если допустить, что она «умерла в родах», то *применительно к героине* сюжетная схема «Мыслей новых повестей» окажется весьма точным отражением реальной судьбы Катерины Александровой.

Однако художественный замысел не есть механическая копия действительных событий. В «Мыслях новых повестей» Помещик *не умирает*. Ничего не сказано и о смерти *ребёнка*. Можно предположить, что Григорий

²⁶ См.: Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского... С. 154 – 193.

²⁷ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... Вкл. между с. 112 и 113.

²⁸ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 38.

²⁹ См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 58.

и Федосья, роль которых в наброске не определена, берут к себе ребёнка после смерти матери на воспитание. В таком случае перед нами отдалённый прообраз «ситуации Смердякова», которого, после смерти «в родах» его матери Лизаветы Смердящей (как уже было отмечено, имеющей прототипом дурочку Аграфену из того же Дарового), взяли на воспитание слуга Фёдора Павловича Карамазова Григорий Васильевич с женой. На то, что прототипом слуги Григория в «Братьях Карамазовых» был уже упомянутый выше даровской приказчик Григорий Васильев, в своё время указал М. С. Альтман³⁰.

Третий замысел «Роман. Помещик. Отца убили...» важен прежде всего тем, что по времени возникновения он, судя по всему, наиболее ранний из указанной триады, и в наброске к нему Достоевский впервые затрагивает автобиографический материал, связанный с обстоятельствами смерти отца. Характерно, что если в «Житии великого грешника» это фабульное положение намечено как одна из важнейших сюжетных кульминаций, то в «Романе о помещике»³¹ убийство отца главного героя отнесено едва ли не в предысторию сюжета, по крайней мере совершается в дореформенную эпоху, в то время как основное действие разворачивается уже в 1860-е гг., после отмены крепостного права. Возможно, именно поэтому в лаконичном наброске, где главный акцент сделан на истории сына убитого, который, как можно предположить, искупает своей общественной деятельностью в пореформенную эпоху некую вину своего отца перед крестьянами, обстоятельства этого давнего убийства не получили какой бы то ни было конкретизации. Поэтому, в отличие от материалов «Жития великого грешника», здесь затруднительно назвать какие-то причины совершённого некогда убийства. Даже о том, что отец главного героя был убит именно *крестьянами*, можно заключить лишь предположительно – по контексту всего наброска и по аналогии с развитием названного мотива в «Житии великого грешника».

Тем не менее, в кратком изложении замысла есть отдельные детали, в которых также можно усмотреть связь с реалиями имения родителей писателя – Даровым и Черемошнёй, что в свою очередь даёт дополнительные основания рассматривать и исходное фабульное положение – «отца убили» – как автобиографический мотив.

Набросок замысла начинается так: «Роман. Помещик. Отца убили. Спорное поле. С помещиком. Куплено с уступкой...» (9; 115). В примечаниях академического Полного собрания сочинений Достоевского справедливо отмечены автобиографические аллюзии, присутствующие в этом мотиве, но ошибочно сообщается, что мотив «покупки поля, которое стало затем предметом спора», связан с приобретением родителями писателя «в 1831 г. у помещика И. П. Хотяинцева сельца Даровое в Тульской губернии Каширского уезда и с возникновением тяжбы между старым и новыми владель-

цами по поводу спорной земли и её оценки» (9; 491 – 492). На самом деле сельцо Даровое было куплено Достоевскими 7 августа 1831 г. у коллежской ассессорши О. А. Глаголевской (которая в 1830 г. приобрела его у поручика И. П. Хотяинцева)³². Тяжба же у родителей писателя возникла не с «старым владельцем» Дарового И. П. Хотяинцевым, которого к этому времени уже скорее всего не было в живых, а с его братом майором П. П. Хотяинцевым, во владении которого оставалась часть территории, вклинивавшаяся в имение Достоевских. Кстати, именно для того, чтобы избежать возможных негативных последствий, которыми угрожала эта тяжба, родители писателя и вынуждены были в 1832 г. купить деревеньку Черемошню. О не вполне понятной роли Павла Петровича Хотяинцева в расследовании обстоятельств смерти М. А. Достоевского писали Г. А. Фёдоров, В. С. Нечаева, И. Л. Волгин и другие исследователи³³. Мне же сейчас этот реальный комментарий оказывается важным как вновь возвращающий разговор о замысле «Роман. Помещик. Отца убили...» к детским воспоминаниям писателя, к событиям, имевшим место в Даровом и Черемошне.

Изложение замысла в рабочей тетради Достоевского заканчивается так: «Воля (то есть отмена крепостного права. – Б. Т.). Мировые посредники поспорили. Умер помещик. Крестьяне хоронили» (9; 115). В этой части сюжет «Романа о помещике» уже вполне свободен от автобиографических аллюзий, представляет собой чистый художественный вымысел. Однако поскольку в композиции задуманного произведения, насколько позволяет судить о ней лапидарный набросок, концы и начала («Помещик. Отца убили...» и «Умер помещик. Крестьяне хоронили») обнаруживают очевидную связь по противоположности, то, полагаю, будет целесообразным дать характеристику замысла в целом, чтобы лучше выявить в нём роль интересующего нас мотива.

На той же странице рабочей тетради Достоевского, на которой записан набросок «Роман. Помещик. Отца убили...», содержится ещё одна запись, которая в академическом Полном собрании истолкована как фиксация другого самостоятельного замысла: «Роман. Христианин» (9; 115)³⁴. Если допустить, что эта запись, возможно, также относится к «Роману о помещике» (фиксируя его не сюжетно-фабульный, а идейный аспект), то в этом случае замысел Достоевского обретает вполне определённые контуры: писатель задумывает произведение о помещике-христианине в эпоху проведения крестьянской реформы в России, расцениваемую им как «великий момент русской жизни, в который **русские культурные люди в первый раз решились поступить своеобразно**» (22; 118). Деятельность героя-помещика,

³² См.: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 35 – 36.

³³ См.: Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского... С. 174 – 178; Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских... С. 35 – 42; Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991. С. 255 – 259; Он же. К истории рода Достоевского // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 18 т. М., 2005. Т. 18. С. 201 – 208.

³⁴ Редакцией издания этому замыслу присвоено условное название «Роман о христианине».

³⁰ Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975. С. 169.

³¹ Такое редакционное название присвоено замыслу в публикации академического Полного собрания сочинений Достоевского (см.: 9; 115).

очевидно, должна была разворачиваться в условиях переходного времени пореформенной эпохи («Воля. Мировые посредники поспорили»). Содержание этой деятельности не получило в наброске раскрытия, но ею непосредственно предопределён финал романа: «Умер помещик. **Крестьяне хоронили**». Участие в финале крестьян в похоронах помещика-христианина (очевидно, как выражение их признательности и высокой оценки деятельности героя на поприще урегулирования спорных вопросов между мужиками и господами), как можно полагать, должно было контрастно соотноситься с зачином произведения, где старого помещика, отца героя, за его, очевидно далёкое от христианской нравственности, отношение к своим крепостным те же крестьяне «убили». Так впервые в творчестве Достоевского была намечена, но в совершенно особом повороте, отличном от того, как она будет ставиться в его романах 1870-х гг., тема *отцов и детей* – как тема об исторической ответственности детей за деяния отцов.

Своеобразие присутствия автобиографических мотивов в этом неосуществлённом замысле писателя о герое-христианине и его деятельности в поворотный момент отечественной истории после крестьянской реформы 1861 г. заключается в том, что *эпохальное* в нём почти всецело заслоняет *автобиографическое*, которое, повторю, вычленяется в этом наброске с большой степенью условности и во многом по аналогии с функционированием сходного мотива «*отца убили*» в «Житии великого грешника».

Подводя итоги сделанным наблюдениям, хочу подчеркнуть, что в настоящей статье меня интересовала прежде всего творческая лаборатория Достоевского-художника, закономерности его творческого процесса. Я отнюдь не ставил перед собой задачу искать дополнительные аргументы для разрешения дискуссионных вопросов изучения биографии писателя, исходя из показаний его творческих рукописей. Больше того, такой исследовательский подход как принцип я считаю методологически неправомочным. Однако в тех случаях, когда те или иные данные подготовительных материалов, в частности, к неосуществлённым замыслам, обнаруживают при анализе определённую близость к вполне независимым от них мемуарным свидетельствам³⁵, они приобретают для исследователя сугубую ценность.

Во-первых (если сосредоточиться на проблеме обстоятельств смерти отца писателя), не предвещая ответа на вопрос, что же в действительности произошло в тульском имении Достоевских в июне 1839 г. (по дороге из Дарового

³⁵ В этом пункте различие завершённых, напечатанных при жизни писателя произведений и материалов его творческой лаборатории, которые были обнародованы много позднее создания основного корпуса воспоминаний о Достоевском, представляется принципиальным. Если первые в ряде случаев могли оказывать известное влияние на работу мемуаристов, зачастую подкрепляющих свидетельства, почерпнутые из своей памяти, некритически воспринятыми данными из художественных творений, то возможность влияния вторых на авторов воспоминаний полностью исключена. В силу сказанного факты близости отдельных показаний рукописных творческих материалов и мемуарных свидетельств заслуживают сугубого исследовательского внимания. Однако подчеркнём, что для строгого научного подхода подобные факты близости отнюдь

в Черемошню, на чём сходится большинство источников), рассмотренные в системе и во взаимосвязи данные творческих рукописей писателя дают основание более определённо заключить, какими же представлялись самому Достоевскому те давние драматические события, и спустя десятилетия волнующие его воображение. А во-вторых, – и это самое важное – аналитическое рассмотрение данных черновых рукописей писателя в соотношении со всеми иными источниками, так или иначе свидетельствующими об этих событиях (в том числе и об атмосфере слухов и домыслов, составивших вокруг них легендарный ореол), не только открывает нам один из источников творческой работы Достоевского, но и позволяет лучше представить природу и характер его творческого процесса. Эти соображения и двигали пером автора настоящей статьи.

не являются показателем истинности данных, схожим образом отразившихся в материалах творческой лаборатории и в воспоминаниях современников, но – лишь свидетельствуют об общности источника, который в них отразился. А источник этот в принципе мог быть и легендарным – слухи, молва, клевета и т. п., что, однако, для исследователя представляет не меньшую ценность, когда рассматривается в ряду стимулов и источников творческого процесса художника.

С. А. Кибальник

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТОПОС У ДОСТОЕВСКОГО И ЕГО БАЛЬЗАКОВСКИЕ ПРЕТЕКСТЫ¹

В статье показано, что провинциальная Россия увидена Достоевским в повести «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели» не столько непосредственно, сколько через призму литературы – причём не только русской, но и европейской литературы последних десятилетий. Литературная родословная провинции Достоевского в содержательном плане связана главным образом с не отмеченным до сих пор влиянием «Сцен провинциальной жизни» Бальзака, а в стилевом плане с использованием гоголевских дискурсов.

Ключевые слова: провинция, топос, интертекстуальность, русский/французский, повесть, роман, Достоевский, Бальзак.

Как известно, в повести Достоевского «Дядюшкин сон» и романе «Село Степанчиково и его обитатели» отразились впечатления писателя от знакомства с жизнью провинциальной России. Впрочем, в них складывается скорее обобщённый, типический образ провинции. «Литературоведы-краеведы могут сколько угодно гадать, – справедливо отмечал В. А. Туниманов, – какой именно сибирский город послужил прототипом для Мордасова – Омск, Семипалатинск или Барнаул. Усилия их будут тщетны. Неопровержима только литературная родословная Мордасова»².

В сравнении с изображённым в произведениях Достоевского 1840-х годов «гораздо ярче, конкретнее, детальнее» петербургским бытом, «в “Дядюшкином сне” – несколько скупых и чрезвычайно обобщённых штрихов. Они обычно столь же невыразительны и одноцветны, как и в письмах Достоевского, так, например, характеризовавшего жителей Барнаула: “О барнаульских я не пишу вам. Я с ними со многими познакомился; хлопотливый город, и сколько в нем сплетен и доморощенных Талейранов!” <28; 252>. Ничего конкретного, но духовный “климат” такой же, как в Мордасове и губернском городе “Бесов”. Общепровинциальный, стандартный колорит»³.

Этот общепровинциальный стандартный колорит как раз во многом определяется не столько личными впечатлениями от российской провинции, сколько «литературной родословной» Мордасова и образа провинции Достоевского вообще. Между тем далеко не всё ещё в этой родословной ясно. Так, например, до сих пор даже не поставлен вопрос о том, какое место занимают в ней «Сцены провинциальной жизни» О. Бальзака и образ провинции у этого писателя вообще. Несмотря на обилие работ на тему

«Достоевский и Бальзак»⁴, лишь немногие из них посвящены раннему Достоевскому⁵ и ни в одной не заходила до настоящего времени речь о влиянии на него «Сцен провинциальной жизни». В академическом собрании сочинений определяющее влияние на «Дядюшкин сон» приписывается русской литературе (2; 511 – 515). Но влияние Островского, Писемского, Щедрина периода «Губернских очерков» (2; 512) невозможно верно оценить, не учитывая, что все эти авторы в свою очередь также читали «Сцены провинциальной жизни». Например, уже само заглавие – «Губернские очерки» – содержит довольно прозрачную отсылку к бальзаковским «Сценам провинциальной жизни»⁶.

«Некоторая переключка с “Губернскими очерками”» усматривается в академическом издании в том, что Достоевский «строит повесть в форме провинциальной хроники и поручает в ней рассказ о событиях хроникёру – обывателю Мордасова. Кроме того, хитрость, властность и мелочное тщеславие героини очерка Щедрина “Приютное семейство” Марьи Ивановны и тупоумие и апатичность её супруга Алексея Дмитрича⁷ напоминает семейные отношения в доме Москалёвых» (2, 513). Хотя повествователь в «Сценах...» аттестует себя «историком» (4, 174, 381 и др.), он, по существу, воссоздаёт подробную хронику событий, то и дело комментируя их тоном вовлечённого в них повествователя, хотя и «без определённого места жительства». Что же касается сочетания хитрой героини и апатичного супруга, то его можно также найти, например, в «Жизни холостяка» и во многих других произведениях Бальзака.

⁴ Гроссман Л. П. 1) Бальзак в переводе Достоевского // Оноре Бальзак. Евгения Гранде. Пер. Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. LIX – LXXXVI; 2) Бальзак в России // Литературное наследство. М., 1937. Вып. 31 – 32. С. 149 – 334; Виноградов И. Реализм в высшем смысле. К вопросу о типологии реализма Достоевского («Преступление и наказание» Достоевского и «Утраченные иллюзии» Бальзака – опыт сравнительного анализа) // Духовные искания русской литературы. М., 2005. С. 495 – 597; Резник Р. А. Достоевский и Бальзак // Реализм в зарубежных литературах XIX – XX веков. Саратов, 1975. С. 193 – 203; Резнов Б. Г. Бальзак. Сб. ст. М., 1925; Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Cambridge, 1967. P. 28 – 64; Тимофеева Н. В. Имморализм и деньги во французской и русской литературе XVIII – XIX веков // Литературные чтения. Сб. ст. / Ред. В. Я. Гречнев. СПб., 2003. С. 68 – 73; Барковская Н. В. Проблема характера и среды в романах О. Бальзака «Отец Горио» и Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблема характера в зарубежных литературах. Сб. науч. тр. Свердловск, 1985. С. 53 – 64; Жилыкова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск, 1989; Чернова Н. В. «Красная гостиница» Бальзака: Мотивы и реминисценции в текстах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. С. 188 – 198. Вып. 16. С. 188 – 198; Туниманов В. А. Отзвуки романа Бальзака «Отец Горио» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 2008. Вып. 24. С. 7 – 21.

⁵ Ануфриев Г. Ф. Ранний Достоевский и Бальзак («Луи Ламбер» и «Хозяйка» // Русская и советская литература (К вопросу о художественной индивидуальности писателя). Свердловск, 1973. С. 25 – 43; Скарлатт С. Н. О переводе Ф. М. Достоевским романа «Евгения Гранде» О. де Бальзака // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Цитаата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 303 – 310; Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821 – 1849. М., 1979. С. 95 – 129.

⁶ См.: Кибальник С. А. «Дядюшкин сон» Достоевского и «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина // Достоевский и современность. Материалы XXVI Международных Старорусских чтений 2012 года. Великий Новгород, 2013 (в печати).

⁷ См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. II. М., 1965. С. 91 – 107.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-24-08000 а/м

² Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854 – 1862. Л., 1980. С. 23 – 24. Тем менее основательным представляется несколько одностороннее суждение автора комментария к «Дядюшкину сну» в академическом издании: «В основу произведения легли личные впечатления писателя и его наблюдения над провинциальным бытом Семипалатинска» (2; 511).

³ Там же.

Особую роль при этом для Достоевского могла играть открывающая этот цикл романов и повестей Бальзака «Евгения Гранде», которая в журнальной публикации имела подзаголовок «провинциальная история» и перевод которой стал первым дошедшим до нас литературным опытом Достоевского.

Опущенное при публикации в «Репертуаре и пантеоне», но содержащееся в издании 1833 года предисловие к этому роману, которым пользовался писатель и, следовательно, переведённое им, содержит как раз обоснование важности изображения провинциальной жизни: «В провинциальной глуши нередко встречаются лица, достойные серьёзного изучения, характеры, исполненные своеобразия, человеческие жизни, внешне спокойные, но тайно разрушаемые необузданными страстями; но самая резко очерченная суровость характера, самые страстные экзальтации умягчаются некоей постоянной монотонностью нравов. Ни один поэт ещё не попытался описать явления этой жизни, которые постепенно стираются. Почему же нет? Если есть поэзия в атмосфере Парижа, где затягивает водоворот, который возвышает судьбы и сокрушает сердца, нет ли её также и в овеваемой неторопливым дуновением сирокко провинциальной атмосфере, которая смиряет самую надменную смелость, ослабляет струны и обезоруживает страсти. Если в Париж ездят, то в провинции живут; там нет ни яркости, ни остроты, но зато драмы проходят в молчании, тайны искусно скрываются, интриги развязываются одним только словом, огромная важность приписывается вычислением и анализом самым мало важным поступкам. Там живут на всеобщем обозрении. Если художники слова пренебрегают удивительными сценами провинциальной жизни, то происходит это не из-за презрения к ним, не из-за недостатка наблюдательности, но быть может, вследствие творческой беспомощности»⁸.

Само же по себе изображение Бальзаком провинциальной жизни находится в центре повествования с самых первых страниц. Уже глава первая называется

⁸ Перевод мой. Ср. также французский оригинал: «Il se rencontre au fond des provinces quelques têtes dignes d'une étude sérieuse, des caractères pleins d'originalité, des existence tranquilles à la superficie, et qui ravagent secrètement de tumultueuses passions; mais les austérités les plus tranchées des caractères, mais les exaltations les plus passionnées finissent par s'y abolir dans la constante monotonie des moeurs. Aucun poète n'a tenté de décrire les phénomènes de cette vie qui s'en va s'adouissant toujours. Pourquoi non? S'il y a de la poésie dans l'atmosphère de Paris, où tourbillonne un simoun qui enlève les fortunes et brise les coeurs, n'y a-t-il donc pas aussi dans la lente action du sirocco de l'atmosphère provinciale qui détend les plus fiers courages, relâche les fibres, et désarme les passions de leur acutesse. Si tout arrive à Paris, tout passe en province: là ni relief, ni saillie, mais là des drames dans le silence; des mystères habilement dissimulés; là des dénouemens dans un seul mot; la d'énormes valeurs prêtées par le calcul et l'analyse aux actions plus indifférentes. On y vit en public.

Si les peintres littéraires ont abandonné les admirables scènes de la vie de province, ce n'est ni par dédain, ni faute d'observation; peut-être y a-t-il impuissance. En effet, pour initier à un intérêt presque muet, qui git moins dans l'action que dans la pensée; pour rendre des figures, au premier aspect peu colorées, mais dont les détails et les demi-teintes sollicitent les plus savantes touches du pinceau; pour restituer à ces tableaux leurs ombres grises et leur clair-obscur; pour sonder une nature creuse en apparence, mais que l'exame trouve pleine et riche sous une écorce unie, ne faut-il pas une multitude de préparations, des soins inouis, et, pour de tels portraits, les finesses de la miniature antique» (*Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1 // Balzac H. Etudes de moeurs au XIX siècle. Tome V. Paris, 1834. P. 6*). Ранее фрагмент этого предисловия был приведён в: *Бальзак О. де. Собр. соч.: в 10 т. М., 1983. Т. 2. С. 732* (коммент. Я. Лесюка).

«Провинциальные типы» и содержит преимущественно изображение г-на де Гранде и его ближайшего окружения: де Грассенон и аббата Крюшо. Однако открывается она описанием дома Гранде: «Иногда в провинции встретишь жилища, с виду мрачные и унылые, как древние монастыри, как дикие грустные развалины, как сухие, бесплодные, обнажённые степи; заглянув под крыши этих жилищ, и в самом деле часто найдёшь жизнь вялую, скучную, напоминающую своим однообразием и тишину монастырскую, и скуку обнажённых, диких степей.

Право, проходя возле дверей такого дома, невольно сочтёшь его необитаемым; но скоро однако ж разуверишься: подождав немного, непременно увидишь сухую, мрачную фигуру хозяина, привлечённого к окну шумом шагов на улице.

Такой мрачный вид уныния, казалось, был отличительным признаком одного дома в городе Сомюре»⁹. Затем следует описание других домов города и обычной жизни сомюрского купца и его семьи: «Дома крепки и прочны... <...> Вы встречаете купца у дверей его дома» (с. 416 – 417)¹⁰.

При этом Бальзак подчёркивает одну особенность провинциального мира, которая в последующих главах не раз изображается: «Беда девушке, некстати взглянувшей в окошко; её оговорят, засмеют, пересудят, осудят. **Все на-лицо; каждый дом к услугам соседей**, и уж как не огораживайся и не запирайся, а из дому успеют вынести вовремя сор» (с. 418)¹¹.

Этот мотив получил распространение и в «Дядюшкином сне»: «**Всякий провинциал живёт как будто под стеклянным колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть от своих почтенных сограждан. Вас знают наизусть, знают даже то, чего вы сами про себя не знаете**» (2; 336). Одновременно он звучит как своего рода опровержение утверждения Бальзака: «Вызывающий тон, каким молодая женщина бросила эту пословицу в лицо заговорщикам, решившим погубить семью д'Эгриньонов, пробудил в них тревогу, хотя **каждый скрыл её, как умеют скрывать свои чувства только провинциалы, привыкшие быть постоянно на глазах друг у друга и хитрить, точно монахи, живущие в одном монастыре**» («Музей древностей»)¹².

⁹ *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Издание в авторской орфографии и пунктуации под редакцией проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск, 1995. Т. 1. С. 415*. Далее в этом разделе цитаты из «Евгения Гранде» в переводе Достоевского приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках. Ср. французский оригинал: «Dans certaines provinces se trouvent des maisons dont la vue inspire une mélancolie égale à celle que provoquent les cloîtres les plus sombres, les landes les plus ternes ou les ruines les plus tristes. Peut-être y a-t-il à la fois dans ces maisons et le silence du cloître et l'aridité des landes et les ossements des ruines. La vie et le mouvement y sont si tranquilles qu'un étranger les croirait inhabitées, s'il ne rencontrait tout à coup le regard pâle et froid d'une personne immobile dont, au bruit d'un pas inconnu, la figure à demi monastique dépasse l'appui de la croisée. Ces principes de mélancolie existent dans la physionomie d'un logis situé à Saumur, au bout de la rue montueuse qui mène au château, par le haut de la ville» (*Balzac H. Scènes de la vie de province. T. 1. P. 8*).

¹⁰ В оригинале: «Des habitations trois fois séculaires y sont encore solides <...> Vous verrez un marchand de merrain assis à sa porte» (*Balzac H. de. Scènes de la vie de province. T. 1. P. 12*).

¹¹ В оригинале: «Une jeune fille ne met pas la tête à sa fenêtre sans y être vue par tous les groupes innocents. Là donc les consciences sont à jour, de même que ces maisons impénétrables, noires et silencieuses n'ont point de mystères. La vie est presque toujours en plein air: chaque ménage s'assied à sa porte, y déjeune, y dîne, s'y dispute» (*Ibid. P. 14*).

¹² *Бальзак О. де. Собр. соч.: в 10 т. М., 1983. Т. 3. С. 332*. Далее ссылки на «Сцены провинциальной жизни» даются в тексте по этому изданию с указанием тома римской и страницы арабской цифрами в скобках.

Говоря здесь же о быстроте распространения слуха о женитьбе князя на Зине, повествователь замечает: «**Таково-то чутьё провинциалов! Инстинкт провинциальных вестовщиков доходит иногда до чудесного, и, разумеется, тому есть причины. Он основан на самом близком, интересном и многолетнем изучении друг друга. <...> Провинциал уже по натуре своей, кажется, должен бы быть психологом и сердцеведом**» (2; 442). Близкая параллель к этому фрагменту содержится в повести Бальзака «Турский священник»: «Все принялись обсуждать поведение мадемуазель Гамар с особой пронизательностью провинциалов, которым нельзя отказать в даровании вскрывать самые тайные мотивы человеческих поступков» (III, 174). Впрочем, как нетрудно заметить, у Достоевского мысль Бальзака не только серьёзно повторена, но и как бы непроизвольно комически обыграна простодушным повествователем «Дядюшкина сна»: «Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеведов чрезвычайно много ослов» (2; 442).

Обращает на себя внимание и тон повествователя «Евгении Гранде»: «Пройдя с вами по дороге, так богатой воспоминаниями, навевающими и грусть, и думу о прошедшем, я укажу вам на это мрачное, скучное здание: *это дом господина Гранде*. Но мы не поймём всего значения, всего смысла этой фразы: *это дом господина Гранде*. Кто не жила в провинции, тому трудно будет объяснить себе мнения и мысли сомюрских жителей на-счёт господина Гранде. Этот господин (есть ещё в Сомюре люди, которые запросто говорят о нём: старик Гранде, папа Гранде; но они давно уже заметно начали переводиться), так этот-то господин Гранде, в 1789 году, был ни более, ни менее, как простой бочар; дела его шли нехудо...» (с. 418), «Теперь понятна ли будет вся значительность выражения – *дом господина Гранде?* – Дом этот был наружности мрачной, угрюмой, а выстроен был он в самой высшей части города, возле развалин старинных укреплений. Два столба со сводом, составлявшие вход, были построены из белого лоарского камня, слабого, мягкого, невыносившего более 200 лет при постройках» (с. 426). Тон повествователя «Дядюшкина сна» – это тоже тон заинтересованного хроникёра, и совсем не случайно, отмечая, что его «повесть» заключает в себе полную и замечательную историю возвышения, славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего её дома в Мордасове» (2; 51), Достоевский прибегает к прозрачному перифразу заглавия известного романа Бальзака¹³. Однако в то же время повествователю Достоевского хочется «изобразить всё это в форме игривого письма к приятелю», в то время как у Бальзака нет и тени какой-либо игривости.

¹³ Как уже отмечалось, фраза: «Повесть моя заключает в себе полную и замечательную историю возвышения, славы и торжественного падения Марьи Александровны и всего её дома в Мордасове» – содержит почти точную цитату из заглавия известного романа Бальзака «История величия и падения Цезаря Бирото, владельца парфюмерной лавки» (1838). См.: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 655 (примеч. Л. М. Розенблюм). В повести Достоевского и в самом деле пародирован сюжет романа Бальзака: место попытки разбогатеть с помощью финансовой спекуляции помощника мэра и парфюмера Бирото в «Дядюшкином сне» заступает попытка изменить своё положение в обществе посредством замужества дочери «первой дамы в Мордасове» (2; 296) Москалёвой.

В главе II «Парижский кузен» изображение провинциальной жизни и типов начинает строиться, как и во многих других произведениях Бальзака, по контрасту с типом и образом жизни парижанина: «Шарль Гранде, красавчик двадцати двух лет, резко отличался от группы окружавших его провинциалов, негодовавших на его надменные, аристократические приемы, и старавшихся уловить в нём хоть что-нибудь смешное, чтобы посмеяться в свою очередь. <...> Шарль в первый раз ехал в провинцию; ему хотелось блеснуть ловкостью, вкусом, модою, изумить Сомюр роскошью, сделать эпоху в жизни сомюрцев, и, если можно, преобразовать их, введя парижскую жизнь и привычки. Словом, решено было одеваться с самою роскошною изысканностью моды и чистить ногти часом доле, чем в Париже...» (с. 443). Аналогичным образом лишь часть главных героев «Дядюшкина сна» собственно провинциалы, некоторые же (Мозгляков, князь К.) ими не являются: русская провинция в повести изображена через внутренние оппозиции с Петербургом и заграницей. Однако и те, и другие герои у Достоевского, как и у Бальзака, живут той «неистинной жизнью, в которой властвуют ложные интересы и господствуют искажённые ценности»¹⁴.

Обратим внимание также на то, что Гранде неоднократно назван в романе «дядюшкой» Шарля, и сам Шарль обращается к нему именно так: «Шарль, после своих разбитых и рассеявшихся мечтаний о великолепном замке и о великолепном житье-бытье своего **дядюшки**, был так смущён, уничтожен, попав в эту залу, в этот круг людей, что поневоле г-жа де Грассен напомнила ему собою, хотя неясно, далекий, восхитительный образ парижанки» (с. 447), «Ваш **дядюшка** старый хлопотун...» (с. 447), « – Мне тепло, дядюшка!» (с. 452). Различного типа многочисленные «дядюшки» не раз появляются на страницах и многих других произведений «Сцен провинциальной жизни», например: «Королевский прокурор, приходившийся по жене племянником г-ну Тифену, был кровно заинтересован в переводе **дядюшки** в Париж, чтобы место председателя суда в Провене занять самому» (III, 31). Более того, роман Бальзака «Жизнь холостяка» представляет собой в значительной мере попытку вначале одного, а затем и другого племянника восстановить права на наследство в глазах своего слабоумного «дядюшки». Ср., например: « – Да соглашайтесь же, простачок! – сказала Флора. – Раз это ваш родной **дядюшка**...» (III, 552), «...пока твой **идиот-дядюшка** жив, его, конечно, модно донять угрызениями совести и религией» (III, 562).

Между прочим, слова в процитированном выше письме Достоевского о «доморощенных Талейранах» недвусмысленно намекают на главный аспект сатирического восприятия им провинциальной России: лицемерие и козни, в которых протекает жизнь местного дворянства. В этом отношении Достоевский оказывается безусловным продолжателем не только Гоголя «Миргород» и «Мёртвых душ» (и одновременно критиком его «Выбранных мест...»), но и «Сцен провинциальной жизни». Характерно, что имя Талейрана не раз упоминается на страницах этого цикла Бальзака: «Жест Талейрана повторил

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Петрозаводск, 1995. Т. 2. С. 744 (комментарий).

и дю Ронсере, – потому ли, что знал этот эпизод из современной истории, или потому, что люди мелкие в политической жизни невольно подражают великим» («Музей древностей» – III, 330), «Разве Талейран не женился на госпоже Гранд, нисколько не уронив себя?» (III, 375).

Местами Достоевский как будто бы переписывает в «Дядюшкином сне» на российский лад бальзаковскую повесть «Пьеретта», вплоть до сходства отдельных сюжетных ходов (так, учитель Вася, как и Пьеретта, умирает от туберкулёза и любви, встречающей серьёзные социальные препятствия). В центре повести «Дядюшкин сон», как и у Бальзака, борьба за первенство между несколькими провинциальными салонами – причём у Достоевского, в отличие от Бальзака, главным образом между женщинами, которые, в отличие от бальзаковских произведений («Евгения Гранде», «Пьеретта»), не только не забиты, но, напротив, держат в страхе своих мужей¹⁵. Впрочем, в «Музее древностей» Бальзак тоже оговаривается: «Вот почему во Франции, при любых жизненных осложнениях чувствуется, что за спиной мужчины стоит женщина – она руководит мужем, даёт ему советы и указания. Мужчины от этого обычно только выигрывают» (III, 361 – 362).

Изображая Москалёву, Достоевский придаёт ей черты поэта и полководца: « – Знаю и это, на что ты намекаешь, – подхватила Марья Александровна, и вдохновение, настоящее вдохновение осенило её...» (2; 429), «Но Марью Александровну увлекал её гений. Она замыслила великий и смелый проект» (2; 335), «... в эту минуту наша героиня летела по мордасовским улицам, грозная и вдохновенная, решившись даже на настоящий бой, если б только представилась надобность, чтоб овладеть князем обратно» (2; 337). Это тоже могло быть навеяно «Музеем древностей»: «...Шенель, несмотря на то, что все его надежды рухнули, вдруг увидел возможность победы. Надо было быть Шенелем, многоопытным нотариусом, бывшим управляющим, бывшим мелким клерком у мэтра Сорбье-старшего, нужны были **те внезапные прозрения**, которые рождает отчаяние, чтобы **стать равным Наполеону и даже превзойти его: ибо это не было даже битвой при Маренго, это было Ватерлоо**, и Шенель, увидев пруссаков, решил одержать над ними победу» (III, 339).

Это тем более вероятно, что в «Дядюшкином сне» есть и сопоставление Москалёвой с Наполеоном: «Марью Александровну **сравнивали даже, в некотором отношении, с Наполеоном**. Разумеется, это делали в шутку её враги, более для карикатуры, чем для истины» – причём в представлении повество-

¹⁵ Борьба между двумя провинциальными салонами изображается также и в «Утраченных иллюзиях»: «С того вечера Люсьен был насильственно введён в общество г-жи де Баржетон, но он был принят, как вещество ядовитое, и каждый поклялся изгнать его, применив в качестве противоядия дерзость. Несмотря на победу, владычество Наис поколебалось: объявились вольнодумцы, покушавшиеся восстать. По наущению г-на Шатле коварная Амели, она же г-жа де Шандур, решила воздвигнуть алтарь против алтаря и стала принимать у себя по средам. Но салон г-жи де Баржетон был открыт каждый вечер, а люди, посещавшие его, были так косны, так привыкли смотреть на одни и те же обои, играть в тот же трик-трак, видеть тех же слуг, те же канделябры, надевать плащи, калоши, шляпы всё в той же прихожей, что любили ступени лестницы не менее, нежели хозяйку дома» (Бальзак О. Утраченные иллюзии // Собр. соч. Т. 4. С. 54).

вателя сравнение это отнюдь не в пользу Наполеона: «Но, признавая вполне всю странность такого сравнения, я осмелюсь, однако же, сделать один невинный вопрос: отчего, скажите, у Наполеона закружилась наконец голова, когда он забрался уже слишком высоко? Защитники старого дома приписывали это тому, что Наполеон не только не был из королевского дома, но даже был и не *gentilhomme* [дворянин (франц.)] хорошей породы, а потому, естественно, испугался наконец своей собственной высоты и вспомнил своё настоящее место. Несмотря на очевидное остроумие этой догадки, напоминающее самые блестящие времена древнего французского двора, я осмелюсь прибавить в свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни в каком случае не закружится голова и она всегда останется первой дамой в Мордасове? Бывали, например, такие случаи, когда все говорили: «Ну, как-то теперь поступит Марья Александровна в таких затруднительных обстоятельствах?» Но наступали эти затруднительные обстоятельства, проходили, и – ничего!» (2; 297).

Некоторые фразы «Дядюшкиного сна» как будто бы переписаны Достоевским из «Пьеретты» с той разницей, что Бальзак повествует о том же самом совершенно серьёзно, а Достоевский прибегает к приемам комического повествования, напоминая Гоголя и Диккенса¹⁶. Так, информативный и сдержанный рассказ Бальзака: «**Царицей города** была прекрасная г-жа Тифен-младшая, единственная дочь г-жи Роген, богатой жены бывшего парижского нотариуса, о котором никогда не упоминалось. Красивая, изящная и остроумная, нарочно выданная замуж в провинцию своей матерью, не желавшей иметь её под боком и взявшей её из пансиона чуть ли не накануне свадьбы, – Мелани Роген смотрела на Провен как на место ссылки и **вела себя там удивительно умно**» (III, 36) – преобразуется под пером Достоевского в блещущую сарказмом характерологию: «Марья Александровна Москалёва, конечно, **первая дама в Мордасове**, и в этом не может быть никакого сомнения. Она держит себя так, как будто ни в ком не нуждается, а напротив, все в ней нуждаются. Правда, её почти никто не любит и даже очень многие искренно ненавидят; но зато её все боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признак высокой политики». Ср. также со следующими строками из «Турского священника» Бальзака: «Здесь историку было бы уместно набросать портрет этой дамы, но он полагает, что даже те, кому система космогонии Стерна неизвестна, едва произнеся три слова – “госпожа де Листомэр”, – уже представляют себе эту даму: она благородна, полна чувства собственного достоинства и строгого благочестия, смягчённого изысканными манерами и классическим изяществом старой королевской Франции; добра, но несколько упряма и говорит слегка в нос; позволяет себе только чтение “Новой Элоизы”, смотрит комедии на сцене и пока ещё не носит старушечьей накладки» (IV, 174).

В обоих случаях Бальзак гораздо информативнее и, главное, серьёзнее Достоевского. Трудно представить, чтобы вслед за подобными характеристиками у него следовало бы нечто, подобное тексту, идущему сразу за приведённым

¹⁶ См.: Реизов Б. Г. Диккенс и Достоевский («Село Степанчиково и его обитатели») // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970. С. 159 – 169.

фрагментом «Дядюшкина сна»: «Отчего, например, Марья Александровна, **которая ужасно любит сплетни и не заснёт всю ночь, если накануне не узнала чего-нибудь новенького**, – отчего она, при всём этом, умеет себя держать так, что, **глядя на неё, в голову не придёт, чтоб эта сановитая дама была первая сплетница в мире** или по крайней мере в Мордасове? Напротив, кажется, сплетни должны исчезнуть в её присутствии; сплетники – краснеть и дрожать, как школьники перед господином учителем, и разговор должен пойти не иначе как о самых высоких материях» (2; 296). Как «зловещая и мстительная сплетница» охарактеризована и Софья Петровна Фарпухина (2; 339), а об Анне Николаевне сама Марья Александровна снисходительно отзывается так: «Она сплетница, – но это здешняя привычка: кто здесь не сплетничает? К ней ездит Сушилов с своими бакенбардами и утром, и вечером, и чуть ли не ночью. Ах, Боже мой! Ещё бы: муж козырял в карты до пяти часов утра» (2; 310).

Образ князя К. у Достоевского, помимо уже названных ранее исследователями прототипов, по-видимому, имеет также несколько литературных прототипов в романе Бальзака «Утраченные иллюзии», также вошедшем в цикл «Сцены провинциальной жизни». О г-не де Баржетоне здесь сказано: «Этот дворянин был из породы тех недалёких людей, что мирно пребывают между безобидным ничтожеством, ещё кое-что понимающим, и чванной глупостью, уже ровно ничего не желающей ни понимать, ни высказывать. <...> Но стоило ему остаться с гостем с глазу на глаз, он буквально терялся, ибо тут ему надобно было хоть что-то вытянуть из совершенной пустоты своего внутреннего мира. И он выходил из положения чисто по-детски: он думал вслух, **посвящал вас в мельчайшие подробности своей жизни; он обсуждал с вами свои нужды**, свои самые незначительные ощущения, что походило, по его мнению, на обмен мыслями».

То, как г-н де Баржетон «выходил из положения», несколько напоминает манеру обращения с Мозгляковым князя К.: «Он не говорил ни о дожде, ни о хорошей погоде, не прибегал в разговоре к общим местам, спасительным для глупцов, он **обращался к самым насущным житейским интересам**.

– В угоду госпоже де Баржетон я утром покушал телятины – жена её очень любит – и теперь страдаю желудком, – сказал он. – Вечная история! Знаю, а всегда попадаюсь. Чем вы это объясните?

Или:

– Я велю подать себе стакан воды с сахаром; не угодно ли и вам по сему случаю?

Или:

– Завтра я прикажу оседлать лошадь и поеду навестить тестя.

Короткие фразы не вызвали спора, собеседник отвечал да или нет, и разговор прерывался. Тогда г-н де Баржетон молил гостя о помощи, вздёрнув свой нос старого, страдающего одышкой мопса; косоглазый, пучеглазый, он глядел на вас, как бы спрашивая: «Что вы изволили сказать?».

Рассказ о г-не де Баржетоне Бальзак сопровождает ироническими ремарками, которые, возможно, отозвались в тексте «Дядюшкина сна». Например:

«Анаис была светлой стороной его жизни, она доставляла ему бесконечные радости. Когда она выступала в роли хозяйки дома, он любовался ею, раскинувшись в креслах, потому что она говорила за него; **затем для него составляло развлечение вникать в смысл её слов; а так как обычно на это уходило много времени**, смех, который он себе разрешал, напоминал запоздавший взрыв бомбы» (IV, 68). Ср. у Достоевского: «Мозгляков думал, а так как это случалось с ним довольно редко...» (2; 11).

В отличие от Марьи Александровны, г-жа де Баржетон не терроризирует своего мужа: «Она обращалась с ним бережно, как обращаются с плащом: она держала его в опрятности, чистила, заботливо хранила; и, чувствуя, что о нём заботятся, что его чистят, холят, г-н де Баржетон платил жене собачьей привязанностью. Так легко дарить другому счастье, когда самому это ничего не стоит! Г-жа де Баржетон, зная, что единственное удовольствие для её мужа – это хорошо поесть, кормила его отменными обедами. Он возбуждал в ней жалость; никто не слышал, чтобы она жаловалась на мужа, и многие, не понимая горделивого её молчания, приписывали г-ну де Баржетону скрытые достоинства. Впрочем, она вымуштровала его по-военному, и он беспрекословно повиновался воле жены. Она говорила ему: «Навестите господина такого-то» или «госпожу такую-то», и он шёл, как солдат в караул. Недаром перед ней он всегда держался навтыяжку, точно стоял на часах. В то время этого молчальника прочили в депутаты» (IV, 71).

Впрочем, и результат оказывается соответствующим. Г-н де Баржетон по первому же слову своей жены идёт вызывать на дуэль Станислава, действительно видевшего Люсьена Шардона стоявшим на коленях перед г-жой де Баржетон. Князь К. также «стоял на коленях» перед дочерью Марьи Александровны, но когда та прямо объявляет об этом перед всеми собравшимися в её доме (2; 380), то стремящийся отомстить ей за обман Мозгляков выдаёт это всего лишь за сон, который привиделся князю К. А Афанасий Матвеевич в ответ на призыв Марьи Александровны: «Другой муж давно бы уже кровью смыл обиду своего семейства!..» (2; 383) – «с важностью» произносит: «жена! Да уж не видала ль ты и в самом деле всё это во сне...» (2; 383).

Одновременно некоторые черты князя К. есть и в бароне Сиксте дю Шатле: «Сикст дю Шатле был в панталонах ослепительной белизны со штрипками, безукоризненно сохранявшими на них складку.<...> Короче, это был красавец щёголь, ещё не вполне утративший былое изящество; но возраст уже наградил его кругленьким брюшком, при котором довольно трудно было соблюдать элегантность. Он красил волосы и бакены, поседевшие в невзгодах путешествия, а это придавало жёсткость его чертам.

<...> – Хорошенький стишок? Чтобы судить, хорош ли он, мне следовало бы посоветоваться с вами, – отвечал Люсьен. – Вы ранее меня начали заниматься поэзией.

– Полноте! **Несколько довольно приятных водевилей, сочинённых из любезности**, песенки, написанные по случаю, романсы, известные благодаря музыке, послание к сестре Буонапарте (о, неблагодарный!) – всё это не даёт

права на признание потомства» (IV, 72 – 74)¹⁷. Ср. в «Дядюшкином сне» диалог между Москалёвой и князем: « – Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить Фонвизина, Грибоедова, Гоголя!.. – Ну да, ну да! – говорит вседовольный князь, – я могу пов-то-рять... и знаете, я был бы необыкновенно остроумен в прежнее время. **Я даже для сцены во-де-виль написал... Там было несколько восхитительных куплетов! Впрочем, его никогда не играли!**» (2; 313).

В «Утраченных иллюзиях» особую роль играют неожиданные визиты, слезка и подглядывания. Так неожиданный визит в дом г-жи де Бражетон становится причиной её бедственного положения: «– Кто приходил ко мне? – спросила она у слуг.

– Господа де Шандур и дю Шатле, – отвечал её старый лакей Жантиль.

Она воротилась в будуар, бледная и взволнованная.

– Ежели они видели вас в таком положении, я погибла, – сказала она Люсьену» (IV, 120). Эта особенность провинциальной жизни прямо подмечается самим Бальзаком: «...провинциальная жизнь удивительно не благоприятствует любовным утехам и, напротив, располагает к рассудочным спорам и страсти; а препятствия, которые она ставит нежным отношениям, связующим влюблённых, побуждают пылкие души к крайностям. **Провинциальная жизнь зиждется на таком придирчивом соглядатайстве, на такой откровенности внутреннего уклада, так не допускает она ни малейшей добродетели, так безрассудно опорачиваются там самые чистые чувства, что дурная слава многих женщин ими вовсе не заслужена**» (IV, 116).

Как и в случаях с любовной историей Зины и Васи, а также со сватовством князя К. к Зине в «Дядюшкином сне», в «Утраченных иллюзиях» слухи распространяются моментально: «В провинции истории такого рода осложняются по мере их пересказа. В одну минуту всем стало известно, что Люсьена застали у ног Наис. Г-н де Шандур, обрадованный случаем выставиться напоказ, прежде всего помчался в клуб и там оповестил о великом событии, затем обегал все знакомые дома» (IV, 121). В «Дядюшкином сне» вообще большую роль играют подслушивания, а в главе XII имеет место даже неожиданный визит к Москалёвой едва ли не всех соперничающих с ней дам.

Живописуя глухоту и равнодушие провинциального общества к искусству, Бальзак не жалеет иронии: « – Надеюсь, Наис не чересчур часто будет угощать нас стихами на своих вечерах. – сказал Франсис. – Когда я слушаю чтение, мне приходится напрягать внимание, а это вредно для пищеварения. <...> Но ежели вся эта канитель напечатана, мы можем и сами прочесть, – сказал

¹⁷ В то же время следующая черта дю Шатле: «Дю Шатле защищал г-жу де Баржетон, но защищал так неловко, что только подливал масла в огонь» (IV, 121) - перешла к Москалёвой, причем она не отмечается повествователем, а реализована непосредственно к её монологах: «И удивляюсь, решительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагом этой бедной Анны Николаевны, да и не вы одна, а все в городе? <...> Я заступлюсь за неё, я обязана за неё заступиться! На неё клеветают. За что вы все на неё нападаете? <...> За то ли, что Анна Николаевна ездит по гостям и не может посидеть дома? Но Боже мой! Она не получила никакого образования, и ей, конечно, тяжело раскрыть, например, книгу или заняться чем-нибудь две минуты сряду» (2; 309).

Астольф» (IV, 82). Не стесняется он и в прямых резких оценках этих глухоты и равнодушия: «**Тупость этих людей** в высшей степени усложнила вопрос, и Сиксту дю Шатле пришлось объяснить **невежественному собранию**, что предупреждение Люсьена отнюдь не ораторская уловка и что эти прекрасные стихи принадлежат роялисту Шенье...» (IV, 82).

Достоевский в подобных случаях не резок, а саркастичен: «...вы прошлый раз говорили даже, что намерены отпустить ваших крестьян на волю и что надобно же что-нибудь сделать для века, и всё это оттого, что вы начитались там какого-нибудь вашего Шекспира! Поверьте, Павел Александрович, ваш Шекспир давным-давно уже отжил свой век и если б воскрес, то, со всем своим умом, не разобрал бы в нашей жизни ни строчки!» (2; 307). К тому же его провинциальный хроникёр избегает резких оценок, а сходные с бальзаковскими резкие суждения вложены только в уста героев – Зины: «... если решилась выйти за вас, то единственно, чтоб хоть куда-нибудь уйти отсюда, из этого проклятого города, и избавиться от всего этого смрада» (2; 386) – и князя К.: «Уведи ты меня куда-нибудь... quelle société» (2; 389).

Лицемерное сочувствие, только способствующее распространению сплетен, и соперничество дам не раз подмечено повествователем «Утраченных иллюзий»: «Лили, **огорчённая падением самого дивного ангела** на ангугемском Олимпе, вся в слезах отправилась в епископский дом, чтобы сообщить новость. Когда **сплетня разошлась решительно по всему городу, довольный** дю Шатле явился к г-же де Баржетон, где – увы! – играли в вист всего лишь за одним столом; он дипломатически попросил у Наис позволения поговорить с ней в будуаре. Они сели на диванчик.

– Вы, конечно, знаете, – сказал дю Шатле шёпотом, – **о чём толкует весь Ангулем?**

– Нет, – сказала она.

– А если так, – продолжал он, – я чересчур расположен к вам, чтобы оставить вас в неведении. Я должен дать вам возможность **пресечь клевету**, которую, видимо, распускает **Амели, дерзнувшая возомнить себя вашей соперницей** (IV, 121 – 122). Визитам Лили и дю Шатле сюжетно соответствует в «Дядюшкином сне» проезд к Москалёвой «зловещей и мстительной сплетницы», «ходячей газеты» (2; 329, 330) Софьи Петровны Фарпухиной: « – Я к вам только на одну минутку, **mon ange**, – зашебетала она. – Я ведь напрасно и села. Я заехала только рассказать, какие чудеса у нас делаются. **Просто весь город сошёл с ума от этого князя!** <...> Они все боятся, чтобы вы не того... понимаете? Насчёт Зины. <...> **Весь город об этом кричит.** Анна Николаевна непременно хочет оставить его обедать, а потом и совсем. **Это она вам в пику делает, mon ange.** <...> **Чтоб над вами смеялась эта пройдоха, эта каверзница, эта соплия!**» (2; 330). Снова вместо сдержанного повествования Бальзака, в котором ирония едва проскальзывает, – комическая феерия Достоевского, а вместо голоса повествователя – голоса самих героев. И тем не менее, многочисленные параллели не оставляют сомнений в связи этих двух произведений.

Значение романа Бальзака «Утраченные иллюзии» для решения Достоевским провинциальной темы простирается за пределы произведений русского

писателя, посвящённых исключительно этой теме, а распространяется также и на произведения, в которых, как и у Бальзака, провинция обрисована на фоне столицы. Так, Мармеладов несколько стилизован под отца Люсьена Шардона: «Покойный Шардон <...> умер в Париже, приехав туда хлопотать о признании своего изобретения Академией наук <...> он не только оставил детей в нищете, но, на их несчастье, воспитал их в надежде на блестящее будущее, которая угасла вместе с ним. Знаменитый Деппен, лечивший его, был при нём до последней минуты и видел, как он мучился в бессильной ярости. Честолюбие бывшего лекаря объяснялось его страстной любовью к жене, последней представительнице рода дю Рюбампре, которую он чудом спас от эшафота в 1793 году. Не спрашивая согласия девушки на подобный обман, он заявил, что она беременна, и выиграл время. Заслужив некоторое право жениться на ней, он и женился, несмотря на их бедность. Их дети, как и все дети любви, получили в наследство лишь дивную красоту матери – дар подчас роковой, если ему сопутствует нищета» (IV, 24).

В свою очередь его вдова и дочь несколько напоминают Пульхерию Александровну и Авдотью Романовну Раскольниковых: «Обманутые надежды, непосильный труд, вечные заботы, угнетавшие г-жу Шардон, не пощадили её красоты, а неотвязная нужда изменила привычки; но несчастье не сломило стойкости матери и детей. Бедная вдова продала аптеку, помещавшуюся на Главной улице Умо, самого большого предместья Ангулема. Деньги, вырученные от продажи аптеки, обеспечили ренту в триста франков, но этой суммы было недостаточно даже для неё одной; однако ж мать с дочерью примирились со своим положением и без ложного стыда взялись за работу по найму. Мать ухаживала за роженицами, и мягкость её обхождении была причиной того, что г-жу Шардон предпочитали другим в богатых домах, где она и жила, ничего не стоя детям, да притом ещё зарабатывала двадцать су в день. Желая уберечь сына от горестного сознания, что его мать занимает такое низкое положение в обществе, она стала именоваться г-жой Шарлоттой. Нуждавшиеся в её услугах обращались к г-ну Постэлю, преемнику г-на Шардона. Сестра Люсьена работала у почтенной женщины, которая пользовалась уважением в Умо, их соседки, г-жи Приер, принимавшей в стирку тонкое бельё, и зарабатывала около пятнадцати су в день. Она была старшей над мастерицами и занимала в прачечной как бы особое положение, что несколько подымало её над средой гризеток. Скудные плоды их работы вместе с рентой г-жи Шардон в триста ливров составляли около восьмидесяти франков в год, на которые всем троим приходилось жить, одеваться и платить за квартиру. При самой строгой бережливости семье было недостаточно этой суммы, почти полностью уходившей на одного Люсьена».

Их благоговейное отношение к Люсьену сохраняется и в дальнейшем, когда он переезжает в Париж: «Г-жа Шардон и её дочь Ева верили в Люсьена, как верила в Магомета его жена; в своем самопожертвовании во имя будущего они не знали предела. Бедная семья жила в Умо, в квартире, снятой за чрезвычайно скромную плату у преемника г-на Шардона и помещавшейся в глубине заднего двора, над лабораторией. Люсьен занимал убогую комнату в мансарде» (IV, 40). Письмо матери Раскольниковых, содержащее

рассказ о том, каких жертв стоило ей и её дочери посылка денег Родиону, несколько перекликается в этом и в некоторых других отношениях с письмами к Люсьену Евы и её мужа Давида Сешара.

Оба писателя изображают «мелкие интриги, провинциальные пересуды и всякого рода своекорыстные козни», если воспользоваться определением Бальзака в «Турском священнике» (III, 168), но Бальзак в большей степени занят технологией сплетни, а также типологией сплетников и интриганов: **«В провинции имеется несколько клапанов, через которые сплетни просачиваются из одного круга общества в другой. <...> Заместитель судьи археолог Дефондриль не принадлежал ни к одной из партий. Он, как и некоторые другие лица, ни к какой партии не принадлежавшие, передавал по провинциальной привычке все, что ему говорили, а Винэ извлекал пользу из этой болтливости»** (III, 62).

Обращает на себя внимание, что одно из наиболее крупных произведений в составе «Сцен провинциальной жизни», роман «Жизнь холостяка» по форме несколько напоминает тот «большой роман», о котором Достоевский писал в письме М. М. Достоевскому от 18 января 1858 г. и который потом распался у него на «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково». Он также состоит как бы из двух достаточно разнородных частей: в первой описывается парижская жизнь семейства Бридо, а во втором провинциальная жизнь их родственника Руже.

Причём в этом романе Бальзака можно найти немало отдельных элементов обоих произведений Достоевского о провинциальной жизни. Один из главных его героев Филипп на протяжении большей части романа является и величается «подполковником» (III, 625), а в конце романа становится, как Ростанев, «полковником» (III, 649 – 650). Он претендует на наследство своего «**дядюшки**», а в доме у этого «**дядюшки**» приживалом живёт отставной военный Максанс, являющийся тайным любовником его сожительницы, которую «дядюшка» унаследовал вместе с имуществом от своего отца. Таковы основные нити, связывающие «Жизнь холостяка» в первую очередь с «Селом Степанчиковым». Что касается «Дядюшкина сна», то Мария Александровна Москалёва не менее решительна и предприимчива, чем Филипп Бридо, а Баламутка (Флора Бразье), прибравшая к рукам его «дядюшку», невольно напоминает Степаниду Матвеевну, «овладевшую» князем (III, 302)¹⁸. Как и Москалёва, Филипп Бридо стережёт «дядюшку», а Максанс и Флора пытаются его увезти, правда, не для того, чтобы женить на Флоре, а чтобы перевести на себя его деньги¹⁹.

Одновременно бросается в глаза и общая противопоставленность произведений Достоевского «Сценам провинциальной жизни»: в мире Бальзака

¹⁸ Ср.: «князем овладела какая-то неизвестная Степанида Матвеевна, бог знает какая женщина, приехавшая с ним из Петербурга, пожилая и толстая, которая ходит в ситцевых платьях и с ключами в руках; что князь слушается её во всём как ребенок и не смеет ступить шагу без её позволения...» (2; 302); «говорят, что эта чудовищная женщина околдовала, погубила его» (2; 304); «а уж из нас, родственников, кто не слышал про Степаниду Матвеевну? – она меня прошлого года из Духанова помелом прогнала...» (2; 306).

¹⁹ Ср. в «Дядюшкином сне»: «...некоторые из его родственников, будущие наследники, хотели, по слабоумию князя, выхлопотать над ним какую-то опеку...» (2; 301).

все страсти крутятся вокруг денег (один из героев «Жизни холостяка» Филипп Бридо прямо заявляет: «Все понимают, что в жизни на первом месте расчёт, а потом уже чувства» – 3; 624), в мире Достоевского – вокруг знатности (в то время как во французском обществе времён Бальзака она сама по себе уже мало что значит – см. «Музей древностей») и самолюбия, а стремление потешить его перевешивает желание обогащения (как, например, у Фомы, по пронзительному замечанию Мизинчикова – 3; 94).

Изображение интриг, козней и энергичной борьбы составляет средоточие провинциальной темы как у Бальзака, так и у Достоевского, а стремление воспользоваться чьим-то отсутствием и устроить выгодный брак является у них одним из неоднократно повторённых сюжетных ходов. Следующая тирада одной из героинь «Жизни холостяка», также, между прочим, сдобренная авторской иронией, вполне могла бы быть перенесена на страницы «Дядюшкина сна»: « – К приезду королевского прокурора, – с азартом воскликнула г-жа Камюзо, – всё должно быть закончено. Да, да, мой милый, – сказала она, глядя на остолбеневшего мужа. – А этот старый лицемер, председатель суда, задумал нас перехитрить, это ему припомнится! Ты собираешься поднести нам сюрприз, а твоя покорная слуга Сесиль-Амели Тирион приготовит тебе целых два! Бедный чудак Блонде! Ему повезло, что председатель уехал добиваться нашего смещения. Теперь-то он женит своего увальня на мадемуазель Бландуро. Да, придётся как следует встряхнуть старика. Ты, Камюзо, отправляйся к Мишо, а мы с герцогиней тем временем побываем у Блонде» (III, 365). Соответственно, и все названные героиней сюжетные ходы также находят параллели в «Дядюшкином сне».

Вообще образ провинции у Бальзака гораздо масштабнее, поэтому напрасно было бы искать у Достоевского некоторые его аспекты. Так, в изображении провинциальных войн Бальзак гораздо более социологичен: «Брак дю Круазье не только вызвал самую беспощадную войну, какие бывают лишь в провинции, – он ускорил в городе повсеместно происходивший разрыв между крупным и мелким дворянством, между буржуазией и дворянством, на миг было объединившимися под давлением всемогущей власти Наполеона» (III, 256). Разумеется, отсутствует в «Дядюшкином сне» лирическая и сентиментальная провинциология Бальзака, которую мы находим, например, в самом начале главы III «Любовь в провинции»: «Есть прекрасный час в тихой, безмятежной жизни девушки, час тайных, несказанных наслаждений, час, в который солнце светит для неё ярче на небе, когда полевой цветок краше и благоуханнее, когда сердце, как птичка, трепещет в волнующейся груди ея, ум горит, и мысли расплавляются в тайное, томительное желание» (с. 459).

Таким образом, литературная родословная провинции Достоевского действительно неопровержима, но связана главным образом с до сих пор не отмеченным влиянием «Сцен провинциальной жизни» Бальзака, а в стилевом плане с использованием гоголевских дискурсов. Провинциальная Россия увидена Достоевским в «Дядюшкином сне» и «Селе Степанчикове» не столько непосредственно, сколько через призму литературы – причём не только русской, но и европейской литературы последних десятилетий.

ДОСТОЕВСКИЙ И ИСТОРИОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА

Статья посвящена схождениям и различиям между евразийством и историософской концепцией Достоевского. В процессе идейной эволюции евразийство двигалось от внутренней полемики с Достоевским и традицией русской христианской историософии к принятию идеи всечеловечности, от историософского пессимизма – к идее оправдания истории, всецелого оцерковления жизни.

Ключевые слова: Достоевский, евразийство, философия истории, Россия и Европа, всечеловечность, идея симфонической личности.

Движение евразийства началось выходом в Софии в 1921 г. сборника «Исход к Востоку», объединившего на своих страницах четырёх молодых мыслителей: филолога Н. С. Трубецкого, экономиста П. Н. Савицкого, богослова Г. В. Флоровского и искусствоведа и музыковеда П. П. Сувчинского. Так было положено начало восемнадцатилетней истории, динамичной, творческой, временами поистине драматической, самого крупного (и по числу участников, и по числу изданий, и по духовному влиянию на русскую эмиграцию) из пореволюционных движений зарубежья, отзвуки идей и проектов которого слышатся и теперь, спустя более 60 лет после его заката.

Отталкиваясь от противопоставления России и Запада, характерного для славянофильского и почвенного течений русской мысли XIX века, подхватывая критику европейской ментальности и культуры, данную И. В. Киреевским и К. С. Аксаковым, Н. Я. Данилевским и К. Н. Леонтьевым, опираясь на провозглашённую Достоевским в январском номере «Дневника писателя» 1881 г. идею поворота России к Азии¹, евразийцы выдвинули идею своеобразия России как особого историко-географического и этнически-культурного единства – Евразии, склад и судьба которой иные, чем у народов Европы. Россия – самобытный духовно-культурный мир, который должен развиваться по собственным, внутренне ему присущим законам, руководствуясь исконными началами духа народного.

В свершившейся революции видели евразийцы стихийный бунт народа против европеизации, против навязываемой чуждой культуры, форм жизни, духовных ценностей и ориентиров, вылившийся в агрессию против оторвавшегося от почвы верхнего слоя, против интеллигенции, которая в последнее

¹ Сама идея поворота к Азии, провозглашённая евразийцами в «Исходе к Востоку», появилась уже у идеологов сменовеховства. Впрочем, носила она у них не столько идеологический, сколько конкретно-политический характер и смысл. Как Достоевский провозглашал поворот к Азии под впечатлением успехов русской политики на Кавказе и в Туркестане, так и сменовеховцы заговорили о важности для России опоры на всю Азию под прямым влиянием конкретной политической ситуации в Азии, в то время благоприятной для большевиков. Опираясь на международные народные массы и на Азию, подчеркивали они, Россия «начинает новый период своей истории» (Бобринцев-Пушкин А. В. Новая вера // Смена вех. Прага, 1921. С. 144).

десятилетие русской истории настойчиво двигала страну к западной модели развития, нивелируя государственно-культурную самобытность нации: «в жажде самовыявления и освобождения от чужих форм сознания и жизни, народ поставил интеллигенцию на сторону своих европейских врагов»². Но иронией истории, в большевизме, взявшем в конечном итоге верх в революции, европеизация явилась в новом обличье, сковывая народное целое. Идеология коммунизма – что это, как не «особым образом отражённая идеологическая сущность европейских “новых веков”»? Такая трактовка революции приводила евразийцев к тезису о необходимости её творческого преодоления, выдвигая в качестве основы государственного строительства новой России евразийской идеи, идеи синтетической, долженствующей пронизать собою все сферы национального бытия. Как справедливо пишет О. А. Казнина, евразийцы «стремились разработать широкую систему мировоззрения, охватывающую все сферы человеческой деятельности: науку, искусство, политику, право, хозяйство, экономику. Они ставили своей задачей создать евразийскую историю, евразийскую геополитику, этнографию, языкознание, историю литературы и культуры, евразийское искусствознание»⁴.

Представлять свою систему идей как органическое развитие русской научной, общественной и религиозно-философской мысли, от славянофилов и Ф. М. Достоевского до Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьёва и др., евразийцы начнут далеко не сразу. Как утверждал П. Н. Савицкий во введении к третьему выпуску «Евразийского временника», первоначально эта связь ими не сознавалась. Решимость сказать миру своё новое слово питалась не столько стремлением восстановить распавшуюся связь времен, продолжив славянофильскую и почвенную традицию в русской культуре и претворив в свете современности комплекс основных её положений, сколько личным, пропущенным через душу каждого опытом, тем ощущением катастрофичности и взрывчатости эпохи, тем стоянием перед лицом разверзшейся бездны, которое было столь характерно для умонастроения поколения, пережившего Первую мировую войну, революцию, ужас изгнания. «Для нас самих исторические связи наши уяснились в огромной степени путём последующих, а не предварительных сопоставлений», – подчёркивал П. Н. Савицкий⁵.

Впрочем, то, что евразийство не сразу записало в свои духовные отцы Достоевского, объясняется не только изначальной опорой его основателей на «личный опыт в произошедшем»⁶. Основная причина коренилась в мировоззренческом облике евразийства на начальном этапе его становления. Да, евразийство

не было течением, определившимся в своих основных чертах от начала и навсегда. С первых манифестных сборников «Исход к Востоку» (Прага, 1921), «На путях» (Берлин, 1922), «Евразийский временник» (Вып. 3, Берлин, 1923) интенсивно развивалась духовная платформа движения, уточнялись базовые положения евразийской идеологии. И что самое интересное: по мере своей эволюции евразийцы всё больше и больше начинали говорить «на языке Достоевского».

Евразийство же в его первоначальном обличье, евразийство эпохи «Исхода к Востоку», от Достоевского отстояло весьма далеко. Его главный на тот момент идеолог Н. С. Трубецкой прямо следовал концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, в которой противопоставление России и Европы было чисто племенным (принадлежность России к высшему, четырёх-основному, по определению Данилевского, культурно-историческому типу), а не религиозно-нравственным, как у Достоевского⁷. Для последнего антитеза Россия – Европа – это антитеза двух духовных начал, двух идеалов развития человечества, идеала Мадонны и идеала содомского, двух фундаментальных выборов, двух религиозных установок – на мир, каков он есть, и мир, каким он должен быть. С одной стороны – неоязыческий идеал потребления и комфорта, секулярность сознания и жизни, индивидуализм и раздробленность, «лучиночки», с другой – общинность, на которой отблеск идеала соборности, сознание Христовой правды, неугасимое чаяние Царствия Божия.

Так вот, в отличие от Достоевского, рассматривавшего проблему «Россия и Запад» как проблему религиозную, как вопрос об идеале, который предносится миру и человеку и должен озарять пути истории, Н. С. Трубецкой в книге «Европа и человечество», давшей толчок возникновению евразийства, принципиально оставлял в стороне религиозную проблематику. Главная его идея – идея национально-культурной автономности, и она в построениях философа поистине самодовлеуща. «Европейская культура, – подчёркивал он, – не есть нечто абсолютное, не есть культура всего человечества, а лишь создание ограниченной и определённой этнической или этнографической группы народов, имеющих общую историю»⁸, её значение локально и местно, она не может претендовать на универсальный, общечеловеческий статус. Её эгоцентрическая экспансия на другие народы мира мешает их самобытному и творческому развитию, а потому должна быть остановлена усилиями всех неромано-германских народов.

⁷ В своё время именно эта опора Данилевского на расово-племенной, а не на духовный критерий в трактовке указанной темы послужила толчком к тому, что приемлющее и восторженное отношение Достоевского к автору «России и Европы» («будущая настольная книга всех русских надолго» (29; 30) сменилось разочарованием: «Всё назначение России, – разъяняет писатель свою позицию А. Н. Майкову, – заключается в православии, в свете с Востока, который потечёт к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа. Всё несчастье Европы, всё, всё безо всяких исключений произошло оттого, что с Римской церковью потеряли Христа, а потом решили, что и без Христа обойдутся. Ну, представьте же Вы себе теперь, дорогой мой, что даже в таких высоких русских людях, как, например, автор “России и Европы”, – я не встретил этой мысли о России, то есть об исключительно-православном назначении её для человечества» (29; 146 – 147).

⁸ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 88.

² Сувчинский П. П. Сила слабых // Исход к Востоку. София, 1921. С. 6.

³ Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 89 – 90.

⁴ Казнина О. А. Евразийский комплекс идей в литературе // Гачева А. Г., Казнина О. А., Семёнова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920 – 1930-х годов. М., 2003. С. 218.

⁵ [Савицкий П. Н.]. Введение // Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923. С. 6. В 4-й книге «Евразийского временника» (Берлин, 1925) в программной статье «Евразийство» Савицкий уже осознанно будет указывать на преемственность: «Евразийцы в целом ряде идей являются продолжателями мощной традиции русского философского и историософского мышления» (Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 83 – 84).

⁶ Там же.

Понятно, что, провозглашая «новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара»⁹, протестуя против того, чтобы сравнивать народы земли по степени их приобщённости к европейской («романо-германской») культуре, подчёркнуто ставя цивилизованные народы на одну доску с туземными, говоря о том, что культура гаитян, эскимосов, африканских племён ничем не хуже и не развитее культуры Европы, просто это *другая* культура, Трубецкой выступал против шовинизма, против эгоистического самопревозношения одной культуры над другой, против национальной и расовой селекции, которая вскоре пыльным цветом расцветёт в идеологии национал-социализма. В этом последовательном и бескомпромиссном утверждении ценности и самобытности всякого, даже малого, народа (подобно тому как уникальна каждая личность, даже самая маленькая и незаметная с колокольни всемирной истории¹⁰), действительно, была своя правда. Но идеолог евразийства оставлял в стороне вопрос, центральный для Достоевского, а именно вопрос о религиозном смысле культуры, неразрывно связанный с вопросом о религиозном смысле истории, с вопросом о том, есть ли история человечества *движение* навстречу Творцу или она представляет собой *существование* этнически и культурно разнообразных народов на пространстве земли (как различных видов в животном царстве, как соседей по коммунальной квартире, из которых каждый занят обустройством своей собственной ниши и не чувствует себя хозяином целого, а значит и своей ответственности за него). Так вот, если мы увидим в истории наций и культур, неразрывно связанной с историей религий, вехи движения человечества к постижению истинного Бога, к событию Боговоплощения, а затем к Царствию Божию (а именно так ощущал всемирную историю Достоевский), то вопрос о европоцентризме обретёт совсем иной смысл. Будем справедливы: Достоевский никогда не ставил под сомнение христианские корни Европы, история и культура которой веками развивались под знаком христианства. Критикуя католицизм за соблазн «всемирного владычества», писатель тем не менее признавал значение католичества первых восьми веков, твёрдо державшегося духа вселенской церкви и вскормившего младенческую Европу, заложившего плодотворную почву её дальнейшего культурного развития и расцвета. Другое дело, что, по Достоевскому, внутри самой Европы происходила борьба Ксеркса и Христа, как происходит она в душе каждого человека, и в конце концов первый восторжествовал: свидетельством сего торжества и стал процесс неуклонной секуляризации культуры и жизни,

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Прочитываем статью «Об истинном и ложном национализме»: «Борьба с собственным эгоцентризмом возможна лишь при самопознании. Истинное самопознание укажет человеку (или народу) его настоящее место в мире, покажет ему, что он – не центр Вселенной, не пуп земли. Но это же самопознание приведёт его и к постижению природы людей (или народов) вообще, к выяснению того, что не только сам познающий себя субъект, но и ни один другой из ему подобных не есть центр или вершина. От постижения своей собственной природы человек или народ путём углубления самопознания приходит к сознанию равноценности всех людей и народов» (Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 105).

когда история перестала осознаваться как процесс движения навстречу Христу, а стала трудом сладкого устроения в бытии, каково оно есть, служением идеалу потребления и комфорта. Когда Ксеркс воцарился на месте святе, тогда Европа, по Достоевскому, перестала исполнять ту миссию, которую исполняла она в эпоху Средневековья, не могла уже быть носителем другим народам христианского идеала, а стала носителем безбожной и безверной цивилизации, т. е. идеала антихристового. Таким образом вопрос о европеизации для Достоевского есть не вопрос о типе культуры, навязываемом другим нациям и культурам с целью их обезличивания, как то мыслилось Трубецкому, главному идеологу начального евразийства, а вопрос о лжеидеале, стремящемся завоевать мир. Противостояние России и Европы понимается им – повторю ещё раз – не как противостояние двух различных цивилизационно-культурных регионов, а как противостояние двух религиозных идеалов, каждый из которых сознаёт свою универсальность и, если хотите, планетарность (вспомним завет Христа: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, Сына и Святого Духа» – Мф. 28:19) и от того, за каким из этих идеалов будет победа, фактически зависят и судьбы истории, и конечные судьбы мира и человека.

И вот что ещё очень важно. Делая основной акцент на идее национальной-культурной самобытности, очень легко свести христианство к атрибуту народности, тем самым оставляя в стороне вопрос об универсальности, вселенскости христианства, для которого несть эллин и иудей. И тогда возникнет законный вопрос: останется ли христианство, получившее особое преломление в каждой из культур воспринявших его народов, сливавшееся с каждой культурой на уровне быта, письменности, фольклора, одной из примет того или иного народа, его этнографической особенностью, автоматически уравниваясь в правах со всеми религиями мира (поставляясь на общую ступень с анимизмом, политеизмом, шаманизмом, индуизмом, буддизмом, язычеством и т. д.) или станет религией, спасающей мир, ведущей к преображению?

В своем утверждении Евразии как отдельной культурно-этнической единицы евразийцы эпохи «Исхода к Востоку», прежде всего Н. С. Трубецкой, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, однозначно негативно оценивали послепетровский период русской истории, считая его поверхностным и нетворческим, говоря о его «глубинной ненациональности»¹¹, о совершившемся в эту эпоху катастрофическом разрыве образованного сословия с народом. И в этом они были более близки ранним славянофилам – К. С. Аксакову, И. В. и П. В. Киреевским, нежели Достоевскому, который, не менее резко критикуя общество послепетровской эпохи за рабствование идеалам цивилизации, теснящим и вытесняющим исконно-народные религиозные чаяния, за заражённость духом скепсиса и нигилизма, уничтожающего устои веры в душе человека, тем не менее указывал на одно важнейшее, положительное следствие переворота Петра: Россия, жившая и развивавшаяся внутри себя

¹¹ Флоровский Г. В. О патриотизме праведном и греховном // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 158.

самой, как бабочка в куколке, наконец сбрасывает кокон, раскрывается миру и открывает для себя мир. И именно в последние два века её истории возрастает и крепнет в ней та «способность всемирной отзывчивости» (26; 145), та «всечеловечность», которую Достоевский назвал «главнейшей способностью» русской национальности, указывающей на будущее всемирное её назначение. Прочитываем фрагмент «Пушкинской речи»: «В самом деле, что такое для нас петровская реформа, и не в будущем только, а даже и в том, что уже было, произошло, что уже явилось воочию? Что означала для нас эта реформа? Ведь не была же она только для нас усвоением европейских костюмов, обычаев, изобретений и европейской науки. Вникнем, как дело было, поглядим пристальнее. Да, очень может быть, что Пётр первоначально только в этом смысле и начал производить её, то есть в смысле ближайше утилитарном, но впоследствии, в дальнейшем развитии им своей идеи, Пётр несомненно повиновался некоторому затаённому чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим, чем один только ближайший утилитаризм. Так точно и русский народ не из одного только утилитаризма принял реформу, а несомненно уже ощутив своим предчувствием почти тотчас же некоторую дальнейшую, несравненно более высшую цель, чем ближайший утилитаризм, – ощутив эту цель, опять-таки, конечно, повторяю это, бессознательно, но, однако же, и непосредственно и вполне жизненно. Все мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому! Мы не враждебно <...> а дружественно, с полною любовью приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» (26; 147).

Послепетровская эпоха в её идеально-проективном значении мыслится Достоевским как необходимый этап на пути России к осуществлению предназначенных ей Богом задач, задач именно *всечеловеческих* и *всемирных*: светить миру светом Христовой истины, стать примирительницей и собирательницей разобщённых, враждебных друг другу народов, открыть человечеству, стоящему на путях цивилизации, безверной, разорванной, полной противоречий и диссонансов, иной – благодатный, спасительный путь, путь покаяния, братски-любовного единения, созидания «Царства Христова».

Начальное же евразийство, евразийство «Исхода к Востоку», которое столь часто называют классическим, правоверным евразийством, как раз и не признавало этой *всечеловечности*, ставя её на одну доску с космополитизмом и тем самым объявляя соблазном, прямой дорожкой к нивелированию национально-культурных различий: «Развивая в себе гений всечеловеческого идейного вместительства, русская интеллигенция тем самым совмещала, вбирала в своё сознание, до полного сродства с ними, все разновидности чужих европейских культур, в ущерб самораскрытию и утверждению собствен-

ной. Вследствие этого русская интеллигенция оказалась интернационально просвещена, но обезличена»¹². Однако для самого Достоевского всечеловечность космополитизму отнюдь не тождественна. Он-то как раз различал космополитизм, или *общечеловечность*, ведущую к стиранию духовного и культурного своеобразия наций, и *всечеловечность*, нераздельно соединённую в системе его идей с понятием *соборности*, сочетающей самобытные и разнообразные народные личности в неслиянно-нераздельное единство, питаемое духом веры и любви.

Впрочем, отказ первых евразийцев от идеи всечеловечности в системе их взглядов был последователен и логичен. Ибо признание этой идеи предполагает признание того, что все народы земли, при всей их духовной и культурной самобытности, суть части единого человечества, восходящего к Богочеловечеству, т. е. признание общего пути и движения истории, против которого евразийцы как раз восставали, отождествляя идею такого движения с секулярными концепциями прогресса. Здесь они были больше последователями К. Н. Леонтьева, резко критиковавшего обезличивающий «либерально-эгалитарный прогресс» и не видевшего возможности никакого другого прогресса в мире, лежащем во зле. Между тем в русской религиозной мысли XIX века была сделана попытка – в лице Н. Ф. Фёдорова, В. С. Соловьёва, И. С. Аксакова и опять-таки Достоевского реабилитировать идею христианского прогресса как возрастания мира и человека «в духе и истине», как движения к преображению. Однако такая реабилитация в начальные планы евразийцев отнюдь не входила. Соответственно не признавали они и всечеловеческих целей истории, считая единственно истинными и плодотворными задачи локальные, местно-культурные, будучи убеждены, прямо по Данилевскому, что народы должны не *восходить* к некоей общей – высшей, спасительной правде, а *исходить* в разных направлениях лежащее перед ними поле истории.

Подчёркнутое отрицание начал «романо-германской цивилизации», по мнению евразийцев, абсолютно чуждых русскому духу, поиск оснований национально-культурной самоидентификации вели идеологов течения на Восток, заставляли обнаруживать в русской национальной стихии тюрко-монгольские, «туранские» черты: пассивность, «склонность к созерцательности»¹³, подчёркнутую обрядовость быта и веры. И это опять разводило их с Достоевским, акцентировавшим христианскую составляющую русского национального характера: смирение, «потребность самоспасения», любовь к ближнему, самоотречение и жертвенность, способность «положить душу свою за други своя»... Россия, по его убеждению, должна явить человечеству образ подлинно христианского устройства – и каждой отдельной личности, и социума в целом. И обращая Россию в Азию, он видел здесь именно попрание для благовестия, просвещения других народов Светом Христовым («Свет Христов просвещает всех»). Да, писатель хорошо чувствовал то, что евразийцы

¹² Сувчинский П. П. Сила слабых // Исход к Востоку. С. 6.

¹³ Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 133 (впервые – Исход к Востоку. София, 1921).

называли «месторазвитием» – особенности национального ландшафта, совокупность природных, географических и климатических факторов, формирующих неповторимый «космос» народа, влияющий и на склад национального характера, и на культуру, и на особенности социального и государственного устройства, – достаточно вспомнить знаменитый пассаж статьи «По поводу выставки» из «Дневника писателя» 1873 г.: «Я, конечно, не говорю, что в Европе не поймут наших, например, пейзажистов: виды Крыма, Кавказа, даже наших степей будут, конечно, и там любопытны. Но зато наш русский, по преимуществу национальный пейзаж, то есть северной и средней полосы нашей Европейской России, я думаю, тоже не произведёт в Вене большого эффекта. “Эта скучная природа”, вся характерность которой состоит, так сказать, в её бесхарактерности, нам мила, однако, и дорога. Ну а немцам что до чувств наших? Вот, например, эти две берёзки в пейзаже г-на Куинджи (“Вид на Валаам”): на первом плане болото и болотная поросль, на заднем – лес; оттуда – туча не туча, но мгла, сырость; сыростью вас как будто пронизывает всего, вы почти её чувствуете, и на середине, между лесом и вами, две белые берёзки, яркие, твёрдые, – самая сильная точка в картине. Ну что тут особенного? Что тут характерного, а между тем как это хорошо!.. Может быть, я ошибаюсь, но немцу это не может так понравиться» (21; 70). Смысл и значение средне-русского ландшафта, «этой скучной природы», по выражению цитируемого здесь Достоевским Тютчева, в конечном итоге определялся для писателя тем, что эту «нищую и неурядную» землю «Царь Небесный в рабском виде исходил, благословляя». Так что без религиозно-нравственной составляющей месторазвитие народа русского для писателя отнюдь не играет такой роли, какую будет играть оно для идеологов евразийства.

Однако евразийство – и в этом безусловное его достижение – почти с первых же шагов своего становления стало справляться с грозившей ему опасностью крена в этнографизм, недооценки религиозной составляющей истории, отказа от христианства как вселенской религии и сведения православия к атрибуту народности. В статье «Религии Индии и христианство», напечатанной во втором евразийском сборнике «На путях» (Берлин, 1922) Н. С. Трубецкой специально подчёркивает, что, говоря об исходе к Востоку евразийцы не призывают своих соотечественников ни к усвоению той или иной азиатской культуры, ни, тем более, к синтезу христианства и восточных религий: такой синтез, по его убеждению, был бы и невозможен, ибо духовные основы этих религий с христианством несовместимы. Мысль эта демонстрируется философом на примере исторического развития религии Индии от почитания богов ведийского пантеона до буддизма, вишнуизма и шиваизма. И читая об эволюции индийской религии, в которой «лишённый всякой нравственной идеи, жадный до опьяняющего сомы бог Индра вытеснил <...> всемогущего, всеведущего и всеблаготворца и промыслителя» Варуну, о движении её к буддизму с его идеей нирваны, небытия, фактической апологией «самоубийства, уничтожения духовной жизни» человека¹⁴, нельзя

¹⁴ Трубецкой Н. С. Религии Индии и христианство // Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. С. 322, 323.

не вспомнить мысль Достоевского, что, отказавшись от Бога, человек неизбежно приходит к крушению личности и самоубийству. А в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой прямо выступает против «тех, кто в христианстве видит лишь одну из многих религий земного шара, продукт определённых историко-культурных условий» и тем самым ставит его «на одну доску с другими продуктами определённых культур», вводя «как элемент в общую схему многообразных культурных проявлений человечества»¹⁵. Трубецкой подчёркивает универсализм христианства, «единственной истинной религии»¹⁶, тем самым существенно уточняя и корректируя свои собственные установки периода «Европы и человечества».

Уточняется в евразийстве и стержневое для этого течения противопоставление России и Запада – перед нами уже не только два разноликих культурно-исторических типа, но два духовных мира, два религиозно-нравственных идеала, на русской почве воплотившихся в феномене славянофильства и западничества, в традиции революционно-демократической, с одной стороны, и религиозно-философской, с другой¹⁷. И XIX век, как один из *послепетровских* веков российской истории, теперь не малюется одной чёрной краской, но предстаёт поприщем «русского религиозного творчества», заря которого разгорается в лице Гоголя, славянофилов, Александра Иванова, Достоевского, колыбелью русской классической литературы, «наиболее творческие» фигуры которой «принадлежали не к преемству материализма и неверия, но к преемству православного учительства»¹⁸ (так, в своё время сам Достоевский защищал духовное значение литературы XIX века против К. С. Аксакова, упрекавшего её в ненародности).

Но самое главное – в евразийстве крепнет и развивается идея религиозно-го смысла истории и христианства как зиждущего центра этой истории. Идеологи движения провозглашают переход от «эпохи науки» к «эпохе веры», обращающей человека к «основным, конечным проблемам существования»¹⁹. Они убеждены, что бытие таких социальных образований, как нация и государство, точно так же, как бытие личности, не может быть прочным без религиозной опоры, без связи, как сказал бы Достоевский, «с другими мирами и с вечностью» (26; 165). Отсутствие «высшей идеи существования» ненормально для социума, общество, отрэкшееся от Бога и Его закона, оказывается

¹⁵ Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Там же. С. 377 (впервые: Евразийский временник. Вып. 3. Берлин, 1923).

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Скажут, быть может: “Два различных направления общественной мысли”; сказав, ошибутся: не два направления, но два разных исторических образования, два отдельных исторических мира!.. К первопророкам христианства, к истокам, начальным моментам великого исторического цикла уводят проникающие Хомякова и Достоевского, Леонтьева и Соловьёва пафос и озарение. К поздним временам неверия (эпикурейского или коммунистического, безразлично), в периоды “просвещения” (достоинство убывающих культур) ведут мировоззрения нигилистически-“научные”...» (Савицкий П. Н. Два мира // Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 114; впервые: На путях: Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922).

¹⁸ Там же. С. 113, 120.

¹⁹ Вступление // Исход к Востоку. С. VI – VII.

в самоубийственном тупике, неизбежно приобретает уродливые, искажённые формы. Живым примером такого исхода предстало перед ними русское государство послереволюционной эпохи, с его жизнью без Бога, нравственностью без Христа, как будто прямо иллюстрировавшее пророческие слова Достоевского: «Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново – то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое, бесчеловечное, что всё здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов» (21; 133).

«Из опыта коммунистической революции» вынесли евразийцы «одновременно старую и новую» мысль о том, что «здоровое социальное общежитие может быть основано только на неразрывной связи человека с Богом, религией; безрелигиозное общежитие, безрелигиозная государственность должны быть отвергнуты»²⁰, – и здесь они уже прямо следовали Достоевскому, которого теперь уже окончательно записали в предтечи евразийской творческой мысли.

Но, провозглашая необходимую связь всякого истинного и прочного социального и государственного строительства с христианством, евразийцы неизбежно приходили к необходимости пересмотра самого взгляда на христианство как на религию, трансцендентную земной жизни и истории, как на религию только личного спасения, не признающую полезным для христианина слишком большое участие в делах мира сего, – взгляда, который был свойственен тому же К. Леонтьеву, отчасти духовному предшественнику и их критики европеизма, и идеи духовно-культурного своеобразия России-Евразии. Против такого одностороннего взгляда на христианство выступали ещё русские религиозные мыслители второй половины XIX – начала XX в., в том числе и Достоевский, и евразийцы тут им прямо наследовали. Следует при этом сказать, что ощутимый поворот евразийства к образу активного, творческого христианства, одушевляющего историческую и социальную жизнь человечества, к заявленной ещё в начале XX века С. Н. Булгаковым идее христианской общности, был связан с приходом в ряды движения таких религиозных мыслителей, как А. В. Карташёв, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин. Они значительно укрепили позицию П. Н. Савицкого, изначально склонявшегося к тому, чтобы строить евразийское мировоззрение именно на такой, активно-христианской основе, ослабив в свою очередь позицию Г. В. Флоровского, сторонника трагического взгляда на движение истории, где «непрестанная борьба веси Божией с градом антихриста» неразрывно сопряжена с «апокалиптическими катаклизмами»²¹.

Уже во втором евразийском сборнике – «На путях» – печатается статья А. В. Карташёва «Реформа, реформация и исполнение церкви», в которой он говорит о необходимости церковно раскрыть «вопрос о религиозном смысле

исторического процесса». «Ведь не для того же существует на земле человечество после Христа, чтобы только вновь и вновь грешить и вновь и вновь каяться»²². Современный атеизм и материализм, обретший твердую опору в большевизме, стремится к безрелигиозному, прометеистическому строительству «рая на земле», тем самым искажая изначальное христианское чаяние «Царства Божия на земле», обетование которого даёт 20 глава «Откровения», и, что особенно нестерпимо, дискредитируя саму идею активности человека в истории, приводя к ложному выводу о том, что эта активность может быть только бесовской. Настала пора для Церкви, чувствующей свою ответственность за судьбы мира, «прекратить этот грабёж её собственного идеала», стать водителем человечества на пути к «Царствию Божию», в конце концов расширяться до «необъятных пределов»²³ этого Царствия. В том же сборнике, где появилась статья Карташёва, с уже упоминавшейся выше статьёй «Два мира» выступил П. Н. Савицкий: евразийцы, подчёркивал он, сочетают в себе «напряжённое здешнее делание с утверждением мира духовного, в котором делание это, получая отведённое обширное, важнейшее место, преклоняется, подчиняется целям Высшего Царства»²⁴. И даже Г. В. Флоровский, убеждённый критик «розового христианства», высказывается здесь о необходимости строительства православной культуры, оцерковления жизни, подчёркивая, что «человек поставлен на землю затем, чтобы в непрестанном творческом напряжении свободно идти к открытым и доступным для его сознания благим и благословенным целям»²⁵.

«Религия, призванная в живом единстве питать, преисполняя смыслом, совокупность социального бытия, не может быть мертвенной схемой, вынуждаемой Разумом формулой Богопризнания»²⁶, – вот из какого тезиса исходят теперь евразийцы. Она должна пронизать собою все формы человеческого общежития, наполнить животворящим смыслом все сферы дела и творчества человека, в том числе экономическое и государственное строительство: «действие в хозяйстве и государстве разрешается и освещается озарением религиозным»²⁷, и сама «хозяйственная техника» «с религиозной точки зрения» «есть средство к осуществлению Завета, вложенного Творцом в создание человеческого рода», заповеди об обладании землёй. В подготовительных материалах к роману «Братья Карамазовы» Достоевский вкладывал в уста старца Зосимы, проповедника деятельного, преображающего мир христианства, такие слова: «Тогда не побоимся и науки. Пути даже новые в ней укажем» (15; 250). И евразийцы, провозглашая смену «эпохи науки» «эпохой веры», не отрицали науки как таковой, они лишь ополчались против того отношения

²² *Карташёв А. В.* Реформа, реформация и исполнение церкви // На путях. Утверждение евразийцев. С. 67, 68.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ *Савицкий П. Н.* Два мира // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 120 – 121 (Впервые: На путях. Утверждение евразийцев. М.; Берлин, 1922).

²⁵ *Флоровский Г. В.* О патриотизме праведном и греховном // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли С. 164.

²⁶ *Савицкий П. Н.* Два мира // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 123.

²⁷ Там же.

²⁰ *Савицкий П. Н.* Евразийство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 90.

²¹ *Флоровский Г. В.* О народах не-исторических // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. С. 102. (Впервые: Исход к Востоку. Прага, 1921).

к науке и технике, которое утвердилось в секулярной цивилизации Нового времени, когда научное знание и техническое умение, с одной стороны, обожествлялись, превращаясь в идолов, а с другой, должны были обслуживать все прихоти мира, каков он есть, то, что Достоевский называл «интересами цивилизации», – «производство, богатство, спокойствие, нужное капиталу» (25; 48). Евразийцы опровергают мысль, «будто вера и наука – две независимые друг от друга и даже взаимно враждующие области. Нет веры без науки и нет науки без веры. Истинная вера содержит в себе всю науку со всеми её исканиями и сомнениями»²⁸. Они убеждены: «сами по себе подлинная наука и опирающаяся на неё техника материально полезны и необходимы и именно в наш век, когда и злая метафизика (исторический материализм!) выступает в обличье науки, подлежат сугубому утверждению»²⁹.

Говоря о необходимости активно противодействовать духу материализма и безверия, всё глубже проникающему в плоть современного мира, о необходимости изжить «охватившее Европу и Россию обеспокоивание духовной и веростной жизни, проистекшее из утраты живого и действенного религиозного чувства»³⁰, утверждая христианство и православие религиозным стержнем исторического и духовного бытия России-Евразии, евразийцы окончательно вставали на почву русской религиозно-философской мысли с её пафосом христианизации жизни. Более того, у них появляется та концепция Церкви, которая была выдвинута А. С. Хомяковым, затем углублялась и развивалась Ф. М. Достоевским, Н. Ф. Фёдоровым, В. С. Соловьёвым и которая прямо исходила из стержневой для этих мыслителей идеи истории как «работы спасения», подготовки элементов этого мира к преображению. Протирую брошюру «Евразийство. Опыт систематического изложения» (Париж, 1926), обобщившую главные идеи течения в эпоху его духовной и творческой зрелости: «Церковно-христианская деятельность есть искупление и спасение человека, т. е. его усовершенствование и в конце концов и в существе, говоря терминами свято-отеческого богословия, его обожение (teosis). Совершенствоваться же значит совершенствоваться в себе и через себя весь мир, т. е. возводить и образовывать его из материала для Церкви Божией в действительное Царство Божие. Полнота Церкви предполагает оцерковление всего»³¹.

Такое видение церкви – как становящегося Царствия Божия – задаёт социальному и государственному строительству ту самую перспективу, которая намечена у Достоевского в словах старца Зосимы, – перспективу «преображения общества как союза почти что языческого во единую, вселенскую иладычествующую церковь». «Культура и государство, – подчёркивают идеологи евразийства, – начально организованный материал собственного своего церковного бытия. Они то, что может и должно стать Церковью»³².

Вот как трансформировалось евразийство всего за какие-нибудь неполных пять лет: от трактовки истории как поля бытования культурно-своеобразных наций и отрицания в ней единого религиозного вектора до идеи преображения всего в «действительное Царство Божие» и понимания Церкви «как центра преображающегося в неё грешного мира»³³.

Церковь стоит на соборности, осуществляя на земле ту высшую, сверхприродную, благодатную форму соединения, которая явлена человечеству в Тайне Троицы, в божественном образце неслиянно-нераздельного, питаемого любовью единства, «единства без слияния, различия без розни»³⁴. И этот высший религиозный принцип соборности евразийцы распространили не только на человеческое общежитие, но и на нацию, государство, народ. Радикально пересмотрев концепцию личности как «отъединённого и замкнутого в себе социального атома»³⁵ (образ «лучиночек» у Достоевского), которая легла в основу этики индивидуализма, они противопоставили ей «понятие личности как живого и органического единства многообразия»³⁶, подчёркивая, что человек может состояться как личность, полностью осуществить себя в бытии только в союзе с другими личностями, союзе веры, любви и дела. И исходя из такой трактовки, стали рассматривать социальную общность, народ, государство как тоже своего рода личности, но личности особые – «соборные или симфонические». Так возникла концепция *симфонической личности*, разрешавшая антиномию индивидуализма и коллективизма через образ совершенного, благого устройства, в котором единство уникальных, самобытных личностей не подавляет и не умаляет каждую из них, но предоставляет безграничные возможности для их самораскрытия. Нация складывается из индивидуальных личностей, а человечество – из наций, каждая из которых есть также симфоническая личность, соединяющая в своём составе миллионы человеческих индивидуальностей, и всё это единство, чтобы быть действительно нерушимым, должно держаться пониманием абсолютной ценности и необходимости *каждого* звена этой всечеловеческой вертикали.

Так вошедшая в евразийство с первых этапов его становления теория «культурно-исторических типов» начала работать в христианской системе координат, освобождаясь от присущего ей ранее биологизма, становясь одной из главных скреп идеи соборности. Соответственно в христианском ключе осмысливается теперь в евразийстве и идея интернационализма, к которой ранее идеологи течения, под влиянием интернационалистских лозунгов большевизма, относились подчеркнuto отрицательно, видя в ней продукт «романо-германского», сиречь космополитического мировоззрения. Однако ещё лидер сменовеховства Н. В. Устрялов, высказываясь против нивелировки национальных различий «интернациональной идеей современной цивилизации»³⁷,

²⁸ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. М., 1992. С. 359.

²⁹ Савицкий П. Н. Подданство идеи // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 131 (Впервые: Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1925).

³⁰ Там же.

³¹ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. С. 369.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Фёдоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. М., 1995. С. 96.

³⁵ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. С. 356.

³⁶ Там же.

³⁷ Устрялов Н. В. О нашей идеологии // Устрялов Н. В. Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 145.

в то же время подчёркивал, что сама по себе идея интернационализма, будучи правильно понята, не исключает «лица необщего выраженья» каждой отдельной нации, «духовные возможности всечеловеческого объединения» «вполне укладываются в рамки великих религий человечества»³⁸. К той же мысли постепенно приходят и евразийцы. В лоне этого течения в конце 1920-х – начале 1930-х годов формируется концепция «идеократического интернационала»: объединение государств-материков и населяющих их больших и малых народов мыслится как путь к всепланетарному единству, открывающему новую творческую эру истории. «Месторазвитием» здесь будет уже «весь земной шар, а субъектом истории – всё человечество»³⁹. В очередной раз приходится лишь удивляться, насколько эволюционировало евразийство всего за несколько лет, как далеко ушло оно от первоначальной зооморфной концепции Трубецкого, от стойкого отрицания единого движенья истории, от жёсткого непризнания никаких общепланетарных целей и задач рода людского.

Евразийская концепция симфонической личности, гласившая, что человечество складывается из народов как симфонических личностей, самобытных и уникальных, как самобытен и уникален каждый приходящий в этот мир человек, прямо соотносилась с идеями Достоевского, который ещё в «Дневнике писателя» 1877 г. дал целостный и законченный образ подлинного интернационализма, бытия народов по принципу соборности: «не чрез подавление личностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душою и духом, учась у них и уча их; и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное древо, осенит собою счастливую землю» (25; 100).

В связи с признанием уже не только национальных, но и мировых, всепланетарных задач евразийцы начали обсуждать и столь дорогую для Достоевского мысль о всемирном призвании России, не раз получавшую своё выражение и на страницах «Великого пятикнижия», и в публицистике «Дневника писателя»: «Нет! Нам дорога эта страна – будущая мирная победа великого христианского духа, сохранившегося на Востоке» (25; 198). Православный Восток, по Достоевскому, живёт и должен жить чаянием будущего обновления Запада, чтобы слились наконец воедино разрозненные, кровоточащие половинки единого человечества, очищенные и омытые Христовой любовью. Так вот эту идею мессианства России, которую при своём рождении движение старалось подчёркнуто обойти стороной, евразийцы постепенно ставят во главу угла христианской геополитики. «Явственнее, чем другие народы, – пишет П. Н. Савицкий в третьем выпуске «Евразийского времен-

ника», – русские имеют одновременно две родины: Россию и мир; <...> наряду с делом национально-прикладным, делом внутреннего сплочения и оздоровления, делом внешнего мироустройства, Россия предопределена к действию вселенскому, призвана поднять и понести уроненную западным человечеством нить веры – нить, без которой человечество непременно и скоро заблудится и сгинет в тёмном лабиринте»⁴⁰. Свой опыт христианского строительства Россия-Евразия должна расширить на мир, объединяя народы земли в их движении ко Христу, а не от Христа. Да, идеологи течения вполне могли бы принять для себя формулу Достоевского: «Славянство – лишь первое собрание. Оно расширится на всю Европу и мир как христианство» (24; 214), разве что поставив на место «славянства» «евразийство» – как объединение, с их точки зрения, более синтетическое и масштабное.

«Идея всечеловечества выдвинутая русской культурой и более всего Достоевским, должна получить своё научное оформление»⁴¹, – читаем в программной статье Савицкого в сборнике «Тридцатые годы», подводившей итоги десятилетней эволюции евразийства и намечавшей его будущие ориентиры и цели. Видя во всечеловечестве определяющую «установку русского сознания» («Нет в мире народа, судьбы которого были бы безразличны для русских»⁴²), идеолог движения провозглашает лозунг «От россиеведения к мироведению»⁴³. Путь России-Евразии должен быть подчинён не столько требованиям её культурно-исторического типа, сколько всечеловеческим, всемирным задачам, принцип племенной – уступить место высшему, религиозному принципу. Другое дело, подчёркивает Савицкий, что восхождение ко всецелому и всемирному идеалу, долг того, что Достоевский называл «всеслужением человечеству», начинается для нации с самопознания и самоопределения, и через это познание своего и решение национальных задач закладывается путь «к познанию общего», «к выполнению задач вселенских»⁴⁴ – тезис, в котором влияние автора «Дневника писателя» буквально лежит на поверхности.

Вторил Савицкому и Г. Н. Полковников, представитель «молодой философской смены»⁴⁵, заявившей себя в евразийстве в конце 1920-х – начале 1930-х годов. В книге «Диалектика истории» (Париж, 1931) он предпринял попытку построения евразийской историософии на основе гегелевского учения о диалектике. «Рационалистическая цивилизация Запада», где сознание оторвано от интуиции, мысль от чувства, где горделивый разум утверждается в богоборчестве и «правду о человеке на земле» ставит на место «Божественной правды», во всём противоположна иррациональному, погружённому в стихию интуитивизма Востоку⁴⁶. Но враждебные тезис и антитезис должны

⁴⁰ Савицкий П. Н. Подданство идеи // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 130.

⁴¹ Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 63 (подп.: П. В. Логовиков).

⁴² Там же. С. 62.

⁴³ Там же. С. 59.

⁴⁴ Там же. С. 63.

⁴⁵ Савицкий П. Н. Идеи и пути евразийской литературы // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли. М., 1997. С. 387, 386.

⁴⁶ Полковников Г. Н. Диалектика истории. Париж, 1931. С. 34.

³⁸ Там же. С. 146.

³⁹ Чхеидзе К. А. Из области русской геополитики // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 109.

примириться в новом спасительном синтезе, который бессознательно искала Россия, стоящая между двумя мирами и причастная каждому из них, на протяжении всей своей тысячелетней истории. Этот синтез, уже сознательно и свободно, утверждала в последние два века и русская мысль, прежде всего в лице Достоевского, который, «пережив в себе весь путь Запада, весь путь самоутверждения человека, став как бы на вершине этого процесса, наметив его высшую точку в последнем отрицании, в последней страшной свободе человека», «наметил и его перелом и диалектическое завершение в примирении с Богом»⁴⁷.

В третью, синтетическую эпоху истории, которую открывает миру Россия-Евразия, найдут своё разрешение антиномии бытия и сознания, сталкивавшие Запад и Восток на протяжении многих веков: единичное и общее здесь примиряются в идеале соборности, разум и чувство – в даре «сердечного ума», Истина Бога и истина человека – в идеале «свободного обожения человека». Так полагается путь к «мировой всечеловеческой культуре», являющейся целостным синтезом самобытных национальных культур, в каждой из которых по-своему и неповторимо отражается Абсолютное⁴⁸.

Евразийство перекликалось с построениями Достоевского в своём самом высоком и чистом изводе, вторило ему в сфере христианских чаяний и идеалов. В реальной же, практической жизни течения было много не только не «от Достоевского», но, скорее, даже против него. Во второй половине 1920-х годов усилилась политизация движения, пошла речь о «правлящем отборе», о евразийской партии, призванной сменить у кормила власти партию большевиков (а партия – *party* – это уже *только часть*, это уже анти-соборность), начались внутренние нестроения, размежевания на правых и левых, последовал кламарский раскол... Евразийцы историсофы держались высокой планки, заданной Достоевским-мыслителем. Евразийцы реальные политики превращались в его персонажей. Это объяснялось и самой трудностью предносившегося пред ними задания – «непреодолимой пока трудностью», как позднее скажет по другому поводу В. В. Зеньковский, «сочетать идеал и историю»⁴⁹, и неизбежно встававшей антиномией целей и средств, замысла и воплощения. Начав с критики сменовеховцев за апологию «разума истории», допускающего для осуществления своих замыслов всякие средства – главное, чтобы они были действительны и эффективны («Никакая цель не оправдывает средства. И грех всегда остаётся грехом»⁵⁰), евразийцы сами в конце концов оказались готовы ради будущего торжества своих идеалов к тактическому сближению с коммунизмом, что и предопределило судьбу движения по старой русской пословице: «Коготок увяз – всей птичке пропасть».

ОТ ИСПОВЕДИ К ПРОПОВЕДИ: ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГЕРОЕВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена одной из актуальных и востребованных в современном достоевсковедении проблем, выявляющих связь художественной антропологии в творчестве писателя с православной духовной традицией. Автор статьи использует новые подходы и методологии в анализе и осмыслении художественного текста на уровне поэтики и проблематики, тем самым расширяя и углубляя понимание специфики содержания произведений Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: герой-идеолог, психологический уровень, «живая жизнь», художественная антропология, генезис и типология, диалог и монолог, рефлексия.

В литературоведении давно сложилась устойчивая традиция некоторые моменты творчества Ф. М. Достоевского, связанные с развёрнутыми высказываниями его героев, определять как исповедь. Это и первая часть «Записок из подполья» – «Подполье», и «Необходимое объяснение» Ипполита Терентьева, и «листки», как называет их автор, «От Ставрогина», и, конечно же, «бунт» Ивана Карамазова, обретающий в разговоре с Алешей русло для своего выражения. Надо отметить, что единственный персонаж, чьё признание изначально определяется как «Исповедь горячего сердца» самим Достоевским, – это Митя Карамазов. Она даётся в трёх частях: «В стихах», «В анекдотах» и «Вверх пятаями».

Склонность героев Достоевского к исповедальности определяется, конечно, внутренней потребностью к высказыванию, вызванной глубокой рефлексией тех персонажей, кто идёт на этот моно-диалог. У каждого из них свои мотивы, побуждающие их к озвучиванию тяжёлого душевного груза, делающего их жизнь почти невыносимой. За каждым развёрнутым высказыванием скрыто огромное чувство вины и глубокого страдания. Но всегда ли чувство вины сопровождается покаянием героя и готов ли он к «причастию»? Что следует за исповедью? Сумеет ли герой принять жизнь и пройти дальнейший трудный духовный путь к собственному «первому воскресению» и слиться с Христом? И в этом Достоевский остаётся верен своему художественному методу изображения человека и его отношений с окружающей действительностью, с людьми, с Богом.

Помимо названных, устойчивых в литературоведческом обиходе «исповедей», видится необходимым обращение к разговорам Раскольникова с Соней Мармеладовой, которые обычно определяются как признание героя. Но его мучительные рассуждения, смешанные с попытками самооправдания, обвинения и отчаяния, может быть, ближе всего и оказываются к настоящей исповеди, так как за ними стоит ясное осознание собственного великого греха и жгучее раскаяние в содеянном. Это крик живой души героя, нуждающейся

⁴⁷ Там же. С. 162.

⁴⁸ Там же. С. 162, 167, 169.

⁴⁹ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Париж, 1950. С. 147.

⁵⁰ Савицкий П. Н. Евразийство // Савицкий П. Н. Континент Евразия. С. 94.

в очищении и успокоении. И для писателя очень важным оказывается тот факт, что Раскольников способен на этот крик и идёт на этот зов. Именно поэтому Раскольников чуть ли не единственный убийца (во всяком случае, из активно действующих персонажей), который в эпилоге допускается автором к «причастию». Великое таинство воплощается в одном из самых оптимистичных фрагментов романа: «Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к её ногам. Он плакал и обнимал её колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо её помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла, и для неё уже не было сомнения, что он любит её и что настала же наконец эта минута... <...> Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого. <...> ... Одна мысль промелькнула в нём: “Разве могут её убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Её чувства, её стремления, по крайней мере...”» (6; 421 – 422). Возведение этого фрагмента в статус своеобразного художественного «причастия» может показаться слишком смелым, но нужно учитывать и особую функцию образа Сонечки Мармеладовой, христоподобность которой не просто допускает, а выводит именно на такую интерпретацию.

Однако, если говорить о литературной исповеди в творчестве Достоевского, гораздо ближе к ней оказываются персонажи из последующих произведений, включая поздние рассказы, вошедшие в «Дневник писателя». Автор, движимый антропологической целеустремленностью, сознательно ведёт своего героя по многотрудному пути преодоления душевного подполья и выходу к свету, в «живую жизнь». Этим обусловлено возникновение новых нитей, связывающих образы-персонажи в общем художественном пространстве идей Достоевского. Прочные связи обнаруживаются не только внутри конкретного типа героя. В силу ситуативной мотивации их чувств, мыслей и поступков, рядом оказываются герои, связанные не по типическому, а по тематическому принципу. Уже упомянутый фрагмент раскаяния-покаяния Раскольникова даёт читателю представление о механизме и последовательности процессов, необходимых для перехода от бунта к смирению и осознанию собственной вины. И если один из самых ярких героев-идеологов, Родион Раскольников, является буквальным убийцей и заслуживает наказания с юридической стороны, что снижает религиозный, метафизический пафос его наказания, то история Мити Карамазова более показательна именно с точки зрения неизбежности высшего возмездия. В отличие от Раскольникова Дмитрий не является ни идеологом, ни убийцей, но принимает юридическое наказание-ошибку за высшую справедливость. На судебном заседании на вопрос председателя, признаёт ли он себя виновным, Митя сразу же расширяет своё понимание вины: «Признаю себя виновным в пьянстве и разврате, <...> в лени и в дебоширстве» (15; 94). Метафизическая составная его жизненной истории усиливается автором через разговор с братом Алексеем уже после ареста, но до судебного заседания: «Брат, я в себе эти последние два месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! Был заключён во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром. Страшно! И что мне в том, что в рудниках буду двадцать лет молотком руду выколачи-

вать, не боюсь я этого вовсе, а другое мне страшно теперь: чтобы не отошёл от меня воскресший человек! Можно найти и там, в рудниках, под землёю, рядом с собой, в таком же каторжном и убийце человеческое сердце и сойтись с ним, потому что и там можно жить, и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить в этом каторжном человеке замершее сердце, можно ухаживать за ним годы и выбить наконец из вертепа на свет уже душу высокую, страдальческое сознание, возродить ангела, воскресить героя! А их ведь много, их сотни, и все мы за них виноваты! Зачем мне тогда приснилось “дитё” в такую минуту? “Отчего бедно дитё?” Это пророчество было мне в ту минуту! За “дитё” и пойду. Потому что все за всех виноваты! За всех “дитё”, потому что есть малые дети и большие дети. Все – “дитё”. За всех и пойду, потому что надобно же кому-нибудь и за всех пойти. Я не убил отца, но мне надо пойти. Принимаю!» (15; 30 – 31). Есть у Мити и своя «вечная Сонечка» – Груша, готовая разделить с ним все предстоящие тяготы и страдания во имя очищения и духовного возрождения. Но если в случае Родиона Раскольникова Соня Мармеладова своей собственной верой и душевной чистотой поддерживает героя и не даёт ему погибнуть окончательно, то Митя сам приходит к осознанию собственной греховности и раскаянию. Возможно, этим объясняется зыбкость перспективы следования Грушеньки за Митей на каторгу: «Алёша, я Грушу люблю ужасно, – дрожащим, полным слез голосом проговорил он. – Её к тебе туда не пустят, тотчас подхватил Алеша» (15; 185). И Дмитрий вторит ему: «Но её туда не пустят» (15; 185). Этот последний диалог братьев вошел в эпилог романа, что также отличает жизненные ситуации Раскольникова и Мити Карамазова. В первом романе «пятикнижия» герой лишь на каторге оказывается в начале духовного пути к преображению, в последнем – герой представлен как духовно зреющий человек, готовящий себя к христианскому подвигу.

В связи с обозначением широкого метафизического смысла всего происходящего с Митей, уместно вспомнить и о земном поклоне старца Зосимы, предшествующем основному действию в романе. Лицедейство, спровоцированное стариком Карамазовым, оканчивается весьма эффектно: «Но вся эта дошедшая до безобразия сцена прекратилась самым неожиданным образом. Вдруг поднялся с места старец. Совсем почти потерявшийся от страха за него и за всех, Алёша успел, однако, поддержать его за руку. Старец шагнул по направлению к Дмитрию Фёдоровичу и, дойдя до него вплоть, опустился перед ним на колени. Алёша подумал было, что он упал от бессилия, но это было не то. Став на колени, старец поклонился Дмитрию Фёдоровичу в ноги полным, отчётливым, сознательным поклоном и даже лбом своим коснулся земли. ... – Простите! Простите все! – проговорил он, откланиваясь на все стороны своим гостям. Дмитрий Фёдорович стоял несколько мгновений как поражённый: ему поклон в ноги – что такое? Наконец вдруг вскрикнул: “О Боже!” – и, закрыв руками лицо, бросился вон из комнаты» (14; 69 – 70). Без итогового душевного состояния Мити поступок старца остался бы странным и загадочным, каковым и выглядел на протяжении всего романа. Но в свете не только особой роли старшего из братьев в разворачивающихся событиях, но и предначертанности его дальнейшей судьбы раскрывается тайна поклона Зосимы.

В «Братьях Карамазовых» есть ещё один образ, который выходит за рамки собственно сюжетных персонажей, но необходим для понимания общей концепции Достоевского относительно проблемы преступления и наказания. Это Михаил, убийца, избежавший юридического суда и наказания. Цена его мнимой свободы стала невероятно высокой. По признанию самого ночного собеседника Зосимы (тогда еще Зиновия), он «четырнадцать лет был во аде» (14; 280). Его признание в убийстве и обнародование доказательств как бы реализует несостоявшееся покаяние на площади Раскольникова. Рассуждения Михаила о жизни и человеке ещё до признания носят характер убедительной проповеди и свидетельствуют о великом страдании этого человека¹.

В свете поставленной проблемы самым ярким и убедительным стал один из последних рассказов писателя «Сон смешного человека». Именно в нём чётко прослеживается духовная вертикаль героя. Фантастичен этот рассказ лишь со стороны сроков, которые понадобились главному герою для постижения абсолютной истины. На самом же деле, если учитывать формирование этого типа на протяжении всего творческого пути Достоевского, становится понятен переворот сознания героя и резкий переход от «подпольного» состояния к «живой жизни». Без предшествующих стадий и этапов духовного развития, которые были продемонстрированы художником в образах многих уже созданных персонажей, Смешной человек вряд ли бы стал столь убедительным. Но генетически он явно связан с героем «Записок из подполья», исповедь которого превращается в невыносимый фарс и вызывает у читателя самые неприятные чувства и ассоциации. Но именно этот жёлчный и отвратительный господин читает развёрнутую мораль, можно сказать, проповедь, проститутке Лизе. И – парадокс, но факт – во многом благодаря встрече с Подпольным, Лиза обретает силы к обновлению собственной жизни.

Рассказ Смешного человека о себе не так пространен, как исповедь его литературного предшественника, но зато сама интрига весьма эффектна: он готов к самоубийству, финальному этапу саморазрушения и уничтожения. Конечно, фантастична и ситуация, когда герой, проживший два месяца в твёрдом намерении застрелиться и специально для этого купивший револьвер, вместо того, чтобы осуществить задуманное, «засыпает незаметно» (25; 109). Но именно этот приём даёт автору полную свободу в осуществлении своего замысла: превратить сознание героя в пространство, способное вместить в себя явления, непостижимые вне сна: «О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне нельзя видеть такие подробности, какие я передаю теперь, что во сне моём я видел или прочувствовал лишь одно только ощущение, порождённое моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил проснувшись. И когда я открыл им то, что, может быть, в самом деле так было, – боже, какой смех они подняли мне в глаза и какое я им доставил веселье! О да, конечно, я был побеждён одним ощущением того сна, и оно только одно

уцелело в до крови раненном сердце моём: но зато действительные образы и формы сна моего, то есть те, которые я в самом деле видел в самый час моего сновидения, были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не в силах был воплотить их в слабые слова наши, так что они должны были как бы ступешваться в уме моём, а стало быть, и действительно, может быть, я сам, бессознательно, принуждён был сочинить потом подробности и, уж конечно, исказив их, особенно при таком страстном желании моём поскорее и хоть сколько-нибудь их передать» (25; 115).

Но во сне герой не только видит рай наяву – здесь он переживает самые мучительные чувства в своей жизни. Именно он становится причиной разращения счастливых обитателей планеты-двойника и в полной мере осознаёт собственную вину за всечеловеческий грех. Раскаяние доходит до высшей точки, когда он готов к распятию и пытается научить людей сделать крест.

Пробуждение героя от сна становится символом его духовного преображения и пробуждением в «живую жизнь». Благодаря новому духовному знанию, Смешной человек обретает потребность и способность к проповеди: «А наша-то жизнь не сон? Больше скажу: пусть, пусть это никогда не сбудется и не бывать раю (ведь уже это-то я понимаю!), – ну, а я всё-таки буду проповедовать. А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час – всё бы сразу устроилось! Главное – люби других как себя, вот что главное, и это всё, больше ровно ничего не надо: тотчас найдёшь как устроиться. А между тем ведь это только – старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же! “Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья” – вот с чем бороться надо! И буду. Если только все захотят, то сейчас всё устроится» (25; 118 – 119).

Духовный путь героев Достоевского – это тернистый путь человека к истинному счастью, постоянное преодоление собственного подполья. Лишь это преодоление, сознательное, трудное, всегда сопряжённое с великим душевным страданием, осознание собственной греховности даёт им право выхода в «живую жизнь». В конечном счёте это ведёт к обретению способности не только выдержать в своём сердце битву «дьявола с Богом» и увидеть свет Истины, но и нести этот свет другим людям.

¹ См. подробнее: Черюкина Г. Л. «Жизнь есть рай...»: Маркел и Ипполит (к вопросу о типологическом диапазоне в художественной антропологии Ф. М. Достоевского) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 28 – 35.

Т. П. Баталова

ИСТОРИСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1845 – 1859 гг.

Автор предлагаемой статьи изучает постановку исторических проблем в публицистике Ф. М. Достоевского. В 1840-е гг. взгляды писателя были близки позиции журнала «Современник». В 1850-е гг. он разрабатывает «русскую идею», его религиозные настроения усиливаются.

Ключевые слова: Достоевский, Пётр I, русская журналистика, фельетон.

В письмах к старшему брату 1845 – 1846 гг. Достоевский сообщал о своей близости к В. Г. Белинскому. «Я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен», – пишет он 8 октября 1845 г. О том, что он вошёл в этот круг, а значит, разделял и его позиции, свидетельствует его объявление «Зубоскал» (1845) и участие в редакции альманаха: «<...> главными его редакторами будем я, Григорович и Некрасов» (28; 113).

«Зубоскал» смеётся над славянофилами. Достоевский не случайно выделяет статью, предвосхищающую «последнее заседание» славянофилов, где «торжественно докажется, что Адам был славянин и жил в России, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрешения такого великого социального вопроса для благоденствия и пользы всей русской нации» (28; 114). Но в то время эти установки не могли быть и ортодоксально западническими. Развитие русской культуры и, прежде всего, творчество Пушкина и Гоголя приводило к неоднозначности решения коренной проблемы русской историософии – оценки деятельности Петра I. Да и сама партийная полемика требовала более глубокого и всестороннего изучения материала. О значимости этих взглядов говорит необычайно большой интерес представителей различных литературных и исторических направлений к «Сборнику исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных», выпущенному Д. А. Валуевым (М., 1845).

Конечно, роль данного труда неоднозначна. С одной стороны, его «Предисловие» стало «как бы программой всей последующей деятельности славянофильской школы»¹, в нём говорится: «С первым двадцатилетием XIX века для государства русского настала новая эпоха», необходимо, чтобы «оно обратило свои силы на самого себя и на своих забытых единоверцев»². Мессианскую идею выражает и заглавие книги, ориентированное на продолжение издания (ранняя смерть Валуева оставила этот замысел неосуществлённым). С другой стороны, первый и единственный том оказался самоценным и уникаль-

¹ Венгеров С. А. Валуев Дмитрий Александрович // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. V. СПб., 1891. С. 440.

² «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах, ей единовременных и единоплеменных». М., 1845. С. 13.

ным. Уже на первых его страницах признавалась историческая роль Петра I. «Первым двадцатилетием настоящего века Россия со славою окончила свой государственный подвиг, начатый Петром Великим <...> Задача России была узнать Запад, уроки его вековой опытности, богатые плоды его долгой трудовой жизни»³. Но это «узнавание» Запада истолковывается как объективный исторический процесс: «Как мы с Петром Великим приняли в себя достоинства западного мира, так и этот западный или германский мир принял в себя когда-то наследие древнего человечества»⁴.

Важно и то, что авторами статей по древней и средневековой истории германских и славянских народов были учёные разной ориентации – и западники, и славянофилы: А. Хомяков, К. Кавелин, С. Соловьёв, Т. Грановский, И. Снегирёв и др. Таким образом, акцент переносился с умозрительных партийных дискуссий на ИЗУЧЕНИЕ исторического своеобразия славянских и германских народов.

Восторженные рецензии на «Сборник...» говорят о том, что возвращение на старые позиции стало уже невозможным. П. А. Плетнёв писал в «Современнике» (1846. Т. 42. С. 228): «В прошедшем году мы обратили внимание читателей на один из самых любопытных сборников по части русской истории <...>. Его появлением наука обязана молодому человеку, страстно любившему отечественную историю – и этого юноши, подававшего о себе столько надежд в будущем, уже не стало». К. Д. Кавелин обширную критическую статью о том же издании («Отечественные записки». 1846. Т. 47. Критика. С. 28) завершил возвышенной риторикой: «От души желаем полного успеха «Сборнику» и полного неуспеха его направлению». «Исторический и статистический сборник» покойного Валуева по своему направлению, цели и основной мысли есть явление, составляющее эпоху в исторической русской литературе», – заявлял Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» («Современник». 1847. № 1. С. 28).

Итак, русская историческая наука выразила мысль, подготовленную всем развитием русской культуры. В этом свете оживляется и повышается значимость вышедших в те же годы (1845 – 1846) «физиологических» сборников. Развивая принципы гоголевской типизации, они выражали и современные историософские установки: «вглядываться в русскую жизнь», показывать её своеобразие. Эта программа раскрывается в своего рода «методологическом пособии» для составителей очерков о Петербурге – «Литературных отметках» Некрасова и Белинского («Русский инвалид». 1844). «Как, например, занимательно, – рекомендовал фельетонист, – сколько представляет наблюдательному физиологу поводов к интереснейшим соображениям <...> петербургское народонаселение. Офицер, чиновник, писатель, книгопродавец, шарманщик, актёр, купец из русских и купец из немцев, магазинщица-француженка, магазинщица-немка, магазинщица-русская, сапожник-русский и сапожник-немец и пр. и пр., – всё это люди, всё это жители одного и того же Петербурга; а между тем, сколько между ними разницы, сколько

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

интересных оттенков, которые непременно должны быть подмечены, потому что в них открывается настоящий характер Петербурга»⁵.

Подобные мысли Некрасов высказывал и в «Литературной газете» от 14 сентября 1844 г. Заметим, что Достоевский, очевидно, разделял подобные подходы. Может быть, узнав (хотя бы от Д. В. Григоровича) о подготовке «Физиологии Петербурга», он, оставив «Марию Стюарт» и «Бориса Годунова», начал работу над «Бедными людьми» (которые были опубликованы в 1846 г. также в физиологическом «Петербургском сборнике»).

Та же программа – и в некрасовских юмористических физиологических сборниках. О «Зубоскале» Достоевский пишет: «острить и смеяться над всем, не щадить никого, цепляться за театр, за журналы, за общество, за литературу, за происшествия на улицах, за выставку, за газетные известия, за иностранные известия, словом, за всё, всё это в одном духе и в одном направлении» (28; 113). Тот же стиль – и в его объявлении об этом альманахе: «Повести, рассказы, юмористические стихотворения, пародии на известные романы, драмы и стихотворения, физиологические заметки, очерки литературных, театральных и всяких других типов, достопримечательные письма, записки, заметки о том, о сём, анекдоты, пuffy и пр., и пр., всё в том же роде, то есть в том роде, который соответствует нраву «Зубоскала» и кроме которого ни к какому роду он не чувствует в себе призвания. Таково будет содержание нашего альманаха» (18; 9).

О близости позиций Достоевского и Некрасова говорит и то, что Фёдор Михайлович планировал написать для «Зубоскала» «Записки лакея о своём барине». Кроме того, с Некрасовым и Григоровичем для «Первого Апреля» (1846) он писал «Как опасно предаваться честолюбивым снам». Таким образом, можно заключить, что в 1845 – 1846 гг. Достоевский разделял выраженные в рассмотренных «физиологических» изданиях установки, вопреки умозрительной полемике между западниками и славянофилами, сосредоточить внимание на «настоящем характере Петербурга» и его жизни.

Эта концепция, распространённая до общероссийского масштаба, была реализована в преобразованном «Современнике» (1847 – 1866). Убедившись в первые годы издания в жизнеспособности журнала с такой программой, редакция приглашала к сотрудничеству учёных и литераторов, независимо от их партийной ориентации. Вероятно, именно с этой целью в объявлении «Об издании “Современника” в 1849 году» был унаследован стиль памятного валуевского «Сборника...». Но, признавая историческую роль Петра I, исключая мессианскую идею, редакция ставила новые задачи перед русской журналистикой – сосредоточить внимание на особенностях современной русской жизни. «Эпоха, начавшаяся для России веком Петра Великого и последовательно отразившаяся во всех сторонах русской жизни, вызвала новые требования, изменила во многом понятия и взгляды на цели»⁶.

⁵ См.: Мельгунов Б. В. Некрасов – журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 30.

⁶ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Л.; СПб., 1981 – 2000. Т. 13. С. 287.

Историософски осмысливается и современное положение. «В эту славную, блистательную эпоху нашей истории до последнего двадцатилетия в законодательстве, администрации, науке, обычаях, во всём заимствование и усвоение русской почве плодов европейской жизни было лозунгом, соединявшим лучшие умы; <...> То же представляла тогда и русская журналистика. Её главное назначение с самого рождения состояло в передаче русской публике того, что делалось в Европе <...> всё европейское стояло на первом плане, а русское на втором»⁷. Именно этим обуславливались и новые задачи журналистики. «Теперь, более чем когда-нибудь, мы должны обратиться на самих себя, сосредоточиться, глубже вглядываться в свою народную физиономию, изучать её особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего, несомненно великого, исторического предназначения. Делать общеизвестными результаты такого изучения России русскими <...> вот в чём <...> должно отныне состоять призвание нашей журналистики»⁸.

Говорить открыто о всех своих целях при отсутствии свободы печати, конечно, было невозможно. Только закон об отмене предварительного цензурирования журналов (1865) ослабил эти ограничения. В объявлении «Об издании “Современника” в 1866 году» редакция уточняла свою программу: «“Современник” был первым и единственным органом, поставившим себе главной задачей гражданское развитие читателя и указавшим на это развитие как на главную жизненную задачу для самого читателя»⁹. Очевидно, принимая эти установки, Достоевский в «Современнике» (1847. № 1) опубликовал «Роман в девяти письмах». Об этом же говорит и стремление и его, и Некрасова к восстановлению добрых отношений между ними после расхождения Достоевского с Белинским. 9 сентября 1847 г. писатель сообщает брату: «Кроме того, можно будет достать переводов у Краевского или у Некрасова, с которым я сойду для этого окончательно, чего он донельзя желает» (28; 147).

В публицистике 1847 – 1849 гг. историософские взгляды Достоевского, близкие программным установкам «Современника», развивались и уточнялись (ср.: 18; 331). Главную роль здесь играют его фельетоны («Петербургская летопись», 1847). Отметим, что историко-литературное значение этого жанра амбивалентно. «Что такое фельетон?» – спрашивал И. И. Панаев и отвечал: «Это болтун, по виду добродушный и искренний, но в самом деле часто злой и зло-речивый, который всё знает, всё видит, обо многом не говорит, но высказывает решительно всё, колет эпиграммою и намёком, увлекает и живинкой шутки»¹⁰.

Ю. Г. Оксман отмечает, что фельетон обновлял литературу, и подтверждает это наблюдениями А. В. Дружинина: «Заметьте, как упрощается словесность; как исчезают хитросплетённые разделения литературных произведений, как явственно простота и краткость берут верх над велеречием и запутанностью»¹¹. С другой стороны, «по цензурным соображениям <...>, – считает

⁷ Там же. С. 287 – 288.

⁸ Там же. С. 289.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Фельетоны сороковых годов. М.; Л., 1930. С. 7.

Т. Хмельницкая, – русскому журналисту был совершенно закрыт доступ к политическим, общественно значимым темам. Для большей безопасности и потенциальной свободы высказывания русскому фельетону именно нужно было прикидываться незначительным, легкомысленным, вращающимся в кругу беспретенциозно мелочных тем»¹². Думается, что при рассмотрении фельетонов Достоевского необходимо учитывать особенности жанра.

Прежде всего отметим отразившуюся в них неоднозначность отношения Достоевского к деятельности Петра I. Он признаёт историческую роль первого русского императора в создании новой России, благотворное влияние на жизнь страны направления его реформ. «Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, всё начинает жить. Всё – промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни – всё живёт и поддерживается одним Петербургом» (18; 26).

Заметим: «сила и благо» – «**направления**» реформ Петра; «всё **начинает** жить». Т.е. автор не абсолютизирует благость современного состояния жизни ни Петербурга, ни России. Кроме того, думается, что мажорный тон здесь не вполне западнический. Для Достоевского Пётр I – создатель новой России, не похожей на Запад. «...как-то упорно не поддаёмся мы до сих пор, – пишет он, предваряя Тютчева, – на обмерку нас европейским аршином» (18; 24). И в разнохарактерности архитектурных стилей Петербурга, вызывающей насмешку французского туриста, писатель видит национальное своеобразие русской истории – её живое движение. На полупрезрительное замечание иностранца «нет ничего бесхарактернее петербургской архитектуры; <...> *ничего национального* <...> весь город – одна смешная карикатура некоторых европейских столиц», – Достоевский возражает: «Петербург и глава и сердце России.<...> Даже вся эта разнохарактерность её (архитектуры. – Т.Б.) свидетельствует о единстве мысли и о единстве движения» (18; 24, 26).

С Петербургом, с идеей Петра писатель связывает и будущее России: «И до сих пор Петербург <...> создается, делается; будущее его ещё в идее; но идея эта принадлежит Петру I» (18; 26). Думается, не случайно возникает здесь мотив движения. Он может выражать и развитие «идеи Петра», усовершенствование уклада русской жизни.

Достоевский, как нам представляется, развивает мысли, заложенные в программе «Современника». Заметим здесь же, что его патетика, касающаяся Петра I и Петербурга, уравнивается результатами «внимательного всматривания в русскую жизнь». Связующим мотивом для рассматриваемых фельетонов становится мотив общественной деятельности. А. Я. Панаева вспоминает, что Некрасов видел необходимость нового журнала в общественной потребности. «Если бы явился новый журнал с современным направлением, то читатели нашлись бы. С каждым днём заметно назревают всё новые

и новые общественные вопросы; надо заняться ими не с снотворным педантизмом, а с огнём, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности»¹³.

Обращаясь к фельетонам Достоевского, отметим, что при целостном прочтении этих текстов нельзя не видеть противоречия между тезисом «Реформа Петра I» создала «на Руси свободную деятельность» (18; 32) и рассуждениями фельетониста о современном состоянии деятельности. «Публичные интересы у нас есть <...> Но у нас более в употреблении кружки. <...>. Это <...> произведение нашего национального характера, который ещё немного дичится общественной жизни и смотрит домой. К тому же для общественной жизни нужно искусство, нужно подготовить так много условий <...>» (18; 12). Заметим, что автор здесь не уточняет, какие «условия» должны быть подготовлены. Вместе с тем, он убеждает читателя в необходимости общественной деятельности для развития личности: «... только при обобщённых интересах, в сочувствии к массе общества и к её прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении может отшлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его капитал, его доброе сердце!» (18; 13 – 14).

Нам представляется, что мотив дремоты оживляет в сознании читателя размышления Валуева о результатах насильственного перенесения на русскую «почву» европеизма: «Переносятся только главные формулы <...> и основные выводы, но уже лишённые всех задатков внутренней жизни. <...> Не мудрено, впрочем, если западный мир убивает нашу собственную самодеятельность, повергая в незаконную дремоту все лучшие созидательные силы души» (с. 11). Интересно, что мотив дремоты у Достоевского развивается, эстетизируется, превращаясь в зевок. Фельетонист сокрушается о том, что «зевает» не только в «кружках», «зевает» весь Петербург (а значит, и вся Россия). «Уж известно, что зевота в Петербурге такая же болезнь, как грипп, как геморрой, как горячка, болезнь, от которой ещё долго не освободятся у нас никакими лечениями» (18; 21).

Автор «Бедных людей» усиливает драматизм валуевского мотива дремоты души, показывая противоречие между необходимостью общественной деятельности, «жаждой» её «у нас» и её невозможностью. «А жажда деятельности доходит у нас до какого-то лихорадочного, неудержимого нетерпения: все хотят серьёзного занятия, многие с жарким желанием сделать добро, принести пользу и начинают уже мало-помалу понимать, что счастье не в том, чтоб иметь социальную возможность сидеть сложа руки <...>, а в вечной неутомимой деятельности и в развитии на практике всех наших наклонностей и способностей. А много ли, например, у нас занятых делом <...> с охотою» (18; 30 – 31).

Интересно сравнение русского с немцем, напоминающим гоголевского Шиллера из «Невского проспекта». Немец «даже введёт какую-нибудь особенную, новую систему в своё занятие», но далее Достоевский показывает

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 258 – 259.

¹³ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1986. С. 134.

и неприемлемость этого для свободной деятельности. «Но хорошо ли это? Отчасти и нет; потому что в этом случае человек доходит до другой ужасной крайности, до флегматической неподвижности, иногда совершенно исключают человека и включающей на место его систему, обязанность, формулу» (18; 32). Думается, что гоголевский подтекст, показывающий несовместность немецкой регламентированности и самобытности русской жизни, приводит к переосмыслению выводов фельетониста о характере реформы Петра I: «Реформа Петра Великого, создавая на Руси свободную деятельность, была бы невозможна с таким элементом в народном характере» (18; 32). В этом случае писатель приходит к выводу о том, что именно насильственное внедрение на Руси немецких порядков, не оставляющих места для свободы (т.е. «средств») деятельности, приводит к русской трагедии «мечтательности». О подобном отношении к государственным порядкам в России свидетельствует и воспоминание А. П. Милюкова: «Помню хорошо, что он всегда энергично говорил против мероприятий, способных стеснить чем-нибудь народ»¹⁴.

Таким образом, Достоевский в «Петербургской летописи» признаёт историческую роль Петра I как создателя новой России и, вместе с тем, пишет о том, что петровские реформы, проведённые на немецкий лад, не подготовили, и не могли подготовить условия для свободной общественной (т.е. гражданской) деятельности, что приводит к трагическим последствиям.

В 1848 – 1849 гг., в период его участия в кружке петрашевцев, исторические взгляды Достоевского уточнялись. Роль Петра I он вновь связывал со своеобразием русской истории, но противопоставляя стремлению Европы к республиканскому строю значимость для России силы авторитарной власти. Так Следственной комиссии он объяснял: «Для меня никогда не было ничего нелепее идеи республиканского правления в России.

<...> всё, что только было хорошего в России, начиная с Петра Великого, всё то постоянно выходило свыше, от престола, а снизу до сих пор ничего не выказывалось, кроме упорства и невежества» (18; 123). Искренность этих слов подтверждают и воспоминания А. П. Милюкова о спорах в кружке С. Ф. Дурова о путях освобождения крестьян – сверху или снизу. «Другие, напротив, говорили, что народ наш не пойдёт по следам европейских революционеров и, не веря в новую пугачёвщину, будет терпеливо ждать решения своей судьбы от верховной власти. В этом смысле с особенной настойчивостью высказывался Ф. М. Достоевский. Я помню, как однажды, с обычной своей энергией, он читал стихотворение Пушкина <...>

Увижу ль, о друзья, народ не угнетённый
И рабство падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?»¹⁵

Милюков рассказывает и о том, что Достоевский считал, что теории европейских социалистов «для нас не имеют значения, что мы должны искать источников для развития русского общества не в учениях западных социа-

листов, а в жизни и вековом историческом строе нашего народа, где в общине, артели и круговой поруке давно уже существуют основы более прочные и нормальные, чем все мечтания Сен-Симона и его школы»¹⁶.

Таким образом, к концу 1840-х гг. Достоевский прямо не примыкал ни к западникам, ни к славянофилам. По своим историческим взглядам ближе всего стоял он к позиции круга «Современника».

Своеобразие русской истории Достоевский видел в авторитете верховной власти. В этом смысле он понимал и роль Петра I как создателя новой России. Вместе с тем, на верховную власть он возлагал ответственность за свободное развитие народа. Иронизируя в фельетонах «Петербургской летописи» по поводу «зевка», показывая трагические последствия отсутствия условий для свободной деятельности, сопоставляя национальный характер русского и немца и здесь же напоминая о реформе Петра, он намекает на причины болезненных для России общественных явлений.

Подводя итог сказанному, отметим, что исторические взгляды Достоевского в 1840-е годы ещё не оформились в единую систему. Своеобразным катализатором этого процесса явилась каторжная жизнь писателя. Мучительные размышления помогли отличить случайное и убедиться в верности коренного. «Я тоже думал и переживал, и были такие обстоятельства, такие влияния, что приходилось переживать, передумывать и пережёвывать слишком много, даже не под силу. <...> Идеи меняются, сердце остаётся одно», – пишет он 18 января 1856 г. А. Н. Майкову (28; 207 – 208).

Основные прежние взгляды не только сохранились, но и укрепились. Осторожная жизнь усилила в нём неприятие французских принципов социализации. «Вот уже очень скоро пять лет, как я под конвоем, или в толпе людей, – пишет он Н. Д. Фонвизиной (конец января – 20 февраля 1854), – и ни одного часу не был один. Быть одному – это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей делается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти 4 года» (28; 177).

Но эта же жизнь дала Достоевскому возможность узнать русский народ. «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его», – пишет он брату 30 января – 28 февраля 1854 г. (28; 173). Концепция русского народа – один из главных элементов исторической системы Достоевского. В её основании лежит осмысленное им христианство, которое как бы пропитывает два противоположные элемента – народа и верховной власти, со своеобразным медиатором между ними – обществом.

Заметим, что на мировоззрение писателя не могла не влиять и сложившаяся тогда в России кризисная ситуация – Крымская война, смерть Николая I, Севастопольская катастрофа, надежды на нового царя, заключение мира. Тогда особенно обострился вопрос о власти, о консолидации вокруг неё общества. Не случайно в переписке Достоевского с Майковым возникает мотив русскости. «Несчастье моё дало мне многое узнать практически,

¹⁴ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 264.

¹⁵ Там же. С. 262.

¹⁶ Там же. С. 263.

может быть, много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем...», – пишет он Майкову в выше цитированном письме. Здесь Достоевский излагает и свою «русскую идею», включая в неё и признание исторической роли Петра I. В этой связи он восхищается «Клермонтским собором» Майкова. Заметим, что в этих стихах именно через образ Петра выражен мотив противостояния России «врагам» с Запада.

Достоевский убеждён и в том, что Петром завещана идея о необходимости нравственного освобождения славян, о величии России в споре с Европой: «... вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. <...> Да! разделяю с Вами идею, что Европу и назначение её *окончит Россия*. Для меня это давно было ясно» (28; 208). В этом же письме возникает и мотив обществу. Писатель как бы сверяет свои мысли об авторитете монарха с реакцией на Высочайший манифест от 9 февраля 1854 г.: «Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но Вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает. Но кто же из этого заключал когда-нибудь, что оно без энергии? Осветите хорошо мысль и позовите общество, и общество Вас поймёт» (там же).

Таким образом, положение о признании исторической роли Петра I в создании новой России, развитое Достоевским в «Петербургской летописи», теперь воплотилось в его «русской идее». Кроме того, противостояние России Европе здесь дополнилось тезисом о необходимости нравственного освобождения славян.

Эти взгляды писатель, вероятно, развивал и в статье, о которой сообщал брату 18 января 1856 г.: «Может быть, я успею написать очень скоро одну статью о России, патриотическую» (28; 205). Оговорка «очень скоро» свидетельствует о стремлении Достоевского «успеть» – написать памфлет до изменения политической ситуации, каковое он, конечно, предполагал. Из письма к Врангелю от 13 апреля 1856 г. видно, что этот план не осуществился; ситуация изменилась быстрее: «Я говорил Вам о статье об России. Но это выходил чисто политический памфлет. Из статьи моей я слова не захотел бы выкинуть. Но вряд ли позволили бы мне начать моё печатание с памфлета, несмотря на самые патриотические идеи. А выходило дельно, и я был доволен. Сильно занимала меня статья эта! Но я бросил её. Ну, как откажут напечатать? К чему же пропадать моим трудам? <...> Да и политические обстоятельства изменились» (28; 229).

В середине 1850-х гг. у Достоевского складывается система историософских взглядов, составляющими которой являются самодержавная власть (сила авторитета), общество, народ. Писатель признаёт историческую роль Петра I в создании новой России, которая должна в будущем завершить дело Европы по укреплению христианства. Эти взгляды проявились и в конкретной деятельности писателя в конце 1850-х гг., в его стихах и письмах того времени.

Определённый публицистический интерес представляют письма Достоевского к Врангелю от 23 мая 1856 г. и Э. И. Тотлебену от 2 ноября 1859 г.

Но предварительно заметим, что 18 января 1856 г. Достоевский отвечал Майкову на письмо 1854 г. Очевидно, одной из причин длительного молчания писателя было изменение общественных настроений в связи с Севастопольской трагедией. Думается, вполне допустимо предположить, что и у Достоевского могли возникнуть тогда сомнения в авторитете монарха. В этом свете понятна высказанная Врангелю надежда на справедливость всеобщей любви к новому царю: «Дай бог счастья великодушному монарху! И так, всё справедливо, что рассказывали постоянно о горячей к нему любви всех! Как это меня радует! Больше веры, больше единства, а если любовь к тому, – то всё сделано. – Каково же кому-нибудь оставаться назади? Не примкнуть к общему движению, не принести свою лепту!» (28; 232).

Эта патетика может показаться нарочитой, но она вполне созвучна общественным настроениям той поры. Обратим внимание, например, на то, что в связи с царскими рескриптами конца 1857 г., ознаменовавшими начало подготовки реформы по отмене крепостного права, в журналах печатались материалы по крестьянскому вопросу, в которых давалась высокая оценка предстоящим преобразованиям. Так, в февральской книжке «Современника» (1858) в редакционной статье «О новых условиях сельского быта» Н. Г. Чернышевский предстоящие реформы по своей значимости приравнивал к петровским. Герцен восторгался Александром II в «Колоколе». Таким образом, надежды Достоевского на царя вполне вписывались в настроение русских общественных кругов. В оде «На коронацию и заключение мира» (1856) Достоевский сравнивает «стею крутую» Александра II с петровской. Заметим, что это стихотворение выделяется в контексте русской поэзии того времени уверенностью автора в единении народа с его царём¹⁷. В то же время отношение Достоевского к монархам неотделимо от его оценки политических условий, господствующих в стране: наличием или отсутствием демократических свобод. «Сердце осталось одно» – сохранились прежние убеждения в необходимости условий для свободной общественной деятельности, о чём он писал в фельетонах «Петербургской летописи».

Возвращаясь в литературу, Достоевский, очевидно, должен был сориентироваться в журнальном поле. Можно предположить, что ему более всего импонировал «Современник», особенно в свете раскола его редакции, т.е. ухода из нее сотрудников, иронически настроенных к нему. О близости взглядов редакции журнала и Достоевского говорит, например, тот факт, что мартовская книжка «Современника» 1855 г. открывалась стихотворением Майкова «18 февраля 1855 года», посвящённым кончине Николая I и надеждам на молодого наследника (как и стихотворение Достоевского «На 1 июля 1855 года»). В № 12 журнала опубликован антизападнический майковский «Арлекин».

Заочные взаимоотношения Некрасова и Достоевского 1850-х гг. свидетельствуют о близости их позиций. Не случайно редактор «Современника»

¹⁷ Федянова Г. В., Баталова Т. П. Стихотворения Ф. М. Достоевского 1853 – 1856 гг. в контексте русской поэзии периода Крымской войны // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной конференции 25 – 29 августа 2009. Коломна, 2009. С. 13 – 15.

через А. Н. Плещеева предлагал Достоевскому, вышедшему из каторги, сотрудничество. Достоевский же в хлопотах о публикации «Села Степанчиково» неоднократно просил брата: «...сходи сам к Некрасову, поговори с ним лично, расскажи ему всё дело откровенно, кланяйся ему от меня» (28; 329). Вероятно, здесь не только выражение дипломатии (что, конечно, имеет место), но и чувство внутренней близости общественных позиций. Заметим и то, что Некрасов в это время переживает драму и на журналистском поприще – раскол редакции «Современника», и личную – разрыв с Тургеневым. Кроме того, тогда же достигало апогея «огарёвское дело». Своими корнями оно уходило в 40-е годы, в связи с чем следует вспомнить конфликт Некрасова с Белинским и с «московскими западниками» в отстаивании им «русской» программы «Современника». Будучи свидетелем истоков этой драмы, Достоевский, очевидно, сочувствовал Некрасову.

Таким образом, в 1850-е гг. историософские взгляды Достоевского сконцентрировались в его «русской идее». На фоне сохранившихся убеждений («сердце остаётся одно») более чёткое выражение получили христианские и монархические мотивы.

Г. В. Федянова

ОБРАЗ ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ ОЛЬГИ ФОРШ «ОДЕТЫ КАМНЕМ»

В предлагаемой статье раскрывается смысловая нагрузка образа Достоевского в историческом романе О. Форш. Хотя Достоевский – герой второго плана, но в сценах встреч с ним главных героев подчёркивается противостояние идеи русской Всечеловечности и фанатизма радикалов. Гибель героев-террористов и трагедия Рассказчика подчёркивает перспективность их убеждений и жизненность гуманистической позиции Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, образ, ситуация, роман.

В работах, посвящённых творчеству О. Д. Форш, в 1950 – 1960-е гг. в соответствии с идеологическими установками того времени доминировал социологический подход¹. Роман «Одеды камнем» (1923) трактовался как выражение идей победившего социализма. Традиционная оценка конфликта произведения повторяется и в статье А. И. Филатовой². В статье Г. П. Турчиной «Тайный дар и духовная свобода»³ отмечается драматизм положения писательницы, не принимавшей «поголовщины» (образ, введённый Форш в 1918 г. в рассказ «Марфушкин круг»); но роман «Одеды камнем», касающийся и этой проблемы, здесь не рассматривается.

Образ Достоевского в этом романе несёт важнейшую смысловую нагрузку. Если нравственно-психологическое противостояние двух главных героев – Михаила Бейдемана и Сергея Русанина – достаточно полно раскрывается в их личном конфликте, то идеологический спор, борьбу русской Всечеловечности и фанатизма радикалов писательница переносит на противостояние Достоевского и Бейдемана. Русанину, выступающему в романе под маской антигероя, не доверено идейное противоборство с человеком, сознательно готовящим себя к судьбе смертника ради «дела» – т.е. террористического акта, направленного против Александра II. Двадцатилетний Русанин, выпускник военного училища, не имеет жизненного опыта. По собственному признанию героя, книг Достоевского он в 1860 – 1861 гг. ещё не читал. Первоначально очарованный суровой мужественностью своего друга Бейдемана, стремящийся ему подражать, юнкер Константиновского военного училища не принимает его идей, сопротивляется интуитивно агрессии таинственного «дела» Бейдемана. Их конфликт осложняется традиционно романтным любовным треугольником: невеста Русанина влюбляется в Михаила и приносит свою жизнь в жертву его идеям, становясь членом террористической организации.

¹ Луговцов Н. П. Творчество Ольги Форш. Л., 1964; Мессер Р., Ольга Форш. Л., 1955; Чертков Л. Н. Форш Ольга Дмитриевна // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. С. 66 – 68.

² Филатова А. И. Форш Ольга Дмитриевна // Русские писатели XX века. Биографический словарь. Т. 3. М., 2000. С. 590 – 592.

³ Турчина Г. П. Тайный дар и духовная свобода // Форш Ольга. Летошний снег. М., 1999.

Но именно Русанин, художник по своим природным задаткам, нередко выступает как доверенное лицо автора. Тонкость наблюдений, меткость оценок, проникновение в психологию другого человека сближает автора и этого героя, прожившего в самоосуждении долгую жизнь и дающего возможность соединить две эпохи в истории России: 1860-е и 1923 гг.

Роман Форш опубликован в журнале «Россия» в первых номерах за 1924 г., в 1925 г. вышел отдельным изданием. Именно это произведение А. М. Горький оценивал как первый в новой, советской литературе исторический роман. Опыт русского и западноевропейского романа в целом, а также произведений, обращавшихся к реальным историческим событиям, проявляется в поэтике произведения. Но особым сделало его созвучие современности. На момент публикации роман Форш воспринимался как уникальное явление отечественной литературы. В XX в. эта книга по своей популярности превзошла многие хрестоматийные произведения.

Это обстоятельство заставляет внимательно отнестись к выше отмеченному созвучию своему времени. Под созвучием понимается не одномерность сознания, рождающаяся как подчинение идеологическим доктринам, что для советского периода свойственно русской культуре. Это созвучие с Читателем. Читатель – интегрированный образ. За его абстрактностью скрывались миллионы людей; а это – миллионы интересов, возможностей, взглядов и на настоящее, и на прошлое. Созвучие проявлялось в способности писателя почувствовать духовные интересы многоликого общества и войти в индивидуальное сознание. В жёстких реальных условиях 1920-х гг. писательница предприняла героическую творческую попытку сохранения и развития художественной культуры, включения культурного опыта прошлого в духовную жизнь своих современников.

За эмоциональным исповедальным монологом одного из главных героев, Сергея Русанина, построенным на самообвинении в предательстве своего друга-революционера, Михаила Бейдемана, скрывается не только сюжетно-композиционное мастерство, но и умение в условиях политического диктата отстаивать свой взгляд на человека, на культуру, на ценность русской литературы.

Непосредственно в текст в качестве персонажа вводится образ Достоевского. Как действующее лицо, стремящееся вмешаться в судьбу Бейдемана, Достоевский включён в два эпизода романа. Затем, в сцене душевного смятения – в связи с казнью Каракозова – Сергей Русанин вспоминает о Достоевском в поисках человеческого лица. Диогеновский мотив здесь просвечивает через образ безмерного страдания и сливается с мотивом Достоевского.

Прежде чем обратиться к этим трём фрагментам романа, желательно остановиться на некоторых фактах биографии Форш. Ольга Дмитриевна родилась в 1873 г., умерла в возрасте 88 лет в 1961 г. 1917 год, разделивший русскую историю, расколовший русский мир, – это середина её жизни, ей 44 года. Так сложилась творческая судьба писательницы, что расцвет её дарования приходится на трудные послереволюционные годы. Первая большая литературная победа происходит в 50 лет. И надо отметить, что сама судьба позаботилась об этом её литературном детище. Уже после выхода романа в свет,

18 июня 1925 г. была принята резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». Формально провозглашалась свобода всех художественных течений и равенство «попутчиков» с писателями-коммунистами. Но призыв к неослабной борьбе против буржуазной идеологии, содержащийся в этой же резолюции, мог легко обернуться против любого, заподозренного в том, что он – носитель этой «буржуазной идеологии».

Прототип главного героя Михаила Бейдемана – Михаил Семёнович Бейдеман – реальное историческое лицо. Таинственный узник Петропавловской крепости, без суда и следствия на 20 лет заточённый в Алексеевском равелине с 1861 г., затем содержался 6 лет в доме умалишённых в Казани, где и умер в 1887 г. Знакомство Форш с материалами историка П. Е. Щёголева может быть отнесено к 1920 г.⁴ Скудость исторических сведений не мешала воображению романиста. Михаил Бейдеман стал идеальным героем романа. Как рыцарь без страха и упрека он служит идее свержения самодержавия, жертвуя молодостью, любовью, офицерской карьерой, счастьем и душевным спокойствием самых близких людей.

Реальные сведения о Бейдемани как сотруднике типографии Герцена не обыгрываются. Он изображается как читатель «Колокола». И завязка интриги связана именно с роковой потерей Михаилом этого лондонского издания, в 1861 г., в дни Великой реформы. «Герценовское» начало в романе звучит приглушённо, через аллюзии. Напротив, мотив Достоевского подчёркнут, хотя сведений о встрече писателя с Бейдеманом в действительности не было.

Образ Достоевского впервые появляется в части первой, главе 2 «Тётушкин салон». Ему предшествует экспозиция, подготавливающая читателя к «встрече»: «У тётушки в библиотеке бывал писатель Достоевский, или – как тогда звали его в нашем кругу До'стоевский. В то время первоклассным его никто не почитал, а переводя оценку литературную на более мне обычную в военных чинах, не совру, ежели скажу, что ходил он приблизительно не более как в майорах. Григорович против него был полковником, а уж генералом – как тётушка раз навсегда решила – Иван Сергеевич Тургенев»⁵. Это награждение чинами оттеняет как прямолинейность суждений молодого человека и ограниченность круга аристократического салона, так и значимость писателя в идейных исканиях накануне отмены крепостного права. Достоевский ведёт спор со всезнающими «архивными юношами», которые, в соответствии с пушкинской традицией (у Пушкина – «толпой»), образуют коллективный образ: в романе Форш – «друг за дружкой». Они, «... как молодые борзые, ещё не умеющие травить зайца, накидывались на невысокого средних лет человека, стоявшего спиной у окна. Он отвечал им с поразившим меня раздражением и совсем не в той манере, какая принята для светского разговора.

– Это Достоевский, – шепнула мне тётушка, зараз и с гордостью и с снисходительным извинением, как о человеке, не знающем обычаев нашего круга»

⁴ Щёголев П. Е. Таинственный узник. Из книги об Алексеевском равелине. Пг., 1920.

⁵ Форш Ольга. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 54. Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках.

[5, 56]. В портрете писателя выделяется не внешность («невысокий, средних лет»), а реакция на непонимание. Акцентируются рассуждения историкософского характера: «Да, я написал это в статье и повторять не устану; надо верить, что русская нация – необыкновенное явление всего человечества! – выкрикнул Достоевский» [5, 56]. Публицистичность тезиса комментируется Русаниным эмоционально, образно, зримо, в контексте восприятия слушателями: «на слова “всего человечества” он так сильно нажал, будто собирался навеки вдавить в лоб слушателей. Я заметил – это многих покорило: всякая подчеркнутость для светских людей – признак дурного тона, а он словно весь был подчеркнут. Движения угловаты, голос глух и без основания выразителен. Словом, в нём не было и тени той одаряющей приятности, благодаря которой человек, на деле вам ничем не помогший, запоминается вами с благодарностью навсегда» [5, 56 – 57]. А далее на равных с писателем включаются в полемику гости, – «разъярившийся», «почтенного, очень европейского» вида старичок, и другой старичок, стремящийся соблюдать политес, и «архивные юноши», цитирующие, опять же сообща, Погодина и «растворяющие» разговор в извечной петровской проблеме. Восстановленный «лёгкий, порхающий характер разговора» нарушается из-за случайного вопроса дамы: «Почему именно русским вы отдаёте такой преферанс перед англичанами и французами? – сказала она и наставила на Достоевского свой черепашовый лорнет» [5, 57].

Здесь вновь восстанавливается лидерство Достоевского. Его ответ – это отповедь и проповедь, размышления, ещё не превращённые в письменный текст. После слов об ограниченности национального эгоизма он заключает: «Таковы все европейцы. Идея общечеловечности всё более стирается между ними. Вот причина, почему они совершенно не понимают русских и величайшую особенность характера нашего, способность всечеловечности они называю безличием. Сейчас особенно, когда христианская связь, соединявшая народы, с каждым днём теряет свою силу, сейчас особенно необходимо...» [5, 58]. При этом пластическое восприятие образа в характеристике звука, мимики, в воздействии на других лиц, неотделимо от прозвучавшей мысли: «отдаваясь потоку собственных заветных мыслей, он, как ураган, смял плотину всех светских обычаев. При этом, не соразмеряя силы своего голоса с комнатой, он пустился громить, как с трибуны» [5, 58]. Это эмоциональное нарастание важно для того, чтобы пафос речи Достоевского завершился кульминационным вторжением Бейдемана в возникающий спор: «Михаил, не сводивший горячих своих глаз с говорившего, забыв все свои обещания и то, где он находится, шагнул вдруг на середину комнаты и, не владея собою, крикнул:

– Если прежняя связь, соединявшая все народы Европы, слабеет, то это лишь признак того, что связь старую должна сменить новая – социализм!

Это был удар грома» [5, 58].

Итак, красноречие, интеллектуализм, зрелость исторического мышления писателя – текст создавался на основе реального литературного наследия Достоевского (в частности, публикаций во «Времени» начала 1861 г.), – здесь,

в соответствии с законами романа, должны соединить реальность и вымысел и убедить читателя в непримирённости Бейдемана со сложной российской реальностью. В сцене всеобщего замешательства Достоевский выделен: «Один лишь Достоевский, слегка побледнев, с интересом глянул на Михаила и сказал:

– Наш спор с вами длинный, зайдите ко мне как-нибудь...» [5, 58]. Более того, в сцене прощания его реакция закреплена: «Достоевский откланялся и, проходя мимо, ещё раз сказал выразительно Михаилу:

– Итак, я вас жду для дальнейшего спора.

Михаил молча ему поклонился» [5, 60].

Реакция Достоевского-персонажа, «с интересом» слушающего и «выразительно» приглашающего, может создать поверхностное впечатление, что inferнальное обаяние романного Бейдемана не миновало и романного Достоевского. Но ситуация намного сложнее. Образ Достоевского нужен автору не только для динамизации сюжета. Как персонаж он не влияет на романские события и трагическую судьбу Бейдемана. Здесь важен биографический подтекст, связывающий реальных людей с их литературными образами. В романе не упоминается о заключении Достоевского в Петропавловскую крепость. Историческая эрудиция читателей как бы подразумевается. Здесь важнее то, что спор, диалог пока что не состоялся. Но исторические личности объединены тем, что оба «одеты камнем» Петропавловской крепости. В этом первом эпизоде важно приглашение Достоевского к спору, который волей авторского воображения дарует героям случай.

В первом фрагменте активность читательского восприятия усиливается – для знакомых с творчеством Достоевского – через своеобразное опознание салона графини Кушиной: он напоминает сцены приёма в доме Епанчиных, а биографическая деталь, вошедшая в текст «Идиота», разбитая ваза, обгрызается в модифицированном варианте – здесь это падающий чайник с кипятком. Психологический эффект декларативного выступления Бейдемана тоже сближает этот эпизод с романскими конфликтами Достоевского и прежде всего с «Идиотом». Сам писатель в этом эпизоде противостоит, подобно Мышкину, всему собравшемуся обществу. Не исключено, что Форш могла знать из воспоминаний дочери Достоевского, изданных за границей, семейную версию о том, что прообраз Мышкина – сам Достоевский. Уже в конце романа поднимается проблема смертной казни в том же салоне графини Кушиной, что создаёт переключку с образом Мышкина.

Несмотря на небольшой объём данного эпизода, благодаря концентрированности смысла в нём решается сложная задача. Во-первых, выделена такая сторона личности Достоевского, как творческая активность мысли. Эта мысль формируется и шлифуется в самых различных ситуациях. Во-вторых, писатель изображён ищущим истину, прислушивающимся к голосу молодого поколения, приглашающим к совместному решению вопроса о пути России, от которого уклоняется молодой террорист в конечном итоге. Отвергая диалог, Бейдеман не принимает «всечеловечности» русских, которую отстаивает Достоевский. В этом проявляется коренное расхождение их нравственных установок.

Противостояние усилено во втором эпизоде. В нём также доминирует драматическое начало, убеждённости в том, что фронда нового поколения радикалов исключает внимание к другому мнению. Эпизод включён в сложную романную архитектуру. Ему отводится глава 6 части первой с заглавием «Круглая комната». В связи с наложением двух временных пластов в монологе-исповеди Сергея Русанина события 1860-х годов как бы отодвигаются. Будни бытия 1923 г. мешают погрузиться в мир воспоминаний. Поэтому в начале главы перечисляется своеобразная тысяча мелочей нового быта: валенки, подшитые кусками клетчатого линолеума, ириски, облизанные «для блеска» мальчишками-лотошниками, трамвай с агитационным объявлением «о разоблачении плутней гадалок и гипнотизёров каким-то заезжим профессором психологии» [5, 117]. Движение сюжета как бы волнообразно. Именно трамвайное объявление переносит героя в прошлое, в Париж, где некогда гадалка «узнала» его прошлое: утраченную главную ценность – талант художника – и горестное будущее. Но настоящее упорно возвращает героя к сегодняшнему дню – кануну 1 мая 1923 г. Для всех окружающих, включая и Русанина, память переносимого в события более чем сорокалетней давности, это канун первомайской демонстрации. Герою приходится сказать: «Революция решительно стала бытом» [5, 122].

Размышления о дне сегодняшнем снова возвращает восьмидесятирёхлетнего героя в прошлое, в конфликтную ситуацию, событийно завершающуюся в конце этой главы встречей молодых офицеров с Достоевским.

Сюжет обязывает к стилевому равенству. Поэтому случайная встреча происходит весьма обыденно, среди обычных забот: «Мы дошли до Полицейского моста, где Михаилу надо было что-то купить. В это время поравнялся с нами шедший нам навстречу некто штатский средних лет, в бороде, не слишком хорошо одетый. Он был мне знаком, но сразу я не мог припомнить, где мог его видеть» [5, 129].

Как и в первом эпизоде, подчёркивается обыкновенность внешности писателя. Достоевский – «некто штатский» даже для Русанина, обладающего острым восприятием художника. Нужна была инициатива Достоевского, чтобы после его приветствия и приглашения «...оба мы пошли за Достоевским». Авторское отношение более всего проявляется во вторичных впечатлениях Русанина: «Когда мне впоследствии приходилось читать характеристику этого писателя и воспоминания о нём как о человеке, я был поражён той обыкновенностью, той бедностью наблюдения, какой отличаются люди. Они ловятся на маску, которую носит всякий мыслящий человек, для удобства общения с себе подобными. Эту маску они принимают за лицо» [5, 130].

В этом высказывании голос автора и голос героя как бы слиты. Герой – человек глубоко чувствующий, обострённо воспринимающий психологические нюансы. Поэтому – в самооценке – «тем свежее и непринудительнее» его впечатления. Под «маской» молодого офицера, можно предположить, проявляется авторское суждение: «И всю жизнь мне чрезвычайно смешно, когда какой-нибудь недоношенный неврастеник со слезливыми чувствами воображает себя “под Достоевского”» [5, 130].

После этой стилистической совпадаемости героя и автора психологическая оценка вновь передаётся Русанину: «Совсем обратными свойствами поразил меня этот писатель, когда я внимательно к нему присмотрелся» [5, 131]. В Достоевском было «...очарование, бесспорно решающее чужую судьбу», – вот итог наблюдения героя. И, вероятнее всего, здесь признание писательницы в своей увлечённости творчеством Достоевского. Для неё Гоголь и Достоевский – два главных действующих лица русской литературы. Многому она учится у Достоевского, а иногда как бы следует за ним: например, сцена допроса Русанина Шуваловым, где изошённый в следственных делах жандарм манипулирует сознанием юноши, напоминает аналогичную сцену в «Преступлении и наказании» (Раскольников – Порфирий Петрович). Можно отметить, что итоговые впечатления Русанина предшествуют диалогу Достоевского и Бейдемана. «Тайну подобного обаяния учёные люди, вероятно, когда-нибудь вскроют, как присутствие в ином организме усиленных токов жизни».

Воздействие Достоевского от присутствия в нём «того сгущённого эликсира жизни было так стремительно и незаконно, как свет прожектора, вдруг вспыхнувший и сразу же охвативший своими лучами предмет» [5, 131].

Это предварение психологических выводов обыгрывается, опять же как наблюдение Русанина: «Быть может, люди не художественного склада, а сильные волей и мыслию, нечувствительны к подобным воздействиям» [5, 131]. К этому ряду людей ближе Бейдеман. Потрясению, пережитому Русаниным, противопоставит волнение, «но по-иному», Бейдемана.

В кабинете писателя, отличающемся элегантностью интерьера (прообразом которого оказывается башня-ротонда ДИСКА) Достоевский встречает в лице Бейдемана читателя, его не принимающего. Диалог начинается с того, что Бейдеман, как и в первом эпизоде, перебивает писателя. «Мне помнится, в первой главе “Униженных и оскорблённых” вы говорите, что хотите себе квартиру особенную, не от жильцов, и хоть одну комнату, но непременно большую... ещё, замечаете вы, что в тесной комнате и мыслям тесно, а вы любите, когда обдумываете свои повести, ходить взад и вперёд по комнате» [5, 133]. Более того, Бейдеман удивляет Достоевского: ведь романа ещё нет в печати. Объяснение этого всеведения героя в 1923 г. должно было быть всё же реалистичным. Поэтому следует ссылка на киевского профессора Силина, который «хранил рукописи» Достоевского, а Бейдеман – его секретарь – их читал с разрешения хранителя, родственника Герцена.

Бейдеман – другая грань авторского восприятия личности Достоевского; он – другой тип читателя, особый герой своего времени: «... мучась некоторыми мыслями относительно вас, я у вас же набрёл на разгадку, на некое одно “кстати”». Далее Бейдеман цитирует текст Достоевского: «Кстати, мне всегда приятней было обдумывать мои сочинения и мечтать, как они у меня напишутся, чем в самом деле писать их» [5, 134]. Этот фрагмент, понятный творческой личности, по духу чужд Бейдеману. Герой романа и писатель для него – нераздельны. Более того, это становится поводом для фразы: «пускай вам говорит ваша совесть...».

Присутствующий Русанин чувствует грубость выпада Бейдемана. И это тоже можно считать скрытой авторской оценкой. Для Форш важно подчеркнуть, что много читавший, много знающий Бейдеман далёк от понимания творческих процессов, в частности, в литературе. Поэтому романский персонаж из «Униженных и оскорблённых» для него сливается с автором произведения. А его фраза «Мы русские, иначе не умеем», посвящённая художнику А. А. Иванову, как бы отсекает собеседников от нации. Более того, обращение к «совести» писателя звучит не только как несправедливость, но и предполагает полемику с ещё не написанным романом, где ставится проблема «крови по совести». Для самого Бейдемана этой проблемы нет. Не случайно он угрожает Русанину убийством, если тот помешает его «делу», но тут же отказывается от предложенной Русаниным дуэли – его жизнь «нужна делу». Когда любившая Михаила женщина (Лариса) стала мешать его служению таинственному «делу», он хотел её убить.

Русанин, в силу не зависящих от него обстоятельств, оказывается свидетелем таинственного сообщества и внутренне подавлен двойственностью ситуации. С одной стороны, это антигуманность методов террористов, с другой, личное бескорыстие Каракозова, очередного «жениха» любимой им Веры, пришедшего на смену заточённому Бейдеману. В то же время он чувствует духовное насилие, когда Вера пытается втянуть его в соучастие: «... она просила большего, чем жизнь. Я должен был, ненавидя их политические идеи, помогать им по чувству к ней, не допуская и мысли, что такая, как она, избрать может злое. Читатель, я понял тёмный текст: “несть большей любви, аще кто положит душу...” обычно понимают здесь добровольную смерть за что-либо. Но сказано ясно: не жизнь, а душу. И сколько коварства в том, что для достижения полной свободы от себя самого является предательство себя же!» [5, 149]. Многочисленные аллюзии, восходящие к библейской основе, не дают однозначного ответа Русанину, – ему предлагают помогать таинственному делу, сути которого он знать не должен. Фрагменты библейских текстов – «отдать душу свою для искупления многих» (Мф 20: 28; Мк 3: 4), «Я душу мою положу за тебя» (13 Ин 13: 37), «душу твою за меня положишь?» (Ин 13:38), «положить души за друзей своих» (Ин 15:13) – не свидетельствуют об эксплуатации чувства; христианство принимает добровольную жертву по любви.

Но этот опыт и прозрение придут к Русанину позднее. В день второй и последней встречи с Достоевским он слышит о незнакомых для него «Записках из Мёртвого дома». Именно в связи с этим произведением Бейдеман говорит писателю: «Конечно, вы мне не чужой <...> но для моего дела... для моего дела... вы самый жестокий, самый вредный человек» [5, 135]. Здесь происходит спор подтекстов: взвешенной и выстраданной мысли писателя с категоричностью Бейдемана, который помимо личных выпадов, выступает в роли нравователя Достоевского: «Подешевле вы обернулись! И это с тем, что вы знаете, с тем, что вы видели!» [5, 136].

Бейдеман пытается обратить против Достоевского его же слова о «самом даровитом, самом сильном народе из всего народа нашего», о «погибших даром могучих силах...» Прозвучавший у Достоевского герценовский вопрос

«Кто виноват?» Бейдеман обращает к самому Достоевскому. В этой сцене на лице писателя смущённый резкостью друга Русанин видит «большую, какую-то могучую древнюю скорбь», сочетающуюся с добротой улыбки и «тихим, бережным» голосом Достоевского. На вопрос писателя «Что же мне, по-вашему, надо было сделать?» Бейдеман отвечает: «Я знаю только, что надо делать нам». И уточняет: «Нам, молодым! Молодые гибнут, не сходя с того места, где они увидели насилие. Им не передать устно свой опыт, им истратиться, им лечь костями». Его кредо: «Против зла и насилия жизни был, есть и будет выбор один – добровольная смерть за свободу». Бейдеман по-своему понимает и не принимает позицию писателя: «Вы ищите примирения, вы ищите выхода» [5, 137]. Мотив поисков «выхода» реализуется в этой ситуации символически: Достоевский освещает дорогу своим гостям.

Если в первом эпизоде читательские ассоциации связываются по преимуществу с «Идиотом», то второй эпизод вызывает обращение к образам «Бесов». И сам хозяин «круглой комнаты» своей мягкостью, добротой, терпеливым пониманием и пронизательностью переключается со своим персонажем – отцом Тихоном. А его убеждённость в том, что чистые души берут на себя ответственность за всё, переключается с нравственным конфликтом романа Форш.

В 1923 г. прямое сопоставление с «Бесами» террористов, включённых большевиками в число своих идейных предшественников, было невозможно. Но авторские подсказки читателю выводят именно на этот роман. Мотив бесов возникает в его библейской трактовке в главе «Ведьмин глаз» (часть первая).

Образ «бесы» прямо включается в суждения тётушки-графини со ссылкой на некоего старца, что придаёт как бы оттенок сомнения в истинности, достоверности суждения, как бы возводя его для читателя в ранг предания: «Истинны слова некоего старца <...>: “Бесы не сильнее человека, но когда человек до них снизится, он становится с ними одной природы, и ему уже их не стряхнуть. Ибо их легион!”» И так, библейский текст (Мк 5,1 – 5; Лк 8, 26 – 33) существует в тексте романа специфически, допуская многообразие оценок. В подтексте здесь звучит тема Достоевского: эпизод с исцелением бесноватого фрагментарно входит в эпиграф к «Бесам». Мотив бесов в романе связан не только с аллюзиями «Бесов», но и с «Подростком», и с «Братями Карамазовыми». Вспоминаются и оптинские старцы, и откровения Тихона Задонского, в частности, его наставления о «сетях, простёртых на пути» христианина. Любовь, дружба, кровное родство, традиции общества – всё может обернуться против души и пытаться сделать её игрищем «лукавого врага».

В третьем эпизоде Достоевский живёт в воспоминании Русанина. К нему как к моральной опоре мысленно стремится потрясённый гибелью Каракозова герой. Его мучения из-за того, что он не смог предупредить ненужную акцию и гибель Каракозова, достигают предела. Все кажутся ему безликими, включая его самого. Но Вера, Бейдеман, Каракозов – люди «с лицом». Из противостоящих им готовый к самоубийству Русанин вспоминает только лицо Достоевского: «Перед тем, как уйти совсем отсюда, я должен взглянуть на лицо человека. У себя дома, в зеркале, ведь я тоже вижу лишь блин.

Но я не знал, где жил Достоевский» [5, 286]. (Интересно отметить, как писательница подготавливала это незнание адреса – во втором эпизоде Достоевский как бы вскользь упоминает, что Круглая комната – его временное пристанище; здесь скрыт биографический подтекст – роман писался Форш в ДИСке, а Круглая комната – тоже диск – была временно её кабинетом).

Вся последующая судьба героя переносится в метафизический план. До революции смелый офицер, после революции люмпенизированный старик, просящий милостыню, он годами пребывал в двойственном состоянии: реальность сочеталась с метафизическими выходами в жизнь и судьбу Бейдемана. В реальности это воспринимается как психическое заболевание, метафизически – как эманация сознания. Идейный противник Бейдемана, он становится защитником бескорыстного энтузиазма погибшего друга. Действительность 1920-х гг. как бы подтверждает правоту идей Бейдемана. Но когда Русанин пытается современнику-красноармейцу напомнить, что в Петропавловке «лучшие и умнейшие люди сидели по 20 лет...», он встречает непонимание. Нахмурившийся красноармеец просвещает его: «... у вас старозаветная ориентация говорить про единичные случаи, что они лучшие и заслуженные. Оплот и базис революции – вовсе не отдельные единицы, а сознательность коллективов» [5, 190]. Старик Русанин обращается к экскурсанткам: «Здесь на всю жизнь замурованы были люди». «Но они, как тщеславные гусята, ничего не поняли и сказали: “Этого больше не будет, не бойтесь, гражданин, ведь мы опрокинули царский строй!”» [5, 195]. Политическая победа «дела» Бейдемана не созвучна «живой жизни», о которой говорилось в споре с писателем.

В демонстрации одиночной камеры, одиночной бани, где и «прочее, всё одиночное», только старик Русанин, когда-то пытавшийся спасти Бейдемана хотя бы ценой своей жизни, особо почувствовал трагедию Бейдемана – «принудительное бессрочное одиночное заключение». Организация, в которую входил Бейдеман, ассоциируется с «пятеркой» Верховенского («Бесы»), основанной на деиндивидуализации. Таким образом, Достоевский, «как старший брат, давно принявший свой крест, светил по “пути узкому” <...> брату младшему Михаилу» [5, 138]. И здесь библейский подтекст способствует символизации сцены. «Узкий» путь – путь праведных; к нему приглашается Бейдеман, но, как оказалось, безуспешно. Хронология романа и политические условия 1920-х гг. не позволяли прямо назвать роман Достоевского «Бесы», но он отражается в судьбе главных героев Форш, где в обезличенном мире ветерану былой России остаётся один выход – «головой в стекло».

Мифологема Достоевского нужна Форш для сохранения духовных приоритетов русской культуры, столкнувшихся с непримиримостью и агрессивностью радикализма.

О. И. Чудова

«РУССКАЯ ИДЕЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ Ф. Н. ГОРЕНШТЕЙНА

Статья посвящена проблеме рецепции «русской идеи» Достоевского. Материалом исследования является роман Ф. Горенштейна «Место». В статье детально рассматривается историческая концепция современного автора, делается вывод о принципиальном неприятии им «русской идеи» Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Горенштейн, рецепция, русская идея.

Проблема национальной идеи волнует Ф. Горенштейна на протяжении всего творческого пути. Это находит отражение в его эссеистике, художественной прозе, драматургии. М. Розовский даже утверждал, что «феномен Горенштейна» состоит именно в том, что он «на новом этапе, в условиях советского социума» первым попытался «распознать “русскую идею”, поставив её под рентген историзма и резко отделив от националистических идеологов»¹. Для нас важно, что размышления писателя над вопросом о «русской идее» – это всегда скрытый или явный диалог с его «давним оппонентом» Достоевским.

Исследователи творчества Достоевского неоднократно отмечали, что понятие «русская идея» у писателя многоаспектно. В данном понятии, как точно замечает Б. Н. Тихомиров, «сфокусированы решения писателя по ключевым вопросам: о всемирно-исторических судьбах человечества и о судьбах христианства, о противоречиях европейской истории и о своеобразии и смысле истории России, о сущности взаимоотношений России и Запада, об особом строе русской души»². По словам О. Ю. Юрьевой, понятие «русская идея» у Достоевского включает в себя философские, религиозные, социологические, политологические, культурологические, психологические основания³.

Следует заметить, что Горенштейн, обращаясь к «русской идее» Достоевского, акцентирует внимание на социально-историческом аспекте данной проблемы, обращаясь к вопросам исторической судьбы России; религиозная составляющая в данном случае находится за пределами авторского интереса.

Наиболее показательным с точки зрения рецепции «русской идеи» Достоевского является роман Горенштейна «Место». В названном романе «русская идея» классика, с одной стороны, является предметом открытой полемики

¹ Тайна Горенштейна: Воспоминания Бориса Хазанова, Леонида Хейфеца, Марка Розовского, Евгения Попова, Анатолия Наймана, Виктора Славкина, Юрия Клепикова, Михаила Левитина // Октябрь. 2002. № 9. С. 160 – 161.

² Тихомиров Б. Н. «Наша вера в нашу русскую самобытность» (К вопросу о «русской идее» в публицистике Достоевского) // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. СПб., 1996. С. 108.

³ Юрьева О. Ю. Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века : автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2003. С. 30.

одного из главных и близкого автору героев – Журналиста, с другой, становится своего рода прообразом славянофильских теорий периода оттепели.

Роман Горенштейна посвящён изображению подпольной антиправительственной оппозиции. Политические устремления современных «бесов» в конечном итоге сводятся к одному – совершению в России национальной революции, что, согласно Горенштейну, неизбежно и закономерно. Славянофильство, по мысли автора, является «естественным продолжением всякой русской оппозиции», поскольку «всегда соответствует духу национального свободолюбия и не соответствует своим национальным анархизмом любой власти – от народной до самодержавной» [486]⁴.

Образ Щусева, одного из лидеров подпольной организации, может быть воспринят как пародийный двойник главного носителя «русской идеи» у Достоевского – Шатова. Щусев открыто говорит о своей любви к России: со слезами на глазах он признаётся: «Я люблю Россию» [540]. Рассказчик несколько раз акцентирует внимание на этом чувстве героя. «Щусев, тот любит свою Россию» [541]; «Это влюблённый человек. Да, он влюблён в Россию» [672]. Щусев и своих соратников призывает любить Россию, «только сироту нашу Россию», и его вдохновенные речи оказывают на них сильное воздействие. Рассказчик замечает, что Щусев «сумел совершить чудо и искренним припадочным блеском глаз своих как бы загипнотизировал нас» – «все мы были едины и принадлежали России» [527].

Щусев, как и Шатов, верит в непонятную «чужакам» самобытность русского народа («мы самобытны»); убеждён в том, что «у народа существует только один верный путь». Это и является причиной ненависти Щусева к «интеллигентикам», неспособным постичь загадку русского народа. Так, ответственность за то, что русский народ поверил Сталину, Щусев возлагает на интеллигенцию, которая, по его мнению, создала этому «ложному идолу» культ и «навязала» его «простому русскому человеку». Главная тайна, недоступная сознанию интеллигента, но открывшаяся «народному мудрецу» (каковым Щусев себя считает), заключается в том, что русский народ «наивен, но умён».

Данные размышления оказываются близки идее Шатова о «болезни» русского культурного слоя, интеллигенции, с тем лишь исключением, что к «баричам», которые «перестали свой народ узнавать», Шатов причисляет и самого себя. Упрекая западников в том, что они не любили «ни России, ни народа», герой напрямую связывает любовь к народу с пониманием его: «нельзя любить то, чего не знаешь, а они ничего в русском народе не смыслили». Щусев же, напротив, их противопоставляет: «те, кто любили Россию, её не понимали, те же, кто понимали, её не любили» [465].

Отметим, что понимание Щусевым сущности и дальнейшей судьбы русского народа во многом полемично по отношению к теории Шатова, но важно, что персонаж Горенштейна затрагивает те же аспекты проблемы, а значит, остаётся в поле притяжения убеждений этого героя «Бесов».

⁴ Здесь и далее в тексте ссылки на роман Горенштейна даются по изданию: Горенштейн Ф. Место // Избранное: в 3 т. Т. 1. М., 1991.

Щусев, сторонник «крайнего русского национализма», мечтает о национальной революции и хочет возглавить национальное правительство России. Лидер другой оппозиционной организации, большинство членов которой «подвергались лечению либо состояли на учёте в психдиспансере», также претендует на понимание «национальной сути» и утверждает «великую (по его словам) идею» фашизма.

«Русская идея» Достоевского по-разному преломляется в романе Горенштейна, но всякий раз это заметно сниженный образ и идеи, и её носителей, что объясняется как пародийными целями автора, так и самой советской действительностью с её изрядно измельчавшими «бесами», против которых и направлена сатира писателя. «Русская идея» подпольных «заговорщиков» Горенштейна примитивна, основана на ксенофобии, нетерпимости к людям других национальностей. При этом сами теоретики убеждены, что следуют «великим национальным традициям» Достоевского.

Горенштейн, который неоднократно заявлял, что «здоровый национализм» является «условием выживания»⁵, что России не хватает «консерватизма националистского, не шовинистского, но националистского»⁶, в то же время был убеждён, что «в современной России нет здоровых национальных сил, без шовинизма и антисемитизма»⁷.

В романе «Место» один из героев озвучивает принципиальную для автора мысль, в которой очевидна полемика не столько с Достоевским, сколько с его так называемыми последователями, которые спустя столетие продолжают верить в мессианское предназначение «народа-богоносца»: «Наши поэты, философы, а может, и политики по-прежнему сочиняют для себя тот русский народ, который навсегда остался в умершей эпохе. <...> В переломные для жизни народа периоды он из прошлого в основном берёт лишь дурное. На доброе же, оставшееся в прошлом, надеяться нечего. Оно не поможет. Доброе надо <...> рожать в муках, каждый раз заново» [676 – 677].

Однако рецепция «русской идеи» Достоевского у Горенштейна не ограничивается сатирическим изображением её заметно упрощённых и искажённых вариаций, но и включает в себя, как уже отмечалось, открытую полемику с историческими концепциями классика.

У Достоевского «русская идея», по справедливому мнению Б. Н. Тихомирова, включает в себя «задачу “спасения мира”», которое понимается «не как самосохранение, а как обновление», поскольку оборачивается предоступлением «грозящей человечеству гибели, всемирной катастрофы»⁸.

Идея спасения оказывается в центре внимания героя Горенштейна: он говорит о появлении «спасителей», которые сплотят народ вокруг «общей идеи», предлагает собственный путь «спасения России». Однако если Достоевский видит «спасение» в «обновлении», то Журналист, напротив, в «самосохранении»: он настаивает на необходимости «устойчивости» и «стабильности».

⁵ Мартыненко О. Предостережение писателя Фридриха Горенштейна: беседа с писателем // Московские новости. 1995. 6 – 13 августа. С. 21.

⁶ Максимов М. Вне процесса: интервью с Ф. Горенштейном // Смена. 1991. 1 мая. С. 3.

⁷ Мартыненко О. Указ. соч. С. 21.

⁸ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 122.

В этом отношении показателен пример, приведённый героем в ходе публичного выступления: в его рассуждениях возникает образ висельника, у которого «табурет стоит прочно под ногами и петля не затянута на шее» [632]. По мнению Журналиста, «ощущение табурета под ногами» – единственно возможный вариант для России: герой сам признаётся, что призывает к «безвременью», к «двум-трём векам безвременья», к «отсутствию резких порывов и движений», к «стабильности, покою и скуке».

По Достоевскому, человеческая история движется по ложному пути, неизбежно ведущему к гибели, поэтому «обновление» оказывается необходимым, а согласно герою Горенштейна, именно «обновление», стремление изменить существующий порядок грозит катастрофой, непредвиденной, по его словам, «даже в самом пессимистическом Апокалипсисе»: Журналист убеждён, что «любой катаклизм в нынешней России неизбежно приведёт к русскому национал-фашизму» [631].

Ещё один принципиальный момент полемики Горенштейна с Достоевским заключается в том, что Журналист говорит о судьбе и спасении России, только России, в то время как у Достоевского речь идёт о «спасении мира», которое и мыслится как «русское предназначение». Журналист же категорически отрицает идею мессианства России: «Мы должны стать второстепенной державой, в этом наше спасение» [677].

Горенштейн был знаком с такими широко известными высказываниями Достоевского, как «национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое единение» (25; 20); «русский идеал – всецелость, всепримиримость, всечеловечность» (18; 69), на основании которых исследователями был сделан вывод о том, что «русская идея» Достоевского расширяется до мировой, а задача спасения носит глобальный характер.

Стремление к «всеобщему и всемирному» единению оценивается в романе как «дипломатия», как желание скрыть подлинные национальные интересы: «А даже лучшая часть нашей национальной интеллигенции всегда прибегала к двойственности и дипломатии, якобы во имя гуманизма и всеобщих интересов... Почему-то считается, что только тот народ цивилизован, который соблюдает всеобщий всемирный интерес...» [464].

Неприятие Горенштейном «русской идеи» Достоевского, открытая полемика с ней, вложенная в уста его героя, могут быть объяснены тем, что эта идея, «мысль об итоговой всемирной гармонии общечеловеческого единения есть по сути лишь особый модус или аспект <...> идеального представления, только спроецированный вовне, на конечный исход исторического развития человечества»⁹. Горенштейн не верит в возможность обретения «всемирной гармонии» и вслед за своим героем может противопоставить ей только «государственную стабильность», которая позволяет человеку «дышать и ждать», что автором оценивается как «благо», особенно на фоне угрожающей стране гибели. Само понятие «идеального» он принципиально и всякий раз полемично по отношению к Достоевскому исключает из собственных концепций как истории, так и человека.

МОСКВА, ДАРОВОЕ, ОМСК – ТРИЕДИНСТВО, УВЕКОВЕЧИВАЮЩЕЕ ДУХОВНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ДОСТОЕВСКОГО И ОТКРЫТИЕ ИМ РОССИИ (к концепции музеев Достоевского)

Доказывается близость Дарового и Омска к центрированной духовности Москвы и на этом основании предлагается выстроить деятельность музеев Достоевского.

Ключевые слова: Москва, Даровое, Омск, сакральное единство, музеефикация.

Это триединство немыслимо с точки зрения географической, краеведческой, исторической и даже биографической в отношении к нашему писателю. Но оно очевидно в его духовной судьбе и включает нечто сакральное.

I.

Чем стала для Достоевского Москва, где он родился и вырос?

Москва – не только его биографическая родина, она – *alma mater*, вскормившая и воспитавшая его. «... я был, может быть, одним из тех <...>, которым наиболее облегчён был возврат к народному корню, к узанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня» (21; 134). Московская окраина, Божедомка, Мариинская больница для бедных, но также и Кремль, московские соборы с иконами – всё это навсегда оставит в нём мирозерцательный след и отражения. В его привычной реальности, в которой толпы московской гольтыбы на больничном дворе, процессии больных арестантов под окнами, сопровождаемых легендарным уже при жизни доктором Гаазом, – нет завершённости будничным. Эта реальность переживает сотрясения: преступление, происшедшее на больничном дворе, – изнасилование девочки; мальчик знает и что такое, как скажет его двоюродный дед-медик профессор Котельницкий, «священное служение страждущему человечеству»¹.

¹ Из предисловия В. М. Котельницкого, выпустившего «Медико-физический журнал, или Труды высочайше утверждённого при Московском императорском университете общества соревнования врачебных и физических наук, изданные Секретарем внутренней корреспонденции оною, Медицины Доктором и Профессором П.О.Обществ: Медико-физического, Истории и Древностей Российских и Испытателей Природы Ординарным членом, Коллежским Советником и Кавалером Василием Котельницким». Часть вторая, Москва, в Университетской типографии, 1821. В. М. Котельницкий, двоюродный дед писателя, считается, как известно, его наставником.

⁹ Тихомиров Б. Н. Указ. соч. С. 112.

Вообще его узнанию мира как больного и преступного, ещё и его скрытой Благодати, постигаемой силой врачевания, – особенно явление доктора Гааза, врачевателя не только телесного, но и духовного, лекарская среда – тому способствовали.

Духовное становление Достоевского происходило с откровениями и проникновением в «миры иные». О раннем постижении Библии, услышанной в чтении дома и в больничном храме (как и преподанном в адаптированном для детей издании) сказано в «Братьях Карамазовых»: «В первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, ещё восьми лет от роду» (14; 264). И особенно, конечно, сказанное относилось к книге Иова, с которой раздвигались границы религиозного сознания: он соприкоснулся с действительно жизненной верой, пройденной через испытания, невинные страдания, вопрошания и отрицание. Библия, «точно изваяние мира и человека и характеров человеческих» (14; 265), как сказано автором «Братьев Карамазовых», доносила сакральность земного бытия.

Вера его испытывалась и вызревала перед лицом людских страданий – так было в его жизни при больнице для бедных. Страдания же – «школа христианства», по более позднему высказыванию Достоевского. Вхождение в людские страдания, унижения праведных (московские рассказы о Гаазе) и т.д. определили вектор его развития – христианизация, притом личность и сознание в этом смысле оставались незавершёнными: вопрос всей его жизни «о существовании Божиим» – уже вопрос и в ранние годы. «Есть ли Бог?» как автобиографический след ранних вопрошаний мы находим в «Житии великого грешника».

В его московском детстве произошло «узнание русской души, признание духа народного», неотделимых от Христа. Поступок няни Алёны Фроловны, предложившей господам накопленное на старость жалованье в помощь после случившегося пожара в поместной деревне Даровое, стал именно проявлением «знания Христа» сердцем, о чём говорил впоследствии Достоевский. Впрочем, писатель пытался понять подобную святость «общего ли она свойства народа» или исключение, имея в виду современные ему искушения народа материализмом, питейным и т.д.

Жизнь на городской окраине в казённой больничной квартире, сословно и ничем другим не замкнутая, жизнь на миру не была захолустной, не была отрезана от центрального московского мира. Колокольный звон от «сорока сороков» доносил сильный и неповторимый дух первопрестольной. «Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» (21; 134). Эти памятники, особенно XV – XVI вв., столь дорогие Достоевскому, несли печать национального духовного подъёма, прежде всего, напоминание о подвигах Сергия Радонежского, Дмитрия Донского. Русь после Ферраро-Флорентийского союза (унии) и падения Константинополя самоопределялась в мессианской идее «Москвы – Третьего Рима», что означало, по Достоевскому, сохранение и несение православия, служение и жертвенность. Символ идеи Москвы нёс, прежде всего, главный – Успенский – собор, и этот символ юный Достоевский – сознательно или бессознательно – воспринял как данный исстари. Покровский же, принявший более из-

вестное народное переименование в храм особенно почитаемого в Москве юродивого Василия Блаженного, также нёс проявляемую архитектурно мессианскую символику. Но кроме того, он освящал явление юродства – свободу перед земной властью и бытие «не от мира сего», в кеносисе, что и было из Москвы взято в жизнь, в творчество Достоевским (впрочем, это усиливалось и впечатлениями от Пушкина). Здесь вспоминаются хромоножка Лебядкина, князь Мышкин. Для юного Достоевского – и на всю жизнь – от Москвы была неотделима и Троице-Сергиева Лавра, этот «ноуменальный центр Руси», по Флоренскому.

Так Достоевский припал к истокам центростремительной духовности, что давала Москва, в своём происхождении и началах как город русского средневековья, историческое время, которое в новозаветном свете наиболее исполнено молитвенной жизни народа. Центростремительная духовность – в обращенности души к Богу (в отличие от центробежной, где движение, прежде всего, к «Я» человека, как в Петербурге, городе Нового времени).

Достоевский не дал прямого изображения Москвы, но «код Москвы» нарушает монолитную петербургскую реальность в «Преступлении и наказании», прежде всего, в вариантах романа, заявляет о себе в сфере Ставрогина (предание самозванца анафеме).

Молодому Достоевскому Москва ещё могла казаться «старинной» перед Петербургом, где всё – «жизнь и движение», в «созидании и стройке», но он упоминает при том великих и святых, общенациональных по масштабу и значению, – московских митрополитов Петра и Филиппа, необходимых для народной памяти. И, наконец, у Достоевского в последние десятилетия жизни всё чаще перед «умышленным» городом, созданным Петром, Москва выступает исторической коренной реальностью и святыней, она включает самоидентификацию нации; здесь ему, Достоевскому, в детстве был «облегчён возврат к народному корню». Сказанное в «Дневнике писателя» за 1873 год о его московском детстве следует ставить в контекст романа «Бесы», который с завершением журнальной публикации вышел в тот год отдельным изданием. Достоевский говорит в «Дневнике» о петрашевцах, к которым когда-то принадлежал, о нечаевцах, кем мог бы стать, – и те, и другие – не отдельные идейно-общественные типы, а уже явление и тенденция. Это разрушительный, отрицательный опыт России, через который, по его мысли, оказывается трудно не пройти. В «Бесах» в Петре Верховенском выступает деятель почти гипнотической и дьявольской силы, ищущей себя в смуте и отрицании самых начал в нации, народе, личности. «...Мы проникнем в самый народ... Русский Бог уже спасовал перед «дешёвкой». Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны... Мы пустим пожары... мы пустим легенды» (10; 325). Разрушение и смута – состояние или процесс кажутся бесконечными и с обещанным Верховенским в будущем для ослеплённых, для отвода глаз народных «каменным строением» – намёк на новую фурьеристскую фаланстеру или на Вавилонскую башню, символизирующую земное жизнестроительство без Бога. С Верховенским, «верховенством» проснулись и задействованы силы сокрушительные, возможно, апокалиптического значения.

«Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам!»

Верховенскому недостаёт для его дела лишь обманной красоты, почему он хочет завоевать Ставрогина – «Ивана Царевича», как легенду, как миф – это путь овладеть народным сознанием, в нём «Русский Бог уже спасовал перед “дешёвкой”». Пётр Верховенский уже «двигатель» «взамен Христа», он сила заместительная, и поэтому ей следует придать лицо, конечно, самозванное, Верховенский выбирает Ставрогина. Предание анафеме юродивой Лебядкиной самозванца Ставрогина – аллюзия на старомосковскую ситуацию, и это едва ли не единственное, что противопоставлено бесовству в романе; «код Москвы» наводит на восстановительные силы нации, именно её самоидентификацию.

В преобразованиях Петра, приведших Россию на мировую арену, Достоевский видит «антинародную форму», камень преткновения – игнорирование корней, сложившегося народного менталитета (феномен Петра в этом смысле рассматривается в главе «Утопическое понимание истории» в «Дневнике писателя» за 1876 г.). Литературовед и богослов В. М. Ерёмин пишет: «Жизнь среди выдуманных идей и понятий – это и есть петровщина. Петру I, в отличие от царей московских, обязательно надо сделать нового человека, новых людей, то есть “довести этих бывших скотов”, как он их называет, “до настоящего европейского человека” (цари московские говорили: “Других слуг нам не дадено”)²».

Все вышесказанное может показаться отвлечённым и неприложимым к музею – мы же заявили о концептуальных основаниях экспозиции. Музейщики в обиходе говорят: «Идею на стенку не повесишь». На самом деле это так и не так. Есть видимые, даже материализованные знаки идей, стало быть, они должны найти своё место в экспозиции, которая тогда только содержательна, решена и организована, когда она концептуальна.

Московский музей Достоевского на Божедомке, открытый в 1928 году, по инициативе ГАХН, ОЛРС при МГУ, Института социальных болезней им. Достоевского и под руководством учёного, биографа писателя В. С. Нечаевой – первый в мире, посвящённый нашему писателю. В нём сложился уникальный, универсальный фонд, ядром которого стали коллекции вдовы А. Г. Достоевской, брата А. М. Достоевского и пр., – теперь в обширном собрании Государственного Литературного музея.

В ходе сложной, продолжительной истории музея в экспозиции постепенно побеждали историчность и концептуальность, адекватные мировоззренчески Достоевскому.

Сказанное выше и нашло существенное, хотя лишь частичное, отражение. Музей воссоздаёт квартиру детства писателя как целое, она сохранилась и никогда не перестраивалась. И хотя экспозиция бытовая, в ней очевидны знаковые акценты на духовных событиях жизни юного Достоевского. Она призвана передать атмосферу его пребывания здесь, шире – в Москве, интерьер как бы раздвигается, имеет московскую проекцию. Экспозиция нацелена вызвать представление об истоках, началах и духовных приметах его личности и судьбы.

² Ерёмин В. М. Лекция 23-я из цикла «Русская литература в свете Христовой правды», прочитан в Православном университете им. Иоанна Богослова.

Тому же отвечает ближайший экстерьер – здание бывшей Мариинской больницы для бедных и её территория – теперь охраняемая зона памятников.

Остаются, однако, нерешённые проблемы, зависящие во многом от дальнейшего развития этого старейшего музея.

II.

Сельцо Даровое, когда-то принадлежавшее Достоевским, кажется несопоставимым с Москвой, а между тем они органически связаны, нерасторжимы хотя бы во времени его духовного становления. Но Даровое перенесло юного Достоевского, горожанина по рождению, урбаниста в своём творчестве, в другой мир, в деревенский мир, где обретает буквальный смысл жизнь человека на земле, и она в целом объёмлет эту жизнь: человек рождается на земле (он должен рождаться на ней, а не на мостовой, как выскажется впоследствии писатель), и земля принимает человека с его смертью: и на ней рождённый, он её же возделывает, трудится на ней. Несомненно, для Достоевского жизнь на земле, от почвы, от корней – сакральна, и неслучайно он производит слово «крестьянин» от «хрестьянин», что мы находим в подготовительных вариантах к «Бесам».

Бедная, чтобы не сказать убогая, усадьба Достоевских, деревня в одну улицу с десятью дворами, крытыми соломой, кажется продолжением, но теперь в деревенском варианте, квартиры на Божедомке, жизни в ней «людей небогатых и трудящихся». «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» (25; 172).

Конечно, были дорогие воспоминания и от их жилища – мазанки и флигелька, и от Фединой рощи, и от лесных запахов, от грибов, ягод и букашек, и от купания в деревенском пруду и т.д. Одно воспоминание о внешнем обыденном событии – уединённой встрече мальчика-барчонка со своим крепостным мужиком в ложбине, в Лоске, оказалась духовно судьбоносной. Через десятилетия, когда Достоевский занят выявлением субстанциональных оснований нации, её истоков и идеалов, имея в виду 200-летнюю привычку к «ничего неделанию» в результате насаждения Петром заимствованной цивилизации, он пишет о мужике Марее как о человеке от земли, почему видится в его духовной памяти «запачканный в земле палец», что «дотронулся до вспрыгивающих моих губ» (22; 48). Движение мужика Марее – снять страх, поселить покой в душе мальчика, оказавшегося во власти галлюцинаций – «волк бежит!». Вне социального, обстоятельств, среды; ничего сиюминутного, текущего не видим мы в переживании происшедшего. А сакральное выступает первым планом: встреча... «залегла в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей... и только Бог, может быть, видел сверху, каким глубоким и просвещённым человеческим чувством и какою тонкою, почти женственною нежностью может быть наполнено сердце иногородного грубого, зверски невежественного крепостного деревенского мужика» (22; 49). И сакральное значение этой встречи отзовется в Сибири, на каторге, о чём скажем.

И опять в памяти Достоевского мужик Марей, как и няня Алёна Фроловна, не оторван от реальности, в одной из записей читаем: «Марей. Он любит свою кобылёнку и зовет её кормилицей. Если же есть в нём минуты нетерпения и прорывается в нём татарин и начинает он хлестать свою завязшую в грязи с возом кормилицу кнутом по глазам, то вспомните про фельдъегеря, тут: воспитание, привычки, воспоминания, зелено вино...» (24; 128). Конечно, известное мальчику Достоевскому противоречие, несоответствие в мужике Марее налицо. Но такова реальность, и сердечное знание Христа в действии, в живом проявлении тем и сильно, и западёт в душу и духовную не идеализирующую память.

Таким образом, Лоск становится едва ли не главным местом увековечения писателя в Даровом. Но для нашей памяти важна вообще среда обитания юного Достоевского, как она обозначена в книге Т. Г. Бирюковой³, выдвинувшей проект реконструкции, создания музея-заповедника и указавшей 22 объекта.

Только относительно разрушенной часовни мы бы оставили тот смысл, какой А. М. Достоевским придан памятному происшедшему здесь событию: а именно, значение детского курьёза, за который детям попало от маменьки Марии Фёдоровны. И, конечно, нельзя исключить из этого списка моногоровскую церковь Сошествия Святого Духа, но и придавать этому объекту при воссоздании мемориального комплекса первостепенное значение не следовало бы. Это место – напоминание о продолжающейся воцерковлённой жизни семьи Достоевских, духовно событийного следа оно не имеет, по крайней мере, никаких свидетельств тому нет.

В своё время сотрудник зарайского музея, покойная В. Г. Шейнблат проявила действительно музейный подход к проблеме Дарового, но это были только подступы. В московском музее с первых лет его основания возникла традиция изучения и участия в судьбе Дарового, поддерживается она и теперь. В исследовании Т. Г. Бирюковой воссоздание заповедного комплекса теоретически состоялось, к чему автор подошёл с документальными источниками, прежде всего, сопоставительным анализом фотографий, свидетельств старожилов, поиском и находками предметов, очевидно, касающихся Достоевских и т.д. Эти найденные предметы (часть мебели, прежде всего) теперь находятся в запаснике музея «Зарайский Кремль». Путь музейщика автором книги пройден профессионально, потому и предлагаемый проект столь убедителен; теперь мы можем опираться в полной мере на теоретическую базу. Книга прошла весной 2010 года успешную презентацию в московском Музее-квартире Достоевского при участии достоевсковедов. На книгу получен отзыв из Российской академии архитектуры и строительных наук – письменная её апробация. В дополнение к изысканиям Т. Г. Бирюковой мы, конечно, не можем обойти работы, проведённые с привлечением ОАО «Диаскан», дендрологов по поддержанию парка, деревьев-современников Достоевских. Что касается раскопок, то они привели к находкам предметов, относимых по времени «до и после Достоевских», по признанию руководителей археологических работ.

³ Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. Историческая реконструкция, судьбы, портреты. М.: Издательский Дом Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», 2010.

Если говорить о главных местах обитания Достоевских – мазанке и флигеле, то ничто не приблизило к их музеефикации. Обнаруженная в результате последнего – летом 2010 г. – раскопа, кладка печи, как находившаяся в мазанке, по убеждению Т. Г. Бирюковой, археологами не была атрибутирована. Флигель, каким мы его видим и знаем десятилетиями, давно принял вид современного стандартного, довольно безвкусного дачного домика, которого, уж конечно, Фёдор Михайлович не мог видеть. Между тем автор вышеназванной книги наводит нас на его подлинный исторический вид. О раскопках можно сказать, что они велись, к сожалению, вслепую, без концептуальных посылов и оказались малопродуктивными. Вообще в работе, не обеспеченной пропедевтической частью, не преследовались приоритеты по воссозданию усадьбы в целом, её первостепенных объектов; она носила периферийный характер.

Даровое остаётся по существу заброшенным, ему ещё далеко, чтобы стать в такой ряд, как Ясная Поляна, Михайловское, Спасское-Лутовиново. Оно остаётся самым проблемным среди мест, которые должны образовать мемориальный комплекс «Россия Достоевского». Мемориальное Даровое ещё предстоит вызвать к жизни.

III.

В Омске я побывала этой весной. Моя командировка состоялась в рамках проекта Омского Литературного музея им. Ф. М. Достоевского «Достоевский. Сибирь. XXI век», осуществлённого совместно с московским музеем Ф. М. Достоевского, филиалом Государственного Литературного музея. Перед моей поездкой в наш музей действовала выставка «Мир романа “Записки из Мертвого дома”» на материалах Омского и Государственного Литературного музеев.

Омский музей, открытый в 1983 году, не относится к старейшим. Но он возник в результате длительной инициативной деятельности – чуть ли не с 1920-х годов, прежде всего, сибиряков, особенно учёного-краеведа Андрея Фёдоровича Палашенкова.

Музей занимает бывший комендантский дом, построенный ещё в XVIII веке и сохранённый как памятник истории и архитектуры. Последним его хозяином стал комендант омской крепости Алексей Фёдорович де Граве, его-то в 1859 г., возвращаясь из Сибири, и посетил Достоевский на своём пути из Семипалатинска в Тверь.

Музей изначально был посвящён не только Достоевскому, но и литераторам-сибирякам, что и определило цели и задачи представления документального, рукописного, творческого материала. В музее можно видеть Евангелие издания 1823 г., такое издание было у Достоевского в остроге, исторические виды города, например, Госпитального дома, где Достоевскому доктор Троицкий разрешал читать и писать, Воскресенского собора, куда арестантов приводили на богослужения и т.д.

Нынешняя экспозиция существует пять лет, сотрудники музея, Министерство культуры Омской области с пониманием относятся к возможному радикальному преобразованию музея, если мыслить его в сторону подлинности,

историзма и духовности. Сосредоточение на Омском остроге и духовном состоянии Достоевского как на его Голгофе, – вот, очевидно, что может стать основополагающим сюжетом экспозиции.

Этот сюжет включает, конечно, внешнее бытие Достоевского, отбывавшего свой срок в арестантской роте № 55. Следует множить, разыскивать новые и недостающие материалы по делу Достоевского, о городе его времени, об остроге и его атрибутике, системе и управлении, быте, начальстве, арестантах, их судьбах. В музее уже есть впечатляющий раздел, представляющий карательную систему острога. Пусть мы видим розги, шпицрутены, кандалы в муляжах, но они повторены по оригиналам, имеющимся в Томске, Тобольске; они явились в экспозиции стараниями сотрудников музея.

Оправдано будет дать маршрут Достоевского в острог топографически от Петропавловской крепости и Петербурга, дальше – Москва, Владимир, европейская часть России, сибирские селения, а там и Омск (его провезли закованного под каменной аркой Тарских ворот, и он очутился в остроге). На этом его пути в Тобольске произошла известная встреча с жёнами декабристов Н. Д. Фонвизиной и П. Е. Анненковой, передавшими ему Евангелие. Музей под открытым небом состоит, прежде всего, из сохранившихся в городе объектов, связанных с Достоевским, но по-настоящему они не музеефицированы, не поданы как меморативный комплекс. Это и Тарские ворота, когда-то порушенные, но теперь восстановленные, место Омского острога, и Госпитальный дом, и вид на Иртыш.

Во втором (но не по значению) плане экспозиции можно соприкоснуться с жизнью духа Достоевского. Путь на его Голгофу следует отсчитывать уже с эшафота, Петропавловской крепости, когда с последними мгновениями сознания была пережита «вечность на аршине пространства», открылась конечная ценность жизни как «дара», и вот уже в нём новая готовность страдать и нести крест, который надо заслужить. «Но во мне осталось сердце, та же плоть и кровь, которая так же может и любить, и страдать, и жалеть, и помнить, а это всё-таки жизнь <...> никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни (подч. мной. – Г. П.) не кипело во мне, как теперь <...>» (28; 162). «Запасы», о которых говорит Достоевский, очевидно, уже были накоплены, особенно после Москвы и Дарового.

«Я перерожусь к лучшему» – признание, которое можно считать знаком начавшегося уже в Петропавловской крепости его переворота.

Между тем в теоретических убеждениях переворот ещё в нём не наступил («Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния» – 21; 133).

Эти теоретические убеждения явились с социалистическими утопиями, отклонением в безбожие. Петрашевский включил, как известно, в «Карманный словарь иностранных слов» свою ревизионистскую статью «Неохристианство». Впрочем, безбожие, глумление над Христом Петрашевского было чуждо Достоевскому.

Происходившее с ним на каторге не могло быть механической сменой убеждений, чистым и отвлечённым умозрением. Это был скрыто глубинный

процесс, перестраивающий личность. «Одиноким душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою... судил себя один неумолимо и строго, и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение» (4; 220). Как видно, этот процесс – борьба и суд над собой.

И он, очевидно, знает в себе происходящие и происшедшие перемены, о чём пишет брату: «Что сделалось с моей душой, с моим умом и сердцем, с моими верованиями в эти четыре года – не скажу тебе. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды» (28; 171). Вообще он всячески противопоставляет посланное уединение естественному общежитию каторжников, «насильственному коммунизму», что уже выражало окончательное неприятие им схем по устройению человечества у социалистов-утопистов. «Быть одному – это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество делается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года. Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок; сознаешь всё это, упрекаешь себя даже – и не можешь себя пересилить. Я это испытал» (28; 177).

На каторге он оказался, по сути, среди смертников, она обрела у него образ «Мёртвого дома». Ведь каторжники – осуждённые, клеймёные, лишённые свободы и звания человека вынесенным над ними приговором. На каторге Достоевский особенно понял и прочувствовал жесточайшую, смертную суть приговора. Он означает конец и отторгнутость живого от жизни, на каторге не жизнь, а пребывание в «тяжёлом сне». И пробуждение от него, воскресение из мёртвых, хотя бы на момент, происходит в Праздник Рождества Христова, «с благоговением» ожидаемый каждым преступником, когда он осознаёт себя заодно со всеми людьми и что он не «ломоть отрезанный».

Выше и сильнее людского приговора – лишь образ Христа, с которым только и остаётся возможность жизни.

Это было сошествие в ад, Достоевский внёс в «Записки из Мёртвого дома» своё переживание ада. Сцена бани, в своё время произведшая впечатление на И. С. Тургенева со стороны художественной, образной, поистине дантовской, развёртывается на границе реального и ирреального: «поддадут – и пар застелет густым, горячим облаком всю баню; всё загогочет, закричит. Из облака пара замелькают избитые спины, бритые головы, скрюченные руки, ноги...» (4; 98). «Это был уже не жар, это было пекло. Всё это орало и гоготало, при звуке ста цепей, волочившихся по полу» (4; 98). Автор и сам домысливает представляющее его глазам как картину настоящего ада. «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад» (4; 98). «Мне пришло на ум, что если мы все вместе будем когда-нибудь в пекле, то оно будет очень похоже на это место» (4; 99). Подлинность, достоверность происходящего лишь усиливает присутствие ирреального. И пространственно-временные параметры физической данности, что являет собой вообще

«Мертвый дом», не ограничивают её, а опять-таки выводят к ирреальному. Замкнутые круги, по которым происходит пространственное перемещение заключённых (тын острога, а внутри казармы другие здания и, наконец, в середине двора пустая площадка, где обычны переклички), – почти адские круги, где проходят они через душевные и телесные муки. В «Мёртвом доме» не поступательное движение времени, а повторяемость буден, наполненных сознательно рассчитанными муками, оскорблениями, унижениями, почти остановленность времени, и это тоже приближает к адской запредельности. В «Мёртвом доме» – ад погребённых, неспасённых душ. Достоевский же не Вергилий, «учитель величавый» и «вожатый» по аду, а его свидетель, сам же в него ввергнутый.

Состояние Достоевского, казалось бы, – отчаяние, он сам его определяет как «стеснение духа и кандалы», и всё же оно стало преодолённым отчаянием, что скорее отвечало святоотеческой мысли – созерцай умом ад и не отчаивайся.

Под давящими мрачными впечатлениями от преступлений всё же открывалась многосложная реальность человеческого мира, о котором «по Аристотелю нельзя судить». Каждый, даже отъявленный, злодей и преступник ждёт по отношению к нему доверия, «ибо человеческое обращение может очеловечить даже такого, на котором давно уже потускнел образ Божий» (4; 91). Было и такое открытие писателя в человеческих характерах – таившееся «под грубой корой» «настоящее золото». А искажённая человеческая природа обнаруживала, что «погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?» (4; 231).

«Мёртвый дом» – вместилище преступников – страшен не этим, а тем, что не даёт душевных сил для возрождения человека, напротив, разрушает, прибивает душу. Здесь нет ни одного раскаявшегося.

И всё же завершить, заказать все пути человека невозможно и в «Мёртвом доме». Для открытий возможного, потенциального человека стал неожиданный импульс; явилось здесь Достоевскому воспоминание детства об «уединённой встрече» с мужиком Мареем. Сон-воспоминание включается в сакральное время: встреча... «припомнилась тогда, когда надо было» (22; 49). Вспоминалась и Москва, когда, как в далёком детстве, вели каторжников на великопостную службу в Божий дом. Достоевский стал глубоко проникаться идеалом Христа в народном воплощении, народ в целом виделся теперь носителем его образа («Этот бритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце» – 22; 49). Теперь он шёл к Христу, только подлинному, а не подновлённому социалистами-утопистами. И в «Записках из Мёртвого дома» целостно ощутима Россия. «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают её» (28; 172 – 173). В увиденных могучих силах уже предчувствуются будущие подвижники Достоевского.

С опытом сибирской каторги переворот продолжился и углубился. И, как видно, этот опыт – жизнь и люди, пропущенные через себя. И в результате – обретенная вера, какую жаждал как «трава иссохшая». Мы это знаем по хорошо

нам известному письму Н. Д. Фонвизиной, написанному через неделю после выхода из острога: «Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор, и даже (я знаю это) до гробовой крышки» – и, вместе с тем, выстрадавший «символ веры»: «...если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно, было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» (28; 176). Едва ли здесь отступление от Христа в религиозном свете и значении, как часто предполагают, имея в виду, что Достоевский ведёт речь, скорее, о нравственной красоте Христа как человеческой личности, но не Богочеловека. Вера здесь переживаема, не только мыслима, и она отстаивается как независимая сама по себе перед допускаемыми рациональными доводами против. В условиях всех решительных духовных перемен, «перерождения убеждений» (что охватило, как сказано в «Дневнике писателя», очень длительный период), принятия народных верований, образ Христа в Достоевском жил именно религиозно. Колебание же, диалектическое колебание, было, очевидно, страхом и озабоченностью страстотерпца в вере перед вечным её достижением в себе, а не распадом религиозной личности и сознания.

Н. Д. Фонвизина, адресат Достоевского, – единственная, кто писал ему в четыре года острога, и столь известное его письмо является ответным на её искренние, часто исповедальные письма, где едва ли не главными стали вопросы веры. От Н. Д. Фонвизиной и П. Е. Анненковой, передавших Евангелие, по слову Достоевского, «страдалиц», последовавших в Сибирь за своими мужьями-декабристами, шло направленное христианское сочувствие и помощь. В тобольском религиозно-философском кружке Фонвизиных поднимались вопросы, близко задевавшие Достоевского, и он, каторжник, заочно включался в духовную жизнь сибирской глубинки России. Наше представление, что это был будто бы глухой период его жизни и что он пребывал в духовной изоляции, не вполне верное и далеко не полное. Священники А. И. Сулоцкий, близкий знакомый Фонвизиных, мирный проповедник православных истин, Д. С. Пономарёв, служивший протоиереем Воскресенского собора, к которому относился омский острог, и пополнявший библиотеку собора, – поддерживали духовную близость каторжника к образованным, сочувствующим ему людям. Помогавший Достоевскому врач И. И. Троицкий стал прототипом старшего доктора в «Записках из Мёртвого дома».

Идея очищения страданием, самопознание и преодоление горделивого личностного «я», смирение – всё это доходило, скорее всего, до Достоевского как уже осмысленное А. И. Сулоцким, С. М. Знаменским, декабристом М. И. Муравьёвым-Апостолом. Перекличка этих мыслей с известной нам записью 1864 года у гроба жены «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?..» – очевидна. А. И. Сулоцкий передал Достоевскому немало духовной литературы, в том числе и выпуски журнала «Христианское чтение» за 1828, 1847 годы. В этом журнале было сочинение, вошедшее в состав личной библиотеки писателя, уже в отдельных поздних изданиях: «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Сочинение преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, изображённые по сказанию всех четырёх евангелистов:

В 5 ч.». Несомненно, это сочинение могло иметь импульс для размышлений писателя, утверждавшегося в антиренановском взгляде на Христа, что так сказалось в работе над образом князя Мышкина в романе «Идиот».

Так преодоление отчаяния и духовное восхождение Достоевского пришло в живом и благотворном взаимодействии с людьми, его так или иначе окружавшими в Сибири. «Если б я не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно... Брат, на свете очень много благородных людей» (в письме брату 22 февраля 1854 г. – 28; 171).

Недостаток портретов этих людей и других материалов – лишь стимул дальнейших поисков для Омского музея Достоевского.

Пройденная Голгофа под конец жизни открывалась всегда Достоевскому в одном и очевидном свете.

«Один почтенный советник, который был знаком с Достоевским до истории Петрашевского и не видался с ним и по возвращении Фёдора Михайловича из Сибири до прошлого года, встретился с ним в одном блестящем обществе.

Старые приятели, отрекомендованные друг другу, вспомнили старое знакомство, завязался весьма дружеский разговор, – приятель сказал:

“Какое, однако, несправедливое дело было эта ваша ссылка”.

– Нет, – коротко, как всегда, обрезывает Достоевский. – Нет, справедливое. Нас бы осудил русский народ. Это я почувствовал там только, в каторге. И почём вы знаете, – может быть там, на верху, т. е. Самому Высшему, нужно было меня привести в каторгу, чтоб я там что-нибудь узнал, т. е. узнал самое главное, без чего нельзя жить, иначе люди съедят друг друга, с их материальным развитием; ну-с, и чтобы это самое главное я вынес оттуда, потому что оно пока скрывается только в народе, хоть он гадок, вор, убийца, пьяница; так чтоб я вынес это оттуда и другим сообщил, и чтоб другие (хоть не все, хоть очень не многие) лучше стали хоть на крошечку – хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что в бездну стремятся, и этого довольно. И это уж много. И из-за этого стоило пойти на каторгу.

Какое же впечатление произвёл на советника этот взгляд Фёдора Михайловича на роковое событие его жизни, взгляд, не раз так или иначе выраженный им в его “Дневнике писателя”? Советник, отойдя от Достоевского, с искреннейшим сожалением, качая головою, говорил его окружающим:

– Экая жалость, экая жалость!

– Что такое?

– Да вот, Достоевский – совсем сумасшедший. Бог знает какой мистицизм несёт.

К чему ж этот анекдот?

Да просто к тому, чтобы выразить надежду, что таких советников не много».

Москва – Даровое – Омск – это триединство мы видим в одном и сквозном духовном действии.

ЭКСПЕДИЦИЯ

⁴ Из речи А. Н. Майкова на поминках Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербургском Благотворительном Обществе // Русь. 1881. № 18. 14 марта. Цитирую по книге: Миллер О. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб, 1883. С. 57.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УСАДЬБЫ ДОСТОЕВСКИХ В ДАРОВОМ

В статье публикуются материалы раскопок в усадьбе Достоевских Даровое и на территории церковной школы при Свято-Духовском храме в селе Моногарове. В Даровом одной из задач раскопок был поиск дома-мазанки, в котором писатель проживал в детском возрасте. Раскопами открыто несколько остатков построек, которые отнесены ко времени предыдущих владельцев усадьбы либо к периоду после Достоевского, когда имением владела его сёстра. Собрана интересная коллекция находок конца XVIII – начала XIX вв. и конца XIX – начала XX вв. В Моногарове раскопками установлен возраст церковной школы – около середины XIX в.

Ключевые слова: Достоевские, Даровое, Моногарово, усадебная археология, мазанка, церковная школа.

В настоящей работе мы представляем результаты археологического исследования как на самой усадьбе Достоевских в Даровом (рис. 1), так и в её ближайших окрестностях, на что ушло пять лет (2005 – 2009). Однако, поскольку работы не завершены, итоги эти пока предварительные¹. Задачи, поставленные перед археологами, в основном сводились к следующему:

1. Исследование утраченной части нынешней постройки, предположительно, кухни.
2. Поиск первоначального дома, в котором проживала семья Достоевских, т.н. «мазанки».
3. Исследование здания в соседнем с. Моногарове, бывшей церковной школы, и установление возраста этой постройки.

Из письменных источников по истории усадьбы мы опирались на воспоминания брата писателя, Андрея Михайловича Достоевского. Имение Даровое отец писателя, М. А. Достоевский приобрёл в 1831 г. у помещицы О. А. Глаголевской, которая, в свою очередь, незадолго до этого приобрела его у помещика И. П. Хотяинцева, чей род владел Даровым многие годы². В то время административно эта земля относилась к Каширскому уезду Тульской губернии. Обстоятельства покупки подробно описаны биографами писателя³.

---

¹ Первая публикация: Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // Летние чтения в Даровом: материалы междунар. науч. конф., 27 – 29 авг. 2006 г. Коломна, 2006. С. 146 – 156. То же: Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Исследования на территории музея-усадьбы Ф. М. Достоевского «Даровое» // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М., 2007. С. 366 – 373. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/8_syrovatko.pdf

² Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 36.

³ Фёдоров Г. А. Сельцо Даровое // Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 132 – 133.

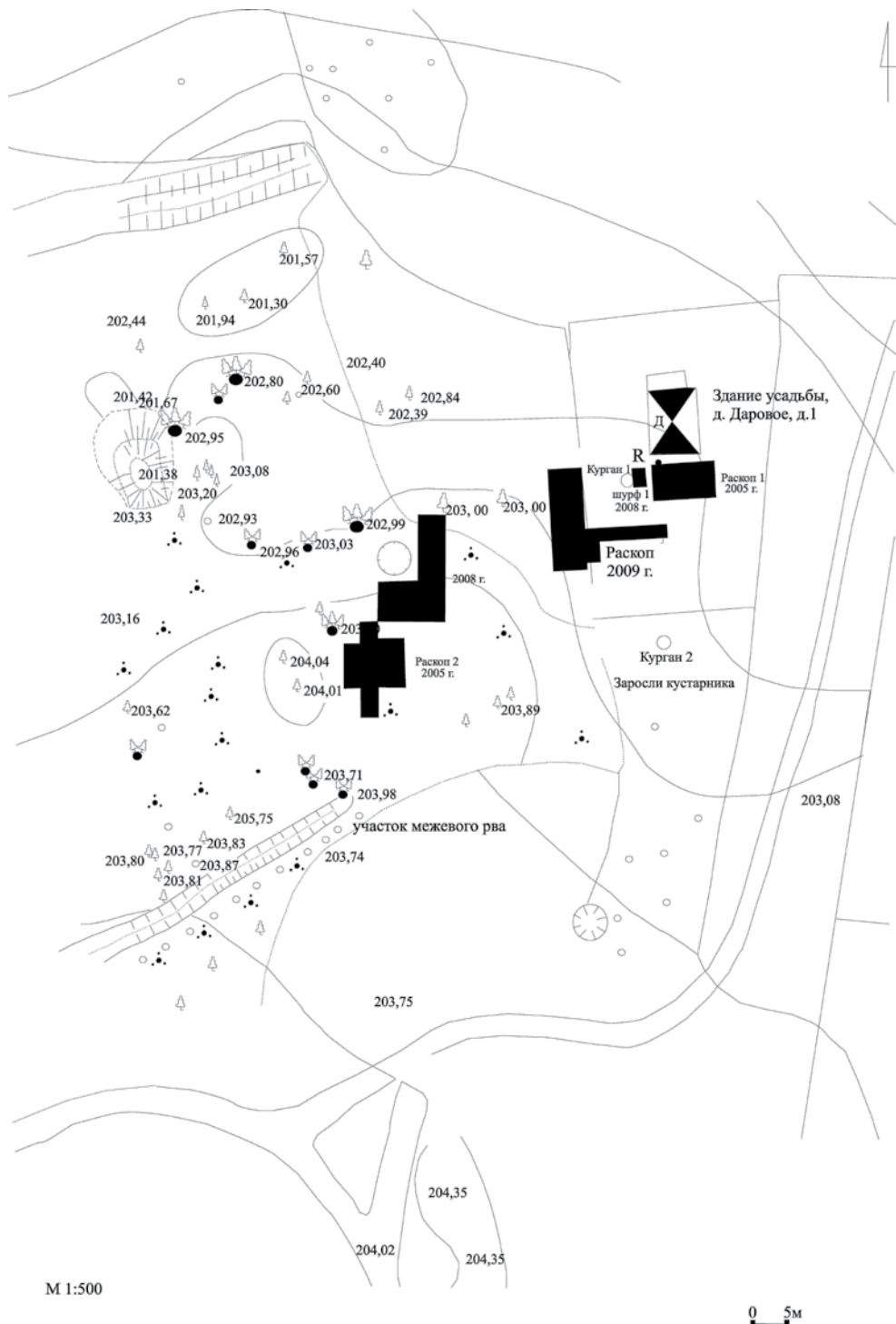

Рис. 1. План центральной части усадьбы и расположение раскопов

Рис. 3. Вид на дом в Даровом. Справа видна хозяйственная постройка

Территория ядра усадьбы с парком обнесена рвом и валом, сохранившимся, вероятно, с XVIII столетия. Имение сгорело в апреле 1832 г. вместе с деревяней, ещё до того, как семья Достоевских въехала в него. Первоначально, до восстановления усадьбы, семья Достоевских занимала небольшой дом («мазанку»), уцелевший при пожаре – «плетнёвый, связанный глиною на манер южных построек, флигелёк... из трёх небольших комнаток»⁴. О времени постройки существующего здания усадьбы точных сведений нет. Нельзя исключать, что первоначально он мог быть возведён вскоре после пожара. Из переписки А. М. Достоевского с сестрой известно, что перестройка родительского дома относится к 1886 году⁵, причём подчёркивается именно перестройка. Это обстоятельство заставляет предположить, что под новое здание были использованы старые фундаменты, и не исключено, что существующий ныне усадебный дом возведён на месте прежнего дома Достоевских.

РАСКОПКИ «КУХНИ» (2005 г.)

Существующее ныне здание усадьбы (рис. 2, цв. вкл.) сохранилось не полностью – первоначально оно было обычным пятистенком; с южной стороны к существующей части дома примыкала т.н. «кухня», по другой версии, «людская». Сохранились фотографии, сделанные в разные годы (рис. 3), на которых дом снят в его прежнем, ныне утраченном виде⁶.

⁴ Достоевский А. М. Воспоминания. М., 1992. С. 59.

⁵ Викторovich В. А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. Материалы междунар. науч. конф. 27 – 29 авг. 2006 г. Коломна, 2006. С. 106. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/viktorovich_expedicia.pdf

⁶ Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // По тульскому краю. Тула, 1925. С. 155.

Рис. 6. Фигурка лошади и поливной сосуд из верхнего слоя заполнения «кухни»

Рис. 7. Аптечная посуда из заполнения «кухни» (№ 4 – из ямы 1)

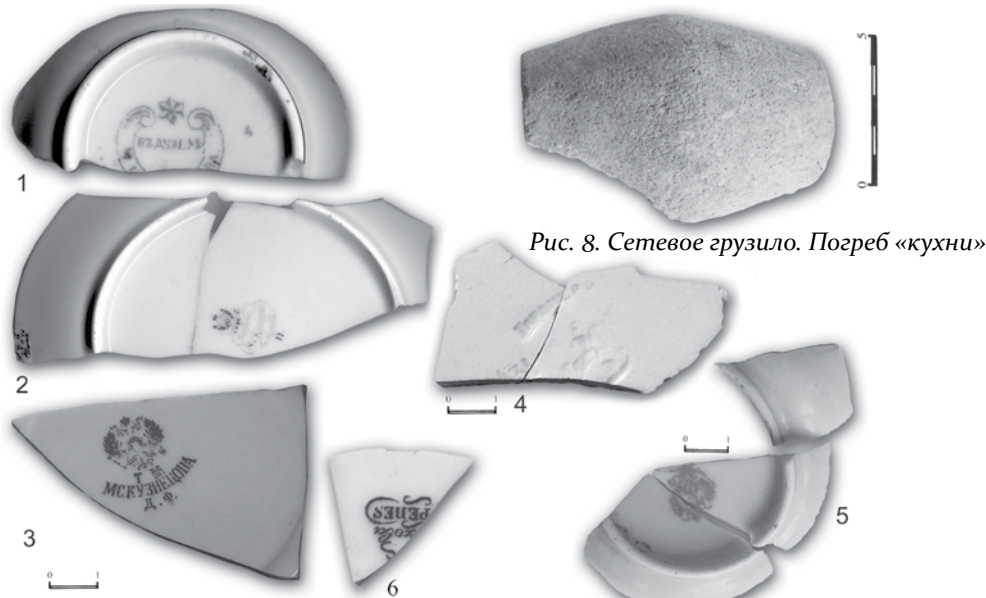

Рис. 8. Сетевое грузило. Погреб «кухни»

Рис. 9. Клейма на фарфоровой и фаянсовой посуде. №№ 2 – 4, 6 – раскоп 1, заполнение «кухни»; №№ 1, 5 – раскоп 2 (2005 г.)

Северная стена несохранившейся пристройки была продолжением стены основного здания, но сама пристройка была уже. Была ли пристройка возведена одновременно с основным зданием, неизвестно, поскольку в ходе раскопок между самим зданием и раскопом была оставлена бровка шириной около 1 м (чтобы не повредить зданию), в итоге так и не разобранный.

Культурный слой в верхней части и в пределах фундамента (рис. 4, цв. вкл.) был буквально забит металлическим мусором и битым кирпичом, причём значительная его часть – советского времени. Прочие кирпичи датированы 1845 г. – началом XX в. по обмерам⁷. Обнаружен фрагмент кирпича с частью клейма на «постельной» стороне в виде полуовала с одним зигзагообразным контуром. Кирпичи, вероятно, происходят от разрушенной печи. В целом состав находок в слое, покрывающем фундаментные конструкции, датирует его XIX в., с довольно значительными включениями материала начала XX в.

В пределах фундамента заслуживает внимания объёмная подпечная яма, уходящая северным бортом под здание музея; её восточный борт был ограничен обвалившейся каменной кладкой. В срединной части ямы обнажился мощный каменный столб (рис. 5, цв. вкл.), строительный материал идентичен используемому при возведении фундамента.

Среди находок из слоя, заполнявшего межъямное пространство (топоры, аптечные пузырьки, фарфоровая и глиняная посуда, медная пластика – обычный бытовой фон – рис. 6 – 11, цв. вкл.; 17), выразительна белоглиняная поливная игрушка-статуэтка в виде коника (рис. 6, 1). Судя по сколам, игрушка не была самостоятельной, а входила в композицию. Похожий экземпляр известен в каталоге Русского музея⁸, где датирован последней третью XVIII в. Из этого же слоя происходит и медная копейка 1874 г.

Видимо, верхний слой комплекса погребца – ранний советский период, время после смерти Марии Александровны Ивановой и превращения усадьбы сначала в музей, а затем в сельскую библиотеку (хотя разобрана пристройка была уже много позже войны). Нижний хронологический предел пока не определён, поскольку явных артефактов первой половины XIX в. у нас нет. Теоретически, **при перестройке 1886 г. могли использовать фундамент постройки 1832 г.**, возведённой сразу после пожара.

Второй значимый комплекс раскопа – «Хозяйственная яма № 1», примыкавшая к фундаменту с внешней стороны (рис. 12, цв. вкл.). В ней зафиксирована максимальная толщина культурного слоя на раскопе (2,1 м), заполнение его дало самые ранние находки из слоя и самую богатую коллекцию. Полностью выбранная хозяйственная яма № 1 имела пологий борт в верхней части, в срединной и придонной борт практически отвесный, а в юго-западном углу – с подбоем. На её дне зафиксированы отдельные крупные белые камни и их скопление (северо-западный угол ямы).

⁷ Киселёв И. А. Датировка кирпичных кладок XVI – XIX вв. по визуальной характеристике. М., 1986.

⁸ Художественная керамика Гжели и Скопина в собрании Государственного Русского музея. Каталог. Л., 1987. № 91 – 92.

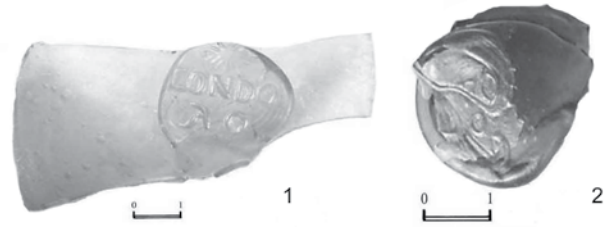

Рис. 16. Штофные клейма. № 1 – яма 1, надпись «CONDO A(?)O»; № 2 – заполнение «кухни», надпись «1804» и буквы «К; С; О; П»

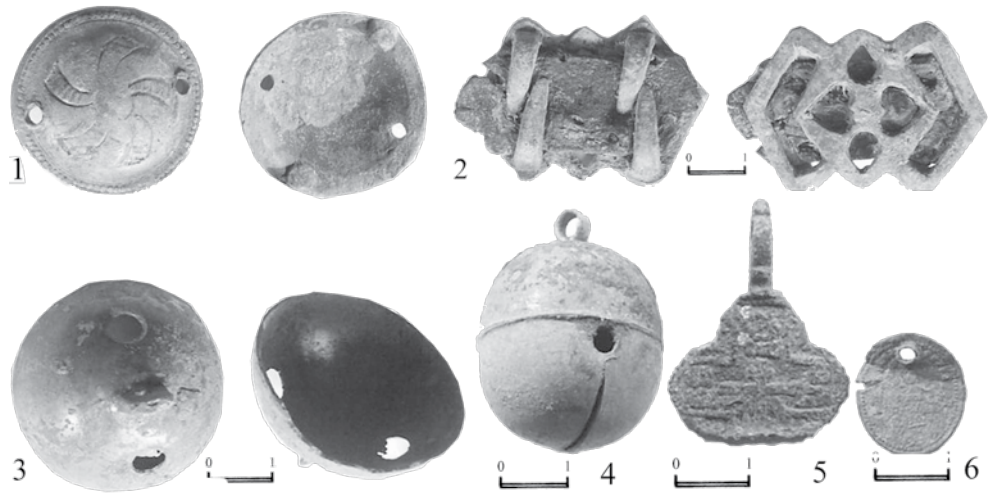

Рис. 17. Медная пластика: №№ 2, 5 – заполнение ямы 1, № 4 – раскоп 1, фоновый слой; № 3 – раскоп 1, погреб «кухни»; № 6 – раскоп 2

Рис. 18. Находки из раскопов 1 – 2. Замок, гиря – раскоп 2, заполнение постройки; шпора – заполнение ямы 1, раскоп 1

Беглого взгляда на состав находок достаточно, чтобы увидеть очевидно высокий статус владельцев – украшения конской сбруи (рис. 13, цв. вкл.; 17, 2), костяной гребень (рис. 14, цв. вкл.), вилка (рис. 15, цв. вкл.), штофное стекло, в том числе клеймёное (рис. 16, 1), шпора (рис. 18, 3), фрагменты фарфоровой посуды. Отметим также нательный крест листовидной формы (рис. 17, 5), оселок, копейку 1759 и деньгу 1735 гг. Эти находки заставляют нас определить яму № 1 как часть усадебной постройки XVIII – первой четверти XIX вв., принадлежавшей именно хозяевам деревни, помещикам Хотяинцевым. Постройка, связанная с ямой 1, теоретически могла достоять до пожара 7 апреля 1832 года, уничтожившего усадьбу и деревню⁹, – оснований для более узкой датировки у нас нет. Обнаруженные на дне ямы кремневые отщепы позволяют говорить о заселении людьми близлежащей территории и в более раннее время.

Вероятно, ближе к «красной линии» современной улицы можно обнаружить и другие следы усадебной застройки XVIII в., причём, как показали наши раскопки, неплохой сохранности. Однако это уже предмет будущих исследований.

ПОИСК «МАЗАНКИ» (2005, 2008 – 2009 гг.)

Как мы отмечали выше, поиск «мазанки» являлся одной из задач археологического исследования Дарового. Сложность её заключалась в следующем: противоречивые сведения о её местоположении, отсутствие чётких критериев выделения такой постройки. В самом деле, до сих пор неясно, как должны выглядеть следы «мазанки»: в виде пятен слоя, остатков фундамента, развалов глиняной обмазки? Кроме того, под термином «мазанка» А. М. Достоевский мог подразумевать не плетнёвую, а срубную конструкцию, оштукатуренную глиной по дранке или ивовому пруту – дома с такой штукатуркой сохранились в Даровом до настоящего времени. Поиск «мазанки» был интересен и как любопытная переключка с археологией раннего железного века, поскольку в этот период плетнёвые постройки являлись основным типом жилища почти во всей Европе. Исследование остатков сравнительно позднего аналога могло бы дать новые сведения о процессе археологизации подобных конструкций.

Идеальным решением проблемы было бы вскрытие сразу значительной – не менее 1000 м² – площади в центральной части усадьбы. Но поскольку возможности для этого не было, а площадь раскопов для такой задачи была сравнительно невелика (330 м²), то каждый новый раскоп разбивался или прирезался к старым.

Отдельно хотелось бы отметить применение георадара. Группа геофизиков МГУ под руководством А. Н. Ключко выполнила сканирование центральной части усадьбы в 2005 г., но интерпретация георадарных профилей оказалась самым «узким» местом исследований. «Скопления аномалий», выявленные в ходе сканирования, могут означать что угодно: обломки сельхозмашин, мусорные ямы, части позднейших фундаментов, и скорее запутывали, чем помогали в поисках.

⁹ Фёдоров Г. А. Сельцо Даровое // Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 132 – 133.

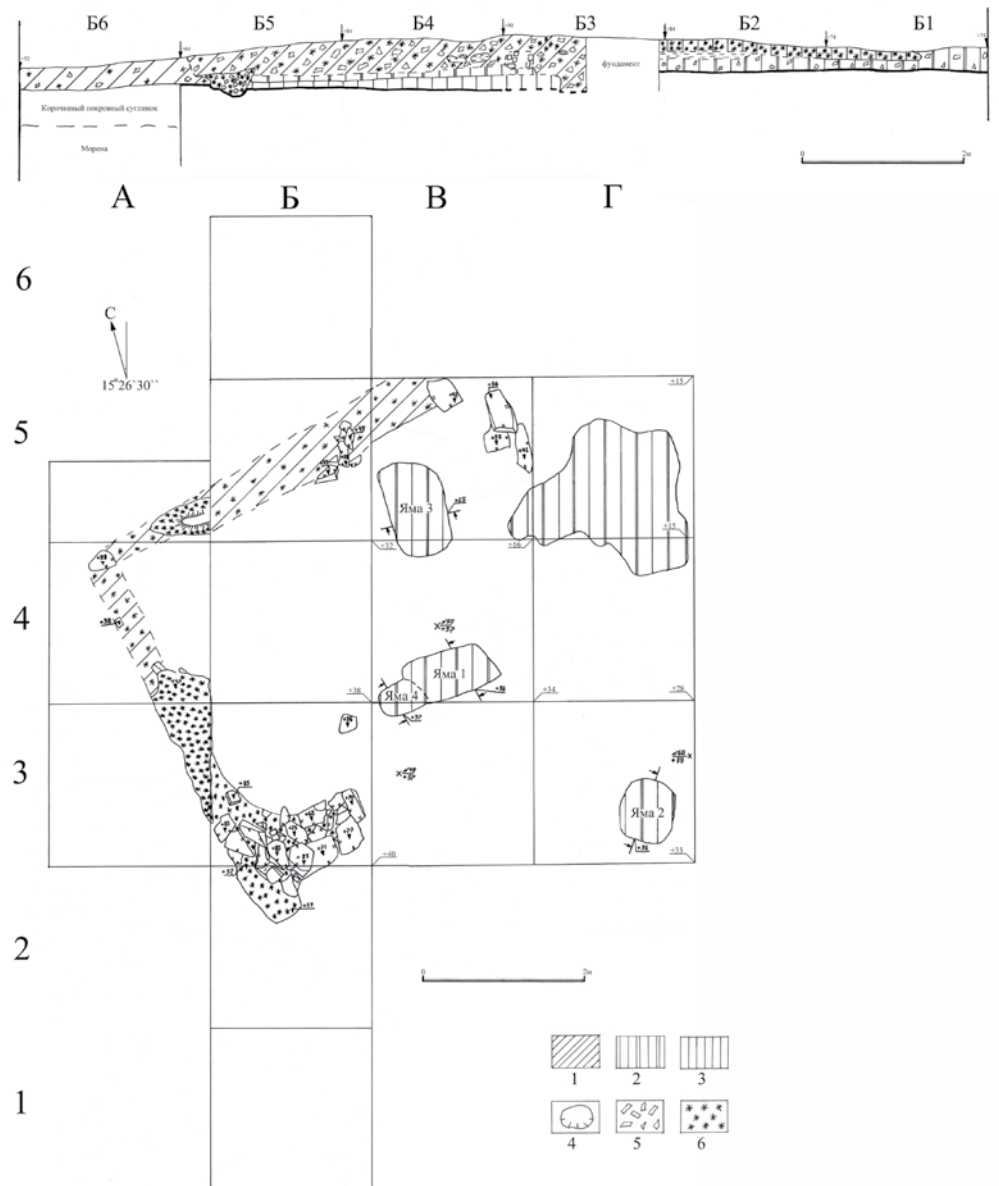

Рис. 19. План раскопа 2 (2005 г.)

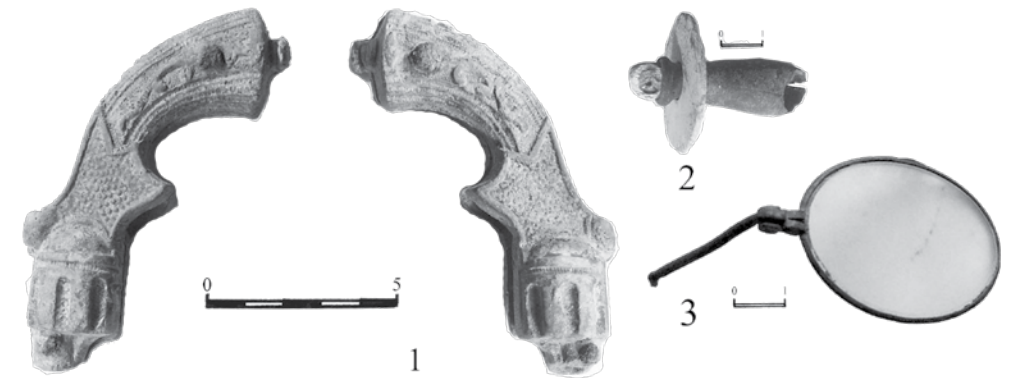

Рис. 20. Находки из заполнения постройки в раскопе 2

Помимо раскопа на месте «кухни», в центральной части усадьбы было исследовано ещё три (рис. 1). В каждом из них были открыты следы самостоятельных построек, и ни одна из них, по нашему мнению, не могла претендовать на роль «мазанки».

Самой яркой по составу находок оказалась постройка, исследованная в 2005 г. Культурный слой в том раскопе оказался очень тонким, и почти сразу же под дёрном нами были раскрыты остатки фундамента, причём некоторые камни были видны ещё с поверхности. От фундамента сохранился ЮЗ угол, сложенный из известняковых камней на известковом растворе (рис. 19). От З и С стен сохранился только след в виде неглубокой, около 20 см, траншеи, заполненной суглинком с известковой крошкой и печиной, в СЗ углу сохранился один камень. От Ю и В стены не осталось даже следа, и мы не можем пока достоверно судить о длине постройки, хотя не исключено, что она могла попасть в раскоп почти целиком.

Любопытно, что стратиграфия раскопа в пределах фундамента и вне его несколько различалась: в границе постройки отложился культурный слой толщиной около 8 см, за её пределами и в других постройках такого не было. Находки, связанные с постройкой, как часто и бывает при раскопках позднейших объектов, довольно любопытны, а некоторые так и просто умиляют – в первую очередь отметим детскую гуттаперчевую соску с костяным диском (рис. 20, 2) и детский оловянный револьвер-пугач (рис. 20, 1).

Револьвер интересен, поскольку сам по себе является датирующей находкой. Две половинки этого предмета соединены железными заклёпками. На месте спускового механизма в корпусе осталась полость. Предмет является подражанием револьверам, как капсюльным, так и центрального боя, распространённым в основном в США, в период начала 1860 – 1870-х гг. Характерная деталь такого оружия – т.н. «сосковидный» спуск, с клавишей вместо крючка и без скобы. Такое оружие неохотно делали фирмы Кольт и Смит-Вессон, но оно часто встречалось в номенклатуре менее именитых производителей – Ремингтона, Прескота, Марлина, Криспин, «Коннектикут армз К^о» и многих

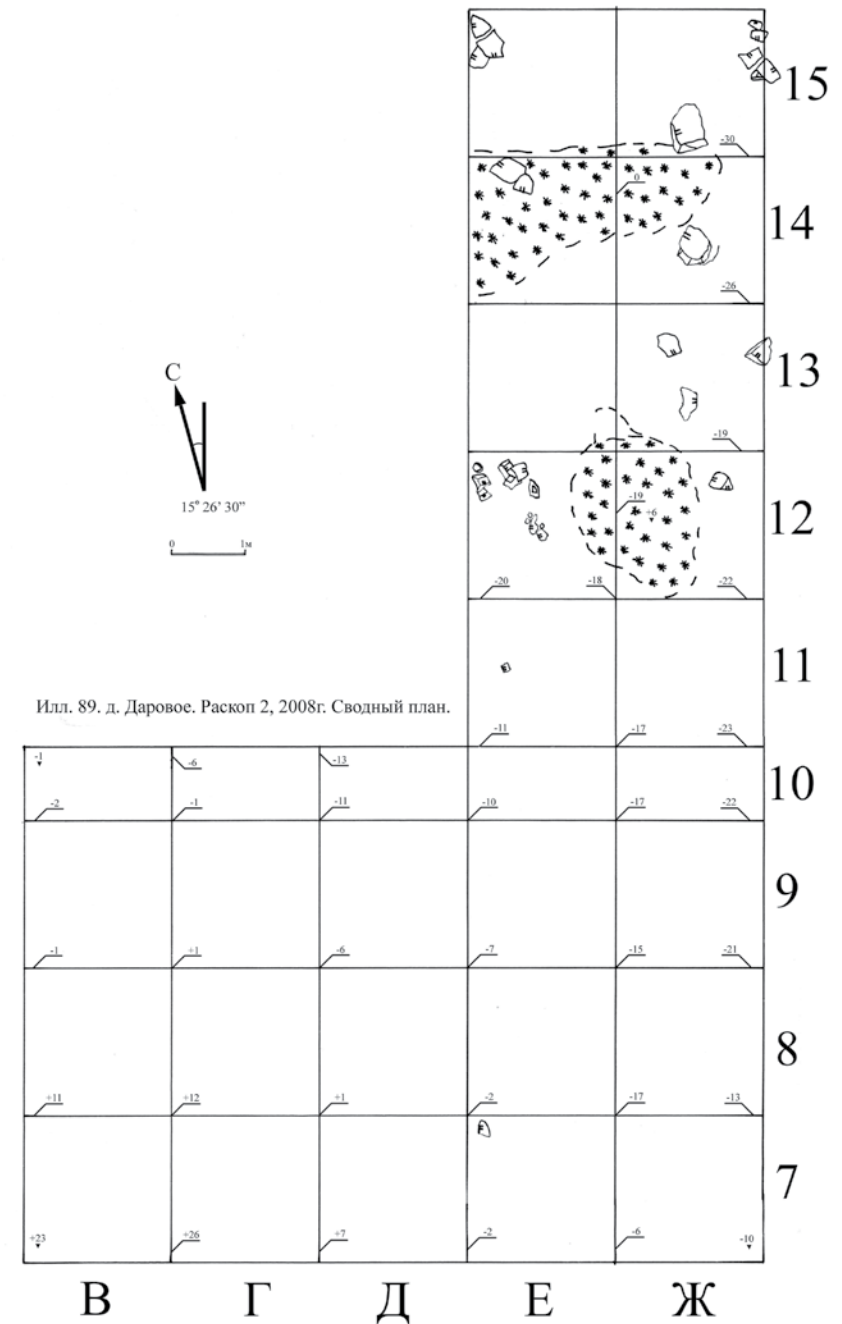

Рис. 21. Пуговицы из заполнения постройки в раскопе 2

Рис. 22. Аптечная посуда из постройки в раскопе 2

других. В Старом Свете оружие с таким спуском копировали неохотно, предпочитая традиционную спусковую скобу¹⁰. Искать в игрушке точную аналогию бессмысленно, но несомненно, что это одна из наиболее узко датированных находок, поскольку нижняя её дата – 1860 – 70 гг. (вероятнее всего, между оригиналами и игрушкой должен был существовать ещё и некий временной зазор, и более вероятной может быть дата – последняя четверть XIX в. или даже позднее).

Из пределов постройки происходит также обломок очков (рис. 20, 3). Целой серией представлены аптечные пузырьки, в т.ч. с клеймами (рис. 22). Традиционно такие находки связывают с концом XIX – началом XX вв. Обнаружено и несколько экземпляров пуговиц – латунные «скорлупки» (рис. 21, 1 – 3), одна из которых носит следы позолоты (рис. 21, 4), стеклянная и одна близкая современному типу, с четырьмя отверстиями. За пределами фундамента, но в непосредственной близости от него найдены также гиря, замок (рис. 18, 1 – 2) и миниатюрная медная нательная иконка (рис. 17, 6). Замок довольно определённо указывает на вторую половину XIX в., поскольку множество подобных предметов имели клейма с датой выпуска и находятся в коллекциях музеев Коломны и других городов¹¹. Гири круглых форм также относятся к XIX в., поскольку входят в употребление после указов Павла I. Медная вставка с указанием веса и года обычно располагалась на дне, на нашем экземпляре она утрачена. Что касается иконки, то она представляет собой обычный для рубежа XIX – XX вв. дешёвый сувенир для паломников: с лицевой стороны изображена Св. великомученица Варвара (надпись частично повреждена), с оборотной – изображение двух святых на фоне монастыря, подпись не читается¹². Однако по иконографическим аналогиям можно предположить,

Илл. 89. д. Даровое. Раскоп 2, 2008г. Сводный план.

Рис. 24. План раскопа 2008 г

¹⁰ Жук А. Б. Справочник по стрелковому оружию. М., 1993.

¹¹ Датированный концом XIX – нач. XX вв. экземпляр есть в музее Королевских ворот г. Калининграда. В Коломенском краеведческом музее замок такого типа имеет клеймо «1868 годъ».

¹² Определение С. И. Самошина.

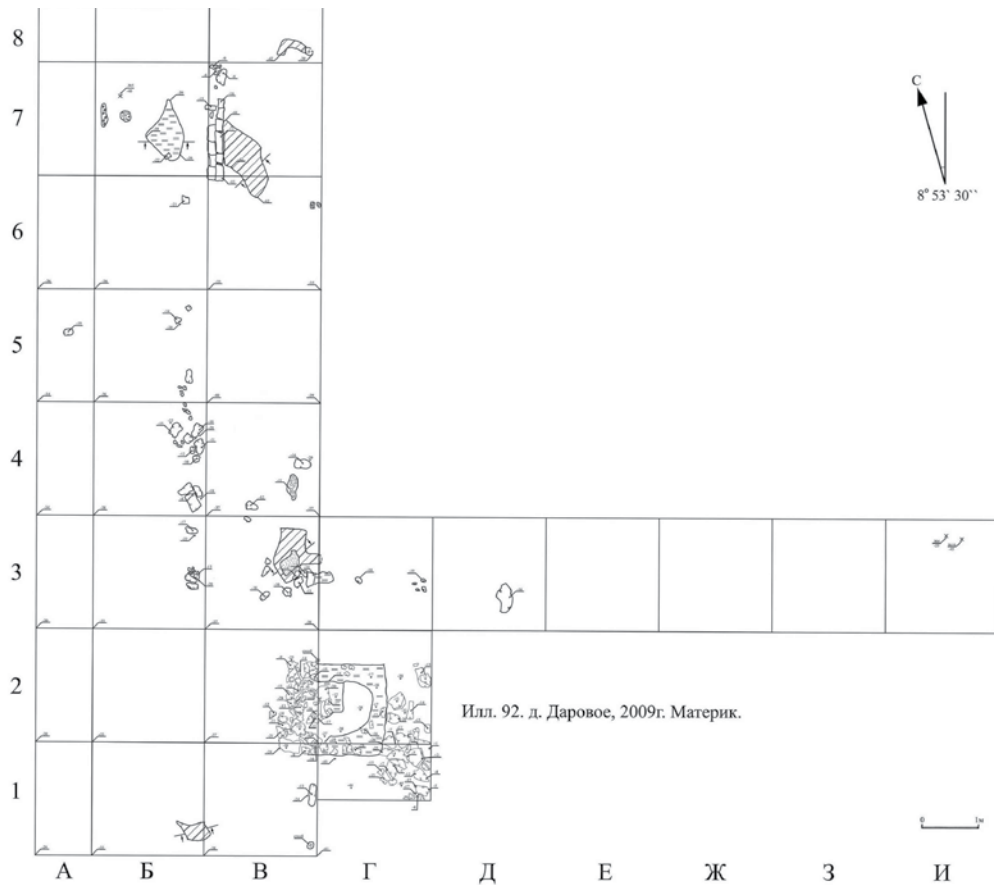

Рис. 26. План раскопа 2009 г.

что изображены Св. Сергей и Никон Радонежские, что указывает и на происхождение образка – из мастерских Троице-Сергиевой Лавры. Ввиду отсутствия аналогий в специальной литературе, можем указать близкие, приведённые в довольно неоднозначном издании «Древности и старина»¹³.

По нашему мнению, открытая нами постройка по составу находок должна быть отнесена к концу XIX – началу XX вв. Состав находок, отложившийся культурный слой, а также редкие фрагменты обожжённых кирпичей указывают также на её жилой характер. Вероятно, это некий флигелёк на усадьбе «периода Ивановых».

Раскопы 2008 – 2009 гг., исследовавшие зазор между 1 и 2 раскопами 2005 г. (рис. 1, 23 – 26, цв. вкл.), практически не дали находок. Редкие монеты относятся исключительно к предсоветскому – раннесоветскому периодам, насыщенного культурного слоя почти нет, как нет и находок. Отметим только один предмет – спусковой крючок из латуни от какого-то оружия, в теле

которого сохранились железные оси (рис. 27, 2, цв. вкл.). Латунь в качестве материала для ружейного замка выглядит несколько странно, но вполне допустима на русских кустарных и полукустарных, т.н. «городских» пистолетах XIX в. Судя по асимметричности деталей, она происходит от двустольного оружия (пистолета?) и обслуживала правый (нижний) ствол. Не исключено, впрочем, что оружие было игрушечным¹⁴. Отметим также фрагмент фарфоровой статуэтки и костяную рукоять вилки (рис. 27, цв. вкл.). Есть на раскопе и объекты: найдены остатки фундаментов от нескольких хозяйственных построек, но находок в них почти нет, как нет и керамики. Контуры постройки в раскопе 2008 г. прослеживаются плохо, сохранность фундаментов плохая (рис. 23, цв. вкл. – 24). Вероятно, это остатки какого-то сарая, конюшни и т.п.

В раскопе 2009 г. следы более отчётливы, но не исключено, что они относятся к разным строениям. Открыто даже основание печи (рис. 25, цв. вкл. – 26). И печь, и фундаменты, несмотря на отсутствие находок, могут быть датированы по фабричным гвоздям, найденным между камнями, в растворе. Обращает на себя внимание и большое количество кровельного шифера в дерновом слое (изобретение кровельного шифера произошло в 1904 г., производство в России с 1908 г. В глухую зарайскую деревню он пришёл ещё позже). Вероятнее всего, эти постройки (или постройка) также должны быть отнесены ко времени Ивановых. Вокруг основания печи и примыкавших к нему фундаментов слой довольно мощный, но состоит из переотложенного материкового суглинка – остатков обмазки стен. Возможно, так же должны выглядеть и остатки «мазанки», но наш опыт раскопок показал, что жилая постройка выдаст себя не только строительными остатками, но и выразительным комплексом находок, а он-то как раз и не найден. Заметим, что возможности археологии для выявления поздних объектов велики, что в ряде случаев становится неожиданностью даже для нас – так, в раскопе 2009 г. открыт ряд столбов от забора, окружавшего усадебный дом в советское время и видимый на открытках, изданных в 1973 г. Видимо, «мазанку» смогли бы распознать сравнительно легко – если бы нашли.

Какие постройки, известные по описаниям, могут соответствовать открытым в 2009 г. объектам? Таких пока известно две. В советское время, включая 1970-е гг., напротив ЮЗ угла флигеля располагался некий сарай. Известно, что именно в него были свалены книги из сельской библиотеки, располагавшейся в доме, после её закрытия и перепрофилирования дома под музей. В дальнейшем сарай был разрушен, книги растащены.

Целая серия фотографий из коллекции Государственного Литературного музея с видами усадьбы была сделана в конце XIX – начале XX вв. Судя по некоторым деталям, они относятся к разному времени, от конца XIX в. до раннего советского периода. Большинство из них опубликовано, правда,

¹⁴ Любопытно, что одна из племянниц писателя, Наталья Александровна (1867 – 1923), глазной врач, по воспоминаниям родственников, была довольно воинственной особой и, охраняя от мужиков усадьбу и лес, объезжала имение на лошади, с собакой, «и с револьвером» (Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506 – 1933. М., 1933. С. 242).

¹³ Квятковский В. Ю. Поздние иконки-образки // Древности и старина. № 5. М., 2005.

качество публикации крайне низкое¹⁵. Наиболее интересны две из этой серии. На одном снимке интересная сцена: женщина¹⁶ и мужчина в пожарной каске моют лошадь из пожарного брандспойта¹⁷. За спиной их целый ряд построек, конюшен и сараев, одна из которых может быть открытой нами. Не исключено также, что нашей постройке соответствует развал строительного мусора в левом поле фотографии. Однако у этой фотографии нет привязок к современным ориентирам. Более определённа другая фотография – вид на усадьбу с 3 (рис. 3). На ней отчётливо видна часть хозяйственной постройки слева от усадьбы, без окон с двумя дверями, с гладкими стенами (оштукатуренными глиной?). Однако и в этом случае сомнения остаются, поскольку постройка довольно далеко отстоит от усадебного дома – высчитать это по фотографии довольно трудно, но ориентировочно – 3 – 5 м от угла разрушенной ныне кухни или 8 – 10 м от угла усадебного дома в его современном виде. Более вероятно, что к этому зданию относится открытое нами основание печи. Вероятно также, обе фотографии относятся к разному времени, на них запечатлены разные периоды застройки.

ИССЛЕДОВАНИЯ БЫВШЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ШКОЛЫ (2006 г.)

Храм Сошествия Святого Духа в с. Моногарово был возведён на средства владельца, помещика В. И. Хотяинцева в 1763 г. Храм имел два придела, один из которых был освящён в честь Покрова Богородицы в память о прежнем деревянном храме. Та часть села, на которой расположен храм, в XVIII – XIX вв., видимо, не была занята крестьянскими домами: местные легенды утверждают, что на правом берегу р. Уйны располагался только помещичий дом. Застройка правого берега р. Уйны произошла, по сути, уже в советское время.

В 1822 г. к храму была пристроена колокольня. Предположительно, строительство здания церковной школы должно было состояться или одновременно с храмом в 1763, или одновременно с колокольней в 1822 г. Это кирпичное одноэтажное здание, от которого к началу раскопок сохранились только стены (рис. 28, цв. вкл.). Здание стоит на краю надпойменной террасы левого берега р. Уйны, делящей с. Моногарово надвое, в 20 м к СВ от алтарной части храма. Архитектурные обмеры здания были выполнены Н. И. Шепелёвым, им же составлено описание руин¹⁸.

Раскопки внутри здания свелись к шурфу в его северной части, у западной стены. Размеры шурфа – 360 x 130 см – объяснялись конфигурацией внутренних помещений. Первоначальная идея исследовать всю площадь не могла быть воплощена, поскольку под зданием располагалось несколько разновременных погребов, и мощность слоя превышала 2 м.

После того, как шурфом были пройдены верхние слои со строительным мусором, примерно до уровня /-230, характер слоя изменился – в основе своей это был тёмно-серый суглинок, с включениями крупных известковых камней, комков жёлтого суглинка, угля, изредка – прокалённой глины. В этом слое сразу же проявился и археологический материал в виде большого количества печных изразцов и керамики. Ещё в ходе раскопок стало ясно, что шурфом задета яма от засыпанного погребка.

На уровне /-255 вдоль южной стенки обозначился уступ материкового суглинка шириной 40 см, ступень погребка. Собственно, шурф выявил только южную границу открытого погребка, а его северная граница – и это принципиальная деталь – не только не выявлена, она находится за пределами кирпичного здания. Иными словами, открытый шурфом погреб не совпадает с существующим зданием и предшествует ему. В нижних отложениях шурфа количество известковых камней увеличивается, а материковый жёлтый суглинок был выстлан крупными известковыми камнями уплощённой формы (рис. 29, цв. вкл.). Кладка не была сплошной, многие камни отсутствовали, и в момент проходки шурфа ничем не отличалась от разрозненных камней в засыпке. Под некоторыми камнями также залегала тонкая прослойка культурных отложений.

Среди камней, перекрывавших материк, помимо изразцов и керамики, были найдены две монеты – деньга Анны Иоанновны (1737 г.) и копейка Елизаветы (1759 г.). Эти монеты имели хождение во вторую половину XVIII – начало XIX вв., по некоторым сведениям – вплоть до реформ графа Канкрин, т.е. 1830-х гг. Датировка погребка в пределах второй половины XVIII в. на основании монетных находок вполне корректна.

Из заполнения погребка, открытого шурфом, происходит серия изразцов. Она довольно велика, по объёму даже больше, чем керамика, но довольно неоднородна. Можно выделить три группы изразцов: красноглиняные и белоглиняные с зелёной поливой и растительным орнаментом (рис. 30, цв. вкл.), белоглиняные рельефные полихромные и гладкие с сюжетной росписью (рис. 31 – 36, цв. вкл.). Последняя группа особенно интересна и многочисленна. Изразцы в этой группе изготовлены как из красножгущихся, так и из белых глин. Роспись по белому фону выполнена либо синим, либо коричневым цветом, но неизменно с одинаковым оформлением рамки – вероятнее всего, это один набор. Сохранились сюжеты на небольших поясных изразцах – животные (утка, другие птицы, заяц – рис. 31, 32, цв. вкл.) и пейзаж с домом (рис. 33, цв. вкл.). Крупные прямоугольные изразцы из этой группы представлены лишь фрагментами с изображением человеческих фигур (рис. 34 – 35, цв. вкл.). Многочисленны мелкие детали – карнизы, бордюры и т.п. (рис. 36, цв. вкл.).

У всех трёх групп румпы выполнены с отступом от края. Очевидно, что муравлённые изразцы представленного в выборке типа могут быть датированы второй половиной XVII в., хотя устройство румпы не исключает в качестве даты и первую половину XVIII в. (при раскопках в Коломне найден зелёнополивной изразец с датой «1724 г.»). Гладкие монохромные

¹⁵ Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. М., 2009.

¹⁶ Не идентифицирована, но, по мнению некоторых исследователей, одна из племянниц писателя, Ольга Александровна Иванова (Бирюкова Т. Г. Указ. изд. С. 16).

¹⁷ Там же. С. 62

¹⁸ Сыроватко А. С. Отчёт об археологических исследованиях в г. Коломне, Коломенском и Зарайском районах Московской области в 2006 году // Архив Института археологии РАН. Р-1, 2006; там же приведены обмеры кирпичей из здания, храма и колокольни.

изразцы с сюжетной росписью могут быть отнесены ко второй половине XVIII в. (определение д.и.н. А. Б. Мазурова), и именно на них, как на самые поздние, следует опираться при датировке всего комплекса: это наиболее полно сохранившийся набор, представленный серией, в то время как остальные группы изразцов содержат единичные экземпляры. Полихромные рельефные изразцы датируются первой половиной – серединой XVIII в. Таким образом, группа изразцов не даёт определённой даты, но ограничивает время заполнения погребя временем не ранее конца XVIII – начала XIX вв.

Обратимся теперь к обнаруженному в заполнении керамическому материалу (определение выполнено к.и.н. В. В. Черкасовым). Всего найден 401 фрагмент от глиняной кухонной и столовой посуды. Белоглиняная керамика (279 экземпляров, 70%) была разделена на несколько групп: 1) изготовлена из чистой формовочной массы (90%); 2) с примесью, вероятно, естественной, мелкодисперсного песка в глиняном тесте (5%); 3) с включением мелкого песка (5%). Венчики сосудов первой группы можно отнести к нескольким типам и датировать следующим образом: а) вертикальные венчики с внутренним валиком и плотным линейным орнаментом (или без такового) по шейке (24 экземпляра) – вторая половина XVII в.; б) вертикальные венчики с внутренним валиком и единичной линией орнамента у устья (10 экземпляров) – первая половина XVIII в.; в) вертикальные венчики с внутренним (заворот черного края) и внешним валиком (5 экземпляров) – вторая половина XVIII в.; г) вертикальные венчики с внутренним (заворот черного края) и внешним приострѐнным и приспущенным валиком (2 экземпляра) – рубеж XVIII – XIX вв.

Вторая группа белоглиняной керамики включала только стенки, которые прошли как полный обжиг в окислительном режиме, так и в окислительно-восстановительной среде; орнамент не зафиксирован. Датировать их следует XVII – XVIII вв.

Третья группа представлена стенками (орнамент отсутствовал) и днищами, на которых была песчаная подсыпка. Все фрагменты прошли полный обжиг в окислительном режиме и в окислительно-восстановительной среде. Предположительная датировка XV в. Одна стенка отличалась от остальных отсутствием нагара, чистым белым цветом и большим количеством мелкого песка в тесте – всё это позволяет относить данный фрагмент к кувшину или корчаге гжельского производства и датировать его в пределах XVII в.

Чернолощёная столовая керамика (115 экземпляров, 28,5%) была изготовлена из беложгущейся глины без искусственных примесей в формовочной массе и включала венчики и ручки от кувшинов, стенки и днища. Такая посуда прошла полный обжиг в восстановительном режиме и имела полосчатое или фигурное лощение. На одном из днищ присутствовали концентрические разводы от среза сосуда с гончарного круга, что является датирующим признаком для керамики второй половины XVIII – начала XIX в. Чернолощёную керамику этого типа мы относим к XVII – XVIII вв.

Поливная керамика (4 экземпляра, 0,8%) была изготовлена из беложгущейся глины без искусственных примесей в формовочной массе и прошла полный обжиг в окислительной среде. На одном венчике с обеих сторон была нанесена зелёная глазурь, на другом – коричневая. Днище другого сосуда с ложным поддоном было покрыто с внешней стороны светло-коричневой поливой и имело следы среза с гончарного круга. Вероятная датировка поливной посуды – XVIII в.

Интересен один фрагмент (0,2%) белоглиняного столового сосуда без искусственных отолщителей, прошедшего полный обжиг в окислительном режиме. Это так называемая керамика с мраморовидной росписью: под прозрачной бесцветной глазурью нанесена роспись в виде свободных разводов тонкими цветными (зелёной, чёрной, красной) линиями. Периодом наибольшего распространения такой керамики считается первая половина XVIII в.

Фаянсовая посуда (0,5%) представлена 2 стенками.

Таким образом, проведѐнный анализ керамического материала позволяет датировать его в рамках второй половины XVII – начала XIX вв., при наличии единичных фрагментов, которые можно отнести, предположительно, и к XV в. Отдельные фрагменты (днища со следами среза, венчики) могут быть датированы концом XVIII – началом XIX в. Однако крайне незначительное количество фаянсовой посуды не позволяет связывать весь комплекс с первой половиной XIX в. Отметим также почти полное отсутствие стеклянной посуды, характерной для XIX в.

Как видим, все три группы находок – керамика, изразцы и монеты, довольно определённо указывают на вторую половину – конец XVIII в. как на наиболее вероятную дату материала, заполнившего ставший ненужным погреб. Это означает, что существующего ныне кирпичного здания церковной школы в XVIII – начале XIX вв. не существовало, ему предшествовало другое, вероятно, деревянное. Дата сооружения существующего здания остаётся неопределѐнной, хотя, вероятнее всего, находится в пределах 2-й четверти – середины XIX столетия. Видимо, наиболее точный ответ могут дать не археологические источники, а квалифицированный анализ архитектурных особенностей здания и архивные изыскания.

С. М. Прохоров

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФАКТА В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ, ИЛИ ЧТО МЫ ИЗУЧАЕМ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена проблеме вариативности фольклорного текста. На основании материалов, полученных во время экспедиции в д. Даровое Зарайского района Московской области, показывается колебание вариантов преданий о насильственной или ненасильственной смерти М. А. Достоевского не только внутри местной культуры, но и у одного информанта.

Ключевые слова: фольклор, вариативность, психология рассказчика, Достоевский, «насильственная vs ненасильственная смерть» отца.

За годы фольклорной экспедиции в имени Достоевских и окрестных деревнях было зафиксировано немало текстов. Памятники оказались разными: частушки и свадебные обряды, топонимические легенды и баллады, былички и духовные стихи. Было собрано немало фотографических изображений и записано видео.

Но особенно интересным остаётся знаменитое, хотя всё время исчезающее от исследователей, предание о смерти М. А. Достоевского. Почему здесь говорится о предании, а не о легенде или меморате? Полагаю, что всё зависит от степени вовлечённости рассказчика в рассказываемое событие. Так, сказитель мемората воспринимает свой рассказ как нечто личное, происходившее либо с ним, либо с его близкими родными. При этом нередко такой сказитель не может отстраниться от события и говорит о себе как участнике события. Сказитель легенды отвечает на вопрос: почему так случилось или кто первый сделал то или это. Предание же содержит сведения, которые передаются от поколения к поколению либо внутри семьи, либо внутри улицы, района, города, а может быть, и всего народа. Таким образом, предание служит определённым маркером.

Владение или невладение преданием чётко разграничивает людей на категории «свой» или «чужой».

В нашей работе первоначально всё складывалось вполне традиционно. Когда я впервые записывал это предание в 2006 г. от жительницы деревни Черемошни Лидии Михайловны Мордасовой, то, услышав её заверение «это не быль, а настоящая правда», смело опубликовал этот рассказ в первом выпуске «Летних чтений в Даровом»¹. Тем более моя информантка утверждала, что узнала эту историю от своей бабушки Елены Платоновны. Особенно меня растрогало тогда желание информантки показать свою связь

¹ Прохоров С. М. Традиционная ситуация в Даровом и окрестностях (По материалам фольклорной экспедиции в июле 2006 г.) // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27 – 29 августа 2006 г. Коломна, 2006. С. 142. Тогда я назвал нашу информантку – Мелехова, то есть её родовой, а не паспортной фамилией.

с родом Достоевских: «У нашей Елены Платоновны все Достоевские брали молочные продукты. Считали, что <они у неё> самые вкусные, <а она> самая чистая женщина в этой деревне»². Информантка утверждала: «Вот у нас ещё об отце его есть память, где наши деревенские старинные мужики в Поповом лесу задушили его». Судя по её воспоминаниям, предание было передано Еленой Платоновной, а той стало известно от племянниц Фёдора Михайловича. Однако, когда мы вернулись к ней уже в 2009 г., то на прямой вопрос, что ей известно о смерти отца писателя, наша информантка сначала вообще стала уверять, что его никто не убивал. Закономерно возник другой вопрос: «А почему тогда вы же нам прежде иначе рассказывали?» Собеседница нашлась: «Вон там вон, в книге написано».

Книгой оказался «Коломенский альманах», в котором в статье доцента нашей кафедры Т. И. Кондратовой приводились слова матери информантки об убийстве Достоевского³. Далее последовало пояснение: «Мама рассказывала много. Ну, это, я всегда присутствовала при их разговорах. Бывало, мы ходили с девочками тоже... а они, бывало, к нам заходили. Ну, чё... Вот там сказали, что наши мужики пошли в лесочек, прям перед нашей деревней... Наши мужики его тама забили. Это вот Дядькино лесочек был? Дядькино!» Обратим внимание на то, что источником информации и её верификации служит уже не столько рассказ матери, как это было раньше, а книжка с работой нашей коллеги и рассказы наших студенток. Кстати, сменилось если и не место преступления, то уж название леса. Таким образом, рассказ об убийстве оказался пересказом слышанного со слов матери и прочитанного в книге.

Естественно было бы предположить, что пожилая женщина стеснялась в присутствии матери противоречить ей, а вот теперь, после её смерти, будет рассказывать то, что считает наиболее верным.

Однако этого не случилось. Записи 2010 и 2011 годов свидетельствуют о том, что в рассказах как самой Мордасовой, так и её родственников продолжает развиваться вариант предания, связанный с убийством. Более того, мы узнали от тех же информантов уже новые подробности. Оказалось, что убийство произошло в розовом кусту, который размером – «вот с эту кухню». А убил, согласно некоторым рассказам – мужик Морей... мужиком Мореем они называют Марка Сергеевича Ермакова – человека гораздо более позднего времени. Впрочем, в ряде рассказов, «мужик Морей» – это крепостной крестьянин из числа верных слуг Михаила Андреевича и один из первых рассказчиков этого предания (л. 112 об.).

Было бы важным обратить внимание на родственные (или хотя бы очень близкие дружеские) связи всех информантов, что легко выявляется и подтверждает жанровую принадлежность рассказа к числу семейных преданий. Так, Антонина Анисимовна Морозюк, жительница деревни

² Здесь и далее цитирую по записям, расшифрованным студентами МГОСГИ под моим руководством.

³ Кондратова Т. И. Легенды и были Дарового // Коломенский альманах. Вып. 10. Коломна, 2006. С. 280 – 281.

Фольклорная экспедиция. Беседа с местными жителями

Хлопово, рассказала нам, что узнала о смерти М. А. Достоевского от своего отца Анисима Платоновича (л. 113). На наш вопрос, из какой она деревни, назвала Черемошню. А чуть позже сказала, что Елена Платоновна, от которой черпала свои знания Мария Михайловна Мелехова (Ксенофонтова) – мать Л. М. Мордасовой – её родная тётка.

Детали, которыми окружают информанты это событие, весьма значимы. Мы уже говорили о розовом кусте. Но приходилось записывать и про «белорозовый куст» (та же Антонина Анисимовна, но в 2009 г. – л. 1 об.) Здесь мы видим явные отголоски как песенных, так и сказочных мотивов. Вероятно, предание прочно связалось в сознании информантки с корпусом фольклора и нераздельно с ним.

Однако её сестра Клавдия Анисимовна ничего про розовый куст не знает, но упоминает рощу (л. 137 об.)

Интересно, как обозначается причина убийства: «он был такой дерзкий человек» (л. 1 об.), «он очень деспотичный был. И наглый. <Мужики> вышли на работу. И не работают. Он начал ругаться. Они его... Рот заткнули... Вот...» (л. 80 об.), «он был очень коварный человек. Он не разрешал никому в лес ходить ... ни яблоко сорвать, ни гриб. Не любили его» (л. 112 об.), «он очень жестокий был» (л. 137 об.)

Гораздо реже в качестве причины убийства называют сексуальную распущенность помещика: «Есть такая легенда, что вот в Даровом жили Достоевские. И отец у них был очень рьяный, ну, как сказать, домогался до женщин. И крестьяне не выдержали и убили его ведь: запороли вилами...» (Надежда Сергеевна Николашева, д. Фёдоровка, запись 2008 г. – л. 6).

К тому же этот вариант в деревне Фёдоровке напрямую связывается с топонимической легендой. Впервые нам сообщил об её существовании в 2006 г. настоятель ряда местных церквей о. Григорий Решетов, который слышал её от своей матери, уроженки д. Фёдоровка: «А само название деревни Фёдоровка, как говорят местные, лет 100 <назад> у них сложилась своя интерпретация названия. Название Фёдоровка связано с именем Достоевского. Каким боком – не объясняется...» (Записи 2006 г. – л. 25).

Через несколько лет мы услышали и объяснение: «И чтоб скрыть эти следы <убийства>, некоторых крестьян крепостных продали вот сюда на Фёдоровку. Я не знаю, ну, это, наверное, раньше было. И что Фёдор Михайлович – это, наверное, не связано. Так вот церковь <церковь. – С.П.> там у нас у пруда. У них <у тамошних жителей. – С.П.> это – дети так похожи на Достоевского. Похожи были все этих родня. И они даже талантливы были...» (Надежда Сергеевна Николашева, д. Фёдоровка, запись 2008 г. – л. 6). Однако сестра информантки Зинаида Сергеевна, которая живет на другой стороне деревенской улицы, при очень хорошей памяти и полной раскрепощённости, на интересующую нас тему смогла только сказать: «А, ну, я и не знаю» (2008, л. 14 об.). Таким образом, в предании, записанном в Фёдоровке, противопоставлены отец и сын. Отец – жестокий помещик, а сын, наоборот, – спаситель крестьян, убийца помещика – своего отца. Рассуждения об особой талантливости потомков тоже были однажды раскрыты: мол, это не отец, а сам Фёдор Михайлович очень до женского пола был охоч. А батюшка так переживал этот сыновний грех, что незаконнорождённых детей своего генерального сына селил в одну деревню – Фёдоровку.

Получается, что тексты преданий о смерти Михаила Андреевича Достоевского не носят устойчивого характера. В этом нет ничего странного, ибо к ним следует относиться не как к воспоминаниям, передающимся слово в слово от поколения к поколению, а как к обычному преданию. Предания, сохраняя лишь внешнюю канву – смерть отца Достоевского в поле, – наполняют её совершенно различным содержанием. Это может быть как насильственная смерть в Черемошне, так и насильственная смерть в Даровом. Это может быть кончина деспота помещика и противопоставление отца и сына. Причины убийства, как мы убедились, тоже могут быть различными. Наконец, передаётся вариант и вовсе не связанный с насильственной смертью.

Интересно, что различные варианты предания могут существовать в одной семье и даже передаваться одним информантом без всяких оговорок. Если вспомнить нашу городскую, коломенскую, практику, то нередко информанты указывали, что им известны разные варианты предания. В Даровом этого не происходит. По собственной инициативе сказитель излагает каждый раз только один вариант. Нужно приложить усилия, чтобы услышать и другой.

Почти все информанты, сообщающие предания о смерти отца Ф. М. Достоевского, так или иначе относятся к уже обозначенному, происходящему из Черемошни роду Елены Платоновны (фамилии у неё официально не было), а далее к племянницам писателя, с которыми она, по семейным

преданиям, была дружна. А значит, распространённость предания не столь уж и широка, как это казалось сначала, и не выходит за пределы расселения потомков этого рода, хотя ареал их расселения может быть и весьма широким, что и создаёт впечатление повсеместной известности нашего предания.

Итак, отвечая на вопрос, что же передаёт предание, мы, казалось бы, можем дать ответ, который лежит на поверхности: перед нами исторический факт, причудливо или менее причудливо обработанный сознанием нескольких поколений – носителей его.

Однако чем больше мы работаем с одними и теми же информантами, каждый раз спрашивая их об одном и том же событии, тем всё более приходится сомневаться в этом.

Вероятно, предание, как и любое эпическое произведение, берёт от события только фабульную часть. А расцвечивается она каждый раз по-новому, ибо, как мы и знаем, – фольклорное произведение пересоздаётся заново в момент его исполнения. Пересоздаётся по принятым в культуре народа лекалам. Но выбор самих этих лекал – дело исключительно исполнителя. Поэтому сказитель, выбирающий сегодня лекало-матрицу о конфликте жестокого помещика с крестьянами, завтра уже может избрать иную: о смерти сварливого барина в поле от волнения.

При этом в любом случае он говорит «не было, но правду». Ибо в любом случае рассказывается художественный текст, вполне сообразный народному представлению. Значит, предания, равно как и другие произведения фольклора, никак не могут служить для изучения исторических событий. Но они могут показать интерес к событию в народе и тот круг возможных путей развития сюжетов, которые народное сознание допускает для данной фабулы.

Впрочем, точку ставить ещё очень рано. Ибо никому не известно, что скажут наши информанты предстоящим летом.

Ю. В. Петерсон

О СТАРОВОЗРАСТНОМ ДРЕВОСТОЕ УСАДЬБЫ ДАРОВОЕ

Статья подводит предварительные итоги работы дендрологов в усадьбе Даровое, проводившейся в рамках комплексных экспедиций МГОСГИ (КГПИ) 2005 – 2011 гг. Ставится вопрос о дальнейшей судьбе мемориального леса.

Ключевые слова: Даровое, лес, дендрология.

Как и во многих усадьбах XIX века, в Даровом рядом с барским домом существовал парк. Скорее всего, это был островок девственного леса – коренного липняка. В то время границы владений закреплялись межевой канавой, а выбранная земля складывалась рядом, создавая межевой вал. Вполне логично по южной линии вала возник рукотворный ряд дубов. Этим приёмом решались такие задачи, как надёжная защита липняка от сильных ветров, обогащение ценоза и эффектная декорация парка.

Древостой площадью около 2,5 га, ограниченный ещё читаемой межевой канавой и небольшим валом, занимает верхнюю часть северного пологого склона большого увала. Почва серая лесная, обогащённая, по механическому составу средне- и тяжёлосуглинистая, хорошо дренированная, влажная, слабо кислая, границы между горизонтами мягкие. Эти условия и умеренно-континентальный климат соответствуют произрастанию здесь широколиственных лесов I класса бонитета, где основными коренными породами являются липа и дуб.

Принято считать, что здоровье и перспективу леса определяют следующие основные условия: **коренное происхождение, разновозрастность, разнопородность, разумное лесопользование и уход.**

Прежде чем рассмотреть их применительно к насаждениям Дарового, откликнемся на слово «лес». Здесь в старовозрастном древостое нет выраженных аллей, нет декоративных био групп, нет крупных элементов благоустройства, которые характеризуют понятие парка. Здесь его утверждают исторические связи. Вместе с тем, по образу, насаждение скорее напоминает лесопарк; но это, как правило, территория пригородов. А в силу длительного забвения участка и сохранности коренных индикаторных видов растений, более того, в силу формирования лесной среды, вполне уместно и такое определение, как лес. Считаем, что в зависимости от характера изложения в данном случае можно использовать любой из этих терминов.

КОРЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Ныне, как 100 и 200 лет назад, главенствует в древостое липа. Именно она максимально соответствует экотопу. Центральная часть рощи – почти чистый липняк естественного происхождения. Возможно, когда-то очень давно, несмотря на небольшой северный

склон, здесь произрастала дубрава. В природе постоянно, и без воли человека, происходит чередование древостоев – так называемые сукцессионные ряды. Как только почва устаёт от одной древесной породы или действует другой сильный фактор, например, для условий Дарового определяющей могла быть полоса влажных лет, – начинается смена доминанты: липа вытесняет дуб. В векторе времени насаждения обычно усложняются. Вершина этих рядов – климакс, причём у каждого ряда он свой. Старовозрастный липняк Дарового, как целостная экосистема, мог быть на пороге климакса. Но негативные воздействия многих десятилетий, в т.ч. антропогенные, изменили вектор сукцессионного ряда. Куда пойдёт дальнейшее развитие древостоя, зависит от многих причин. Некоторые из внутренних механизмов мы рассмотрим ниже, но в любом случае доминантой останется липа.

Ещё несколько слов о ней. Липа теневынослива, поэтому имеет тенденцию к образованию чистых древостоев с целой свитой теневыносливых трав и кустарников. Под этим пологом создаются условия, неблагоприятные для других коренных, но светолюбивых пород: дуба, вяза, ясеня, березы. О длительности произрастания здесь липы свидетельствует почва. В заключении почвенного анализа (2008 г.) сказано следующее: «Нами не обнаружены в профилях почв какие-либо свидетельства существования на данной территории другого типа растительности или другого типа землепользования. Мягкость границ между почвенными горизонтами указывает на единую тональность почвообразующих процессов. Поэтому можно говорить о реликтовости данных насаждений¹. Ещё один важный показатель коренного типа липняка – это коренной тип травяного покрова: зеленчуково-снытевый. Даже при нарушениях, например, вторжении крапивы в восточные прогалы парка или агрессии клёна в северо-западном секторе, сохраняется присутствие коренных трав, которые быстро вернут свое преобладание при правильном ведении хозяйства.

РАЗНОВОЗРАСТНОСТЬ. Входя с любой стороны в усадебную рощу, испытываешь двойственное чувство: восторга и тревоги. Оно объясняется могучими габаритами деревьев и хаотичными, порой угрожающими наклонами стволов. Болезненная старость пришла почти одновременно ко всему насаждению. Поколение 200-летних дубов и лип семенного происхождения как бы сравнялось по усталости с деревьями порослевыми, больными и отставшими в росте, средняя высота которых не превышает 20 м, а возраст – 130 лет. О молодой смене никто не позаботился. Более того, на полянах и прогалах при ежегодном укосе вместе с крапивой срезается весь молодняк. Эта, скажем, условная разновозрастность, а точнее, *старовозрастность древостоя* – одна из его нынешних бед. **До ощутимого распада липняка остаётся около 20 лет.**

Само понятие устаревания связано со снижением биологической устойчивости. Как следствие, активизируются вредители и болезни леса. До очагового характера дело пока не дошло, но общий фон заражённости весьма сильный. Большинство кернов фиксирует дупло или центральную стволую

¹ Решоткин О. В., Алексеев Д. А. Исследование почв усадьбы Ф. М. Достоевского в д. Даровое. М.: НПЦ «Дендродоктор», 2008. С. 26. (В рукописи.)

Лечение дерева

гниль. Если не удастся определить точный возраст дерева, то указывается класс возраста (у липы – по десятилетиям, у дуба – по 20 лет).

Даже такое огрубление мы сочли позволительным после того, как 8 пробурённых крупных стволов липы показали наличие 2-х возрастных поколений: условно, 120-ти и 200-летних. Количественное соотношение их в липняке примерно равное. Первую группу представляют липы порослевого происхождения; из них, явно порослевых, т.е. с признаками комлевого изгиба, не более половины. О наличии второй группы порослевых лип свидетельствует анализ керна Лп-229² (полный возраст – 131 год). Огромный радиальный прирост 4 – 5 мм в год в начале жизни дерева могла обеспечить корневая система только сильного «родителя».

² Нумерация деревьев здесь и далее согласно инвентаризации насаждений, проведённой (на натуре и в плане) РБОО Центр традиционной русской культуры «Преображенское» (ландшафтные архитекторы О. А. Дробнич, Л. А. Воронкина, инженер А. А. Алексеева) в 2005 г. по заказу Коломенского государственного педагогического института, ныне МГОСГИ (руководитель проекта В. А. Викторovich). Последующий мониторинг был проведён в 2008 г. ООО «Парковая реставрация», также по заказу КГПИ–МГОСГИ. Принятые здесь и далее сокращения: Лп – липа, Д – дуб, Б – берёза, Ос – осина, Кл – клён, Яс – ясень, Ив – ива.

Возможно, некогда опытный лесовод в зимний период проводил выборочную рубку «на-пень», поэтому характерные признаки порослевого происхождения внешне выражены не всегда убедительно. Убедительно другое: угасание жизни старого липняка. Внешние проявления того – значительная доля вторичных крон, окна, зарастающие сорной растительностью (бузиной и крапивой), и, конечно, минимальные приросты.

Идеальной разновозрастности, которая гарантирует высокий уровень жизнеспособности древостоя, уже не достичь, т.к. упущен почти вековой период – практически нет средневозрастных лип. Заполнить хотя бы частично этот возрастной провал можно посадкой крупномерных лип. Одновременно должна решаться задача сохранения среды и самих старовозрастных лип путём охраны и лечения, а также защиты естественного подростка липы. Что касается сближенного расположения некоторых стволов лип, что напоминает «кустовую» или «букетную» посадку, то это явление подлежит отдельному рассмотрению.

РАЗНОПОРОДНОСТЬ. Мы уже отмечали «негостеприимство» липняка по отношению к остальным древесным породам. Однако условие породного разнообразия для общебиологической устойчивости действует и в этой системе. Своеобразна, даже уникальна лишь структура сообщества: здесь нет равномерного смешения видов по всей территории, а есть ярко выраженное ядро монодоминантного липняка (до 70% по площади) и окружающий его разнородный буфер (30%). Схематически это можно выразить как круг в квадрате. По этому принципу формировался и усадебный парк Дарового. Наибольшую, центральную его часть занимала чисто липовая роща; вокруг неё защитный буфер шириной 20 – 25 метров. На южной его полосе, относительно сухой и прогреваемой, господствовал искусственно посаженный ряд дубов; западный буфер принял практически всё разнообразие местных древесных пород; северную теневую и увлажнённую границу охотно заселили ива, черёмуха, вяз и клён. Каждый занял свою нишу. Сформировалась устойчивая система. Но бесхозные годы и особенно вырубка старых лип по периферии участка, способствовали разрастанию, вернее, вращанию буфера в липняк. Одновременно с гонками породами-пионерами (берёзой, осиною и клёном) сюда вторгся подлесок из черёмухи, малины, рябины, бересклета, бузины.

Площадь буфера стала сравнимой с площадью липняка и продолжает увеличиваться. Объективности ради следует сказать, что насаждение разросшегося буфера вполне здоровое. Именно состояние гомеостаза позволяет ему вытеснять старый липняк. Чтобы ослабить агрессию, предстоит слегка нарушить эту сбалансированность. Тем более что в некоторых местах, особенно в юго-западном секторе парка, развился подрост липы, и весьма перспективный. Его надо не просто сохранить, а дать возможность выбиться из-под сильного затенения. Иначе он будет обречён на слабые приросты, стадийную старость и, уж конечно, не повторит грациозность семенного предка. Путь спасения молодых лип – это умеренная реконструкция ближайшего лесного окружения, другими словами, – точечный уход, который

заключается в снятии механического и светового угнетения с конкретных деревьев. Подобные импульсы приведут к увеличению доли липы в составе подростка. А когда полнота молодого липняка достигнет 0,6 – 0,7, начнётся естественное вытеснение светолюбивых видов, и липняк «возьмёт правление в свои руки».

Вот, кто всегда светолюбив, так это дуб: в данном случае – черешчатый, вторая по значимости местная коренная порода. Народная мудрость гласит: «Дуб любит расти в шубе, но с открытой головой», т.е. при боковом отении. Роль шубы часто играет подлесок. Мотивы создания дубового ряда по южной меже парка мы уже отмечали. Возраст этих деревьев около 200 лет; казалось бы, далеко не предел. Но в условиях рекреационного и бесхозного пользования лесной территорией дубы сильно ослабли. Вторичная причина раннего устаревания – гнилевые болезни. На всех 10-ти обследованных дубах (№№ 233, 234, 235а, 235б, 238, 290, 299, 301, 305 и 307) отмечена гниль ложного дубового и серно-жёлтого трутовиков. Встречается окаймлённый трутовик, дубовая губка, опёнок, бактериоз ствола и, конечно, мучнистая роса. Указанная группа дубов пролечена нами (НПЦ «Дендродоктор», по заказу КГПИ – МГОСГИ) на всех высотных уровнях. Количественное участие этой породы в составе насаждения не снижается, т.к. отпад среди старовозрастных дубов частично компенсируется за счет самосева по внешней стороне южной межи. Однако этот молодняк дуба хотя и многочисленный, но очень болезненный и малоперспективный; разве что – после лечения – в качестве первой низкой живой стены, принимающей ветроудары. Характеризуя другие лиственные породы, следует отметить агрессивность клёна остролистного и осины. Одна из причин тому – отсутствие пород-стабилизаторов общебиологической устойчивости: вяза и ясеня. Самая уравновешенная в ценозе – это берёза.

Итак, подчеркнём особенности рощи в Даровом:

1. Верхняя часть пологого северного склона;
  2. Глубокий обогащённый суглинок;
  3. Условная разновозрастность старого липняка и примерно равное соотношение его семенных и порослевых особей. Категория состояния сильной ослабленности;
  4. В структуре древостоя много мозаик, но большинство из них лежит в деструктивном векторе от коренного сукцессионного ряда;
  5. Южную границу парка пока ещё держит ряд 200-летних дубов;
  6. В экосистему парка с северо-запада активно вторгается клён остролистный, с востока – рудеральные виды растительности, с юго-запада – лесная среда;
  7. За последнее столетие площадь липняка от 1,7 га уменьшилась до 1 га. Этим обзором и анализом мы попытались охватить масштаб явления. Сделаем сводную зарисовку.
- Если парк рассматривать как единую биологическую систему, то формула породного состава 100-летней давности выглядела бы следующим образом:
- 8Лп 1Д 1Б, единично другие породы.

К настоящему времени породный состав (в тех же границах) изменился: 6Лп 1Д 1Б 1Ос 1Кл, единично другие породы.

Древостой на несколько десятилетий вперёд (с учётом сукцессионного ряда для местных условий) нам представляется как:

6Лп 1Д 1Б 1Яс + Кл, единично другие породы. Причём в центральной части парка – разновозрастная монокультура липы (10 Лп), а весь разнопородный шлейф занимает буферную зону, сжатую почти до исходных границ: 20 – 30 м шириной.

Оптимальный породный состав южного буфера – 3Б 3Д 2Кл 1 Ос 1 Ив; подлесок: черёмуха, рябина, крушина, бересклет, лещина, боярышник средней густоты.

Хозяйственные рекомендации на несколько ближайших лет:

- вырубка клёна и осины – 20 деревьев;
- удаление подроста клёна в северном и северо-западном секторе липняка – 0,5 га;
- уход за подростом липы – 30 участков;
- посадка вяза и ясеня – 10 саженцев;
- посадка крупномера липы – 10 деревьев;
- посадка саженцев липы – не менее 20 деревьев (с учётом уже посаженных студентами МГОСГИ);
- посадка саженцев дуба – 10 деревьев;
- лечение старовозрастных деревьев – не менее 20 лип (с учётом уже пролеченных нами дубов);
- сбор плодовых тел трутовиков, их учёт и сжигание с мая по сентябрь;
- оптимизация тропиной сети и другие способы регулирования людских потоков.

Перечисленный комплекс восстановительных работ должен проводиться постепенно, без резких нарушений лесной среды, с частичным сохранением упавших стволов, при минимальном использовании техники и химических средств. Научные исследования состояния древостоя следует продолжить.

В. А. Викторovich

УМЕРЕТЬ В РОССИИ

О драматической судьбе захоронений близких родственников Ф. М. Достоевского, в частности, его родителей. О проекте «Память» Некоммерческого партнёрства «Заповедное Даровое».

Ключевые слова: память, культура смерти, гражданское общество.

Будем надеяться, что заканчивается почти восьмидесятилетнее скитальчество праха Марии Достоевской, матери великого писателя. Многогрудальные косточки недавно перестали быть музейной единицей хранения и переданы Русской Православной Церкви для погребения.

«ДО РАДОСТНОГО УТРА»

Мария Фёдоровна Достоевская (1800 – 1837) рано угасла и, оплаканная большой семьёй, была похоронена на Лазаревском кладбище в Москве. Надпись для памятника подобрали из Карамзина старшие сыновья, Михаил и Фёдор: «Покойся, милый прах, до радостного утра».

Человеку XIX века не надо было объяснять, какое «радостное утро» имел в виду поэт. И всё же горечь утраты для Федюши (как называла его маменька) усугубилась внезапно отверзшейся пустотой одиночества, в чём он позднее признавался жене, Анне Григорьевне. Её сразу после свадьбы он повёз в Москву, где молодые поклонились дорогому праху.

Через два года после смерти матери в фамильном имении Даровое в 150 верстах от Москвы умирает отец, так и не смирившийся с утратой нежно любимой и любящей супруги. Никого из семерых детей не было при погребении, только спустя какое-то время, один за другим, Михаил, Вера, Фёдор, Андрей смогли сказать последнее «прости» на могиле отца (об остальных троих у нас нет на этот счёт верных сведений). Фёдор Михайлович смог сделать это только в конце жизни, летом 1877 года. Вряд ли он не обратил тогда внимания, что разделённые многими вёрстами последние пристанища родителей соединены одноимёнными храмами – Сошествия Святого Духа¹. Его самого будут отпевать в петербургском храме того же имени (об этом же просила для себя в своём завещании и А. Г. Достоевская).

¹ И. Л. Волгин, ссылаясь на «обнаруженные источники» (впрочем, не названные), утверждает, что московский храм лишь с 1840 г. назывался во имя Сошествия Святого Духа, а до того носил имя Лазарева Воскресения, по другому из престолов (Волгин И. Л. Родные и близкие. Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских. М., 2013. С. 981). Если это так, то получается, что переименование произошло сразу после смерти Михаила Андреевича Достоевского (1839), похороненного у соимённого храма в Моногарове.

«Любовь к отеческим гробам», о которой писал Пушкин, была естественной частью родового и национального самосознания, «самостоянья человека», как сказано в том же пушкинском стихотворении.

Впрочем, существовала (и существует) решительно другая точка зрения. Она исходит из того, что о смерти следует вспоминать как можно реже. Рассказывают, что «дщерь Петра» императрица Елизавета, встречая похоронную процессию, приходила в расстроенные чувства и потому издала указ ликвидировать все кладбища на пути следования её по московским улицам. Уничтожение могил, как видим, имеет у нас давнюю историю². С этим событием, кстати сказать, и было связано устройство на окраине Москвы первого общегородского кладбища, того самого Лазаревского³. В центре же старой столицы могилы безжалостно сравнивали с землёй, а надгробные камни использовали в строительстве, иногда тут же, на освободившемся месте.

Через два столетия очередь дошла и до Лазаревского кладбища: окраина далеко отодвинулась от него. К тому же пришла новая эпоха, пошедшая гораздо дальше петровской секуляризации. Её маршевому оптимизму ещё более, чем елизаветинскому гедонизму, претили печальные кладбища. Да и сама бесполезная во всех отношениях память рода была отнесена по ведомству идеализма и мистики.

Лазаревское кладбище по распоряжению советской власти подлежало полной ликвидации. Памятник Марии Фёдоровне свезли на Божедомку в музей имени её сына. К останкам матери великого человека проявили научный интерес антрополог, исследователь рода Достоевских М. В. Волоцкой (автор фундаментальной «Хроники рода Достоевского», вышедшей весной 1934 г.) и биолог-эволюционист Ю. М. Вермель. О предпринятых ими шагах свидетельствует следующий документ за подписью директора Музея антропологии (вскоре учёным секретарём этого музея станет М. В. Волоцкой):

² См.: Рябинин Ю. В. Жизнь московских кладбищ. История и современность. М., 2006. История далеко не закончилась. Время от времени в российских СМИ разгораются споры о необходимости самого существования кладбищ. Так, 30 августа 2011 г. в интернете появилась провокативная заметка «В России закроют все кладбища» со ссылкой на инициативу Минрегионразвития и неких экспертов: «Хоронить людей на кладбищах – традиция давняя, но сегодня можно смело констатировать, что это пережиток прошлого, – считают специалисты. – Кладбища в России занимают огромные территории, которым можно найти более полезное применение. Кроме того, кладбища могут наносить серьёзный урон экологии» (<http://smixer.ru/news/a-233.htm>).

³ С Лазаревским кладбищем связан ещё один способ «преодоления» смерти, описанный в то же время, когда здесь была захоронена М. Ф. Достоевская, М. Н. Загоскиным в очерке «Марьяна роца»: «Тут, среди древних могил, гремит разгульный хор цыганок; там, на гробовой плите, стоят самовар, бутылки с ромом и пируют русские купцы. Здесь, у самой насыпи, за которой поднимаются могильные кресты Лазарева кладбища, раздаётся удалая хороводная песня; кругом мёртвые спят непробудным сном, а толпа живых, беспечно поглядывая на эту юдоль плача, скорби и тления, веселится и безумствует, не думая нисколько о смерти. Что за чудная страсть у нашего народа веселиться на кладбищах? Отчего происходит это совершенное равнодушие к месту, которое должно бы возбуждать не веселье, не житейские помыслы, но чувство грусти и христианского умиления? Уж не остаток ли это наших языческих обычаев?»

«РСФСР. Наркомпрос. Сектор науки.
Гос. музей антропологии.
10/II 1934. № 253.

В Музей им. Достоевского

Государственный музей антропологии просит Ваше согласие на передачу нам через доцента Ю. М. Вермеля следующих находящихся под Вашим наблюдением могил:

1. Марии Фёдоровны Достоевской (Лазаревское кладбище)
2. Михаила Фёдоровича Котельницкого (Дорогомиловское кладбище)
3. Василия Михайловича Котельницкого (Там же)
4. Варвары Михайловны Карепиной (Пятницкое кладбище)
5. Петра Андреевича Карпина (Там же)
6. Михаила Андреевича Достоевского (Село Моногарово)
Основания изложит устно т. Ю. М. Вермель»⁴.

Подобная просьба от антропологов означала только одно: ими планировалась эксгумация перечисленных останков ближайших родственников Ф. М. Достоевского для научного исследования, очевидно, ввиду планировавшейся ликвидации кладбищ (из них только Пятницкое не было разрушено). Против эксгумации, судя по всему, не возражала организатор и первый директор (с 1928 по 1940 гг.) московского музея Достоевского В. С. Нечаева: за музеем закрепились контрольные функции («наблюдение», как сказано в приведённом письме) относительно захоронений Достоевских. Интересно, что совсем недавно в другом эпизоде, связанном с могилой А. Г. Достоевской, директор заняла активно-охранительную позицию⁵. А в 1934 г., том самом, когда производилась эксгумация в Москве, Нечаева добивалась переноса останков А. Г. Достоевской из Ялты в Ленинград, в могилу мужа. Хлопотавшая о том же Е. П. Достоевская была в восхищении от её благородной и «деятельной роли»⁶. Сейчас кажется

⁴ Отдел хранения и использования документов РГБ. Оп. 3. № 52. Л. 43. (Сообщено Г. С. Прохоровым). В Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ отправлен запрос НП «Заповедное Даровое» о возможном местонахождении перечисленных останков (кроме уже переданных церкви останков М. Ф. Достоевской) в фондах музея.

⁵ См. подписанный В. С. Нечаевой документ: «В оперативный отдел Ялты. Музей Ф. М. Достоевского просит Вас немедленно выслать ему копии протокола, составленного по поводу [обнаруженного] вскрытия могилы и гроба Анны Григорьевны Достоевской [жены писателя], произведённого в августе сего года» (Там же. Л. 16, в квадратных скобках – вычёркивания В. С. Нечаевой.). Документ не датирован, окружён бумагами января – апреля 1932 г., но дела весьма хаотичны по прошивке, а 1-й квартал не вяжется с текстом документа. Название дела: «Научная работа музея за 1932 – 35 гг.» На оборотной стороне документа карандашная приписка: «Копия акта, составленного Ялтинским отделом Уголовного розыска около 20 августа (произошло 15 авг.) по повелению Анны Григорьевны Достоевской. Ялта, Пушкинская 21, Оперативный отдел Управления Ялтинской милиции 1-ая группа». (Сообщено Г. С. Прохоровым.)

⁶ Достоевский и мировая культура. № 18. С. 215, 219. В «Отчёте по поездке в Ленинград 3 – 10 февраля 1935 г.» В. С. Нечаева указывает: «...осмотрен памятник Достоевского в Александровской-Невской Лавре; поданы заявления в Союз Писателей и Институт русской литературы с просьбой принять участие в перевозе гроба А. Г. Достоевской в Ленинград» (Отдел хранения и использования документов РГБ. Оп. 3. № 52. Л. 31 об. Сообщено Г. С. Прохоровым).

странным, что Нечаева при этом не настояла и на перезахоронении Марии Фёдоровны. Такая возможность представлялась родственникам покоящихся на Лазаревском кладбище, а также заинтересованным госучреждениям. Очевидно, пересилил «научный азарт», овладевший Волоцким и Вермелем.

В не очень-то радостное утро 22 июня 1934 года они организовали эксгумацию. Был составлен подробнейший протокол, согласно которому останки М. Ф. Достоевской передавались в Государственный музей антропологии при Московском университете.

ПРОТОКОЛ

эксгумации останков Марии Фёдоровны Достоевской
на Лазаревском кладбище в Москве⁷.

Положение могилы. По линии, разрезающей церковь от входа к алтарю<,> следует отойти за алтарём 40 шагов (больших) и затем перпендикулярно – 37 шагов.

Рядом с могилой М. Ф. Достоевской за решёткой (дальше от алтаря):

1. Екатерина Кирилловна Альфонская, урождённая Андреевская⁸.

2. Анна Гарднер, урождённая Андреевская⁹.

3. Владимир Петрович Гарднер¹⁰, родился 2 января 1819 года, сконч. 8 янв. 1882 года.

Правее от алтаря памятник (поваленный):

«Под сим камнем погребено тело Московской купеческой жены Марьи Васильевны Малиновской» и т. д.

Могила М. Ф. Достоевской ко времени эксгумации отмечалась снаружи одной каменной плитой (без надписи), сохранявшей след снятого памятника (незадолго перед тем перенесённого в Музей им. Ф. М. Достоевского в Москве).

Эксгумация была начата 22 июня 1934 г. в 6 час. 34 м. утра в присутствии М. В. Волоцкого и Ю. М. Вермеля. (Приглашённый археолог О. Н. Бадер¹¹, имевший фотографический аппарат, по ошибке не явился на место эксгумации). Работали два могильщика.

По поднятии верхней плиты (размером 86 x 78 x 22 см), под ней обнаружилась вторая каменная плита (размером 88 x 89 x 30 см), ушедшая в уровень с землёй. Под второй плитой шёл каменный щебень (известко-

⁷ Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ. Научный архив. VI. № 62, 1. За помощь в подготовке материалов к публикации выражаю благодарность директору института А. П. Бужиловой и научному сотруднику Д. В. Пежемскому.

⁸ Е. К. Альфонская (? – 8. 9. 1829), жена медика А. А. Альфонского, сослуживца М. А. Достоевского по Мариинской больнице для бедных. А. М. Достоевский называет её (ошибаясь в отчестве) «рождённой Гарднер» (*Достоевский А. М. Воспоминания*. СПб., 1992. С. 40).

⁹ Вероятно, сестра Е. К. Альфонской и жена В. П. Гарднера.

¹⁰ Из фамилии Гарднеров, владельцев знаменитого фарфорового завода их имени. В. П. Гарднер владел заводом вместе с братом Александром с 1850-х гг.

¹¹ Известный археолог, с 1926 г. научный сотрудник Музея антропологии МГУ, а с 1933 также научный сотрудник Института материальной культуры (ныне Институт археологии РАН).

вые обломки) глубиной около 1 аршина¹². Далее обнаружилась глинистая почва, всё более и более красная по мере углубления.

В 8 ч. 35 м. показался гроб, в 9 ч. 12 м. была обнажена вся его верхняя поверхность. Голова ближе к алтарю, ноги – дальше в прямом направлении от него. Ножной конец гроба заходит внутрь пределов решётки Альфонской и Гарднер. Крышка гроба вполне цела, но вдавлена внутрь, так что её поверхность вогнута и видны края гроба и часть внутренних стенок. Гроб мощный, дубовый. На крышке и внутренних стенках остатки глазетовой обшивки зелёного цвета (взяты куски обшивки и кусок деревянной стенки). Глубина захоронения (от уровня земли до краёв гроба) – 164 см. <Л. 1>

Ю. М. Вермель делает карандашный набросок видимой (верхней) поверхности гроба и промеры гроба. Последние таковы:

Длина (аб) – 200 см.

Толщина стенок – 4 см.

Ширина впереди (вг) – 79 см.

Ширина в ногах (де) – 47 см.

Ширина верхней планки (на крышке)

впереди (жз) – 15 см.

в ногах (ик) – 5 см.

В 9 ч. 30 м. снимается крышка гроба. Гроб полон водой. Вода несколько вычерпывается без смещения останков. Ю. М. Вермель делает набросок общего вида останков и промеры. С боков и сверх останков довольно много глины, так что некоторые места трудно разглядеть, не смещая костей.

Общий вид останков. – Скелет, не покрытый никакой одеждой, исключая остатков савана на голове. Череп несколько сплюснен сверху и разломан<н>, очевидно, вследствие давления осевшей крышки гроба. Левая рука в нормальном для покойника положении. Правая рука сильно согнута в локте, так что кисть сдвинута ближе к плечевому суставу. Таз сверху разломан и вдавлен. Положение остальных частей более или менее нормально<е>.

Большая часть костей покрыта тонкой коркой ссохшихся мягких частей. На бёдрах и в других местах большие куски плотной кожи тёмно-серого цвета (взят образец).

Поперёк груди (на грудной кости) лежит небольшая дощечка (от крышки гроба или от образа?) (взята). На груди, среди костей, маленький деревянный крест на шнурке. Между голеньями стеклянная бутылочка.

Промеры тела:

Рост (от верха черепа, как он лежал, до задней стенки гроба, к которой ступни вполне прилежали (АБ) – 157 см.

От верха черепа до нижнего края лонного сращения (АВ) – 82 см.

Ширина в плечах (ГД) – 33 см.

Ширина в бёдрах (между большими мышечками) (ЕЖ) – 31 см.

¹² Примерно 0,7 м.

После общего осмотра, Ю. М. Вермель вынимает кость за костью и подаёт их М. В. Волоцкому, который их завёртывает и укладывает.

Черепная крышка снимается (она отломана от лицевых частей и вдавлена в них; скуловые кости несколько расползлись в стороны; на лобной кости трещина). На черепной крышке тёмно-коричневые волосы, сохранившие расположение <Л. 2> углом к середине лба (срединный пробор), от которой они зачёсаны к вискам. На висках остатки савана, покрывающие и части скуловых отростков.

По снятии черепной крышки обнаруживается 2 вполне целых полушария мозжечка, поднятые прямо на затылочной кости. Собраны отдельно височные кости, обломки основной, решётчатой, скуловых, верхнечелюстных и др. костей. Нижняя челюсть сохранена полностью. Отдельно собраны 2 зуба (резец и коренной).

Под головой совершенно прогнившие остатки волосяной подушки и куски кожи с волосами.

Собран весь позвоночный столб и все рёбра. Из позвоночного канала извлечен небольшой шнурок спинного мозга.

Длинные кости конечностей и ключицы сохранены все, но почти у всех эпифизы отрываются от диафизов. Коленные чашки почти полностью рассыпались.

Грудина вполне цела, лопатки и тазовые кости несколько разрушены по краям. Лобковые кости отломаны от седалищных.

К задней стенке гроба крепко прилипли кожаные подметки туфель с приставшими к ним костями пальцев.

По снятии костей обнаружена местами (особенно под лопатками) слабая сеть нитей (остатки платья?). Больше ничего от одежды не найдено (не исключая пуговиц).

Эксгумация была закончена в 12 ч. дня.

Гроб оставлен в могиле и зарыт снова.

Останки, кости и все предметы перевезены в Гос. Музей Антропологии (Моховая, 11, М. Г. У.)¹³

Эксгумация производилась на основании разрешения от уполномоченного Президиума Моссовета по похоронным делам т. Нестеренко от 12 июня 1934 г. – Разрешение предъявлено коменданту Лазаревского кладбища.

22.VI – 1934 г. Ю. Вермель

М. Волоцкой. <Л. 3>

ПРОТОКОЛ¹⁴

разборки костных останков и остатков погребения М. Ф. Достоевской

Обивка гроба.

¹³ Ныне Научно-исследовательский институт и Музей антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ (НИИМА), располагающийся там же.

¹⁴ НИИМА. Научный архив. VI. № 62, 3.

2 зуба.

Основание затылочной кости.

Рожок подъязычной кости.

Осколки внутрочерепных костей – 12.

Осколки таза – 2.

Неизвестные осколки – 6.

Левая ступня 21 кость.

Правая ступня – 9 костей.

Левая <м.> берцовая.

Подметка левая.

Правая м. берцовая + 2 осколка.

Правая б. берцовая с 2 осколками суставов.

Левая б. берцовая + 3 осколка.

Осколки кисти – 54 кости.

Бедро левое + 3 осколка.

Бедро правое + 2 осколка.

Части таза – 4.

Подметка правая, разломанная на 2 части.

Позвонки грудные – 9.

Лопатки 2.

Рёбра правые – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Рёбра левые – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

Правая плечевая, лучевая, локтевая + 3 осколка плечевой кости.

2 дощечки.

Крестец.

Левая плечевая, локтевая и лучевая + 2 осколка.

Грудина – рукоятка, тело.

Ключицы.

Осколки наружных черепных костей 2.

Нижняя челюсть.

Верхняя челюсть.

Позвонки 24.

Височные кости 2.

Черепная крышка.

М. Волоцкой

При сравнении двух протоколов обнаруживается, что из перечисленных в первом документе вещей во втором уже отсутствуют бутылочка (очевидно, так называемая слезница) и нательный крест. Не исключено, что они были тогда же переданы по принадлежности в московский музей Ф. М. Достоевского, директор которого В. С. Нечаева была дружна с М. В. Волоцким. Туда же, в музей Достоевского, было перевезено и надгробие с могилы М. Ф. Достоевской (где и хранится поныне). Особую ценность, разумеется, представляет нательный крест Марии Фёдоровны. К сожалению, наш запрос, направленный в Государственный Литературный музей, чьим филиалом теперь является музей-квартира Достоевского,

Портрет М. Ф. Достоевской. 1823 г.

тогдашний директор ГЛМ проигнорировала. Будем надеяться, что при новом руководстве результаты поиска в фондах «маленького деревянного креста на шнурке» станут известны.

БЕЗ ПРЕДРАССУДКОВ

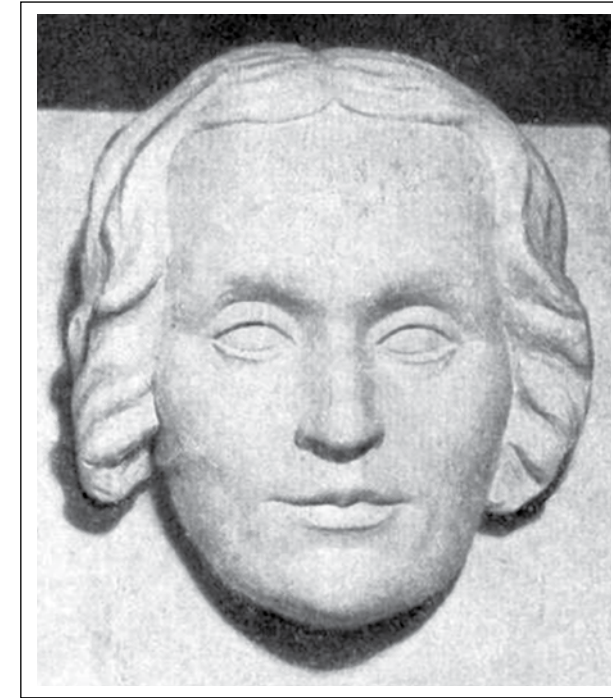
Протокол Волоцкого и Вермеля вызывает смешанные чувства. Холодный объективизм учёных-естественников как будто упраздняет всякую возможность нравственного суждения. Плоский материализм и в дальнейшем будет направлять ход событий.

28 апреля 1937 года останки М. Ф. Достоевской проходят в Музее антропологии плановую инвентаризацию.

АКТ

разборки и инвентаризации скелета Марии Феодоровны Достоевской¹⁵

1. От черепа сохранилась только черепная крышка с волосами. Лицевая и затылочная части разрушены – 18 фрагментов.
2. Нижняя челюсть в сохранности.
3. Позвоночник и рёбра в сохранности.

Реконструкция портрета М. Ф. Достоевской, сделанная М. М. Герасимовым

4. Ключицы и лопатки в сохранности.
  5. Длинные кости с разрушенными эпифизами.
  6. Не хватает 7 фаланг пальцев рук.
  7. Не хватает 3 кости плюсен.
  8. Не хватает 25 фаланг пальцев ног.
  9. Нет коленных чашечек.
- Вклеены казеиновым клеем зубы на верхней и нижней челюсти.
Разборку производила т. Кара-Иванова

28 / IV 1937 г.

Очевидно, уже после этой инвентаризации М. В. Волоцкой запускает новый сюжет: предлагается использовать череп для проверки научного метода портретной реконструкции. Вот как описывает этот эпизод сам основоположник нового метода М. М. Герасимов: «Передавая мне один из <...> черепов, Волоцкой сообщил, что умерший жил, примерно, около 100 лет тому назад и имел родственное отношение к одному из русских писателей <...>. В соответствии с приёмами разработанной методики сначала были воспроизведены основные <...> мускулы, затем нанесены были гребни <...>, документирующие толщину мягких покровов, после этого была оформлена сначала правая, а затем и левая половина лица. Учитывая характер сохранившейся причёски и сопоставляя её с модами соответствующего времени, я воспроизвёл наиболее простую и вместе с тем наиболее

¹⁵ НИИМА. Научный архив VI. № 62, 2.

принятую причёску 30-х годов прошлого столетия. По окончании работы я узнал, что мною была восстановлена голова матери Фёдора Михайловича Достоевского – Марии Достоевской, урождённой Нечаевой»¹⁶.

Полученный слепок сравнили с прижизненным портретом М. Ф. Достоевской: несомненное сходство доказывало правильность предложенного метода реконструкции. Наука торжествовала. Сам же череп, переставший интересовать учёных, был то ли забыт, то ли затерян (как предполагают специалисты, из-за тогдашнего некачественного клея он снова должен был распасться на фрагменты). Так или иначе, он не был возвращён в Музей антропологии МГУ. Не исключено, что он так и остался в Ленинграде, где в то время работал Герасимов. НП «Заповедное Даровое» сделало запросы в соответствующие учреждения, ответы были неутешительными¹⁷. В то же время дочь скульптора категорически отвергает возможность хранения такого «экспоната» в семье.

В те же 1930-е годы, когда происходили описанные события в Москве, в зарайском селе Моногарове (куда, судя по всему, Вермель и Волоцкой тогда не добрались) по соседству с Даровым местные жители крепили борьбу с пред-рассудками: «чистили» храм и утюжили погост, где был похоронен отец писателя. По воспоминанию старожила, в алтаре был устроен магазин, а около него, сидя на надгробиях, сельчане пережидали очередь и обсуждали деревенские новости. Невольно вспоминается русская литература от Платонова до Распутина, отметившая смещение нравственных понятий, произошедшее в очень короткие сроки.

Несколько лет назад, расчищая со студентами территорию возле храма, мы нашли рядом с окладом иконки Николая Чудотворца простреленную из мелкашки характерную металлическую тарелочку. То был дискос, на котором священник претворяет хлеб-агнец в Тело Христово. История, описанная Достоевским в главе «Влас» «Дневника писателя» (причастие, обращённое в мишень), через полвека повторилась, вероятно, в более циничном варианте, т.к. герой Достоевского всё же не выстрелил в причастие.

Или вот ещё сюжет. Белые камни, скорее всего от разобранный церковной ограды, можно увидеть в разных концах Моногарова то подпирающими крыльцо или сарай, то исполняющими иные хозяйственные надобности. Недавно пришла к нам немолодая женщина и взмолилась: заберите у меня, Христа ради, эти камни, а то стали посещать «видения». Может, процесс пошёл в обратную сторону?

¹⁶ Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. С. 52. Кстати сказать, описание эпизода эксгумации, переданное Герасимовым со слов Волоцкого и к тому же по памяти, грешит многими неточностями, если сравнивать с приводимым протоколом.

¹⁷ От Института Истории материальной культуры РАН 18.06.2012 за подписью зам. директора по научной работе О. И. Богуславского и Государственного Эрмитажа 12.07.2012 за подписью генерального директора М. Б. Пиотровского. Были посланы также запросы в Государственный Биологический музей им. К. А. Тимирязева (Москва), где находится самая представительная коллекция скульптурных антропологических реконструкций М. М. Герасимова, а также в Институт этнологии и антропологии РАН, куда из Ленинграда перевёлся М. М. Герасимов.

После смерти в 1929 г. племянницы писателя и последней владелицы усадьбы Даровое Марии Александровны Ивановой и отъезда её сестры Ольги уже некому было следить за могилой Михаила Андреевича Достоевского, её местоположение было утрачено. Для рода Достоевских в их отечестве наступили десятилетия забвения.

Из уст в уста передаются по сей день, в том числе и в Даровом-Моногарове, легенды богоборческой эпохи: мол, не было счастья святотатцам. Можно было бы припомнить по этому поводу, что вскоре после описанных событий Ю. М. Вермель был репрессирован, рано ушёл из жизни М. В. Волоцкой. Только вот никак не хочется судить по принципу «мы» (хорошие) и «они» (плохие). Нельзя же не замечать, что фигурирующие в московском сюжете лица были люди достойные, много потрудившиеся для отечественной науки и культуры. В ответе оказались (прямо по Достоевскому) все: такова цена отречения от прежних устоев, среди которых не последнее место занимала память смертная.

МИХАЙЛО-МАРИИНСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Наши кладбища делают нас немного мудрее и человечнее, потому что такими нас делает память. Могилы мёртвых нужны живым, что их помнят. Когда же перестают помнить или уходят последние, кто помнит, тогда и могилы становятся ненужным бременем. Есть в этой грустной цепочке разрывающие её исключения: память о тех, кто оказался дорог не только их близким. Их гробы «не чужие» для целой нации, а возможно, и человечества.

Обидная для русских людей закономерность: если потомки рода Достоевских умирали за границей, могилы их сохранились и чтутся, если же они умирали на родине, захоронения, за редким исключением, были стёрты с земной поверхности. Такова печальная судьба могил не только родителей, но и сыновей Ф. М. Достоевского Алёши и Фёдора, любимого брата Михаила, сестёр, первой жены... За восстановление родовой памяти в своё время взялся неутомимый внук писателя Андрей Фёдорович, буквально спасший от забвения останки Анны Григорьевны Достоевской. Благодаря поддержке общественности и с позволения тогдашних властей в 1968 г. жена писателя наконец упокоилась рядом со своим великим мужем в Александро-Невской Лавре в Петербурге (там же похоронен и Андрей Фёдорович). Что касается земли Дарового, то она когда-то приняла в себя четырёх ближайших родственников Ф. М. Достоевского: отца, сестру Веру и двух племянниц, Марию и Юлию. За восстановление их могил совместно с коломенским предприятием «Контур» (директор Константин Юрьевич Львов) взялось Некоммерческое партнёрство «Заповедное Даровое», созданное достоевистами и потомками Ф. М. Достоевского для защиты и сбережения «земли детства» великого писателя. В этом принимает участие уже правнук – Дмитрий Андреевич Достоевский. Один из долгосрочных партнёрских проектов так и называется – «Память». В 2005 г. расчищенный нами церковный погост, где похоронен отец писателя, был обозначен памятной плитой (кенотаф) и поклонным крестом.

В 2011 г. поставлен памятник на могиле М. А. Ивановой, племянницы писателя, в 1920-е годы создававшей в Даровом первый музей Ф. М. Достоевского. Место захоронения указала внучка преданной компаньонки Марии Александровны Н. Т. Ростовцева. Благодаря ей мы теперь знаем, где похоронена и сестра писателя Вера Михайловна. Восстановление её могилы усложняется тем, что древнейший Нечаевский погост (кстати сказать, памятник федерального значения, как усадьба и храм) был особенно запущен.

С 2005 г. в рамках комплексной экспедиции Коломенского педагогического, а ныне Московского государственного областного социально-гуманитарного института ведётся поиск утраченной могилы Михаила Андреевича Достоевского возле моногаровского храма Сошествия Святого Духа. С применением новейшей технологии георадарного сканирования и методами традиционной археологии были установлены точные границы небольшого церковного погоста. На очереди следующий этап – идентификация захоронения М. А. Достоевского с применением антропологической и, возможно, генетической экспертизы. Мы убеждены при этом, что, восстанавливая захоронение М. А. Достоевского, следует привести в порядок и весь церковный погост, всего около полутора десятка могил местных помещиков, соседей Достоевских. Они упоминаются в переписке и мемориях писателя. Точно так же, восстанавливая захоронение Веры Михайловны Достоевской-Ивановой, мы втягиваемся в реставрацию древнего Нечаевского погоста.

Возвратимся к истории скитальчества «милого праха» Марии Фёдоровны Достоевской. Почти столетие пролежал он в земле, чтобы затем на три четверти века превратиться в фондовую единицу хранения научного учреждения. Но пришли времена, когда взгляды наши стали наконец меняться. Будто из небытия вернулись слова «не по-христиански». С ними теперь соглашались практически все, кто знал об этой истории, в том числе и хранители останков. В среде достоевсковедов разговор на эту тему начал исследователь рода Достоевских (коллега и продолжатель Волоцкого) Николай Николаевич Богданов. Когда «Заповедное Даровое» взяло на себя перевод правильного разговора в тривиальное дело, возникли, как водится, вопросы практического свойства, которые можно было решить только «по согласию». Первым делом нужно было получить останки для последующего захоронения, что оказалось не так просто. «Это значит закопать в землю фондовую единицу!» – примерно такое возражение ожидало нас, нелепое в человеческих координатах и вполне логичное в формально-юридических. Переход из одной системы координат в другую потребовал посредников, которыми согласились стать МГОСГИ (ректор А. Б. Мазуров) и Зарайское благочиние (благочинный о. Пётр Спиридонов). Таким образом, пройдя путь от Института и Музея антропологии МГУ (при содействии директора института А. П. Бужиловой и ректора университета В. А. Садовниченко) через названных посредников останки Марии Фёдоровны обрели временное пристанище в Иоанно-Предтеченском соборе г. Зарайска. Теперь даже юридически это не «фондовая единица», но «дань готовая земле», повторно и теперь уж навечно.

Лития в Иоанно-Предтеченском соборе. Зарайск. 11 апреля 2012 г.

Другой возникший вопрос – где хоронить? Лазаревское кладбище в Москве уже не существует, теперь это территория парка «Фестивальный». После обсуждения, в котором приняли участие потомки писателя, Российское общество Ф. М. Достоевского, церковные деятели, все согласились, что наиболее оптимальным вариантом будет захоронение останков Марии Фёдоровны рядом с останками мужа (после их идентификации) на восстановленном погосте храма Сошествия Святого Духа в Моногарове, в черте будущего мемориального музея-заповедника «Даровое». Это решение получило благословение митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, одобрено муниципальными властями.

Одна инициатива тянет за собою другую. НП «Заповедное Даровое» вместе с церковной общиной храма Сошествия Святого Духа (настоятель протоиерей Григорий Решетов, церковный староста Э. А. Елисеев) теперь выходит с предложением о создании мемориала родителей Достоевского рядом с погостом в здании бывшей церковной школы (в настоящее время в силу запущенности требует серьёзной реконструкции). Придумалось и название – «Михайло-Мариинская обитель». Она должна иметь и научно-музейное, и культурно-просветительское значение, стать центром сбора и распространения достоверной информации о родителях великого писателя. К сожалению, так случилось, что Михаил Андреевич Достоевский в глазах потомков был оболган по разным соображениям: крепостник-помещик – в советских трафаретах; жестокий отец, оправдывающий эдипов комплекс сына, – во фрейдистских измышлениях; сексуально озабоченный

маньяк и семейный изверг – в гроссмановских фантазиях, тиражируемых печатно и на просторах интернета; бездушный тиран безответной страдальцы-жены – в застарелых штампах литературного «просвещения», почему-то бережно хранимых и в новейших школьных учебниках. «Трудный характер» отца на удивление легко трансформировался в масскультиного злодея – что, собственно, характеризует не его, а нас, готовых верить скорее досужим очернителям, нежели прямым свидетельствам детей (Андрея и Фёдора) или дошедшим до нас письмам отца к детям. В своё время против стереотипов упрощения выступал племянник писателя Андрей Андреевич Достоевский, с документами и фактами в руках опровергал версию отцовского жестокосердия Г. А. Фёдоров, эта линия продолжена в новейшей биографии Ф. М. Достоевского (в серии «ЖЗЛ»), написанной Л. И. Сараскиной. Работу по восстановлению справедливости следует продолжать: настоящая реабилитация отца Достоевского произойдёт, когда мы перестанем наконец доверять упрощающей жизни «чернухе» и поверим в сложность человеческих отношений, когда мелкие черты характера не заслоняют крупных. Как сказано поэтом, «простим угрюмство – разве это сокрытый двигатель его?»

Я не исключаю, что миф отца-злодея способствовал безжалостному уничтожению его могилы и что даже теперь этот миф препятствует восстановлению памятного места. Поэтому возвращение доброй памяти, на что и будет направлена во многом деятельность Михайло-Мариинской обители, значит, пожалуй, не меньше, чем непосредственное восстановление родительских могил.

Когда-то, познакомившись с трудами мыслителя-космиста Н. Ф. Фёдорова, Достоевский поддержал его идею о причастности бессмертной души – брэнному телу и о том, что чаемое воскресение из мёртвых может быть только «общим делом».

ЗАПОВЕДНИК

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ДАРОВОЕ»

В статье предложена концепция мемориального и природно-ландшафтного заповедника «Усадьба Достоевских Даровое». В основу положены результаты научно-практического изучения Дарового, Моногарово, Черемошни. Намечены первоочередные и перспективные мероприятия по музеефикации земли детства Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, концепция музея-заповедника, усадьба Достоевских «Даровое», Моногарово, Черемошня, вопросы музеефикации.

Вопрос о музеефикации усадьбы «Даровое» был поставлен уже в первые годы советской власти. Горячим защитником земли детства Достоевского тогда выступил И. П. Перлов, создатель Зарайского краевого музея и его первый директор. Он был убеждён, что Даровое требует «безусловной охраны и поддержки как крупный историко-художественный памятник, имеющий не меньшее значение для русской культуры, чем Ясная Поляна Л. Н. Толстого»¹. Однако позиция И. П. Перлова, ратовавшего за сохранение *усадебного комплекса* (липовой рощи, сада, дома), не нашла поддержки у государства, к которому он неоднократно апеллировал².

Под началом Зарайского музея усадьба находилась с 1923 по 1926 гг., перейдя затем в ведение Губмузея МОНО. С 1928 по 1933 гг. Даровое являлось филиалом Московского музея Ф. М. Достоевского: флигель был превращён в избу-читальню, в одной из комнат по инициативе В. С. Нечаевой была организована популярная выставка о Ф. М. Достоевском. Позже по решению местных властей во флигеле разместились детские ясли, правление колхоза, работала библиотека.

В 1971 г. трест «Мособлстройреставрация» проводил техническое обследование усадьбы, результатом чего стал проект по её музеефикации³. Тогда же на местном партийном уровне были утверждены мероприятия в связи со 150-летием Ф. М. Достоевского: «превратить Даровое в музей-заповедник, привести в порядок окрестности усадьбы, проложить в Даровое асфальтированную дорогу, восстановить сад, пруд, выявить и привести в порядок могилы отца писателя М. А. Достоевского, сестры Веры Михайловны, племянниц, законсервировать

¹ Цитируется по публикации: Переписка с Главмузеем и Каширским исполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г.С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В.: сб. науч. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна: МГОСГИ, 2010. С. 203; то же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perepiska_glavmuzey.pdf.

² Там же. С. 195 – 206, 212 – 214.

³ Калинина Н. А., Орловский С. П. Подмосковная усадьба Ф. М. Достоевского: к проблеме организации заповедника // Материалы творческого отчёта треста «Мособлстройреставрация». М., 1979. С. 39 – 41.

Моногаровскую церковь, установить памятник писателю...»⁴. Однако ни тогда, ни десятилетия спустя Даровое, будучи памятником федерального значения⁵, так и не обрело статус заповедника. И в 1950 – 1970-е, и в 1990-е годы, являясь филиалом музея «Зарайский Кремль», усадьба оставалась синонимом... флигеля, за пределы которого музейные проекты не распространялись⁶. Подготовленные в 1991 г. институтом «Леспроект» предложения по благоустройству и приспособлению Липовой рощи реализованы не были. Не дали своего результата публикации в центральной прессе, отчаянно взывавшие к власти имущим, музейным работникам, советской общественности о необходимости сохранения столь дорогого для Достоевского и для России места (заметим, что публикации не утратили своей злободневной семантики до сих пор)⁷.

Попытки вернуться к осмыслению Дарового как единого историко-культурного и природного пространства стали предприниматься сравнительно недавно, однако они больше ставили вопрос «каким быть Даровому?», нежели давали на него ясный ответ⁸. В настоящее время, когда речь уже идёт о спасении земли детства Достоевского, необходима внятная стратегия музеефикации Дарового и перспектив его развития. Наша работа – это в первую очередь обобщение и систематизация итогов научно-исследовательской и практической деятельности по изучению и сохранению Дарового. В то же время это попытка концептуального осмысления накопленного опыта и определение перспектив дальнейшего существования усадьбы Достоевских.

«Без святого и драгоценного, унесённого в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Воспоминания эти могут быть даже тяжёлыми, горькими, но ведь и прожитое страдание может обратиться впоследствии в святыню для души» (25; 172), – в этих словах Достоевского, несомненно, заложена память о Даровом. Сказанные от первого, авторского лица, они неоднократно звучали из уст персонажей Достоевского⁹, убеждая нас в онтологической зна-

⁴ Полянчев В. И. Достоевские в Даровом. Хронология событий XIX – XX вв. 2004. С. 14. (В рукописи.)

⁵ «Усадьба Даровое, в котором прошли детские годы писателя Достоевского Ф. М.» – так значится исторический комплекс в «Едином государственном реестре объектов культурного наследия Российской Федерации». Согласно постановлению Совета Министров РСФСР № 624, прил. 1 от 4.12.1974 г., в числе элементов комплекса – жилые крестьянские дома по улице села (деревянные), пруды, старое кладбище, приусадебная роща, флигель. См.: <http://kulturnoe-nasledie.ru/monuments.php?id=501019000>.

⁶ «Хронология», составленная В. И. Полянчевым, фиксирует по крайней мере три ремонта, капитальных или поддерживающих, которые коснулись флигеля: в 1955, 1978 и 1990 гг.

⁷ Василевский Б. «И ничего в жизни я так не любил...» // Памятники отечества. 1980. № 1. С. 128 – 133. Виноградов В. Плоды равнодушия // Нечерноземье. 1989. № 8. С. 58 – 60.

⁸ См.: Нурдина М. А. Что реставрировать? // Педагогика Ф. М. Достоевского. Коломна: КГПИ, 2003. С. 210 – 215; Бирюкова Т. Г. Земля детства между прошлым и будущим // Там же. С. 199 – 209.

⁹ Так, в последнем романе «Братья Карамазовы» об этом говорит старец Зосима («Нет драгоценнее воспоминаний у человека, как с первого детства его в доме родительском» – 14; 263 – 264), этой же мыслью Алёши Карамазова завершается произведение («...прекрасное, святое воспоминание, сохранённое с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасён человек на всю жизнь» – 15; 195).

чимости «даровских» впечатлений в мире Достоевского. Те недолгие летние месяцы в течение пяти лет (1832 – 1836), что подарили писателю «святые и драгоценные» воспоминания детства, и должны стать смыслообразующими для концепции музея в Даровом.

Воздействие «этого маленького и незамечательного места» на разные ментальности парадоксально: исключительность Дарового очень остро чувствуют иностранцы (туристы или учёные-литературоведы)¹⁰, но до сих пор в полной мере не оценили соотечественники Достоевского. Для одних «осознанная» биография писателя начинается с «Бедных людей» и инсценировки казни на Семёновском плацу. Для других Достоевский весь сводится к «Преступлению и наказанию», с трудом освоенному в школе. Устоявшийся взгляд на личность и творчество «жестокоталанта» не позволяют нам увидеть, казалось бы, простую и очевидную истину: и Достоевский был ребёнком. Но его детство исключительно тем, что дало мощный вектор развития: глубинное понимание природы и места человека в ней, образ «рая на земле» и нравственной красоты русского народа, веру в спасительную силу детских впечатлений. Кто ещё из писателей так трепетно относился к детям? Для кого мера всего в этом мире – слезинка ребёнка? Для кого люди-дети и люди-братья – слова-синонимы?..

Феномен Дарового ещё и в том, что здесь шла интенсивная тайная работа – вырабатывался писательский дар Достоевского, ведь только в уединении свершается незримый духовный поиск, пробуждается фантазия¹¹. Отправляясь в Петербург, шестнадцатилетний Фёдор Михайлович уже сочиняет «роман из венецианской жизни».

Значимость Дарового как неотъемлемой части мира детства Достоевского надо определять не количеством лет, проведённых здесь будущим писателем, а силой и интенсивностью впечатлений, оставшихся, по его признанию, «на всю потом жизнь». При этом заметим, что «философия воспоминания» у Достоевского своеобразна: «Человек <...> склонен отмечать как бы точки в своём прошедшем, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания» (25; 172). Даровое и есть одна из таких точек-ориентиров на жизненном и творческом пути Достоевского, тот этап биографии, который до сих пор освещён недостаточно и трактуется подчас

¹⁰ См., напр., исследования японских учёных: Итокава К. Даровое – истоки почвенничества Ф. М. Достоевского // Педагогика Ф. М. Достоевского. С. 197 – 198; Киносита Т. «Воспоминание спасёт человека!»: по поводу значения воспоминания детства в творчестве Ф. М. Достоевского // Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27 – 29 августа 2006 г. Коломна: КГПИ, 2006. С. 17 – 21.

¹¹ О том, как в Даровом происходил процесс превращения юного Достоевского из читателя в будущего писателя, размышляет Г. А. Фёдоров: «...Даровое – это прежде всего обретение свободы и уединения. Он живёт литературой <...> Столь восторженно, страстно переживаемое нуждалось в своей среде. <...> даровское приволье обживалось высокой поэзией, образами великой литературы. <...> Именно там в уединении и могли потаённо вызревать и, вероятно, находили выход творческие пробы» (Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. С. 137 – 138).

искажённо. В свете этого задача сохранения, изучения и популяризации Дарового приобретает исключительную важность. *Пространство Дарового призвано (и пока ещё способно) в полной мере открыть для России неизвестного, до конца ещё не познанного Достоевского, преодолеть сложившиеся относительно его биографии и творчества стереотипы. Главная же задача музеефикации Дарового – сохранить это пространство в его целостности.*

Многолетняя работа в усадьбе «Даровое», начатая в 2003 г. Коломенским педагогическим институтом (ныне МГОСГИ)¹², расширение сферы деятельности и проблематики архивных и натурных исследований, привлечение специалистов (историков, археологов, дендрологов, парковых реставраторов), литературоведческие изыскания дали богатый материал для осмысления феномена Дарового в судьбе Достоевского. В настоящее время источниковедческая база по изучению Дарового¹³ значительно расширена. Её дополнили архивные документы, введённые в научный оборот В. А. Викторovichем, К. А. Барштом¹⁴, А. С. Подъяпольским¹⁵, Г. С. Прохоровым (межевые планы усадьбы¹⁶, дневник и переписка А. М. Достоевского¹⁷; официальная переписка по поводу судьбы Дарового в 1920-е гг.¹⁸ и документальные свидетельства посетителей¹⁹), родословные разыскания²⁰, результаты натурного обследования

¹² Несколько лет на кафедре литературы под руководством В. А. Викторovichа ведётся изучение Дарового. Ряд исследовательских проектов был поддержан РГНФ: 05-04-18037е, «Усадьба “Даровое”: реставрация» (2005); 06-04-03201е, «Храм Сошествия Святого Духа в Моногарове как символ возрождающейся России» (2006); 06-04-50480г/Ц, «Конференция “Летние чтения в Даровом”» (2006); 07-04-00299а, «Неизвестные и малоизученные аспекты биографии и творчества Ф. М. Достоевского» (2007 – 2009); 08-04-03202 е/Р «Образы прошлого в будущем России: потенциал усадьбы Достоевских “Даровое” как памятника мирового значения» (2008). С 2003 г. в Даровом работают ежегодные комплексные экспедиции студентов филологического и исторического факультета, проводятся волонтерские акции.

¹³ «Воспоминания» А. М. Достоевского, младшего брата писателя, фотографии Дарового конца XIX – начала XX вв. из фондов ГЛМ; исследования: *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских. Письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М., 1939; *Фёдоров Г. А.* Московский мир Достоевского. С. 130 – 193.

¹⁴ *Баршт К. А.* Дворянское гнездо Ф. М. Достоевского // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 119 – 122.

¹⁵ *Подъяпольский А. С.* Из истории Дарового // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы международной научной конференции 25 – 29 августа 2009 г. Коломна, 2009. С. 196 – 202. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/podyapol_iz_istorii.pdf

¹⁶ РГАДА. Ф. 1345. Оп. 6. № 567 и 568. Ф. 1355. № 1814 (готовятся к публикации, частично опубликованы в указанной выше статье К. А. Баршта).

¹⁷ Дневник А. М. Достоевского 1887 – 88 гг. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 3. Л. 7; отрывки опубликованы в статье: *Викторovich В. А.* Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 102 – 103, 106.

¹⁸ Переписка с Главмузеем... С. 183 – 228; *Прохоров Г. С.* От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 2 (8). 2009. С. 115 – 130.

¹⁹ *Прохоров Г. С.* «Езда в Даровое», или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х годов // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/ezda_v_darovoe.pdf

²⁰ *Кондратова Т. И.* Из истории коломенской ветви рода Достоевского // Вестник Коломенского государственного педагогического института. № 2 (8). 2009. С. 139 – 147.

усадьбы²¹, археологических раскопок 2005 – 2007 и 2009 гг.²², фольклорно-этнографические исследования Дарового и окрестностей²³.

Отправной точкой в концепции будущего музея является идея *уникальности* Дарового: ни один из существующих сейчас музеев писателя не обладает столь обширной мемориальной природной территорией. Даровое – единственный «деревенский» среди шести городских музеев Достоевского. Природный ландшафт Дарового имеет принципиальное значение как один из главных формирующих факторов в судьбе и мировоззрении Достоевского.

У Дарового есть все основания стать **мемориальным и природно-ландшафтным музеем-заповедником**. Это обосновано, с одной стороны, ценностью исторических объектов, а с другой, максимально возможной в данный момент аутентичностью земли детства великого писателя и, в первую очередь, её природно-культурного ландшафта. Первостепенной задачей является определение границ заповедника, их безотлагательное юридическое закрепление, установление режимов использования²⁴ и музеефикация особо ценных объектов. В музей-заповедник должны войти, помимо Дарового, деревни Моногарово и Черемошня, которые обладают несомненной мемориальностью и территориальным единством с Даровым. Включение трёх деревень в заповедный комплекс позволит обеспечить его целостность и необходимую репрезентативность.

Немаловажно для заповедного комплекса и то, что на его территории в границах XVIII – XIX вв. сохраняется традиционное землепользование: в настоящее время поля вокруг Дарового, Моногарова и Черемошни засеваются зерновыми ФГУП им. К. А. Мерещкова. Это не только историко-культурный, но и важный эстетический фактор.

²¹ *Русакомский И. К., Дробнич О. А., Воронкина Л. А.* Натурное обследование территории усадьбы «Даровое». Ведомости инвентаризации насаждений с ведомостями первоочередных рубок. РБОО Центр традиционной русской культуры «Преображенское». 2005. 15 с. (приложение к отчету по гранту РГНФ 05 – 04 – 18037е); *Воронкина Л. А.* Историко-архитектурный опорный план усадьбы «Даровое» // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. С. 203 – 204. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/voronkina_istoriko_arhit.pdf; *Петерсон Ю. В.* О старовозрастном древостое музея-усадьбы Ф. М. Достоевского в Даровом // См. наст. изд.

²² *Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н.* Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 146 – 156. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/8_syrovatko.pdf; *Клочко А. А., Шишков Д. Л.* Обследование георадаром территории музея-усадьбы «Даровое» // Там же. С. 157 – 160. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/klochko_shishkov.pdf

²³ *Кондратова Т. И.* Даровое: современные легенды и мифы // Там же. С. 131 – 140. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/kondratova_sovr.pdf; *Кондратова Т. И.* Легенды и были Дарового // Коломенский альманах. 2006. Вып. 10. С. 272 – 286; *Прохоров С. М.* Традиционная ситуация в Даровом и окрестностях: по материалам фольклорной экспедиции в июле 2006 г. // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 141 – 145. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/prohorov_tradicionnaya.pdf; *Прохоров С. М.* Фольклорная экспедиция в Даровое и окрестности (2006 – 2009) // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. С. 213 – 216. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/prohorov_folklor_naya.pdf.

²⁴ Проект охранных зон Дарового, на момент написания статьи проходящий историко-культурную экспертизу, требует корректировки. В частности, к зоне регулируемой застройки разработчиками проекта была отнесена территория оврага Лоск, которая, в силу своей мемориальности категорически не подлежит застройке.

Ландшафт Дарового в своей яркой индивидуальности близок характерному ландшафту Зарайска, его исторической панораме, что открывается с высокого кремлёвского берега. Это обстоятельство, на наш взгляд, во многом объясняет привязанность Достоевского к русскому пейзажу: её писатель особенно остро чувствовал, будучи за границей (в Германии, Италии, Швейцарии)²⁵. Музей-заповедник восполнит недостающий «географический» компонент в таком важном концепте, как «Россия Достоевского»: в мире знают Россию «каторжную» (Омск), Россию «столичную» (Петербург – Москва), Россию «провинциальную» (Старая Русса). Даровое откроет «деревенскую» Россию Достоевского.

ПЕЙЗАЖ ДАРОВОГО

Уникальность усадебного ядра Дарового в том, что на относительно небольшом пространстве (около 10 га) соединены разные элементы ландшафта – явление нетипичное для подмосковной усадьбы в силу присущего средне-русскому пейзажу однообразия. В Даровом же тесно соседствуют равнинный участок и лощина, луговое пространство и овраг, пруд и хлебное поле. Усадьба обладает несколькими замечательными видовыми точками, откуда открываются прекрасные панорамы на прилегающие поля и отдалённые перелески. Эстетическая выразительность этих мест несомненна и составляет главную ценность мемориального пространства.

Факт присутствия Дарового в судьбе Достоевского наполняется особым смыслом, если вспомнить его веру в то, что «человечество обновится в Саду и Садам выправится», высказанную в статье со знаменательным названием «Земля и дети». Родившийся в городе писатель «всходил <...> на землю, на почве, на которой хлеб и деревья растут» (23; 96). Хлеб и деревья, поле и лес – это формула Дарового, его «врачующего простора» и по сей день. По утраченному «золотому веку» гармоничного сосуществования природы и человека тоскуют многие персонажи Достоевского²⁶, как тосковал их творец перед полотном Клода Лоррена «Пейзаж с Ацисом и Галатеей»²⁷. Этот идеальный пейзаж, в котором растворён человек, был знаком Достоевскому с детства и по-своему воплотился в знаменитом сне Версилова в романе «Подросток»: «Тут запомнило свою колыбель европейское человечество,

²⁵ См. письмо Ф. М. Достоевского С. А. Ивановой о швейцарских впечатлениях: «Что же касается до Вевей, то Вы, может быть и знаете – это одна из первых панорам в Европе. В самом роскошном балете такой декорации нету, как этот берег Женевского озера, и во сне не увидите ничего подобного. Горы, вода, блеск – волшебство. <...> Бронницы или Зарайск! – вот Вам Вевей. Но Зарайск, разумеется, и богаче и лучше. Тут только один из самых первых в Европе ландшафтов и больше ничего» (28; 308).

²⁶ Подробнее об этом в докладе: Бессонова А. С. Даровое и «золотой век человечества» (XXXVIII Международные чтения «Достоевский и мировая культура», 10 – 13 ноября 2012 г. Санкт-Петербург. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского).

²⁷ Об особой любви Ф. М. Достоевского к этой картине писала его жена. См.: Достоевская А. Г. Записная книжка 1881 года // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб., 1993. С. 283.

и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и весёлыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества!» (13; 375).

Восторг и умиление пред Божьим миром – растениями, животными испытывают дорогие Достоевскому герои: и страдалец Иван Карамазов с его любовью к «клеяким берёзовым листочкам», и утешитель старец Зосима, верящий, что «всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчёлка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну божию свидетельствуют, непрерывно совершают её сами...» (14; 267). Это обострённое ощущение природы и присутствия в ней божественной тайны, несомненно, складывалось у Достоевского в детстве в окружении даровского пейзажа.

Типично русский пейзаж, сохранившийся в Даровом, для Достоевского – образ национальной идентичности, которую писатель сформулировал в статье «По поводу выставки» («Дневник писателя» 1873 г.): «“Эта скудная природа”, вся характерность которой состоит, так сказать, в её бесхарактерности, нам мила, однако, и дорога» (21; 70).

Архивные материалы, археологические исследования и работы по благоустройству территории Дарового последних лет позволяют говорить о направлениях реставрации усадебного пространства. В настоящий момент Даровое – это комплекс относительно хорошо сохранившихся объектов, в числе которых **въездная аллея, усадебный дом, липовый курган, пейзажный липовый парк, Федина роща, фруктовый сад, Маменькин пруд**, примыкающий к Даровому старинный **Нечаевский погост**.

Раздвигает границы усадебного пространства **панорама Лоска**, с но-стальгическим чувством описанного Достоевским в рассказе «Мужик Марей», глубокая перспектива с дорогой на Черемошню и обширное поле на противоположном берегу пруда. Их историческую ценность подтверждает одно из воспоминаний А. М. Достоевского («мы издали увидели, как спускается с пригорка в нашу деревню грузный экипаж с двумя дамами»²⁸), дающее представление о замечательной обзорности усадебного пространства. Эти видовые «узлы» Дарового нуждаются в первоочередной охране, и не только в силу своей исторической значимости и эстетической выразительности.

Панорамы Дарового – это источник важнейшей идеи в творчестве Достоевского. Категория времени-пространства в его романах отличается двуплановостью: это замкнутая ближайшая среда существования персонажей, лишённая «воздуха», губительно влияющая на сознание, – и противостоящая ей разомкнутая в пространственно-временную бесконечность перспектива как образ иного, лучшего бытия. Так, моменту воскресения Раскольникова предшествует первозданный пейзаж: «С дальнего другого берега чуть

²⁸ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 74.

слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли ещё века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грёзы, в созерцание; он ни о чём не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила» (6; 421). В неизъяснимое волнение приводит князя Мышкина швейцарский горизонт: «Вот тут-то, бывало, и зовёт всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землёй встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильней и шумней, чем у нас...» (8; 51).

Подобное понимание пространства формировалось у Достоевского в детстве, в деревне: здесь человек в его естественной, а не вынужденной среде обитания. В Даровом по сей день сохранились те простор и горизонт, которые некогда волновали Достоевского.

ВЪЕЗДНАЯ АЛЛЕЯ²⁹

Межевые планы усадьбы XVIII – XIX вв.³⁰ дают представление о планировке сельца Дарового до приобретения его Достоевскими в 1831 году и о «крестьянской» части имения в середине XIX в. Архивные документы свидетельствуют о том, что исторический въезд в усадьбу был с южной, противоположной современной дороге стороны. Он шёл от Венёвского тракта мимо Иванова озера³¹, сохранившегося до наших дней, но сильно заболоченного. Работы по уходу за усадьбой позволили в прямом смысле слова открыть подъездную дорогу, со временем превратившуюся в аллею, с хорошо читаемой земляной насыпью, двусторонней обваловкой и тремя рядами разновозрастных лип, старейшие из которых, по-видимому, относятся ко времени закладки усадьбы. Замыкает аллею старый раскидистый дуб, самый красивый из сохранившихся в усадьбе.

Мемориальная и музейная ценность въездной аллеи ещё и в том, что отсюда открывается прекрасная панорама Лоска и прилегающих полей. Этот объект показа уже сейчас является ключевым пунктом экскурсионной программы по Даровому: слова Достоевского о спасительной силе детских

²⁹ Этот объект не вошёл в границы территории усадьбы (см.: Ежедневные новости. Подмосковье. 2011. 16 августа. № 148. С. 6; то же: <http://pressa.ru/Flexreader/show?id=12938>), поскольку о существовании аллеи до последнего времени (т.е. до работы экспедиций КГПИ – МГОСГИ) было неизвестно: весь участок представлял собой свалку бытовых отходов, заросшую бурьяном. Таким образом, границы территории усадьбы «Даровое» нуждаются в корректировке, причём безотлагательной.

³⁰ РГАДА. Ф. 1345. Оп. 6. № 567 и 568. Ф. 1355. № 1814.

³¹ «Но наконец вот и поворот. С этого поворота сейчас же открылось нашим глазам Даровое, окружённое вековой Липовой рощей. Проехав Иваново озеро (простой небольшой пруд), мы подъехали, миновав перекрёсток, к самой деревне, и я невольно перекрестился при виде той местности, в которой провёл детство» // Дневник А. М. Достоевского 1887 года. РО ИРЛИ. Ф. 56. № 3. Л. 6. (Дневник прочитан В. А. Викторovichем).

воспоминаний по-особому звучат на фоне места встречи маленького Феди с мужиком Мареем. Панорама остро нуждается в сохранении, поскольку на неё с севера надвигается неконтролируемая жилая застройка Дарового.

Археологическое обследование въездной аллеи и прилегающей к ней обширной поляны позволит прояснить планировку этой части усадьбы, в том числе даст ответ на вопрос о местоположении конюшни и происхождении двух «насыпей» из белого известняка в начале и в конце аллеи. В перспективе возможно реконструировать исторический въезд в усадьбу, взяв за основу сохранившуюся грунтовую дорогу к Даровому³². Попадая в усадьбу «как Достоевские», посетители не только окажутся в историческом контексте, но и смогут избежать «знакомства» с резко диссонирующим дачным строительством Дарового и Моногарова. В таком случае будет обеспечена цельность впечатления от посещения усадьбы Достоевских.

ЛИПОВАЯ РОЩА

Ценнейшим музейным объектом Дарового является липовая роща – пейзажное продолжением жилого усадебного пространства. Мемориальный статус липняка очевиден: согласно мониторингу, возраст самых старых деревьев достигает 250 – 280 лет³³. Специалисты полагают, что над обликом рощи поработал местный садовник-самородок. Обсаженная по южной границе дубами, липовая роща, несомненно, была предметом гордости прежних хозяев и могла сыграть определяющую роль в решении отца писателя приобрести усадьбу. Посетивший Даровое в 1887 году А. М. Достоевский, сетуя на неузнаваемую физиономию местности, радовался: «Не изменилась только Липовая роща. Эта роща положительно краса всего имения!»³⁴

Признание Достоевского «и ничего в жизни я не любил так, как лес...» (22; 47) вызвано воспоминанием о даровском детстве. Об этой любви, пронесённой через всю жизнь, писала А. Г. Достоевская в «Записной книжке 1881 года»: «Любил лес, пусть всё продают, а я не продам, из принципа не продам, чтоб не безлесить Россию. Пусть мне выделяют лесом, и я его стану растить и к совершеннолетию детей он будет большим. <...> любил лиственный лес, не расчищенный, а скорее запущенный, разросшийся»³⁵. Такой липняк мы и видим сейчас в Даровом. С широколиственной рощей у Достоевского связаны яркие детские воспоминания: здесь, как свидетельствует брат писателя, под предводительством Феди разворачивались игры в «диких» и Робинзона с обязательными атрибутами и при участии деревенских ребятшек.

³² И. П. Перлов упоминает важный ориентир, который может войти в историческую реконструкцию: «...В ю верстах от Зарайска у деревянной полевой часовни дорога с большака ведёт на запад...» (курсив наш. – А. Б.): Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perlov_selco.pdf. [Подготовка текста и комментарии Г. С. Прохорова].

³³ Русакомский И. К., Дробнич О. А., Воронкина Л. А. Натурное обследование территории усадьбы «Даровое».

³⁴ Цитируется по публикации: Викторovich В. А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 103.

³⁵ Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. С. 281.

Исследование липовой рощи и мероприятия по её сохранению ещё в самом начале³⁶. Кроме усилий дендрологов здесь требуется работа садовых археологов, поскольку пока нет ясного представления об исторической планировке рощи, существовании на мемориальный период дорожно-тропиночной сети, остаётся открытым вопрос о её происхождении³⁷. Реставрационные работы в липовом массиве должны быть максимально бережными и поэтапными. Среди первоочередных задач – лесопатологическое обследование и лечение старовозрастных деревьев с применением новейших методов, посадка молодых крупномерных экземпляров, способных обеспечить регенерацию рощи, устройство экскурсионной тропы, которая, показывая наиболее привлекательные уголки липняка, будет обходить стороной «заповедные» его части, что необходимо для сохранения разнообразной популяции птиц (их около 30 видов)³⁸ и травяного напочвенного покрова рощи (особенно привлекательного весной, в пору цветения многочисленных первоцветов). Реставрация Липовой рощи должна учитывать её исторический пейзажный характер, при котором эффект уединения достигался за счёт искусного чередования густых посадок и открытых полей, для чего в подобных рощах создавались опушки из кустарника. Большой проблемой, требующей профессионального решения, представляется активное «наступление» на липняк осин со стороны Феединой рощи, засорение его кленовым самосевом.

При разработке проекта реставрации усадьбы необходимо полное натурное обследование напочвенного покрова с учётом его сезонной смены: выявление исторически ценных растений с целью их сохранения и воссоздания, определение мер по формированию газонов и лужаек³⁹. Предварительное обследование специалистами территории Липовой рощи, а также наши многолетние наблюдения свидетельствуют о богатстве и разнообразии травяной растительности в Даровом⁴⁰.

³⁶ Петерсон Ю. В. О старовозрастном древостое... (в наст. изд.)

³⁷ Мы склоняемся к той версии, что Липовая роща представляет собой рукотворное произведение садово-паркового искусства. Один из аргументов – букетная посадка лип, группы деревьев, что характерно для пейзажного парка. Возможно, что превращение липовой рощи в натуральный сад происходило в конце XVIII – начале XIX вв., в период увлечения английскими садами в России. Об этом, в частности, говорит возраст дубов, посаженных вдоль межевого вала: по предварительной оценке дендрологов, он составляет 200 лет. Заключение почвоведческого анализа, в свою очередь, определяет реликтовое происхождение Липовой рощи. (См.: Решоткин О. В., Алексеев Д. А. Исследование почв усадьбы Ф. М. Достоевского в д. Даровое. М.: НПЦ «Дендродоктор», 2008. 26 с. В рукописи.)

³⁸ Захаров Р. А. Усадьба Даровое. Результаты рекогносцировочного орнитологического обследования территории. 2009. 3 с. (В рукописи.)

³⁹ См. рекомендации в статье: Полякова Г. А., Швецов А. Н. Предпроектное обследование растительности старинных усадеб и музеев-заповедников // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 10 (26). М., 2004. С. 156 – 163.

⁴⁰ В 2005 г. осмотр усадьбы был проведён Г. А. Поляковой, старшим научным сотрудником Института лесоведения РАН, которая, в частности, обнаружила в Липовой роще купену («Соломонову печать») – растение, специально разводимое в садовых садах и парках. В апреле – мае напочвенный покров Липовой рощи представляет собой яркий ковёр из растений-эфемероидов (гусиный лук жёлтый, ветреница лютичная, хохлатка плотная), по опушкам встречаются куртинки фиалки собачьей.

В комплексе мероприятия по реставрации и реконструкции Липовой рощи, этого ключевого элемента даровского ландшафта, призваны воссоздать и представить ту уникальную среду, хранящую традиции русского сада XVIII века, в которой взрастал и духовно формировался будущий писатель.

ФЕДИНА РОЩА

Если Липовая роща была местом общих игр братьев Достоевских, то Брыков лес, примыкавший к усадьбе, – уголок уединения и грёз. Быть может, особая привязанность юного Фееди к нему объясняется тем, что это был естественный, нерукотворный березняк, покрывавший глубокий овраг. Это место действительно способно пробудить фантазию своей уединённостью и таинственностью. Впечатление о нём Достоевский подарил своим героям: «...когда, бывало, в глубоких долинах густел вечерний пар и седыми извилинами космами цеплялся за кустарник, лепившийся по каменистым рёбрам нашего большого оврага, мы <...> с боязливым любопытством заглядывали вглубь и ждали, что вот-вот выйдет кто-нибудь к нам или откликнется из тумана с овражьего дна и нянины сказки окажутся настоящей законной правдой» (3; 178). Интересно место ещё и тем, что мы имеем дело с переименованием исторического топонима: в семье Достоевских Брыков лес становится Феединой рощей.

В XVIII – XIX вв. Брыков лес был весьма обширным и тянулся от усадьбы до самой Черемошни: старые планы сохранили топоним Брыков верх – лес, вплотную подходящий к деревне.

Проблема реконструкции Феединой рощи заключается в воссоздании некогда существовавшего здесь берёзового леса, а это непростая задача, которая займёт не одно десятилетие (Феединая роща давно уже превратилась в осинник с редкими вкраплениями берёзы). Однако усилия стоят того: у будущих посетителей появится возможность увидеть любимое место детского уединения Достоевского максимально приближенным к своему первоначальному состоянию. Необходимость воссоздания исторического облика Феединой рощи обоснована ещё одним фактом: Фёдор Михайлович, по свидетельству близких, очень любил берёзовый лес⁴¹, «запах нашего деревенского березняка» слышится ему и сорок лет спустя (22; 47).

Включение Феединой рощи в экскурсионный маршрут по усадьбе предполагает организацию благоустроенной тропы, которая должна пройти по гребню оврага вдоль исторического вала: отсюда открывается вид на глубокое дно оврага и находящиеся на противоположной его стороне два больших старых муравейника.

⁴¹ См., напр., «Воспоминания о встречах со своим дядей Ф. М. Достоевским» В. А. Савостьяновой: «Нам предлагает её брат, – сказал Фёдор Михайлович, указывая на свою жену, – имя в Курской губ. Но какая же это Россия? Я хочу в самом центре России, чтоб были берёзы, а там растёт дуб. А я люблю берёзы и черное лесное. Что может быть лучше первых клейких берёзовых листочков!» // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. С. 215.

ФРУКТОВЫЙ САД

А. М. Достоевский называет сад в числе ближайших к усадьбе и любимых мест детских игр и прогулок. В настоящее время это два десятка одичавших яблонь, живописных в своей старости, растущих на луговом разнотравье. Пространство сада обширно – 4,5 га. Пересечённый рельеф придаёт ему особую выразительность. Межевой ров делит сад на две части – низменную и возвышенную. Как свидетельствуют садовые археологи, среди деревьев встречаются редкие плодовые экземпляры. Деревья сильно ослаблены: кроны загущены, стволы и ветви поражены лишайником, вокруг стволов много «сорной» кленовой поросли, прикорневых побегов. Плодоносят яблони раз в два года, причём обильно. Плоды преимущественно мелкие, вязко-кислые.

Реконструкция сада в полном объёме представляет определённые трудности: каков был его сортовой состав в 30-е гг. XIX в., мы можем только предполагать. Архивные материалы, обнаруженные Г. С. Прохоровым, где значится более «650 корней» плодовых деревьев и кустарников⁴², относятся к первым десятилетиям XX в. и описывают сад Ивановых (Веры Михайловны, сестры писателя, и её детей), в котором уже тогда было много старых деревьев. Предположительно, сохранившиеся до наших дней яблони – «ивановского» периода усадьбы, поскольку яблони способны доживать до 100 лет. Первостепенной задачей является определение их возраста и сортовой принадлежности, перспектив дальнейшей жизни деревьев, а также возможных мероприятий по оздоровлению и уходу.

В вопросе воссоздания сада надо исходить из исторической данности: его облик существенно изменился, многое утратив, но не меньшее приобретя. Одним из элементов реконструкции сада могут стать фрагменты живой изгороди из крыжовника вдоль межевого вала и посадка нескольких экземпляров яблонь тех сортов, которые выращивались в усадьбе при Достоевских⁴³, с обязательным сохранением обширных участков лугового пространства.

По саду должна пройти экскурсионная тропа: выходя из Липовой рощи посетители оказываются в «Нижнем саду», откуда могут отправиться налево – в Федину рощу, повернуть направо – в «Верхний сад» либо пройти прямо – на берег Маменькиного пруда.

⁴² ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Впервые ссылка на архивный источник: Прохоров Г. С. Езда в Даровое, или Усадьба Достоевских глазами путешественников 1920-х гг. [подготовка текста и комментарии к статьям А. Дроздова, Л. П. Гроссмана, И. П. Перлова, В. С. Нечаевой, Д. Стонова] // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/droz dov_usadba_darovoe.pdf

⁴³ Учитывать следует и то обстоятельство, что зима 1839 года в Тульской губернии была бесснежной и морозной, в силу чего в помещичьих садах помёрзли фруктовые деревья. Вряд ли у Михаила Андреевича Достоевского были силы и средства на восстановление сада в роковой для него год. В период безвременья, после смерти М. А. Достоевского, когда над имением осуществлялась сторонняя опека, сад, по-видимому, оставался без должного ухода, о чём беспокоится М. М. Достоевский в письме к сестре Варе: «Не знаю, что делали нынешнее лето с нашими садами. Их можно было отдать внаём; это бы принесло рублей 400. Я писал уже давно об этом в деревню». Цит. по электронному научному изданию ПетрГУ «Достоевский»: <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>

ПРУД

Облик усадьбы изменялся и при Достоевских. «Ландшафтным архитектором» стала Мария Фёдоровна, мать писателя, движимая, как видно из воспоминаний А. М. Достоевского⁴⁴, сугубо хозяйственными побуждениями. Естественное русло бывшей речки (или ручья, вероятно, это был приток Уйны) с бьющими на дне ключами по распоряжению Марии Фёдоровны было превращено в пруд для водопоя коров и лошадей, разведения рыбы и купания⁴⁵. Усадьба таким образом получила окончательное живописное оформление. В 1880-е годы при Ивановых пруд был спущен, а на его дне устроен огород (об этом свидетельствует дневник А. М. Достоевского, семейная переписка Ивановых). В 1920-е годы это уже луговая земля (согласно ведомости, составленной И. П. Перловым⁴⁶).

Пруд (точнее, каскад из двух прудов с плотинами), за которым в наше время закрепилось название «Маменькин», требует тщательного обследования и проведения первоочередных мероприятий по предотвращению заболачивания (что активно происходит со стороны Фединой рощи), расчистке водного зеркала (пруд летом регулярно «цветёт»), благоустройству берега и созданию рекреационных участков с элементами малой усадебной архитектуры (мостков, скамеек⁴⁷). Деревья вдоль берега нуждаются в защите от бобров, а сам водоём – в особом режиме использования, что в настоящее время грубо нарушается местным населением, приезжими рыбаками (несоблюдение водоохранной зоны, катание на моторных лодках, неконтролируемая ловля рыбы).

Вызывает удивление, что при разработке и утверждении границ территории памятника «Верхний пруд», расположенный между Нечаевским погостом и Фединой рощей, не включён в усадебное пространство, хотя оба водоёма составляют единую гидросистему.

⁴⁴ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 59 – 62.

⁴⁵ В этой связи хочется высказать одно предположение. Есть версия, согласно которой скотный двор усадьбы Достоевских располагался в непосредственной близости от господского дома, мазанки и «зелёных столовых» на курганах, что вызывает большие сомнения. Вряд ли Достоевские были так нещепетильны и мирились с обилием насекомых и запахом – непременно спутниками скотного двора. Межевые планы показывают, что значительного объёма постройки находились севернее, предположить здесь скотный двор было бы логичнее: на некотором удалении от жилья и ближе к водопою. Подтвердить либо опровергнуть нашу версию позволит дальнейшее археологическое обследование сохранившихся на территории усадьбы фундаментов, а также атрибуция находок, обнаруженных частными застройщиками на месте предполагаемого скотного двора (все предметы хозяйственного назначения).

⁴⁶ «Ведомость о землях и постройках имения “Даровое”» // ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 3. № 80. Л. 4 об, л. 7 об. (Информация предоставлена Г.С. Прохоровым.)

⁴⁷ См. один из эпизодов повести «Униженные и оскорблённые», явно навеянный воспоминаниями о Даровом: «...я как-то напомнил Наташе, как достали нам тогда однажды “Детское чтение”, как мы тотчас же убежали в сад, к пруду, где стояла под старым густым клёном наша любимая зелёная скамейка, уселись там и начали читать “Альфонса и Далинду” – волшебную повесть» (курсив наш. – А. Б., 3; 178).

НЕЧАЕВСКИЙ ПОГОСТ

Панорама даровских окрестностей кроме Лоска включает Нечаевский погост, где похоронена Вера Михайловна Достоевская⁴⁸, сестра писателя. «Писцовые книги 1578 г. указывают, что село “за Иевом за Тимофеем сыном Хотяинцева”; к середине XVII в. здесь был деревянный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы»⁴⁹.

В мемориальный период 1831 – 1839 гг. Нечаево уже пустошь. Приходская жизнь перенесена в Моногарово, где В. И. Хотяинцев в 1763 г. построил каменный Свято-Духовский храм с Покровским приделом в память о прежнем храме. Часовня при старинном кладбище, о которой вспоминает А. М. Достоевский, – это, скорее всего, и есть прежняя Нечаевская церковь⁵⁰. Кладбище при ней функционировало, предположительно, до 1920-х гг.⁵¹ Хоронили на нём не только жителей Дарового, но и близлежащих деревень Черемошни и Комово.

Заброшенная территория погоста нуждается в благоустройстве: уборке упавших деревьев, предотвращении распространения густой поросли осинника, сохранении ценных пород (липы, вяза), расчистке могильных плит, установлении места захоронения В. М. Достоевской и его благоустройстве. Необходима экскурсионная тропа от усадьбы до погоста: в настоящее время ФГУП им. К. А. Мерецкова запахивает мемориальную территорию со всех сторон. Археологическое обследование погоста неразрушающими и традиционными методами позволило бы обнаружить фундамент деревянной Покровской церкви для последующей её реконструкции.

Как нам представляется, Нечаевский погост и прилегающая к нему территория как историко-культурный объект обладают большим археологическим потенциалом: известные с XVI в., они не подвергались впоследствии активному антропогенному воздействию. Изучение истории бывшего села Нечаева может стать одним из перспективных направлений деятельности будущего музея-заповедника.

ЖИЛАЯ УСАДЬБА

Принципиальным и одновременно дискуссионным является вопрос реконструкции той части усадьбы, где некогда располагались жилые и хозяйственные постройки семьи Достоевских (площадью около 1 га). От его решения зависит архитектурный облик будущего музея, формы его деятельности.

⁴⁸ «По смерти Веры Михайловны», похороненной на деревенском кладбище сельца Дарового за «Фединой» рожей, имение перешло ныне здравствующей дочери её Марии Александровне, которая со времени революции живёт в Даровом безвыездно». См.: Перлов И. П. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. 1925 // http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perlov_selco.pdf

⁴⁹ «Зарайская энциклопедия» // <http://www.zaraisk.net/zarayskaya-entsiklopediya/339-nechaevo-selo>

⁵⁰ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 61 – 62.

⁵¹ Шейнблат В. Где похоронены Достоевские? // За новую жизнь. 1993. 1 апреля. № 36. С. 3 – 4.

В настоящее время из усадебных построек остался так называемый флигель, а от планировки территории – один из двух упоминаемых А. М. Достоевским «курганов» (скорее всего, искусственных земляных насыпей⁵²) с липами, возраст которых превышает 200 лет. Археологические раскопки, проводимые на территории усадьбы Коломенским археологическим центром с 2005 года с целью изучения её исторической планировки и поиска фундаментов утраченных строений, частично прояснили картину расположения надворных построек, площадь жилого дома (во времена Достоевских-Ивановых включавшего ещё одно помещение, предположительно, кухню), позволили продвинуться вперёд в поисках так называемой мазанки (первого жилища Достоевских в 1832 году).

Однако исследования в этом направлении необходимо продолжить, чтобы ответить на главный вопрос: какую усадьбу приобретал М. А. Достоевский, что входило в сельцо Даровое до пожара⁵³, что и где построили новые хозяева после драматических событий. Один из самых ценных источников по истории усадьбы – переписка М. А. и М. Ф. Достоевских «даровского периода» – свидетельствует, что из надворных построек были заново возведены сарай, амбар, скотный двор. В числе «хозяйственного инвентаря» имения упоминаются гумно, рига, был также и овин⁵⁴. А. М. Достоевский пишет о новом флигеле и людской избе, но при этом отмечает, что каретный сарай после пожара не восстанавливали⁵⁵.

Задача реконструкции усложняется рядом объективных факторов. Облик усадьбы существенно изменился, когда Даровым владели Ивановы, семья сестры писателя Веры Михайловны: флигель перестраивался, появились новые постройки. А. М. Достоевский в дневнике 1887 года, рассказывая о поездке в Даровое, сокрушённо заметил, что прежнего своего дома он не узнал, изменился архитектурный облик всей местности.

Археологические раскопки выявили ряд датируемых предметов XVIII и второй половины XIX – начала XX вв., на основании чего, на наш взгляд, были сделаны некорректные выводы: обнаруженные фундаменты не имеют отношения к «периоду Достоевских». Это либо постройки времён Хотяинцевых,

⁵² Край одного из «курганов» в 2008 – 2009 гг. был исследован археологами, которые обнаружили, что насыпь состоит из битого кирпича и гумусированной почвы.

⁵³ В. С. Нечаева вообще считала, что «при Хотяинцеве в Даровом вряд ли существовала барская усадьба», а мазанку для своих дворовых построила «эпизодическая» владелица Дарового О. А. Глаголевская, у которой Достоевские и приобрели имение в 1831 г. Одновременно исследовательница предполагает, что «возможно, флигель был поставлен уже Нечаевыми». Кроме него, по мнению В. С. Нечаевой, других построек не было (Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. С. 37 – 38). Самый веским аргументом против подобной версии является тип Дарового как населённого пункта – **сельцо, т.е. помещицья усадьба с домом**. Экономические примечания к плану генерального межевания 1776 г. фиксируют в Даровом «дом господский деревянный» (РГАДА, Ф. 1355, оп. 1, д. 1816-2). Более убедительные, хотя и не бесспорные предположения относительно состава усадьбы выдвинуты в статье: Подъяпольский А. С. Из истории Дарового. С. 199 – 200. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/podyapol_iz_istorii.pdf.

⁵⁴ См. «Письма М. А. и М. Ф. Достоевских» // Нечаева В. С. Указ. изд. С. 74, 77, 113.

⁵⁵ Достоевский А. М. Воспоминания. С. 59.

либо те, что появились при Ивановых. Однако, как нам представляется, надо учитывать следующее обстоятельство. В своём развитии Даровое знает три важных эпохи: Хотьинцевых (XVI в. – 1831 г.), Ивановых (1852 – 1929 гг.), а между ними краткое семилетие Достоевских (1832, год первого приезда – 1839, год смерти М. А. Достоевского). Насколько богатой в плане датирующих находок в культурном слое может оказаться в таком случае «эпоха Достоевских» по сравнению с предыдущей и последующей? Вопрос, как нам представляется, риторический. Вот почему мы убеждены, что атрибуция и интерпретация находок должна быть проведена более тщательно, а дальнейшее археологическое изучение хозяйственно-жилой части необходимо продолжить с учётом нарабатанной в усадебной археологии методики⁵⁶ и с привлечением междисциплинарных исследований. Мы имеем в виду большой пласт научной литературы по истории русской усадьбы, который даёт объективную картину строительства и быта, в частности, в подмосковных имениях XVIII – XIX вв.⁵⁷, а также непосредственное участие специалистов по усадебной архитектуре и быту в археологических исследованиях (проектных, натуральных, камеральных).

С сожалением приходится констатировать тот факт, что часть исторической территории усадьбы для музея безвозвратно потеряна⁵⁸. Речь идёт об обширном пространстве вдоль Маменькиного пруда от плотины до флигеля, которая начала интенсивно застраиваться в последние десятилетия. Владельцы одного из участков во время строительства обнаружили в земле ряд предметов, не оставляющих сомнений в своём происхождении и принадлежности. Так, в их числе гиря с хорошо читаемым клеймом – «1835». Межевые планы подтверждают: в этом месте находились хозяйственные постройки. Здесь же сохранился редкий для Дарового старый дом (№ 5, видимо, один из тех, которые в Росреестре ОКН значатся как «жилые крестьянские дома по улице села (деревянные)»⁵⁹).

Что касается сохранившегося флигеля, то дальнейшее исследование фундамента дома, сруба, интерьера, значительно «поновлённого» при первых попытках музеефикации усадьбы в 1990-е гг., дендрохронологическая экспертиза, позволяющая датировать «возраст» дома, – вот первоочередные за-

⁵⁶ Белецкий С. В. Усадебная археология России // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 5. 2000. С. 35 – 43; Усадьба Пушкиных в Большом Болдине: Археологические раскопки на территории усадьбы. Нижний Новгород, 2002; Полюлях А. А. Аспекты изучения культурного слоя Москвы Нового времени // Труды МИГМ. Вып. 10. 2000. С. 214 – 221; Археология парка Царицыно: по материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002 – 2008 гг. М., 2008.

⁵⁷ Назовём лишь некоторые. Это регулярно выпускаемый ОИРУ сборник «Русская усадьба» (с 1994 г. издано 17 томов); Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв.: Исторические очерки. М., 2001; Полякова М. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба. XVII – начало XX. М., 2011.

⁵⁸ Так, на межевых планах XVIII в. прослеживается чёткое деление на «сельцо Даровое» с господскими постройками и «деревню Даровую» с крестьянскими дворами. Подобная же планировка характерна для Моногарова и Черемошны. В письме А. Г. Достоевской 12 февраля 1889 г. сестра писателя В. М. Иванова пишет о 15 десятинах усадебной земли (ИРЛИ, № 30365). Нынешняя же территория усадьбы занимает около 10 га.

⁵⁹ Электронный ресурс: <http://kulturnoe-nasledie.ru/monuments.php?id=501019000>

дачи, которые должны предшествовать проекту реконструкции. В этой связи следует отметить, что эскизный проект С. П. Орловского (по всей видимости, обновлённый вариант 1970 – 1980-х гг.), представленный в Даровом в 2009 г. во время выездного заседания международной конференции «Достоевский в диалоге культур», равно как и работа Т. Г. Бирюковой, трижды переизданная автором⁶⁰, вызывают большие сомнения в своей научной обоснованности. В обоих случаях мы имеем дело с попыткой воссоздания исторического облика флигеля 1830-х гг. по любительским, слабо атрибутированным фотографиям конца XIX – начала XX вв. Подобная «реконструкция» выглядит малоубедительно, поскольку игнорирует либо субъективно трактует результаты археологических раскопок⁶¹, не подкреплена архивными источниками⁶², глубоким изучением исторического контекста, а самое главное, полным натурным обследованием сохранившейся постройки.

Большие сомнения вызывает уверенность Т. Г. Бирюковой в том, что необходимо реконструировать господский дом как простую крестьянскую избу (наверное, так автор хочет воплотить идею бедного и аскетичного детства Достоевского, уже с юных лет близкого народу). Типология, как нам представляется, в данном случае должна быть верна традиции усадебного строительства: даже самый скромный флигель в стандартных чертежах первой трети XIX в., издаваемых в помощь мелкопоместным хозяевам, выглядел как жилище дворянина⁶³. Внутренняя планировка дома, которую призваны прояснить дальнейшие его исследования, реконструкция интерьеров будут неизбежно типологическими и должны, на наш взгляд, максимально достоверно отражать традиционный уклад усадебного быта, который начал формироваться ещё на исходе XVIII столетия: «Выкрашенные серой краской с четырьмя белыми крашеными или оштукатуренными колоннами, в окружении зелени кустов, с липовыми или березовыми аллеями, – вот типичный облик дворянского усадебного дома в русской провинции последней трети XVIII – начала XIX вв. Расположение комнат в таких домах, их убранство, набор и расстановка мебели было одинаковым

⁶⁰ Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. История. Судьбы. Портреты. М., 2009; она же: Даровое – усадьба Достоевских. Историческая реконструкция. Судьбы. Портреты. М., 2010; она же: Даровое – усадьба Достоевских. Проект реконструкции. М., 2012.

⁶¹ О результатах археологического исследования усадьбы см.: Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 146 – 156.

⁶² Это, в частности, документы, относящиеся ко времени пребывания в Даровом (1918 – 1929) М. А. Ивановой, его последней владелицы: Переписка с Главмузеем... С. 183 – 228. Сюда вошло «Описание истории усадьбы «Даровое» Ф. М. Достоевского», составленное заведующим Зарайским музеем И. П. Перловым в 1923 г. До конца не освоены материалы, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области (Даровое, Моногарово, Черемошны в XIX в. входили в Каширский уезд Тульской губернии), где можно обнаружить важные для проекта реконструкции сведения.

⁶³ См., напр.: Муханов П. А. Портфель для хозяев. М., 1834. И ранее небогатые помещики, не имевшие возможности пригласить зодчего, руководствовались подобными изданиями, в частности советами «Экономического магазина» Н. И. Новикова и А. Т. Болотова, книгой И. М. Лема «Опыт городским и сельским строениям, или Руководство к знанию, как располагать и строить всякого рода строения по неимению архитектора» (три издания 1785, 1802, 1821 гг.).

для всех владельцев. Сооружённые доморощенными архитекторами, такие постройки стали наиболее достижимым идеалом культурного быта небогатого помещика»⁶⁴.

Предложенная Т. Г. Бирюковой реконструкция внутренней планировки и жилого интерьера флигеля может рассматриваться только как гипотеза. Она продиктована желанием автора превратить флигель в копию московской служебной квартиры⁶⁵ и разместить в экспозиции найденные у местных жителей предметы мебели (принадлежность которых Достоевским, а не Ивановым автором не обоснована)⁶⁶. Однако воссоздать полноценную бытовую обстановку мемориального периода они не в состоянии.

Вряд ли имеет смысл восстанавливать полностью утраченные постройки, включая «мазанку», в порыве энтузиазма произведённую иными исследователями в сакральные объекты. За долгие годы «небытия» большинства строений пространство усадьбы и окрестностей сложилось так, что любое современное архитектурное вмешательство нанесёт ему серьёзный урон. «Новодел» с претензией на историческую достоверность в данном случае вступит в непримиримый конфликт с эстетической выразительностью места. В условиях интенсивной уплотняющей застройки Дарового возведение на ½ га всех хозяйственных построек приведёт к архитектурной перегруженности усадебного пространства и уничтожит природную ауру места, закроет выразительные точки обзора. Представить посетителям Дарового архитектурный облик усадьбы в полном объёме, причём не только на мемориальный период Достоевских (1831 – 1839), но в движении времени (предшественники – Хотяинцевы, наследники – Ивановы) возможно, прибегнув к современным технологиям музейной экспозиции, в частности, мультимедийной реконструкции. Утраченные хозяйственные постройки интересны в общекультурном плане; для понимания феномена Дарового в жизни и творчестве Достоевского ключевыми являются лес, храм и поле.

Реставрационные усилия, как нам представляется, должны быть направлены на восстановление наряду с господским домом планировки жилой части усадьбы. В первую очередь этого требуют липовые «курганы»: одна из мемориальных лип сторела по вине вандалов, другая – «руины» дерева. Нужна

⁶⁴ Быт и духовная жизнь дворянской усадьбы XVIII века // Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI – XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 266 – 288.

⁶⁵ Ссылаясь на одно из исторических свидетельств, Т. Г. Бирюкова уверена, что Достоевские, строясь в Даровом после пожара, повторили планировку и интерьеры квартиры на Божедомке, и при этом не учитывает, что копировали «некоторые помещики» собственное, а не казённое городское жильё, и в числе таковых были преимущественно состоятельные владельцы, которые могли позволить себе подобную прихоть, как, напр., князь В. М. Долгоруков, владелец Знаменского-Губайлова.

⁶⁶ См. заключение комиссии ГАХН: «Внутри [дома] сохраняются три вещи, бесспорно принадлежащие ко времени детства Достоевского; остальная мебель более позднего происхождения и приобретена семьёй Ивановых, в частности, последней владелицей имения М. А. Ивановой, проживающей в деревне Черемашне в полутора верстах от Дарового. Все эти вещи восьмидесятих и более поздних годов взяты в настоящее время на учёт губмузеем, хотя никакого отношения к памяти Достоевского не имеют» (Прохоров Г. С. От Дарового к Божедомке. Как «растаял» первый музей Достоевского. С. 115 – 130).

в данном случае реконструкция обоих «курганов»: как вспоминает А. М. Достоевский, это было любимое место чаепития семьи. Кроме того, исторически они могут оказаться элементами регулярной планировки жилой части усадьбы, произведённой прежними владельцами, помещиками Хотяинцевыми, что представляет историко-культурный интерес⁶⁷.

По границе межевого вала, который отделяет усадьбу от деревни, сохранились заросли караганы древовидной (жёлтой акации), типичной для усадебного садоводства XIX века. Восстановление живой изгороди необходимо не только с исторической точки зрения, но и по чисто эстетическим соображениям: современная дачная застройка таким образом будет скрыта зелёными кулисами.

Направление реконструкции усадьбы могут подсказать отражения Дарового в художественном творчестве Достоевского. Так, Аркадий Долгорукий в романе «Подросток», вспоминая детство в деревне, рисует узнаваемую картину: «Помню <...> около дома огромные деревья, липы кажется, потом иногда сильный свет солнца в отворённых окнах, палисадник с цветами, дорожку...» (13; 92). Семейная переписка свидетельствует о существовании в Даровом и традиционного хозяйственного сада. «Завтра буду варить варенья: клубники у нас так много и прекрупная; жаль, что ты свеженькой со мной вместе не покушаешь», – пишет М. Ф. Достоевская мужу из Дарового 29 июня 1832 г.⁶⁸

ХРАМ. МОНОГАРОВО

Не менее значимым в музейном комплексе является храм Сошествия Святого Духа в Моногарове. Достоевские были его прихожанами, здесь крещена младшая сестра Ф. М. Достоевского Александра, родившаяся в 1835 г. в Даровом, здесь же похоронен отец писателя, сюда устремлялись дети (Фёдор Михайлович в 1877 г., Андрей Михайлович в 1887 г.), чтобы поклониться родительскому праху. Сын настоятеля храма М. П. Проферансов был женат на Н. А. Ивановой, племяннице писателя.

В 1872 году, когда Достоевский с семьёй собирался снимать летнюю дачу, одним из возможных вариантов был дом помещика Костюрина в Моногарове. По этому поводу сохранилась переписка Фёдора Михайловича с сестрой Верой, которая выступала в роли посредника⁶⁹. Попутно заметим, что местный фольклор сохранил характерные топонимы Моногарова: улицы села

⁶⁷ Возраст сохранившихся деревьев, по определению дендрологов, 200 – 220 лет. Таким образом, можно предположить, что посажены они были в 80-е годы XVIII в. К этому времени относится и посадка дубов вдоль южной границы усадьбы.

⁶⁸ Цитируется по: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. Письма М. А. и М. Ф. Достоевских. С. 75.

⁶⁹ «...милый друг мой, не можешь ли ты одолжить меня ещё раз: как-нибудь так сказать Костюрину, <...> что ты ответа от меня ещё ждёшь <...> А знаешь, мне очень жаль, что мы будем не в Моногарове. Но я наверно приеду гостить» (29, 235). В ответном письме от 31 марта 1872 г. Вера Михайловна Иванова подробно описывает дачу Костюрина: «довольно маленький домик, крытый соломой, в котором шесть комнат, из коих зала в 7 аршин, а остальные ещё меньше, но, кажется, на вид довольно приятные. Сад около самого дома и большой луг вокруг дома, погреб будет к твоим услугам» (РО ИРЛИ. Ф. 100, № 29725. Копия письма предоставлена В.Н. Захаровым).

до сих пор носят названия своих прежних владельцев⁷⁰, в частности, сохранились название Хотянка, Костюрино, Поповка. В этом смысле Моногарово, несмотря на существенно изменившийся архитектурный облик, сохранило не только «номинативную» память о прошлом, но и историческую планировку: жилая застройка в основном ведётся по сложившимся некогда направлениям.

Архитектурная доминанта местности – храм Сошествия Святого Духа – представляет большой историко-культурный интерес: он соединяет в себе русское барокко и классицизм, поскольку четверик с трапезной были возведены в последней трети XVIII века, а колокольня – в 1822 году. Редкими для православного храма являются немногие сохранившиеся настенные росписи в технике «грисайль», которые в процессе реставрации необходимо тщательно исследовать: работа искусствоведа позволила бы реконструировать утраченные сюжеты. А. М. Достоевский, посетивший Даровое в 1887 г., отмечает: «Церковь всё в том же виде, как и прежде; она для села очень хороша и велика, и красива»⁷¹. Думается, что на Фёдора Михайловича архитектура храма, его интерьеры производили не меньшее впечатление. Взаимодействие европейской и русской культур были в творчестве писателя одной из важных тем – подсознательное впитывание этого удивительного синтеза происходило и в русском саду Дарового, о чём мы писали выше, и в усадебном храме Хотяинцевых.

Память о деревенском храме, неразрывно связанная с образом матери, сохранилась в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», в словах Аркадия Долгорукого: «Я всю эту деревню как во сне теперь вижу, <...> а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно» (13; 92). Этот явный духовный след сельского Свято-Духовского храма (образ матери, причастие, голубь), помимо биографических фактов, говорит о том особом месте, которое должно занять Моногарово в будущем музее-заповеднике.

Полномасштабная реставрация храма⁷² должна включать в себя реконструкцию ограды⁷³ и здания бывшей церковной школы. По нашим предположениям, она представляет собой единственную уцелевшую от усадьбы Хотяинцевых постройку (возведённую на фундаменте прежнего деревянного дома), о чём, в частности, свидетельствуют найденные при археологических

⁷⁰ См. об этом: Кондратова Т. И. Даровое: современные легенды и мифы. С. 134. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/kondratova_sovr.pdf. Здесь опубликована топонимическая карта Дарового и окрестностей, составление которой начал зарайский журналист и краевед В. И. Полянчев, а продолжили студенты филологического факультета МГОСГИ (бывш. КГПИ) под руководством доцента Т. И. Кондратовой во время фольклорно-этнографических экспедиций 2003 – 2004 гг.

⁷¹ Дневник А. М. Достоевского 1887 г. // РО ИРЛИ. Ф. 56. № 3. Л. 7 об.

⁷² Первый этап проектных, противоаварийных, ремонтно-реставрационных работ в Свято-Духовском храме проведён в 2008 – 2010 гг. в рамках ФЦП «Культура России 2006 – 2011», после чего работы остановлены на неопределённый срок.

⁷³ Её фундамент был обнаружен во время благоустроительных работ вокруг храма в 2006 – 2008 гг.

раскопках печные изразцы и монеты XVIII в.⁷⁴ Восстановление здания открывает большие возможности по расширению экспозиционных площадей музея-заповедника и организации разнообразных форм работы, о чём будет сказано ниже. Что касается интерьеров церковной школы, то здесь возможна реконструкция печи с расписными бело-синими изразцами. В данном случае это позволит частично воссоздать облик господского дома Хотяинцевых, довольно богатого для этих мест⁷⁵.

Расположенный рядом с алтарём старинный церковный погост, где, по видимому, хоронили только помещиков (Хотяинцевы, М. А. Достоевский, Костюрин, Логвиновы, Мельгунов), как историко-культурный объект XVIII – начала XX вв. нуждается в реконструкции. Особую мемориальную значимость он обретёт, когда здесь будет устроено семейное захоронение М. А. и М. Ф. Достоевских, а именно установлено точное место упокоения отца и наконец преданы земле останки матери писателя⁷⁶.

Начата музеефикация ныне действующего Моногаровского кладбища, существующего с XIX века. В августе 2011 г. был установлен памятник на могиле М. А. Ивановой, племянницы Ф. М. Достоевского. Моногаровский некрополь как исторический объект (встречаются захоронения середины XIX в.) уникален тем, что на нём нашли своё последнее пристанище и бывшие помещики, и их прежние крепостные. «Смирненное кладбище» должно стать частью мемориального комплекса.

Моногарово обладает территориальной целостностью с Даровым. Естественной границей между деревнями является Маменькин пруд. Ландшафт южной части Моногарова (от усадьбы до автомобильной дороги «Зарайск – Комово») привлекателен своим разнообразием: обширное поле с глубокой перспективой «на закат солнца» с одной стороны и запруда Уйны с берёзовым лесом Острогом с другой. Ещё большей выразительностью обладает холмисто-овражистая северная часть Моногарова. Храм стоит на высоком берегу речки Уйны. Его благоустройство даст замечательную рекреационную зону, которая может быть значительно расширена за счёт близлежащих окрестностей.

Ценным в историческом отношении и эстетически выразительными представляется нам участок местности между Моногаровым, оврагом Месенёвкой и рекой Кащейкой, замечательная панорама, которая открывается с дороги на Шистово, где жили помещики Логвиновы, соседи Достоевских-Ивановых. На правом берегу Уйны сохранился так называемый «поповский дом», в советские годы функционировавший как сельский клуб. В Моногарове, с нашей точки зрения, необходимо музеефицировать комплекс храм – церковная школа

⁷⁴ Сыроватко А. С. Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом // См. наст. изд.

⁷⁵ В пользу состоятельности П. П. Хотяинцева и его предков, давних владельцев Моногарова, свидетельствует факт строительства большого каменного храма, обширные владения, воспоминания А. М. Достоевского («Большой деревянный дом его находился возле самой церкви», указ. изд. С. 65) и обнаруженные при раскопках изразцы XVIII в. Печи с подобным набором изразцов есть, в частности, в Юсуповских палатах в Москве, в Троице-Сергиевой лавре.

⁷⁶ См. об этом: Проект «Память»: продолжение // <http://darovoe.ru/archives/1551#more-1551>.

– дом священника с прилегающим ландшафтом, прежде всего поймой Уйны.

В целом в пользу включения Моногарова в состав заповедника говорит не только его мемориальность (ландшафт и архитектура), но также историко-культурная и эстетическая значимость.

ЧЕРЕМОШНЯ

Третий объект заповедника – деревенька Черемошня в полутора километрах от Дарового. Достоевскими она была приобретена в 1833 г. Документальные источники (письма М. Ф. Достоевской, переписка Ивановых, межевые планы) говорят о наличии в Черемошне, помимо крестьянских дворов, птичника, скотного двора, фруктового сада, бани, колодца. Очевидно, была и скромная господская усадьба. Ежевечерние прогулки в Черемошню М. Ф. Достоевской с детьми, игры «в лошадок» с деревенскими ребятишками на черемошнинской дороге, субботние походы в баню – вот чем отмечены 1833 – 1836 гг. Позже в Черемошне подолгу жили племянницы Достоевского (Ольга, Наталья, Мария Ивановы). В 1920-х гг. в деревне была начальная школа, где учительствовала О. А. Иванова. Здание простояло до 2006 года.

Особый смысл Черемошни в том, что она вошла в последний роман Ф. М. Достоевского как знак сыновней вины: туда летом 1839 года отправился и не вернулся назад в Даровое отец писателя. Михаил Андреевич был найден мёртвым на дороге в Черемошню. Туда же посылает Фёдор Павлович Карамзов сына Ивана, который знает о готовящемся убийстве отца.

Главной проблемой современной Черемошни является неконтролируемая застройка, в результате которой нарушается историческая планировка деревни и искажается её облик. Включение Черемошни в заповедник позволило бы остановить этот процесс.

Что касается музейной деятельности в Черемошне, то одним из возможных вариантов представляется создание здесь музея одного произведения – романа «Братья Карамазовы».

МУЗЕЙ

Говоря о планах реконструкции и развития Дарового, мы неизбежно выходим на главный вопрос приспособления музея и его функционирования.

Даровое – музей-усадьба с мемориальной экспозицией в реконструированном доме и ландшафтом (памятниками природы) как главным музейным объектом. Для полноценной работы музея первоочередными нам представляются задачи реконструкции «флигеля» с прилегающей к нему территорией и открытие в нём постоянной экспозиции, обязательное возведение по всему периметру исторического усадебного комплекса оград⁷⁷, установка на усадьбе информационного стенда и указателей. Вопрос постоянной экспозиции тре-

⁷⁷ Проблема обозначения в природе и защиты усадебного ядра Дарового – одна из самых острых. Забор – это не только пространственно-визуальный ориентир для посетителей, но и необходимая форма ограничения для местного населения: проезд по территории усадьбы на личном транспорте к собственным дачным участкам стал нормой.

бует специального рассмотрения, поскольку он неразрывно связан с «первоначальным» комплектованием фондов, что в свою очередь должно опираться на концепцию музея-заповедника «Даровое». Отметим главное: идея «драгоценных воспоминаний детства» Достоевского даёт концептуальное направление экспозиции, в которой прежде всего необходимо создать «эффект присутствия» детей и родителей Достоевских через бытовые подробности. Они и придадут деревенскому дому Достоевских индивидуальных характер – книги Феде, карандаши и краски Миши, игрушки младших детей, хозяйственные книги и письменные принадлежности Марии Фёдоровны, докторский саквояж Михаила Андреевича...

Музеи, связанные с жизнью и творчеством писателей, традиционно включают в себя помимо мемориальной литературно-биографическую экспозицию. Наша выставка «Достоевский. Дорога детства» (2009, 2011), где через театрализацию пространства и ассоциативные инсталляции была раскрыта главная идея музея детства великого писателя, представляет собой пилотный проект литературно-биографической экспозиции. Однако даровское детство Достоевского имело свои «корни», есть у него и «продолжение». Даровое – это три эпохи: Хотяинцевы, благодаря которым появилось и формировалось «это маленькое и незамечательное место»; это время Достоевских – отец, мать, дети, а потом и семья сестры писателя, включая последнюю владелицу Дарового Марию Александровну Иванову. Весь XX век, с драматической жизнью бывшей усадьбы в советские годы, и современность – третья эпоха. Именно такой, в движении времени («Три эпохи Дарового») видится нам вторая часть экспозиции, которая должна разместиться на новых музейных площадях.

Моногарово – культурный и духовный центр при Свято-Духовском храме в реконструированной церковной школе, «Михайло-Мариинская обитель», расположенная рядом с родительскими могилами, Михаила и Марии Достоевских. Центр мог бы стать примером сотрудничества церкви и светской организации – как место сосредоточения приходской жизни и одновременно сохранения и популяризации нематериального наследия. Здесь может разместиться тематическая экспозиция «Я происходил из семейства русского и благочестивого», посвящённая духовно-нравственному воспитанию в семье Достоевских. «Музейное» направление работы центра предполагает изучение истории Свято-Духовского храма и судьбы храмостроителей – Хотяинцевых. Поскольку здание с момента своего возникновения (первая треть – середина XIX века) и до 70-х гг. XX века функционировало как школа (сначала церковная, а в советское время начальная), то представляется возможной реконструкция одного из помещений как классной комнаты и проведение в ней «исторических» уроков в рамках образовательной деятельности музея с участием светских и церковных преподавателей.

Черемошня – литературный музей романа «Братья Карамазовы». Подобный музей в настоящее время создаётся в Старой Руссе, где Ф. М. Достоевский работал над произведением, поэтому идеей концепции музея в Черемошне должна стать мысль писателя о спасительной силе детских воспоминаний. Именно «детские» страницы «Братьев Карамазовых» должны найти своё во-

площадь в литературной экспозиции.

Состав, структура и специфика музея-заповедника «Даровое» определяют направления музейной деятельности. Основу фондов музея сейчас могут составить: 1) коллекция археологических материалов, собранных в ходе исследования усадьбы и территории Свято-Духовского храма в 2005 – 2006, 2009 гг. (поступила в музей «Зарайский Кремль»); 2) предметы дворянского и крестьянского быта из дома М. А. Ивановой, обнаруженные Т. Г. Бирюковой у местных жителей⁷⁸ (хранятся в фондах «Зарайского Кремля»); 2) предметы крестьянского быта, собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций МГОСГИ; 3) библиотечный фонд (научный раздел – сборники материалов конференции «Летние чтения в Даровом», проспекты «Спасти храм Достоевских» и «Достоевский. Дорога детства», библиографический указатель «Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского», опубликованные архивные материалы по истории Дарового 1920-х годов; литературно-художественный раздел – собрание сочинений Ф. М. Достоевского и отдельные издания его произведений, комплектация данного раздела уже осуществляется благодаря частным дарам Некоммерческому партнёрству «Заповедное Даровое»; 4) собрание фото-, фоно-, видеоматериалов (фотокопии планов межевания Дарового, Моногарова и Черемошни XVIII – XIX вв. из фондов РГАДА и ГАТО, записи фольклорно-этнографической экспедиции МГОСГИ, фотофиксация работ по исследованию и благоустройству усадьбы, фильмы о Даровом, художественные фотоработы Ю. Л. Имханицкого, записи радиопередач, телесюжетов, посвящённых Даровому).

При разработке научной концепции комплектования музейного фонда, как нам представляется, надо сохранить и развить данные «направления», поскольку они складывались под влиянием важнейшей цели – изучения Дарового на мемориальный период и в широком историческом контексте, без чего невозможна полноценная музеефикация усадьбы как природо-культурного комплекса. Первостепенной задачей комплектования должно стать формирование вещевого фонда мемориальной экспозиции в усадебном доме. Это должны стать, как мы отмечали выше, не только предметы мебели и интерьера первой трети XIX в. Так, ядром библиотечного фонда могла бы стать коллекция детских книг Ф. М. Достоевского, которые он читал в Даровом (в частности, романы Вальтера Скотта, Даниэля Дэфо в изданиях того времени).

Научно-исследовательская работа. Архивные материалы находятся в начальной стадии освоения, необходим дальнейший поиск источников по истории усадьбы. Так, большой интерес представляет история Дарового, Моногарова и ближних деревень: ранняя, времени формирования (XVI – XVIII вв.), мемориального периода XIX в. (соседи Достоевских и Ивановых и жизнь русской провинциальной усадьбы), драматического XX века, когда создавался колхоз им. Достоевского, предпринимались попытки сохранения усадьбы. В рамках научной деятельности музея необходимо продолжать традиционную конференцию «Летние чтения в Даровом». Опыт показывает,

что результаты её весьма плодотворны: здесь обсуждается не только проблематика творчества Ф. М. Достоевского в широком контексте, но также вопросы изучения Дарового и его места в жизни и творчестве писателя, т. е. начинает складываться «наука о Даровом».

Природоохранная деятельность музея представляется важнейшей: она призвана сохранить в целостности ландшафт Дарового, Моногарова, Черемошни, памятники природы, каковыми являются Липовая и Фебина роща, фруктовый сад, Маменькин пруд, Лоск. О первоочередных и перспективных мероприятиях мы подробно говорили выше.

Культурно-просветительская деятельность музея – это экскурсии, программы-реконструкции усадебного быта, концерты «Музыка в семье Достоевских» (большим любителем музыки был сам Ф. М. Достоевский, унаследовавший эту черту от отца и матери, замечательная пианистка – последняя хозяйка Дарового М. А. Иванова). Богатый материал по народной культуре дали многолетние фольклорно-этнографические экспедиции МГОСГИ, что, в частности, может стать основой для реконструкции свадебного обряда, традиционного песенного репертуара⁷⁹.

По нашим наблюдениям, основной «целевой аудиторией» Дарового являются не организованные экскурсии, а индивидуальные посетители, особенно в летнее время. Специфика местности, характер её воздействия на будущего писателя, как нам представляется, могут быть максимально сохранены, если станут определяющими в работе с посетителями. Обаяние Дарового раскрывается при неспешном личном общении с ним: только в этом случае можно постичь тот смысл, который вкладывал Достоевский в свои знаменитые слова о «маленьком и незамечательном месте», оставившем «самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь». Вот почему услуга аудиогuida, мультимедийный киоск, индивидуальные (в частности, семейные) программы посещения музея-заповедника должны стать основными формами работы с посетителями.

При экскурсионном обслуживании музей должен найти баланс между экономической выгодой и идеей сохранения и трансляции феномена Дарового. Здесь необходимо очень жёстко регулировать экскурсионные потоки, стремясь тем самым к ограничению рекреационной нагрузки на территорию музея-заповедника. Опыт показывает, что оптимальными могут быть группы в 10 человек. Если же говорить о посещении усадебного дома, максимальная

⁷⁹ О знакомстве Ф. М. Достоевского с народными песнями в Даровом говорит следующая подробность в письме М. А. Достоевского жене 9 июля 1833 г.: «Жаль, друг мой, что я у тебя погостил не так, как мне хотелось, <...> даже не обласкал твоих певиц, кланяйся им от меня и поблагодари их». А. М. Достоевский делает такое примечание: «Деревенские девушки и бабы, которые по праздникам певали у нас в деревенском доме (наверху), как говорили они» (Достоевский. А. М. Указ. изд. С. 81).

Побывавший в Даровом летом 1850 г. М. М. Достоевский, старший брат писателя, пишет жене: «Сено косили и убирали при мне, нынче стали жать и косить рожь. Все работы весёлые – бабы (молодые все прехорошенькие) поют без умолку песни» (цитируется по электронному научн. изд. «Достоевский» ПетрГУ, раздел «Письма М. М. Достоевского» <http://smalt.karelia.ru/~filolog/mdost/texts/letters/letters.htm>).

⁷⁸ Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. М., 2009. С. 49

площадь которого после реконструкции будет не более 100 м², а внутреннее пространство значительно уменьшится за счёт экспозиции, то оно должно носить индивидуальный, а не коллективный характер. При обслуживании организованных групп в 40 человек (стандартная автобусная экскурсия) целесообразным было бы деление их на небольшие группы, использование вариативных экскурсионных маршрутов по заповеднику.

Намечены направления информационно-издательской деятельности музея: сборники материалов научной конференции «Летние чтения в Даровом», проспекты, посвящённые Свято-Духовскому храму и выставке «Достоевский. Дорога детства», настенный календарь⁸⁰. В перспективе основным научным изданием музея может стать сборник «Даровое. Материалы и исследования». Незаполненной пока остаётся ниша информационных изданий (план-схема усадьбы и окрестностей Дарового с пояснениями), сувенирной полиграфии. У музея должен быть свой сайт, в основу которого может быть положена структура и содержание существующего сайта НП «Заповедное Даровое».

Даровому необходим отдел *музейной педагогики*: работа с детско-юношеской и молодёжной аудиторией является, пожалуй, самой органичной и перспективной для музея-заповедника формой деятельности: музей детства должен быть ориентирован прежде всего на детей. Игровые и образовательные программы для разных возрастных групп, программы семейного посещения Дарового, музейные уроки и летние школы с целью активной интеграции музея и школы, развитие молодёжного волонтерского движения в помощь музею – вот неполный перечень направлений музейной педагогики в Даровом. Её основой станут музеефицированные нематериальные формы культуры: детские игры в крестьянской и дворянской среде первой трети XIX в. и любимые развлечения братьев Достоевских в Даровом, традиции семейного чтения и эпистолярная культура в семье Достоевских, ведение мелкопоместного хозяйства матерью писателя и профессиональные врачебные навыки отца, скорее всего, не утратившего их и в собственном имении.

Сувенирный киоск на первом этапе и *музейный магазин* в перспективе дадут устойчивый источник дохода для музея при условии разработки собственной оригинальной сувенирной продукции⁸¹. Так, в 2009 г. в рамках культурной программы традиционных «Летних чтений в Даровом» НП «Город-Музей» презентовало в усадьбе пилотный проект «Чаепитие в саду», в рамках которого были представлены два сорта пастилы ручной работы – «Любимая пастила Достоевского» (красная и белая палочками) в оригинальной упаковке. Ещё одним локальным брендом стал музейный сувенир «Запахи детства»:

⁸⁰ Викторovich В. А. Спасти храм Достоевских. М., 2006; 500 лет роду Достоевских: календарь / текст В. А. Викторovichа. Луховицы, 2006; Летние чтения в Даровом. Материалы международной научной конференции 27 – 29 августа 2006 г. Коломна: КГПИ, 2006; Ф. М. Достоевский в диалоге культур: материалы международной конференции 25 – 29 августа 2009 г. Коломна, 2009; Бессонова А. С. Достоевский. Дорога детства. Коломна, 2011.

⁸¹ Тенденции последнего времени предлагают большие возможности для развития музея в данном направлении. См., в частности, издание Ассоциации менеджеров культуры в рамках проекта «Новый музейный сувенир»: Вход и выход только через сувенирную лавку. Как сделать музейный магазин. М., 2012.

холщовые мешочки, наполненные сеном из усадебного сада. Нестандартные музейные сувениры пользуются успехом, что показала не только презентация проекта в 2009 г., но и фестиваль «Антоновские яблоки» (Коломна, 2012), участником которого было НП «Заповедное Даровое», представлявшее усадьбу Достоевских⁸². Даровое как историко-культурный феномен способно стать неисчерпаемым источником для развития музейного маркетинга и популяризации как самого места, так и личности и творчества Ф. М. Достоевского через создание и продвижение серии оригинальных сувениров.

В связи с перспективным развитием музея-заповедника остро стоит вопрос *площадей и туристической инфраструктуры*. Возведение одноэтажного комплекса с выставочным залом, административными помещениями, фондохранилищем, конференц-залом, гостиничными номерами, кафе, музейным магазином позволило бы музею-заповеднику полноценно функционировать и быть, что немаловажно, «автономным» в вопросе обслуживания посетителей, проведения научных и культурных мероприятий. Привлекательной в этом смысле является заброшенная территория бывшей совхозной фермы в Моногарове, значительная по площади и весьма выгодная по местоположению (её южная граница выходит непосредственно на автомобильную дорогу Зарайск – Журавна и обращена к усадьбе, а северная – к историческому оврагу Месенёвке с живописным прудом). Однако в данном случае экономические интересы приходят в противоречие с задачей сохранения объекта культурного наследия: согласно проекту зон охраны усадьбы «Даровое» территория бывшей МТФ входит в зону охраняемого культурного ландшафта и режим использования земель запрещает любое строительство, а градостроительный регламент рекомендует снос зданий фермы с последующей рекультивацией земель⁸³. Решить данный вопрос необходимо с соблюдением законодательства в сфере сохранения культурного наследия, учитывая также, что музейный комплекс должен располагаться на доступном расстоянии от Дарового, Моногарова и Черемошни. Так, картографические данные середины XIX в. указывают на то, что у Венёвского тракта в районе исторического поворота на Даровое и Черемошню находился постоялый двор. Его реконструкция – одно из возможных, на наш взгляд, решений вопроса музейных площадей и туристической инфраструктуры музея-заповедника.

Первоначальный вариант организации музейных экспозиционных и служебных помещений возможен за счёт реконструкции и приспособления здания бывшего магазина на территории Моногарова. В пользование музеем для последующего строительства музейных объектов может быть приобретена

⁸² См.: <http://darovoe.ru/archives/1799>

⁸³ К сожалению, при разработке проектов зон охраны объектов культурного наследия у нас не работает принцип информативности (с самого начала такой работы о ней должны знать районные и муниципальные власти, землепользователи, пресса, широкая общественность; см. об этом: Завьялова Н. И. Усадебный ландшафт. Комплексные методы сохранения // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 10 [26]. М., 2004. С. 77 – 100). Это позволило бы в дальнейшем избежать разного рода конфликтных ситуаций и в то же время учесть перспективы развития территории.

и земля в зоне жилой застройки Дарового в непосредственной близости от усадьбы (напр., дом № 6). Музей-заповедник с развитой инфраструктурой способен сделать Зарайский район туристически привлекательным.

На первом этапе должны быть решены и такие безотлагательные вопросы, как подключение музейного здания к электросети, обеспечение комплексной охраны (система пожарной безопасности, сигнализация, видеонаблюдение).

Штаты музея-заповедника. В силу «многоотраслевого» характера музей нуждается в структурах, которые будут курировать все направления его деятельности: фондовую, научно-исследовательскую, природоохранную, экспозиционную, культурно-просветительскую, образовательную, информационно-издательскую. На первом этапе может быть сформирован минимальный штат музея: директор, главный бухгалтер, заместитель директора по научной работе, заведующий фондами, экскурсоводы и музейные педагоги, специалист по содержанию и благоустройству рожи и сада, рабочие, смотрители, охрана. Создание музея-заповедника может способствовать решению проблемы занятости населения Зарайска, расположенного от Дарового в 11 км.

Необходимо развитие партнёрских отношений музея в самых разных сферах: с местной властью, учреждениями культуры и образования, бизнес-сообществом. Как показывает опыт последних 10 лет, подобные связи могут быть весьма плодотворными: организация комплексных экспедиций в Даровом, международных конференций и выставочных проектов стала возможна при консолидации усилий многих организаций-партнёров.

* * *

Даровое стало даром судьбы для будущего великого писателя. Даровое – это, в свою очередь, дар Достоевского нам, нынешним поколениям. Когда-то в романе «Подросток» он сетовал на отсутствие в современном обществе «скрепляющей идеи», без которой Россия похожа на постоялый двор. Совместная работа по сбережению Дарового, соприкосновение с этими удивительными местами, а через них и с самим Достоевским, – это и есть тот путь, который поможет преодолеть нам комплекс постояльцев в своём отечестве.

ХРАНИТЕЛИ

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИВАНОВА. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОРТРЕТ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОПРАВЕ

Статья посвящена проблемам музеефикации Дарового в 1920-х годах. Мы восстанавливаем некоторые элементы поздней биографии М. А. Ивановой, последней владелицы Дарового, а также реконструируем локальную социально-политическую атмосферу, предопределившую провал в создании музея на территории единственной в России родовой усадьбы Достоевских. В приложении – републикация письма М. А. Ивановой с комментариями.

Ключевые слова: Даровое 1920-х годов, М. А. Иванова, раннесоветский литературно-мемориальный музей, музей в Даровом.

Мария Александровна Иванова (1848 – 1929) – племянница Ф. М. Достоевского через его сестру Веру Михайловну Достоевскую (в замужестве – Иванову), последняя владелица родовой усадьбы Достоевских в селе Даровом. Именно с ней связана первая попытка музеефикации Дарового, предпринятая в 1920-х гг. Именно с ней встречались все визитёры, посещавшие в те годы Даровое, и прежде всего – очеркист «Известий ВЦИК» А. Дроздов, очеркист «Красной Нови» Д. Стонов, заведующий Зарайским краевым музеем И. П. Перлов, московский антрополог и достоевед М. В. Волоцкой, а также В. С. Нечаева, основатель московского музея им. Ф. М. Достоевского. Именно с М. А. Ивановой они разговаривали и с её уст собирали информацию по топографии и истории усадьбы, деревень Даровое и Черемошняя, наконец, об обстоятельствах смерти М. А. Достоевского.

Не случайно в 1979 г., болезненно восприняв появление в советской печати статей Г. А. Федорова, изложившего ненасильственную версию смерти М. А. Достоевского, В. С. Нечаева апеллировала в том числе к мнению давно умершей Марии Александровны: «То же впечатление <о бесспорности версии об убийстве в семье Достоевских> я вынесла из разговоров с дочерьми В. М. Ивановой-Достоевской – Марией и Ольгой, которые выросли в Даровом и до старости жили в нём»¹.

Среди бумаг В. С. Нечаевой сохранилась многолетняя (1925 – 1929 гг.) переписка с сестрами М. А. и О. А. Ивановыми, которая, впрочем, не содержит ни единого слова о причинах смерти деда². Невозможно с абсолютной

¹ Нечаева В.С. Ранний Достоевский: 1821 – 1849. М., 1979. С. 93.

² Дед, М. А. Достоевский, между тем, в этой переписке один раз упомянут, правда, в совершенно невинном контексте: «У меня уже отобрано несколько писем для посылки <О. А. Иванова готовила семейный архив к передаче В. С. Нечаевой и М. В. Волоцкому для их исследовательских нужд>. Перечитыванье писем очень интересно, вспоминается вся старина, но на это уходит очень много времени. Одно из писем матери <В. М. Достоевской (Ивановой)>, в котором она говорит о смерти наших Шистовских соседок Марии Ивановны и Александры Дмитриевны, есть её самое последнее письмо, т<так> к<ак> её самое хоронили в день шестинедельного помина тех двух. Алекс<сандра> Дм<итриевна> <Логвинова> это та, на которой хотел жениться наш дедушка<,> Мих<аил> Андр<еевич>» (ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 4).

степенью уверенности исключить какие-то устные разговоры В. С. Нечаевой на эту тему с сёстрами Ивановыми. Впрочем, знакомство исследователя с ними было более чем поверхностным³. Однако в приведённой выше апелляции наиболее интересно иное. В. С. Нечаева подчёркивает их «местный», даровской статус – «которые выросли в Даровом и до старости жили в нём». Эта характеристика содержит в себе замечательный казус, сыгравший в последние годы жизни М. А. Ивановой и в истории музеефикации усадьбы роковую роль. Вопреки ощущению В. С. Нечаевой (да и иных визитёров), ни Мария, ни даже Ольга «даровскими» не были: в действительности, они не росли в Даровом и не жили там до прихода старости.

Мария Александровна, равно как и все её братья и сёстры, родилась в Москве. До смерти в 1868 г. её отца А. П. Иванова (врача и преподавателя Константиновского межевого института) основной летней резиденцией семейства было подмосковное село Люблино (ныне – район Москвы), а не сравнительно удалённое Даровое, расположенное в тогдашней Тульской губернии.

В 1866 г. М. А. Иванова поступила в Московскую консерваторию⁴, в которой проучилась 5 лет, а значит, всё это время она опять-таки была связана с Москвой, а не с Даровым. По окончании консерватории она была принята на службу преподавателем музыки в московскую классическую женскую гимназию С. Н. Фишер, где проработала до 1918 г. 20 лет она трудилась бок о бок с русским филологом, гоголеведом В. И. Шенроком, младшим сыном И. Х. Шенрока, того самого врача, который первым оказался у тела её деда М. А. Достоевского. Этот момент просто примечателен: вряд ли И. Х. Шенрок помнил о том визите, вряд ли связывал М. А. Достоевского с Ф. М. Достоевским, вряд ли рассказывал о том неудачном визите своим детям. Ни В. И. Шенрок, ни М. А. Иванова, регулярно общаясь, скорее всего, не знали, что их ближайшие родственники были когда-то объединены трагической ситуацией.

В любом случае, с 1873 г. М. А. Иванова – учительница музыки не просто образцового, но уникального в Москве 1870-х гг. учебного заведения, к возникновению которого приложили руку М. Н. Катков и П. Н. Леонтьев. Только здесь девушка могла пройти не «женский» образовательный курс, но приобрести объём знаний, идентичный дававшемуся в мужских гимназиях, получив затем право преподавания дисциплин общеобразовательного профиля в прогимназиях, женских и даже в мужских гимназиях. В первый

³ С М. А. Ивановой В. С. Нечаева встречалась лишь единожды – летом 1925 г. во время 2-дневной поездки в Даровое. С О. А. Ивановой личных встреч было две или три: нельзя до конца исключить встречу 1927 г., когда О. А. Иванова проездом из Крыма в Даровое была в Москве (см. ОР РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 8, 12). Была встреча (в 1927–29 гг.), во время которой О. А. Иванова передала В. С. Нечаевой наволочку с семейным эпистолярием. Наконец, имела место встреча во время 2-й поездки В. С. Нечаевой в Даровое 1 – 2 июня 1929 г., когда было принято решение о передаче родового дома не О. А. Ивановой, а даровскому колхозу им. Ф. М. Достоевского (см.: Прохоров Г. С. «Говорили, будто сын барина, Федор Михайлович, большим человеком стал. Не может, гражданин, быть, чтоб у эдакого отца такой сын был»: К вопросу об идеологической аранжировке в текстах о Даровом 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Коломна, 2010. № 2(10). С. 152 – 156).

⁴ Нечаева В. С. Поездка в Даровое // Новый мир. 1926. № 3. С. 138, 143.

набор преподавателей гимназии Фишер вошла и недавняя выпускница Московской консерватории М. А. Иванова, связавшая с гимназией всю свою трудовую деятельность и покинувшая это учебное заведение лишь зимой 1918 г., когда после смерти С. Н. Фишер гимназия была расформирована новыми большевистскими властями как буржуазный пережиток, которому не может быть места в светлом пролетарском будущем.

На протяжении почти всей своей жизни М. А. Иванова была москвичкой. Согласно сборникам «Вся Москва» начала XX века, она проживала в самом центре, рядом с Храмом Христа Спасителя, в Бутиковском переулке в доме Алексеевского. В свою родовую усадьбу она, конечно же, приезжала, но дачницей: к матери, которая после смерти мужа, А. П. Иванова, по примеру своего отца М. А. Достоевского, бросила Москву и переехала в Даровое⁵, где прожила оставшуюся жизнь, умерла в 1896 году и была похоронена на ныне заброшенном Нечаевском (иначе – Славянском) погосте.

Лишь последние 11 лет жизни (с зимы 1918 по лето 1929 г.)⁶ М. А. Иванова вынужденно⁷ провела в «родовом гнезде», о котором сравнительно мало знала⁸ и с которым почти не была связана на протяжении большей части своей жизни.

По иронии судьбы именно на 1920-е годы в связи со 100-летием Ф. М. Достоевского пришёлся всплеск общественного интереса к творчеству и биографии писателя. Этот интерес, подогретый вышедшими из печати воспоминаниями дочери Л. Ф. Достоевской и внедряемым в русскую науку социологическим классовым подходом, особым образом затронул поместье в Даровом, представшее вдруг не «маленьким и незамечательным местом», но местом убийства крестьянами жестокого помещика. Началось паломничество и в «родовое гнездо» великого «писателя-каторжанина», и – одновременно – на памятное место революционной борьбы.

⁵ См.: <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому // А.П., Ф.Д. и В.В.: Сб. научн. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 198.

⁶ Да и те не полностью, поскольку на зиму, а иногда и до поздней весны, как в 1925 г., М. А. Иванова перебиралась из Дарового в соседнюю деревню Черемошню, где жила и учительствовала в местной сельской школе её сестра Ольга Александровна (см.: Стоннов Д. Сельцо Даровое: очерк // Красная нива. 1926. № 16. С. 19; <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 224 – 225).

⁷ Переезд 1918 г. был именно вынужденным. После ликвидации гимназии 66-летняя М. А. Иванова осталась без средств к существованию, что было особенно критично в её уязвимой ситуации – неблагонадёжное, дворянское происхождение, «барское» музыкальное образование и профессия, работа в течение всей трудовой деятельности в единственном месте, наконец, попросту старость. В условиях голодающей столицы отъезд в глухую провинциальную деревушку был в какой-то мере спасением. Подобно М. А. Ивановой, в послереволюционные годы в Даровое вернулись другие её сестры, Наталья Александровна, Юлия Александровна и Ольга Александровна.

⁸ «Описание истории усадьбы “Даровое” Ф. М. Достоевского», составленное по поручению Музейного отдела Наркомпроса в 1923 г. заведующим Зарайским краевым музеем И. Перловым, пестрит неточностями и ошибками (см.: <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским Уисполкомом... С. 195 – 203). Ср., возможно, излишне категоричную характеристику, данную Л. П. Гроссманом: «Нынешние обитатели Дарового, недостаточно осведомлённые в подробностях биографии Достоевского, доверяются всевозможным преданиям и затемняют легендарными слухами и ошибочными догадками точные данные жизненной летописи писателя» (Гроссман Л. П. Новое о Достоевском // Красная нива. 1925. № 9. С. 209). Интересно – и в этой формулировке Ивановы предстают «даровскими»: «нынешние обитатели Дарового...».

Приехав в Даровое, путешественники встречали в мемориальном доме «хранительницу», Марию Александровну Иванову, которой таким причудливым образом довелось стать «лицом» Дарового Достоевских. Общаясь с ней, путешественники (да и профессиональные достоеведы 1920-х гг.) совершенно не принимали во внимание, что говорят с москвичкой, контакт которой с усадьбой был весьма недолгим и поверхностным:

«Домик, построенный Михаилом Андреевичем, с внешней стороны глядит весело. Маленький, окрашенный в тёмно-синюю краску, видны занавески на окнах. Железная крыша. Глухо лает собака, гремит цепью. Так и кажется – вот выйдет жилища, улыбнётся вам старческой улыбкой, в кухне замурлычет самовар, в старинных печках весело будут потрескивать дрова»⁹.

«Вас встречает Мария Александровна. Она больна ногами, ходит с палкою, на седых волосах её наколка, и от складок старомодного платья её пахнет уходящим временем, уходящими людьми, уходящим бытом. Вся жизнь её – здесь, среди этих чистенько прибранных комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. <...>. Сложив на столе жёлтые, со вспухшими венами, руки, она говорит о том, что домик приходит в ветхость...»¹⁰

«Низкие, тесные комнатки с небольшими окошками, выходящими с одной стороны в сад, с другой – на проезжую дорогу, вероятно, помнят 10–15-летнего Достоевского, со всей семьёй приезжавшего в деревню на летние месяцы. <...>. В этих тесных, уютных комнатках с изразцовыми печами вспоминается идиллический рассказ Вареньки о её детстве»¹¹.

Ветхость построек, старость М. А. Ивановой, уход в прошлое русской дворянской (а значит, и усадебной) культуры до того сливались воедино в весьма целостный и эмоционально убедительный образ, что никто из собеседников 1920-х гг.¹² так и не прочувствовал крайне важный факт: перед ними –

не даровская жительница (пусть и бывшая помещица), а москвичка, когда-то наезжавшая в Даровое на дачу, а ныне спасающаяся там же от свирепствующего в столице голода и развязанного новыми властями «красного террора». Обратно, визитёры упорно видели в Марии Александровне то, что хотели видеть, – живой опыт «старинности», уходящего поместного дворянства. А потому они прошли мимо реального Дарового 1920-х гг., мимо реального положения сестёр Ивановых в даровском обществе, мимо главной местной дилеммы тех лет: Мария Александровна Иванова – престарелая школьная учительница или недобитая помещица и гидра контрреволюции? При всей своей жёсткости и даже жестокости формулировки в контексте местных даровских реалий тех лет вопрос стоял именно так.

В конце зимы 1918 г. в довольно маленькой и небогатой деревне появилась М. А. Иванова, бывшая помещица, прожившая всю жизнь в Москве и фактически с Даровым не связанная. О московской её жизни забывали визитёры 1920-х гг., но крестьяне Дарового об этом помнили¹³. Соответственно, они увидели политически весьма сомнительную вещь: после рабоче-крестьянской революции в Даровое вернулась помещица, чтобы свободно жить в принадлежавшей ей до революции усадьбе. Частная собственность на землю, строения и средства производства была отменена ещё Декретом о земле в 1917 г., а в январе 1918 г. уже прозвучал из уст В. И. Ленина судьбоносный лозунг «грабь награбленное». М. А. Иванова пыталась спрятаться от революции в «тихой гавани» родовой усадьбы, при том что согласно новому законодательству у неё уже не было никаких прав на таковую. Вселение в родовой дом, с точки зрения новых законов, было не чем иным, как самозахватом. Её возвращение ряд крестьян расценили именно подобным образом. Вселение удалось изначально лишь благодаря поддержке с самого «верха», из Совета народных комиссаров РСФСР: «В 1919 году, когда крестьяне д. Даровое угрожали срубом старинного парка и изъятием у Ивановой её рояля, последняя обращалась в Зарайский Уездный музей (в 9 верстах), который сносился по вопросу охраны имения с Наркомом Луначарским. В результате сего Ивановой был прислан охранный документ из Наркомвнудела, который в значительной степени и сохранил как усадьбу, так и имущество Ивановой от случайных реквизиций, изъятий и хищнических инстинктов несознательных крестьян»¹⁴.

¹³ Крестьяне были неплохо осведомлены о личной жизни Ивановых, особенно по части компрометирующей информации. Показателен такой факт. В августе 1924 г. они отправляют в Мосгубмузей московского Губполитпросвета один из наиболее разнуданных доносов на «хранительницу-помещицу». Один из его главных пассажей – «...раньше она и понятия не имела о историческом значении имения Ф. М. Достоевского, а больше всего скорбела о потерянном генеральском чине и дворянстве» (<Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 216). А. П. Иванова принято считать статским советником, то есть чиновником V класса, что не соответствует чину генерала. Тем не менее точны именно авторы доноса (и применительно к этому случаю наш комментарий в приведённой выше публикации неточен). Адресные книги «Вся Москва» указывают на М. А. Иванову как на «дочь действительного с<татского> с<оветника>». В 1860-х гг. А. П. Иванов успел продвигаться на одну ступень и стать чиновником генеральского IV класса. В отличие от множества исследователей разных времен, актив «красных» крестьян знал об этом «порочащем» факте.

¹⁴ <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 201.

⁹ Стонов Д. Сельцо Даровое. С. 19.

¹⁰ Дроздов А. Усадьба Достоевского // Известия ЦИК. М., 1924. 4 ноября. Ср. в более поздние годы подпись под фотографией усадебного дома 1920-х годов («Dostoevsky's <N.B. – Г. П.> country cottage in Darovoe») в одной из наиболее авторитетных англоязычных биографий Ф. М. Достоевского: Frank J. Dostoevsky. The Seeds of Revolt: 1821 – 1849. Princeton, New Jersey. 1976. P. 29.

¹¹ Нечаева В. С. Поездка в Даровое // Новый мир. М., 1926. № 3. С. 130.

¹² Даже В. С. Нечаева, удостоенная в 1925 г. Марией Александровной крайне доброжелательного и почти что светского приема («...в её крохотном домике в Даровом много места занимал старинный прямострунный рояль, и она по моей просьбе сыграла мне что-то из пьес Мендельсона. <...> она охотно и живо беседовала, читала на память стихи и смеялась вперемишу с жалобами на тяжёлые условия, в которых ей приходилось существовать»; Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 292), не обратила внимания на усиленно создаваемый М. А. Ивановой отнюдь не провинциальный образ. Наоборот, «хозяйка» усадьбы увидена и В. С. Нечаевой как классическая представительница Дарового: «Вскоре после начала моего знакомства и общения с ленинградскими родственниками Достоевского состоялась и моя встреча с его подмосковными потомками. Постоянно размышляя в связи с устройством будущего музея о детских годах писателя, я не могла не обращаться мыслями к жизни его семьи в летние месяцы 1831 – 1836 гг. в с. Даровом Каширского уезда. <...>. М. В. Волоцкой знал, что там проживают племянницы писателя, дочери его любимой сестры Веры Михайловны Ивановой, да и Екатерина Михайловна и Андрей Андреевич Достоевские, хотя и не близко их знали, но говорили мне о них. <...>. 8 июля 1925 г. мы пустились в это путешествие поездом в Зарайск...» (Там же. С.291).

В раннем послереволюционном периоде «наверху» была довольно пёстрая команда: сочувствовавшие большевикам дворяне ещё могли работать и даже занимать высокие посты в государственной иерархии. На местах (в уездных центрах центральной России) власть вообще на некоторое время оказалась в руках дореволюционной интеллигенции, сформированной из дворянства, духовенства и образованной городской прослойки. Не был исключением и Зарайск, старинный (с 1147 г.) и в XIX в. довольно богатый промышленно-купеческий город. В русской провинции эпохи первоначального становления советской власти единственный факт «неправильного» происхождения ещё не был всё позорным пятном, чем-то неуклонно ведущим к расправе. Даже в 1927 г. в соседней с Даровым деревне Шистово «живёт Машина ровесница и подруга, и недавно ей предоставлен дом в её пожизненное полное владение. А раньше он принадлежал (был передан) её двум прислугам, таким же старым, как и она»¹⁵. К подобному «клубу сочувствующих» рабоче-крестьянскому делу дворян вполне можно было бы причислить и М. А. Иванову.

Советская власть борется с эксплуататорами? – однако Мария Александровна никогда не занималась помещьем, не извлекала из него дохода, она, «...40 лет работавшая на педагогическом поприще, и две её сестры являются трудовым элементом, к классу эксплуататоров не принадлежат»¹⁶.

Советская власть борется с неравноправием? – в этом случае Мария Александровна просто образец солидарности с низшими классами: «Иванова живёт одна с компаньонкой, жившей с ней около 27 лет. У них имеется на половинных началах одна лошадь и одна корова»¹⁷.

М. А. Иванова совершила самозахват своего бывшего поместья? – возможно, её действия, действительно, не были санкционированы местными властями, однако «на руках у Ивановой имеется охранный грамота на усадьбу от Наркомвнудела и телеграммы А. В. Луначарского»¹⁸. Вселение в бывшую родовую усадьбу легализовано высшей государственной властью.

У Марии Александровны были неплохие козыри, чтобы более-менее благополучно приноровиться к новым реалиям. Она была защищена высшими властями, местной уездной интеллигенцией и неплохо прикрыта именем своего дяди Ф. М. Достоевского. Более того, М. А. Иванова выходила скромной труженицей, незаслуженно пострадавшей от революционного переворота. Будучи педагогом с 45-летним стажем, в соответствии с декретом «Об установлении усиленных пенсий для престарелых и инвалидов педагогов» от 20 января 1921 г. она имела законное право на двойную пенсию, но не получала и обычной: «Пенсии Иванова не получает никакой и не имеет возможности хлопотать об этом ввиду преклонного возраста, слабости сил и отдалённости от Каширы, которая отстоит от Дарового в 42 верстах»¹⁹.

Противовесом всему приведённому было только одно «но», правда, это «но» – сама М. А. Иванова, которая, по-видимому, крайне критически относилась к происходящему в стране после революции 1917 г. и не была готова играть в «красную помещицу» даже ради собственного спасения и благополучия.

В уже сравнительно «вегетарианские» 1970-е гг. В. С. Нечаева делает попытку написать воспоминания о своей научной молодости, «Записки советского литературоведа». Судя по обилию черновых заметок, не сведённых к какому-то общему тексту, воспоминания писались преимущественно «в стол». Они так и остались неопубликованными, за исключением статьи «Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского», вышедшей с купюрами в 1985 г. В этой статье В. С. Нечаева решилась прописать такой момент из визита в Даровое 1925 г.: «С каким-то старческим озорством она, сидя за роялем, вдруг начала наигрывать царский гимн (“Боже царя храни”) и, смеясь, спросила нас <В. С. Нечаеву и М. В. Волоцкого>, как нам нравится “этот мотивчик”? Это была вовсе не провокация, а именно какая-то озорная шутка»²⁰. В своей интерпретации В. С. Нечаева, кажется, ошиблась, ибо очень хотела ошибиться – это была именно провокация²¹, причём довольно откровенная; потому-то этот момент так врезался в память Веры Степановны, что всплыл через 50 лет в мемуарах. Столь же последовательно Мария Александровна разрушала «правильный» образ, которой ей всячески помогали сконструировать представители «старой интеллигенции».

Вопреки находке И. П. Перлова представить Марину Сергеевну Макарову²² не как наёмную работницу, а как равноправного члена хозяйства, М. А. Иванова называла вещи исключительно своими именами: «жить на 30 р. невозможно. Ни сада, ни земли, ничего <нет?>. Из этих денег я плачу прислуге, летом на дрова (½ сажень на кухню) 10 р., а зимой придется сажень 20 р. Сейчас у меня остается 12 р. на нас двух: прислуга и я, а 6 р. на душу немислимо»²³; «...до сих пор от музея нет никакого распоряжения насчёт дров, и моей прислуге

²⁰ Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский : Материалы и исследования. Л., 1985. С. 292.

²¹ Перед нами случай того, что М. М. Бахтин обнаружил в творчестве Ф. М. Достоевского и назвал «двойным словом». С одной стороны, есть буквальный, поверхностный уровень: «этот мотивчик» визитёрам-большевикам нравится не может, вопреки помещице-хозяйке. Тем самым М. А. Иванова в своей убогой обстановке как бы настаивала на своём достоинстве, «инаковости». Однако был и другой уровень, связанный с непролетарским происхождением и непролетарским образованием приезжих, В. С. Нечаевой и М. В. Волоцкого. М. В. Волоцкий происходил из старинного дворянского рода (см.: Богданов Н. Н. Михаил Волоцкий и его “Хроника рода Достоевского” // [Электронный документ] <http://www.hrono.ru/text/2007/bogdo108.php>, доступ с экрана), В. С. Нечаева – из образованного, служащего мещанства. М. А. Иванова предложила своим гостям проверку по линии «свой» – «чужой»: как им, приспособленным к жизни в советской империи, «этот мотивчик»? Быть может, несмотря на идеологически правильные речи, внутри-то тоже по душе?

²² Фамилия приведена по второму мужу, хотя на тот момент (1-ая половина 1920-х гг.) Марина еще не была замужем за Герасимом Макаровым. Девичья фамилия неизвестна. Её дочь Наталью, рождённую от первого брака, в Даровом называли Наталья Барская, поскольку крёстной матерью девочки была лично помещица М. А. Иванова. См. также сноску 22 на с. 193.

²³ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. № 69. Л. 1. (Из письма М. А. Ивановой к М. В. Волоцкому.)

¹⁵ РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 4. (Из письма О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой.)

¹⁶ <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 214.

¹⁷ Там же. С. 200.

¹⁸ Там же. С. 214.

¹⁹ Там же. С. 201.

приходится собирать мокрые, гнилые прутьки в роще»²⁴ (1926 г.); «Сретенские дали ю р<ублей> из них я отдала Герасиму²⁵ 4 р<убля> за дрова<,> 1 р<убль> долг Марине<,> на 5 р<ублей> купила ю ф<унтов> муки, 4 ф<унта> песку, дрожжей<,> мыла<,> спички и пр<очих> мелочей, сейчас ничего нет <-> из муки пекут хлеб<,> мука с водой, картошка безо всего»²⁶ (1927 г.) Того же мнения по поводу статуса Марины придерживалась и сестра, О. А. Иванова: «...сегодня приехала ко мне Марина, *Машина прислуга...*»²⁷ (1927 г.).

Аналогичное фиаско потерпели и попытки обосновать нахождение Марии Александровны в поместье общественными интересами Советской России. Как и в предыдущем случае, сама М. А. Иванова нисколько не сомневалась – она находится в имении на основании права частной собственности. Она защищает усадьбу не просто как важный для культуры страны экспонат, но как своё личное владение. Отсюда – жесточайшая градация собственных хозяйственных действий в усадьбе и действий третьих лиц, пусть даже санкционированных новыми властями: «Кто-то разрешил крестьянам спилить вётлы (ограду сада)<,> вероятно<,> волость<,> потому что из Москвы (от Луначарского) у меня была бумага, полученная мною года 3 или 4 назад с воспрещением рубить вётлы<,> т<ак> к<ак> оне были насажены собственноручно Ф. М. Достоевским. Этих древ смело бы хватило лет на 5 на отопление дома (сажень 30 колотых и каждое 30 или 40 сучьев)»²⁸. Пилить вётлы нельзя, поскольку они имеют мемориальный характер и связаны (якобы) с именем Ф. М. Достоевского, но Марии Александровне, хозяйке поместья, было бы можно. Скрывать как-то или хотя бы приукрашивать использование инфраструктуры усадьбы в личных целях М. А. Иванова также никогда не пыталась. Она в открытую сдавала в аренду яблоневый сад из 650 корней («Использование сада до 1925 года было самое бесхозяйственное; никаких агромероприятий абсолютно не производилось. Гражданка Иванова сдавала его тому, кто ей больше всего понравится, без учёта и речательств за его последствия»²⁹) и на вырученные деньги жила, отремонтировала усадебный флигель: «Сестра, с которой я жила в Чермашне, уехала, а я переехала в Даровое и жить на 30 р. невозможно. Ни сада, ни земли,

ничего <нет?>. <...>. Хорошо, что я успела (когда владела садом) починить и окрасить крышу, а то в девяти местах была течь»³⁰. Занятно: любой предмет начинает нуждаться в защите и мемориализации ровно в тот самый момент, когда он рискует перейти под контроль крестьян: «Имение при с. Даровое в количестве десяти десятин, в том числе усадьба, парк, сад и небольшой лужок, отошло в заведование художественно-исторического Музея г. Зарайска. Теперь до меня дошел слух, что сад отдаётся во владение крестьян. Если Правительство дорожит целостью усадьбы и парка, то почему сад обрекается на хищническое уничтожение крестьянами. Три года назад крестьяне пользовались садом и искалечили третью часть фруктовых деревьев. <...>. Если возможно, то прошу принять меры, чтобы сад не попал во владение крестьян»³¹ И в то же самое время никто и ничто не должен мешать самой М. А. Ивановой пользоваться своим имуществом³².

Таким образом Даровое 1920-х гг. оказалось на грани гражданского противостояния. Классовый конфликт здесь вспыхнул тогда, когда он уже затих по всей стране. С одной стороны оказалась М. А. Иванова, с открытым забралом начавшая во 2-й половине 1920-х гг. свой одинокий и совершенно безнадёжный поход за право спокойно дожить дворянкой и помещицей в Советской России. С другой – крестьяне, среди которых неизменно увеличивалось число и влияние тех, кто вырос в постреволюционное время. Этот набиравший день ото дня силу актив не желал, да и не видел оснований откладывать реализацию открывшихся после революции возможностей из-за каких-то «сантиментов» по отношению к пережившей своё время «старухе». Между сторонами вспыхнул острейший конфликт, получивший классовую мотивацию³³ и мгновенно принявший весьма разнуданные формы, с запугиваниями³⁴, пыткой холодом и бессмысленными унижающими

²⁴ РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 74. Л. 3. (Из письма М. А. Ивановой к В. С. Нечаевой.)

²⁵ Герасим Макаров – родной дядя одного из главных гонителей М. А. Ивановой, руководителя Даровского гражданского общества, Алексея Ильича Макарова. В 1924–27 гг. исполнял обязанности сторожа усадьбы. Изначально нанят по просьбе Зарайского уездного музея Каширским уездным отделом народного просвещения, однако где-то с 1925–26 гг. содержался за счёт специального местного налога, право собирать который было отдано М. А. Ивановой (а потому налог собирался трудно). С апреля 1925 г. Даровское гражданское общество поставило одной из целей добиться увольнения Герасима (<Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским Уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежащей писателю Достоевскому. С. 225). Где-то во 2-й половине 1920-х гг. (вероятно, 1927–28 гг.) женился на служанке М. А. Ивановой, Марине и удочерил её ребенка.

²⁶ РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 76. Л. 1. (Из письма М. А. Ивановой к В. С. Нечаевой. Письмо ошибочно приписано Ю. А. Ивановой, умершей за несколько месяцев до описываемых событий.)

²⁷ РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 8. (Из письма О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой.)

²⁸ РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 74. Л. 3. (Из письма М. А. Ивановой к В. С. Нечаевой.)

²⁹ ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. № 2504. Л. 12–12 об. (Из «Акта обследования сада при усадьбе имения Ф. М. Достоевского при с. Даровое Достоевской волости Каширского уезда Московской губернии»; 1929 г.)

³⁰ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. № 69. Л. 1–1 об. (Из письма М. А. Ивановой к М. В. Волоцкому.)

³¹ <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 208. (Из прошения М. А. Ивановой к А. В. Луначарскому.)

³² Интерпретация Г. С. Прохорова в данном случае не представляется нам достаточно объективной. Во всяком случае, какие бы мотивы ни двигали М. А. Ивановой (их реконструкция неизбежно гипотетична), они направлены были в эти последние десять лет её жизни – на **сохранение** Дарового, а кстати, и мемориальных вещей семьи Достоевских (примеч. Ред.)

³³ См.: «...имение, принадлежавшее писателю Ф. М. Достоевскому и сейчас находящееся в ведении и под наблюдением Зарайского отдела охраны музеев и старины <...>, который назначил заведующим этого имения бывшую помещицу М. А. Иванову, каковая и именует себя племянницей писателя Ф. М. Достоевского» (<Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 216. Из заявления А. И. Макарова в Губполитпросвет Московской губернии.)

³⁴ См.: «Как только мы вселимся в читальню, то устроим так, что она сама после двух дней сбежит из дома. Будем стрелять и драться. Тогда увидит». Потом граждане заявили её сторожу, Герасиму, что они в стороже теперь не нуждаются, а будут стеречь подворно. В кухню собирались вселить кого-то из жулья. Если будет допущено такое положение вещей, то дни её сочтены, или она должна выселяться»; «У них решено спилить рощу, как только не станет Маши. В связи с этой неприятностью здоровье её хуже. Начались боли и в руках»; «...посылаю Вам Машино письмо. Поговорите в Москве с кем следует. Неужели нельзя всю эту махинацию отложить на некоторое время; одним словом, до смерти Маши. Она так плохо себя чувствует, что вероятно не долго проживёт. Пусть бы после её смерти, если правительство того желает, сравняют всё Даровое с землёй. Больше, кажется, не найдётся охотников так жить, как живёт сейчас Маша. <Резолюция> “В дом<е> у ней уже устраивается изба-читальня”» (РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 75. Л. 6, 6 об., 16. Из писем О. А. Ивановой к В. С. Нечаевой.)

«экспроприациями»³⁵, гнусными доносами³⁶ подчас с откровенно выдуманными псевдоисторическими фактами: «Зарайский отдел охраны музеев и старины, назначая 75-летнюю Иванову заведующей, не учёл прошлое гр<ажданки> Ивановой, ведь только теперь, прикрываясь именем великого писателя, получив блага от Советской Власти, она стала восхвалять её вождей, а раньше она и понятия не имела о историческом значении имения Ф. М. Достоевского»³⁷. Всё-таки о мемориальном статусе усадьбы рода Достоевских М. А. Иванова знала всегда.

³⁵ См.: «Она скоро будет опять без дров, т<ак> к<ак> не получала ответа от Б<ориса> М<ихайловича> <Клушанцева>, а сарай уже валится от бури»; «Об её дровах всё нет слуху, но на её счастье в роще нашлись 2 упавшие липы», «Она скоро будет опять без дров», «дрова у ней всё...»; «На зиму дверь на террасу забивается листьями из рощи, мякиной и соломой. Если граждане откроют эту дверь, то дом будет вдвое холоднее», «Если не будет получена от Волисполкома бумага о выдаче М<арии> А<лександровне> дров <от> кооператива, а будет поручено ей лично позаботиться об дровах, то получится та же история, что получилась с назначением ей самой собирать деньги с Даровских граждан за сад, чтобы уплачивать жалование сторожу. Получает он его очень неправильно и через 2 – 3 месяца спустя. Думаю, что дрова она начнёт получать только весной, когда в них не будет такой нужды», «Избу-читальню в доме собрались устроить Даровские граждане. И, благодаря этому мудрому постановлению, она сама лично решила, что ей необходимо немедленно из дома выселиться. Причины Вам конечно самой известны. Без распоряжения от МОНО крестьяне от этой мысли не откажутся», «Отнимается у ней вся холодная постройка, т<ак> ч<то> её куры и её дрова должны находиться под чистым небом <...>. Когда граждане пришли отбирать постройку, то начали записывать даже все доски, находящиеся там. Потом заявляют: “Где же у ней весь наш инвентарь? Где плуги, бороны, хомуты?” и т<ому> п<подобное>» (Там же. Л. 15, 14, 1, 2 об., 10, 5, 5 об.). «Почему-то забирают всю мою стройку. Куда же я дену дрова, кадки, сани и пр<очее>. Неужели на фортепиано в залу?» (РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 74. Л. 3–3 об. Из письма М. А. Ивановой к В. С. Нечаевой); «Из дома меня выгоняют, т<о> е<сть> дают 2 комнатки, а остальное они займут. Не знаю,> куда деваться...», «Жить в одном доме с мужиком, не много ли, у них по всяким сборищам разговоры; крик, гам, доходит и до ножей» (РО РГБ. Ф. 792. К. 16. № 76. Л. 1–1 об.)

³⁶ См.: «Она самым злостным образом выпиливала лучшие липы из парка, отдавая их на постройку поповского дома в с. Моногарове. <Ивановы были в родстве с настоятелем той церкви. – Г. П.> В настоящее время гражданка Иванова пользуется наделом пахотной и луговой земли, получает пенсию от Государства в сумме 37 р. 50 коп. в месяц и бесконтрольно пользуется фруктовым садом 4 ½ десятины, не оплачивая никаких налогов за него, а сдавая как фрукты, так и траву в саду в эксплуатацию, от чего, конечно, имеет приличные барыши, совершенно забывая о какой бы то ни было охране и даже приведении в порядок площадки перед домом, которая очень часто бывает завалена мусором со скотного двора» (<Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 216. Из заявления А. И. Макарова в Губполитпросвет Московской губернии.); «...события последних дней приняло совершенно обратное направление, так как заведующая имением М. А. Иванова выехала в соседнее селение Черемашня и в течение 3-х недель не живёт в имении, сторож, содержащийся на средства Каширского Наробраза, недостаточно добросовестно относится к исполнению своих обязанностей, результатом чего является хищение вековых лип из парка» (Там же. С. 224 – 225. Из заявления А. И. Макарова и И. Беленко в Музейный подотдел МОНО от 15 апреля 1925 г.)

³⁷ <Прохоров Г. С.> Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 216. (Из заявления А. И. Макарова в Губполитпросвет Московской губернии.)

М. А. Иванова, племянница Ф. М. Достоевского, последняя владелица усадьбы Даровое. 1920-е гг.

Попытка спастись и обрести тихую гавань в родовом имении, предпринятая на старости лет М. А. Ивановой, потерпела фиаско так же, как провалились её попытки защититься от крестьян музейфикацией бывшего поместья. Любая её активность встречала резкое противодействие, лишь разжигая конфликт и усложняя и так крайне тяжёлое положение престарелой московской учительницы музыки.

Когда мы читаем очерки о Даровом, написанные в 1920-е годы, то важно помнить: все собранные в 1920-х гг. рассказы о роде Достоевских (и о смерти Михаила Андреевича, в частности) были зафиксированы параллельно описанному выше конфликту. В крестьянских историях звучит не только и не столько память о событиях 1839 – 40 гг., сколько борьба с ненавистной помещицей Марией Александровной Ивановой, неожиданно прибывшей из Москвы, самовольно вселившейся в усадьбу и пытавшейся в ней укорениться.

ПИСЬМО М. А. ИВАНОВОЙ

Письмо М. А. Ивановой к своей бывшей ученице Марии Степановне Корш, серебряной выпускнице Московской женской классической гимназии С. Н. Фишер 1902 года¹, известно по публикации Л. И. Сараскиной². К ней текст попал от сотрудников «Литературной газеты», которые – в свою очередь – получили список от В. М. Михайлова, журналиста газеты «Коммунар» и краеведа из г. Меленки Владимирской области. Там же проживали и родственники Марии Степановны, у которых каким-то образом сохранилось письмо. Текст, таким образом, дошел до нас совершенно случайно, а автограф М. А. Ивановой остаётся неизвестным.

Отправляя свой текст, М. А. Иванова указала лишь число и месяц. Адресант, впрочем, никогда не проставляла на письмах год, ограничиваясь датой. Тем не менее по упомянутым в письме деталям – эпидемия «испанки», сообщение о Г. И. Петровском как о главе Народного комиссариата внутренних дел, указание на первую попытку даровских крестьян захватить усадьбу, смерть Г. Б. Фишера – текст уверенно датируется 22 февраля 1919 года. В таком случае перед нами единственное на настоящий момент письменное свидетельство о жизни Дарового на таком приближении к революции 1917 г. и к бегству Марии Александровны из Москвы в «родовое гнездо».

С учётом этого обстоятельства мы и предлагаем настоящую републикацию с новыми комментариями, вскрывающими «даровской» контекст и поясняющими местные реалии и обстоятельства.

22 февраля <1919 г.>

Дорогая Мария Степановна, только сейчас получила Ваше письмо, посланное к моим именинам³. Меня страшно поразило известие о смерти Георгия Борисовича⁴. Я писала ему поздравление к 13 декабря. Что за причина его смерти? Ведь он всегда был так осторожен⁵. Мисс мне не так жалко, потому что она в последние годы мечтала умереть⁶.

¹ См.: Историческая записка о 40-летию женской классической гимназии С. Н. Фишер / сост. И. Владимирский. М., 1912. С. 96.

² Сараскина Л. И. Неизвестное письмо племянницы Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 года. Великий Новгород, 2007. С. 405 – 407.

³ М. А. Иванова родилась 23 ноября (5 декабря по новому стилю) 1848 г. Её именины, вероятно, приходились на 26 января (8 февраля), когда церковь вспоминает Марию Константинопольскую.

⁴ Фишер Георгий Борисович (ум. в 1918 г.) – коллега М. А. Ивановой по Московской женской классической гимназии. Преподавал физику и математику. До выхода в отставку в 1890 г. служил также в 5-й московской мужской гимназии, где читал те же самые курсы.

⁵ Адресант предполагает эпидемию «испанки» как причину смерти. См. примеч. 21.

⁶ Вероятно, речь идёт о жене Георгия Борисовича, Софье Николаевне Фишер (ум. в 1913 г.), основателе и директоре гимназии. В последнее десятилетие гимназия подвергалась регулярным нападкам как заведение, работающее на детей из аристократических семейств и дающее им непрактичное элитарное образование. С 1906 г. гимназия была лишена государственного финансирования.

Но смерть Георгия Борисовича ужасна! Напишите, что с ним случилось. Ужасно жаль его.

Я живу плохо. Относительно провианта недурно, голодны не бываем, всегда свежий, вкусный хлеб, густое молоко, суп, молочная каша, картофель. Но в нравственном отношении невозможна жизнь. Крестьяне всеми силами стараются окончательно разорить, мне ещё лучше других помещиков, потому что я имею счастье быть племянницей Достоевского. Каким образом это узналось – не знаю⁷.

Началось с того, что крестьяне задумали вырубить весь липовый парк, себе на дрова⁸. Я, конечно, была в отчаянье. Каким-то образом это дошло до Зарайска. Нашлись люди, которые послали телеграмму об этом министру Народного просвещения, и тотчас пришла ответная телеграмма: «Строго воспрещается всякая порубка в имении, принадлежавшем некогда писателю Достоевскому». Потом затеяли меня прогнать из дома, послать в Каширу мести улицы, рояль отобрать, также мебель, книги, ноты и пр. Тогда некоторые из Зарайска⁹ поехали в Москву к народному комиссару Петровскому¹⁰ и привезли бумагу¹¹, в которой говорится, чтобы меня ни в чём не беспокоили, дом беречь как зеницу ока, памятуя, что все такие места, где работали, мыслили великие люди, являются культурными памятниками не только для нас, русских, но и для всего человечества.

⁷ М. А. Иванова никогда не выставляла напоказ свое родство с Ф. М. Достоевским. Ср. воспоминание В. С. Нечаевой, вынесенное из поездки в Даровое 1925 года: «О гениальном дяде она говорила без особого пиетета и даже мимоходом бросила шутиливую фразу: “Достоевского студенты выдумали”» (Нечаева В. С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 292). Узнали об этом родстве даровские крестьяне, вероятно, неожиданно и лишь в 1920-е гг.

⁸ Ср. из составленного в 1923 г. заведующим Зарайским краевым музеем И. П. Перловым «Описание истории усадьбы “Даровое” Ф. М. Достоевского», процитированного на с. 183 (сноска 14).

⁹ Некоторые из Зарайска – речь идёт об основателе Зарайского отделения Общества исследования Рязанского края, депутате Государственной Думы Российской Империи IV созыва А. В. Иванове и заведующем Зарайским краевым музеем И. П. Перлове. Ср.: «Вместе с Ивановым А. В. Иван Петрович <Перлов> уделял внимание вопросам сохранения усадьбы Достоевских. Они помогали племяннице Ф. М. Достоевского Марии Александровне Ивановой, хранительнице и совладелице усадьбы, содержать в сохранности и порядке уцелевшее имущество и строения. Часто навещали её» (Амурский Б. С. Перлов Иван Петрович: Жизнеописание. Зарайск, 2002. С. 41 – 42).

Мы собираемся вернуться к ним в следующих выпусках рубрики «Хранители Дарового» (примеч. Ред.).

¹⁰ Петровский Григорий Иванович – русский революционер и политический деятель. Большая часть жизни и деятельности связана с Украиной. Народным комиссаром внутренних дел РСФСР был с 30 ноября 1917 по 30 марта 1919.

¹¹ Настоящее письмо – на сегодняшний день единственный источник, проливающий свет на содержание охранных документов. Наличие и телеграмм, и какого-то официального документа подтверждается иными материалами, например, ответом И. П. Перлова на требование крестьян передать усадьбу под их контроль: «На руках у Ивановой имеется охранная грамота на усадьбу от Наркомвнудела и телеграммы А. В. Луначарского» (Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 214).

На всех наложена громадная контрибуция, по несколько тысяч с помещика, а мне позволено ничего не платить¹². Вы пишете о какой-то пенсии¹³. Я ничего не хлопочу, потому что знаю, что это будет бесполезно¹⁴. Может быть, в Зарайске обо мне хлопочут¹⁵. Несколько человек приезжали ко мне, спрашивали о моём финансовом положении, о том, где я служила, что получала и пр. и пр. Я не надеюсь что-нибудь получить.

Скука здесь ужасная! Всех помещиков кого повыгнали, кто сам уехал. Во всей нашей волости¹⁶ (деревень 30) я одна. В Рязанской – ?> волости¹⁷ одна Зинаида Петровна¹⁸. Единственное развлечение – чтение да музыка, играю ежедневно, за редкими исключениями, часа по два, а когда и по три. Выучила за это время вещей 15. Сейчас стала учить очень трудный этюд Рубинштейна и романс Чайковского, посвящённый Арто¹⁹. В Зарайске среди людей, заботившихся обо мне, много поклонников моей музыки и очень приглашают принять участие

¹² Речь идёт о налоге на недвижимое имущество и обязательном страховом сборе на недвижимость, разрешение не выплачивать которое носило, очевидно, неофициальный характер. Известно, что в 1922 – 23 гг. М. А. Иванова была обложена этими платежами, освобождения от которых И. П. Перлов добился для неё лишь во 2-й половине 1923 г. (Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 203).

¹³ Пенсии были установлены в соответствии с «Положением о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г. Они должны были назначаться вне зависимости от сословной принадлежности: «...обеспечению подлежат все без исключения лица, источниками существования которых является только собственный труд, без эксплуатации чужого». Подпадение М. А. Ивановой под действие раннесоветского пенсионного законодательства спорно. С одной стороны, она учительница с 40-летним стажем, то есть трудовой элемент, а с другой – содержала прислугу и сдавала в аренду яблоневый сад.

¹⁴ Возможно, под влиянием письма М. С. Корш М. А. Иванова всё-таки начала хлопотать о назначении пенсии. Впрочем, как она и ожидала, результат оказался отрицательным: «К изложенному считаю себя вправе добавить, что несмотря на мои семьдесят лет, я лишена пенсии как имеющая доходное хозяйство; постановление Тульского губсовета, объявленное мне в Кашире» // Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом... С. 190 – 191.

¹⁵ И. П. Перлов, действительно, добивался установления пенсии для М. А. Ивановой и в 1923 г. ему удалось оформить через Наркомпрос ежемесячную персональную выплату им. Ф. М. Достоевского в размере 37,5 рублей. Год спустя пособие было урезано на 7,5 рублей (см. письмо М. А. Ивановой М. В. Волоцкому от 17 августа 1926 г. – РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. 69. Л. 1). Поводом для урезания послужил конфликт с крестьянами, завершившийся их доносом в Наркомпрос.

¹⁶ Речь идет о Спас-Журавнинской волости Каширского уезда Тульской губернии.

¹⁷ До административных реформ 1920-х гг. существовала Рязанская волость Рязанского уезда Рязанской губернии. Эта сельская территория непосредственно окружала город Рязань. Впрочем, прочтение оригинала письма владимирским краеведом В. Михайловым могло быть ошибочным. Рязань слишком отдалена от Дарового, чтобы упоминаться как соседняя территория. Более-менее похожих по названию волостей в Зарайском, Каширском и Веневском уездах не было.

¹⁸ Фигура не установлена.

¹⁹ В первой публикации ошибочно написано – Арго. Речь идет об Ор. 5 (1868 г.) – романсе-пьесе П. И. Чайковского, посвящённом французской певице Дезире Арто (1835 – 1907).

в концертах, которые они устраивают (за очень высокую плату)²⁰. Так как я им очень обязана, то я обещала, в случае моего согласия, принять участие, но, конечно, безвозмездно. Но вряд ли соглашусь, можно проехать насмерть. У нас тоже масса покойников, чуть ли не каждый день в церкви похороны. Свиристует испанка²¹, от которой у меня в доме три месяца тому назад все переболели кроме меня, а Семён и Серёжа, мальчики 5 лет, скончались. Марина, конечно, в страшном отчаянье²². Это ещё более меня расстраивает. Пишите, пожалуйста, поскорее и почаще обо всём и обо всех знакомых.

Всем поклон, Любви Андреевне в особенности²³. Как она живёт и чем питается? Тепло ли у вас? У меня дом на зиму не подготовлен²⁴, температура между 10 и 13.

Прембула и комментарии Г. С. Прохорова

²⁰ После революции 1917 г. Зарайск оказался во власти дореволюционной интеллигенции, а потому в нём довольно мирно сосуществовали бывшие «красные» дворяне, представители духовенства, разночинцы и выходцы из крестьян. См., напр., списки Зарайского отделения Общества изучения Рязанского края (ГАРО. Ф. Р-303. Оп. 1. № 119 – 125). Активная «пролетаризация» управленческих и общественных структур пришла на 1924 – 1925 гг.

²¹ Эпидемия гриппа, «испанки», пришла в Россию в июле 1918 г. Наиболее страшными оказались её 2 и 3 волны (октябрь – декабрь 1918 и февраль – март 1919), которые затронули и Тульскую губернию, где заразились почти 38 тыс. человек. В данном случае речь идёт о 3-й волне.

²² Макарова Марина Сергеевна (по 2-му мужу; девичья фамилия неизвестна) – уроженка с. Дарового. Прислуживала М. А. Ивановой более 27 лет, сопровождая её повсюду. По словам внучки, жительницы Дарового Галины Ивановны Новиковой, во время эпидемии «испанки» умерли пятеро детей и первый муж Марины (Семен Широков). Среди двух выживших детей – грудной ребенок, Наталья, рождённая где-то в 1918 – 1919 гг. См. также сноску 22 на с. 185.

²³ Лицо не установлено.

²⁴ Неподготовленность к зиме – обычная для М. А. Ивановой ситуация в 1920-х гг., поскольку сельсовет не доставлял ей дров и не отводил лес для их заготовки. Не получавшая пенсии или получавшая крайне скудное пособие, она не могла закупать дрова на рыночных условиях. Ситуация повторялась из года в год с целью принудить бывшую помещицу к отъезду.

«ОМСКИЕ» ПИСЬМА А. Ф. ДОСТОЕВСКОГО

В публикуемых письмах отразилась история создания Омского музея имени Ф. М. Достоевского и участие в нём внука писателя.

Ключевые слова: литературоведение, музейное дело, внук Ф. М. Достоевского.

Письма Андрея Фёдоровича Достоевского участникам инициативной группы по организации Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского: историку и краеведу Андрею Фёдоровичу Палашенкову (1886 – 1971), с 1943 по 1957 гг. занимавшему пост директора Омского областного краеведческого музея, преподавателю Омского педагогического института, литературоведу Ксении Алексеевне Зубаревой (1919 – 2002) и писателю-фольклористу, краеведу Ивану Семёновичу Коровкину (1919 – 1977) – относятся ко второй половине 1960-х гг., к последним годам жизни внука писателя. Выйдя в конце 1955 г. по состоянию здоровья на пенсию, Андрей Фёдорович всецело посвятил себя трудам в память своего великого деда. По авторитетному свидетельству В. С. Нечаевой, «он удивительно, за какие-нибудь пятнадцать лет <...> стал большим, крупным специалистом по жизни и творчеству Ф. М. Достоевского. Он не стал и не мог стать учёным-специалистом <...>, ему было нужно не то. Это был человек действия, человек волевой, человек-организатор, инициатор»¹. Действительно, Андрей Фёдорович видел себя прежде всего в роли координатора и вдохновителя той огромной культурной работы, которая началась после возвращения имени Фёдора Михайловича советскому читателю. В эти годы принимаются решения об организации музеев писателя в Петербурге (тогда ещё носившем имя «пламенного вождя революции») и в Семипалатинске, начинается подготовка к изданию полного собрания его сочинений, формируется уникальный альбом «Ф. М. Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах»², делаются попытки создать литературную экспозицию в Достоево, откуда пошёл род писателя и т.д. В 1966 г. А. Ф. Достоевский консультирует режиссёра БДТ им. М. Горького Розу Абрамовну Сироту (1924 – 1995), снимающую телефильм «Петербург Достоевского» (1967), и немецкого писателя Генриха Бёлля (1917 – 1985), задумавшего целый цикл телевизионных фильмов «Писатель и город» (включавшего, кроме того, фильмы «Бальзак и Париж» и «Диккенс и Лондон»³). Наконец, только благодаря усилиям

¹ Нечаева В. С. Речь на гражданской панихиде по А. Ф. Достоевскому, состоявшейся 23.XII. 1968 г. в Ленинградском доме писателей им. В. В. Маяковского. Копия стенограммы хранится в фондах Музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе.

² Фёдор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / под ред. В. С. Нечаевой. М., 1972.

³ Телефильм Г. Бёлля «Достоевский и Петербург» (сценарий написан совместно с Эрихом Коком) вышел в 1970 г. В съёмках фильма также приняли участие С. В. Белов, Д. А. Гранин и Л. З. Копелев. Подробнее см.: Белов С. В. Вокруг Достоевского. СПб, 2001. С. 399 – 402. Копелев Л. З. Достоевский в жизни и творчестве Генриха Бёлля // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 17. СПб, 2005. С. 321 – 322.

Андрея Фёдоровича – надо сказать, усилиям прямо-таки героическим – прах А. Г. Достоевской был перенесён из Ялты, с прекратившего своё существование Аутского кладбища, в Александро-Невскую лавру.

Знаменательно, что внуку писателя, по собственной воле оказавшемуся в эпицентре всех этих событий, «всё казалось, что мало сделано, что нужно вот тому помочь, нужно там толкнуть, нужно что-то сделать»⁴. «Андрей Фёдорович знал, – вспоминал на его гражданской панихиде Б. И. Бурсов, – что у него небольшой срок земного существования. Он об этом хорошо знал, но он, <...> не верил в это». «Он очень боялся, что не доживёт до открытия» музея Ф. М. Достоевского в Ленинграде. «Он должен был быть его первым директором. Он вложил в это всю свою душу, все свои знания, весь <...> огонь своей души»⁵.

В конце июля – начале августа 1968 г. по приглашению З. Г. Фурцевой и А. Ф. Палашенкова внук писателя совершает поездку в Семипалатинск и Омск – последнюю поездку в своей жизни. 31 июля 1968 г. он прибывает в Семипалатинск, а затем три дня – с 7 по 10 августа – гостит в Омске. Здесь Андрей Фёдорович останавливается в гостинице «Маяк», расположенной на омской стрелке – месте слияния Оми и Иртыша. Отсюда и сейчас открывается замечательный вид на противоположный берег реки, где когда-то располагалась омская крепость. В первый день А. Ф. Достоевский вместе с А. Ф. Палашенковым посещает места, связанные с пребыванием его знаменитого деда: территорию Омской крепости, место каторжного острога, военный госпиталь, где в арестантских палатах часто лежал Ф. М. Достоевский. Надо сказать, внук писателя ценил такого рода впечатления: «Наша частая беда в том, – писал он двумя годами раньше на брестчину, – что развесим картинку, графику и вычитки из документов по стенам и считаем, что это уже УБЕДИТЕЛЬНО, уже НАГЛЯДНО... А на МЕСТАХ БЫЛОГО оно всегда-то интереснее и убедительнее»⁶.

Следующий день был заполнен встречами с общественностью: журналистами, писателями, издательскими работниками. Тёплая беседа состоялась в редакции газеты «Омская правда». 9 августа внук писателя выступил в детской библиотеке имени Н. К. Крупской. Один из участников этих событий – И. С. Коровкин – в своей неопубликованной статье вспоминал: «На встрече присутствовали и юные читатели, и работники библиотеки, и А. Ф. Палашенков. Андрей Фёдорович Достоевский рассказывал о героической обороне Ленинграда, о боях на фронтах Великой Отечественной войны, участником которых был сам, о Фёдоре Михайловиче Достоевском. Потом мы фотографировались, отдельно сфотографировали А. Ф. Достоевского и А. Ф. Палашенкова. Дорогой гость давал автографы, делал дарственные надписи на книгах Ф. М. Достоевского»⁷. К. А. Зубарева хотела, чтобы Андрей Фёдорович

⁴ Нечаева В. С. Речь на гражданской панихиде по А. Ф. Достоевскому.

⁵ Бурсов Б. И. Речь на гражданской панихиде по А. Ф. Достоевскому.

⁶ Письмо Л. Н. Александренко от 10 июня 1966 г. (Архив Н. П. Романова).

⁷ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 1405. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

Андрей Фёдорович Достоевский, внук писателя

подписал и книгу «Биография, письма и заметки из записной книжки» Ф. М. Достоевского (издания 1883 г.), некогда принадлежавшую её прадеду. Внук писателя «был приятно удивлен и даже более того – восхищён тем фактом, что в провинциальном Омске восьмидесятых годов прошлого (XIX – Ю.З., Н.Б.) века был любитель книг, который захотел это издание приобрести. “Значит, были здесь очень культурные люди, к числу которых относятся и ваш прадед”»⁸. Однако «сделать на листке её запись о своём посещении Омска или хотя бы расписаться» А. Ф. Достоевский наотрез отказался: «Я недостоин этой чести, – твердил он. – Ведь эту книгу издавали ещё при жизни моей бабушки – Анны Григорьевны Достоевской. Анна Григорьевна принимала деятельное участие в её издании»⁹. Побывал А. Ф. Достоевский и в доме А. Ф. Палашенкова, где продолжались длительные беседы собравшейся «за самоваром» омской интеллигенции. Утром 10-го августа омичи провожали дорогого гостя в Ленинград, в аэропорту состоялось трогательное прощание, были вручены подарки, в том числе и мешочек с омской землёй. По свидетельству очевидцев, перед посадкой в самолёт внук писателя обнял и расцеловал А. Ф. Палашенкова. Пребывание А. Ф. Достоевского в Омске сни-

*Панихида по А. Г. Достоевской во Владимирском соборе.
Ленинград. 7 июля 1968 г.*

малось на кинолентку. 18 августа 1971 г. состоялась премьера документального фильма Омской студии телевидения «...Из Мёртвого дома» (автор сценария и режиссер Ю. Шушковский), туда вошли и кадры с А. Ф. Достоевским, однако до нашего времени этот фильм не сохранился.

* * *

Открытия в Омске литературного музея А. Ф. Палашенков добивался давно – ещё с 1945 г., однако все его начинания наталкивались на одно и то же препятствие: местные власти никак не могли предоставить подходящее помещение. Сначала музей планировалось открыть в доме омского писателя А. С. Сорокина, но его не удалось освободить от жильцов, затем в доме комендантов Омской крепости, где бывал Ф. М. Достоевский. С пятидесятых годов Андрей Фёдорович начал собирать в краеведческом музее материалы о знаменитом писателе. В это время он переписывается с директором московского музея Достоевского Г. Ф. Коган, получает от неё первые экспонаты: путеводитель по московскому музею, фотокопии портретов писателя, его родственников и знакомых. Андрею Фёдоровичу удалось разыскать вдову омского профессора М. В. Долинино-Иванскую – внучку архитектора А. И. Штакеншнейдера,

⁸ Зубарева К. Биография, письма, заметки... // Складчина-2. Ежегодник. Омск, 1996. С. 513

⁹ Там же.

А. Ф. Достоевский ведёт экскурсию по Петербургу Достоевского.

в петербургском доме которого бывал Ф. М. Достоевский. В результате возникшей переписки в краеведческий музей поступили уникальные вещи: диван и стол из литературного салона Штакеншнейдеров, настольная лампа, альбом хозяйки салона – Елены Андреевны Штакеншнейдер, а также посмертная маска архитектора. В 1960-е гг. А. Ф. Палашенков предпринимает очередную попытку организовать задуманный им музей. Собрав мощную инициативную группу, куда вошли ректор Омского педагогического института им. А. М. Горького В. М. Самосудов, преподаватели К. А. Зубарева и А. Г. Кандеева, писательница М. К. Юрасова, журналистка С. А. Нагнибеда, председатель Омского отделения Всесоюзного Географического общества Н. Д. Фиалков и др., он разворачивает активную деятельность. Омский визит внука писателя стал одним из важных звеньев в этой деятельности. Это было заметное событие в культурной жизни города, и вскоре вопрос о литературном музее имени Ф. М. Достоевского сдвинулся с мёртвой точки¹⁰. Но сам А. Ф. Палашенков до его открытия не дожил. 14 апреля 1975 года было принято решение Омского исполкома № 161 об открытии филиала Омского краеведческого музея с экспозицией, посвящённой Ф. М. Достоевскому и писателям-омичам в доме № 1 по улице Победы (бывший комендантский дом. – Ю.З., Н.Б.). Первая экспозиция музея была открыта 28 января 1983 г.

¹⁰ Подробнее о деятельности А. Ф. Палашенкова и инициативной группы по созданию Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского см.: Зародова Ю. Первый в Сибири, единственный в мире. Омский государственный литературный музей имени Ф. М. Достоевского. История создания // Голоса Сибири: лит-худ. альманах. Вып. 1. Кемерово, 2005. С. 444 – 478.

* * *

«Сибирская» поездка А. Ф. Достоевского стала последней в жизни внука писателя: вернувшись в Ленинград, Андрей Фёдорович почувствовал резкое ухудшение здоровья, у него был диагностирован рак желудка, уже давший множественные метастазы в легкие, кишечник, селезёнку. 25 августа А. Ф. Достоевский был госпитализирован в Ленинградскую больницу им. В. В. Куйбышева (на Литейном проспекте). А 18 сентября 1968 г. в 16 ч. 30 мин. его сердце навсегда остановилось. «В нашем городе предполагается в ближайшее время открыть музей Ф. М. Достоевского, – говорилось на гражданской панихиде внука писателя. – И если этот музей будет открыт, а он будет открыт, то в этом огромная заслуга Андрея Фёдоровича Достоевского. Если этот музей будет поначалу не совсем таким, каким он должен быть, то это случится потому, что с нами сейчас нет Андрея Фёдоровича Достоевского». Думается, с большой долей справедливости эти слова можно отнести и к омскому литературному музею имени Ф. М. Достоевского.

Публикуемые ниже письма хранятся в Историческом архиве Омской области (ИАОО) (личный фонд А. Ф. Палашенкова № 2200, оп. 1, д. 282, лл. 1 – 5; личный фонд И. С. Коровкина № 1405, оп. 1, д. 299, лл. 1 – 2) и в Омском государственном литературном музее имени Ф. М. Достоевского (ОЛМ 1, письма К. А. Зубаревой). Письма А. Ф. Палашенкову от 21 марта и 17 апреля 1966 г. частично опубликованы в книгах: *Лейфер А.* Фонд Палашенкова // Судьбы, связанные с Омском. Кн. 3. Омск, 1983. С. 240; *Лейфер А.* «Вокруг Достоевского» и другие очерки. Омск, 1996. С. 168, 170. Письмо К. А. Зубаревой от 15 августа 1968 г. с сокращениями опубликовано в «Омской правде» от 4 августа 1985 г., а позже – в книге: *Складчина-2. Ежегодник.* Омск, 1996. С. 514. Ответные письма А. Ф. Палашенкова, К. А. Зубаревой и И. С. Коровкина пока не отысканы – их нет ни в фондах петербургского музея Ф. М. Достоевского, ни в фонде внука писателя, хранящемся в ЦГАЛИ СПб.

I. ПИСЬМА А. Ф. ПАЛАШЕНКОВУ.

1.

21.3.1966 <г.>

Многоуважаемый Андрей Фёдорович, – (никогда не приходилось еще обращаться к своему по имени-отчеству тёзке!) – получил Вашу бандероль и уже уведомил издательство о том, что 1) нужен незамедлительно второй тираж и 2) его целиком надо направить в главные города «европейской части» СССР, – реализация такого «пустяка», как три тыс. экз. – несомненна! (напр., книжечка Н. Чиркова «О стиле Достоевского» уже прошла в Издательстве АН СССР два дополнительных тиража по 4 тыс. экз. каждый, и её вновь нигде найти невозможно!)¹¹

Благодарю Вас очень за присланные книжечки, удачно изданные, которые могли бы, с целью улучшения их «товарности», быть дороже на несколько копеек. Содержание просмотрено мной НЕСКОЛЬКО НАСПЕХ (если б Вы знали, как у меня мало остаётся СВОЕГО времени, даже для сна! Чтоб успеть сегодня же Вам отправить письмо, лёгши в четвёртом, встал в шестом, иначе «не вписаться», – все силы и всё время теперь, выйдя из Техники на пенсию, «общественно» торопливо отдаётся Фёдору Михайловичу). Успел уловить главное – Вашу сердечную теплоту к опальному и наказанному; есть 2 – 3 фразы, о которых бы можно поспорить, может быть, только уточнить, отходя от «старой» трактовки (кстати, очень жалею, что не могу выслать Вам («в ответ») журнал «Звезда», № 8 за 1965 г. – статья д.ф.н. Б. И. Бурсова «Достоевский и модернизм» (тут не сам «анти-модернизм» важен, тут между всем, «свежее» слово о Достоевском!) – эта статья явилась СОБЫТИЕМ и этот № журнала теперь где-либо добыть невозможно! – очень жалею). Конкретных же «придинок» с первого же взгляда, пока не вчитался – не имею.

Не последует ли, допустим, от Вас такое же издание «По местам Достоевского в Семипалатинске»? – очень бы желательно! Было А, надо, чтоб явилось Б. А к 1971 году (150 лет Фёдору Михайловичу) А и Б объединённо, книгой, плюс вся СПРАВКА на весь сибирский период (хронология, библиография, ...вплоть до перечня иллюстраторов, с добавлением всей «современности», до планов – схем включительно)? Так было бы очень удачно. Теперь отчитаюсь, как я уже распорядился присланными Вами экземплярами книжечки. Ушли: в Москву (Институт мировой литературы АН СССР¹²) – 1 шт., в Ленинграде (Институт русской литературы АН СССР, в Отдел фондов его Музея) – 1, в Симферополь, в педагогические круги –

¹¹ А. Ф. Палашенков выслал А. Ф. Достоевскому свою книгу: *Палашенков А. Ф. По местам Ф. М. Достоевского в Омске*. Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1965. 47 с. Тираж 3000 экз. Увы, второе издание этой книги не состоялось.

¹² Вероятно, В. С. Нечаевой.

1¹³, в деревню Достоево, в Достоевскую среднюю Школу – 1¹⁴, в США (в Корнелльский¹⁵ и Гарвардский¹⁶ университеты) – 2, в Канаду (в Мак-Гиллский университет¹⁷) – 1, во Францию (в публицистические парижские круги¹⁸) – 1. В резерве оставил один экземпляр. Уже запросил Издательство о высылке дополнительных экземпляров. Высылка по одному экземпляру только раздражит аппетит и некоторые, без сомнения, напишут в издательство о присылке. Не знаю, как у Вас, но здесь, за исключением сугубо научно-трактующих книг, о Достоевском всё расходуется буквально за один-два дня.

Самое главное, по-моему, – Вы показали тепло и много Достоевского-ЧЕЛОВЕКА, именно таким до трёх поколений его очень мало знают. Тем особенно мил мне Ваш труд, – СПАСИБО!

Прошу в дальнейшем считать меня Вашим сообщником во всём, что касается Фёдора Михайловича, Вы же уже вошли в книгу моих «достоевских» адресов.

Всего Вам доброго и ещё раз благодарю, уважающий Вас – А. Достоевский.

2.

17.4.1966 <г.>

Многоуважаемый Андрей Фёдорович, – давно получены Ваши брошюры (2-ая серия) и уже разосланы и розданы в разные концы (3 – в Ленинграде, в том числе Смоктуновскому «Идиот», которого я «готовлю» на роль Ф. М. Достоевского, когда таковая появится – есть надежда¹⁹, 1 – в США, 2 – во Францию, 1 – в Англию, 1 – в Югославию). Большое Вам спасибо,

¹³ Возможно, в семью Мацко (указание Т. А. Выносковой)

¹⁴ С начала 1960-х гг. А. Ф. Достоевский активно переписывался с директором Достоевской средней школы Николаем Павловичем Романовым (ныне живёт в Минске), планируя посетить село, давшее именование его роду. Письма внука писателя сохранились в личном архиве Н. П. Романова.

¹⁵ Вероятно, слависту Джорджу Гиббиану (1924 – 1999).

¹⁶ Вероятно, слависту Дональду Фангеру (род. 1929).

¹⁷ 16 апреля 1966 г. А. Ф. Достоевский писал канадскому слависту русского происхождения Николаю Всеволодовичу Первушину (1899 – 1993): «На-днях Вы получите заказной бандеролью очень симпатичную и искреннюю книжечку “По местам Ф. М. Достоевского в Омске”. Надеюсь, она Вам будет полезна и тоже понравится? А если так, то хорошо, если бы Вы в коротеньком письмеце помогли бы Издательству ориентироваться в современности и сущности этой темы». (*Первушин Н. В. Письма А. Ф. Достоевского // Новый журнал*. 1970. № 98. С. 375). Ответные письма Н. В. Первушина сохранились в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб.

¹⁸ Вероятно, баронессе Ольге Александровне Фальц-Фейн (1891 – 1972), приходящейся внуку писателя двоюродной сестрой (указание Б. Н. Тихомирова). Подробнее об отношениях А. Ф. Достоевского и О. А. Фальц-Фейн см.: *Безносков В. Г., Тихомиров Б. Н. Судьбы Достоевских и Фальц-Фейнов в XX веке // Письма из Maison Russe*. СПб., 1999. С. 21 – 26.

¹⁹ О встречах А. Ф. Достоевского с И. М. Смоктуновским см., например: *Шварц Д. М. Дневники и заметки*. СПб, 2001. С. 227.

я надеялся, что Издательство мне вышлет наложенным платежом, а они перепассовали Вам? Прошу простить, что не отвечал долго, – затуркан до предела, ни на что времени не хватает!

Вопрос с музеем Ф. М. Достоевского движется помалу²⁰, на это уходят главные силы и внимание + кое-что другое достоевское, чему имя Легион. Если заедете в Ленинград, то обязательно предупредите, т.к. по моему домашнему положению, наступает моя очередь быть «в нетях» (на конец апреля – май – начало июня), но я раз в 10 дней бываю дома²¹. Правда, по Достоевскому сейчас ОСОБЕННОГО ничего нет. Будет, начиная с будущего года. В Киеве есть библиотека им. Достоевского, кстати!?!²² Позднее напишу Вам на всякий случай в Смоленск²³. Ещё раз Вам большое спасибо, всего доброго, уважающий Вас – А. Достоевский.

3.

1.5.<19>66 <г.>

21.00²⁴

Это славно – что, многоуважаемый Андрей Фёдорович, получил Ваше поздравление. Тороплюсь ответить тем же – с Первомаем! – и с радостным свиданием с близкими и с родными местами!²⁵ Желаю Вам полного и качественного отдыха и удовлетворения (такой понятной) «эстетики

²⁰ 12 февраля 1968 г. А. Ф. Достоевский писал Н. В. Первушину: «Медленно, но неизменно положительно решается вопрос Музея Ф. М. Достоевского в бывшем Петербурге-Ленинграде. <...> Правда, дело будет очень медленным, т.к. необходима еще перестройка дома, которая не затронет квартиры писателя. Сейчас «ломают копыя» по поводу ведомственной принадлежности будущего музея, следовательно, штатов, инвентарного обеспечения и т.д. Музей сможет начать функционировать к 1969 г., если не позже (мешает перестройка «дома клинкостроем»). Лышу себя слабой надеждой дожить в исправности до этого времени...» (Новый журнал. 1970. № 98. С. 372). Решение об открытии музея Ф. М. Достоевского в Петербурге (Ленинграде) было принято Исполкомом Ленсовета 11 января 1968 г. (указание Б. Н. Тихомирова), однако первых посетителей он принял лишь в ноябре 1971 г., когда отмечалось 150-летие со дня рождения писателя.

²¹ Имеется в виду отъезд на дачу, где А. Ф. Достоевский – страстный охотник – отдыхал от городской жизни и укреплял, после всех перенесённых болезней, своё здоровье.

²² Библиотека им. Ф. М. Достоевского основана в Киеве ещё в 1946 г. (на Чеколовке, первоначально – при клубе им. С. М. Кирова). С 1950 г. до середины 2000-х гг. располагалась по адресу – ул. Образования, д. 14.

²³ Смоленск – родина А. Ф. Палашенкова, он родился в селе Надва Смоленской губернии. После окончания Московского археологического института с 1918 г. работал директором Смоленского краеведческого музея, по его инициативе на Смоленщине в начале 1920-х гг. были открыты музеи М. И. Глинки и Н. М. Пржевальского В 1934 г. А. Ф. Палашенков был необоснованно обвинён в великорусском шовинизме, осуждён и выслан в «Карлаг» на 3 года. После досрочного освобождения в 1936 г. Андрей Фёдорович приехал в Омск и поступил на работу в Омский краеведческий музей. В Смоленске у А. Ф. Палашенкова остались родственники, которых он время от времени навещал; после выхода на пенсию в 1957 г. стал останавливаться в Смоленске чаще, иногда жил там по несколько месяцев.

²⁴ Манеру проставлять не только дату, но и время написания письма можно считать не просто характерной, но даже родовой чертой внука писателя.

²⁵ Письмо адресовано в Смоленск. См. ссылку 23.

старинны». А я и сейчас в работе: – резко пришёл в движение науч.<ный> фильм «Петербург Достоевского» (в прошлом году добыл в Москве разрешение на него), – сейчас завершается сценарий (я консультант)²⁶. По двум другим вопросам возможно на неделю придётся примчаться в Москву²⁷. Я Вам писал в Омск – переслали Вам? Всего Вам доброго – А. Достоевский.

4.

13.2.<19>68 <г.>

Дорогой Андрей Фёдорович! Несколько дней назад получил от Вас бандероль, – очень этим обрадован и теперь (несколько дней спустя – т.к. они были очень тяжело-неудобными) смогу внимательнее ознакомиться с Вашей последней работой, – свежей и жизненной²⁸. Мне очень жаль, что у нас возникло такое длительное молчание. С моей стороны это объясняется исключительно тем, что весь 1967 год был для меня проклятым, безмерно-тяжким (во всех линиях) годом, – единственная отрада была, что ещё могу что-то делать в память Фёдора Михайловича (тут есть интересные сдвиги!) Прошу Вашего разрешения лишь позднее написать Вам обстоятельное письмо, т.к. только с 10.2.68 <г.> имею надежду «начать дышать» свободно²⁹. Одновременно, кажется, значительно сдал здоровьем – некогда и неохота была быть внимательным к себе. Принуждали врачи, но каждый раз из-под палки. Как с Вами, почти такая же ситуация с Зинаидой Георгиевной (Семипалатинск)³⁰, – теперь надеюсь всё выправлять. Всего Вам доброго, уважающий Вас – А. Достоевский.

²⁶ Телефильм «Петербург Достоевского» Р. А. Сироты (1967). О своём участии в работе над этим фильмом А. Ф. Достоевский писал также и Н. В. Первушину (письмо от 12 февраля 1966 г.).

²⁷ Эти «вопросы», возможно, связаны с хлопотами А. Ф. Достоевского по изданию упомянутого выше альбома «Ф. М. Достоевский» и перенесению праха А. Г. Достоевской в Александро-Невскую лавру. Первоначально внук писателя планировал приурочить последнее событие к 15/28 февраля 1967 г. – столетию венчания Ф. М. и А. Г. Достоевских. Однако перенести прах удалось лишь годом позже, и А. Ф. Достоевский приурочил его к 50-летию со дня смерти своей бабушки.

²⁸ Очевидно, имеется в виду книга А. Ф. Палашенкова «Памятники и памятные места Омска и Омской области», изданная в 1967 г.

²⁹ 10 февраля 1968 г. А. Ф. Достоевскому исполнилось 60 лет (благодарим Б. Н. Тихомирова, обратившего наше внимание на этот факт). По свидетельству гражданской жены Андрея Фёдоровича – Тамары Александровны Выносовой, внук писателя с большим волнением ожидал этой даты, считая её в чём-то для себя роковой. (Как известно, его дед не дожил до своего шестидесятилетия почти девять месяцев). Но так уж случилось, что в это же время произошёл и окончательный разрыв А. Ф. Достоевского с Т. А. Выносовой. Фактически их отношения прекратились ещё осенью 1965 г., но только в феврале 1968 г. Тамара Александровна забрала свои вещи, а в мае выписалась из квартиры на Наличной улице.

³⁰ Зинаида Георгиевна Фурцева (1920 – 2010) – заведующая библиотекой имени Ф. М. Достоевского, основатель Литературно-мемориального дома-музея Ф. М. Достоевского в Семипалатинске, руководить которым ей так и не пришлось.

II. ПИСЬМА К. А. ЗУБАРЕВОЙ

1.

15.8.68 <г.> Вечер.

Многоуважаемая Ксения Алексеевна, – получил Ваше заказное с фото и:

1) чрезвычайно Вам и Вашему племяннику Виктору³² благодарен за чрезвычайную оперативность,

2) прошу расшифровать (фамилия, имя, отчество, занятие, омич ли?) ту фотографию, на которой: в центре сидят два Андрея Фёдоровича, – справа мужчина, слева женщина, сзади стоят 5 человек, в том числе и Вы (на стене сзади полувиден портрет в овальной раме)³³. Расшифровка нужна для нанесения и на остальные фото. Всё, что получаю я, готовится в фонды будущего Музея Ф. М. Достоевского в Ленинграде. Пройдёт немного времени – забудется!

Очень жду.

13-го был уже дома, но по дороге, в Москве, немного «расклеился». Однако здесь уже уйма запущенностей и надо тотчас дальше, – «как зайцу в барабан», в том числе два ответственных разбора материала для Кёльна³⁴ и Корнельского университета (США)³⁵.

Тут же и тревога: прослышал, что будто Л. А. Кулиджанов уже «вовсю» крутит «Преступление и наказание»³⁶, причём не вовсе по натуре, а где «найдёт подходящую обстановку» – опять зловерный произвол, который в классике никогда не в плюс! Пытаюсь воздействовать, но трудно, т.к. наполовину слёг.

Пока всё. Простите, что наспех, наспех.

Всего доброго, уважающий Вас – А. Достоевский.

К сожалению, Ваш обратный адрес означен столь неясно, что лишён даже приблизительной вероятности написать его верно, – оттого затрудняю Андрея Фёдоровича³⁷, которого очень прошу меня извинить.

³² Ксения Алексеевна Зубарева – одна из активнейших участниц создания Омского литературного музея. В 1941 г. окончила Московский институт философии, литературы, истории, защитила кандидатскую диссертацию. С 1950 г. преподавала в Омском педагогическом институте. Занималась германистикой, изучала творчество Гёте и Г. Манна, состояла членом «Общества Гёте» в Веймаре, способствовала открытию в московской школе № 1220 музея Гёте. В 1996 г. в возрасте 77 лет (!) защитила докторскую диссертацию. Письма к К. А. Зубаревой написаны А. Ф. Достоевским уже после возвращения из Семипалатинска и Омска.

³³ Племянник К. А. Зубаревой – Виталий (а не Виктор) Индутный – делал снимки и печатал фотографии.

³⁴ Фотография сделана в детской библиотеке им. Н. К. Крупской 9 августа 1968 г. В первом ряду в центре сидят А. Ф. Достоевский и А. Ф. Палашенков, справа – И. С. Коровкин. Стоят позади: А. Н. Зубарев – сын К. А. Зубаревой, ныне научный сотрудник ИМЛИ, С. А. Нагнибеда, театровед, К. А. Зубарева и сотрудники библиотеки.

³⁵ Вероятно, имеются в виду контакты с Генрихом Бёллем.

³⁶ Скорее всего, речь идет о контактах с американским славистом Джорджем Гибианом.

³⁷ Речь идёт о съёмках фильма «Преступление и наказание» (1969), однако никаких свидетельств о непосредственном общении внука писателя с Л. А. Кулиджановым нам выявить не удалось. Вероятно, этому помешала смерть А. Ф. Достоевского.

³⁸ А. Ф. Палашенков.

2.

1.9.68 <г.> днём

Приветным и дорогим – семье Зубаревых (Омск).

В доказательство – ещё жив – пишу. Сейчас чуть лучше. 3 дня как оставлено (предельно изнулившее меня) кровотечение. Всё непонятно, врачи ни на что не решаются (затронуты одновременно – лёгкие, толстый и тонкий кишечник, селезёнка)³⁸.

Впереди – ничего не ясно.

Вышел из строя надолго, если не насовсем.

Андрею Фёдоровичу³⁹ – низкий поклон.

Пишу Вам и через Вас, т.к. силы на письма – нету.

Спасибо:

1) за внимание,

2) за чайную «пару» (Корея!) – всё дошло исправнейше.

Вам доброго – с уважением – А. Достоевский

III. ПИСЬМО И. С. КОРОВКИНУ⁴⁰

18.8.<19>68 <г.> днём

Дорогой Иван Семёнович!

Вы у меня на примете, но только я очень трудно занемог, как вернулся из Сибири.

Не знаю, чем дело кончится, но оно очень нехорошо. Если станет лучше – между нами контакт!

Вас я запомнил навсегда. На конверте – мой адрес.

Уважающий Вас А. Достоевский.

*Подготовка текстов Ю. П. Зародовой,
вступительная заметка и комментарии
Ю. П. Зародовой и Н. Н. Богданова*

Фото предоставлены Д. А. Достоевским, правнуком писателя

³⁸ Письмо писалось уже из больницы им. В. В. Куйбышева, куда А. Ф. Достоевский был госпитализирован 25 августа 1968 г.

³⁹ А. Ф. Палашенков.

⁴⁰ Иван Семёнович Коровкин – участник инициативной группы по созданию Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского. Окончил Омский учительский институт, работал учителем в сельских школах, занимался собиранием фольклора, писал стихи. В 1964 г. после нескольких неудачных попыток организовать литературный музей в городе, создал литературно-краеведческий музей в Большемогильской средней школе Любинского района Омской области. Иваном Семёновичем были собраны интересные, в большинстве подлинные, материалы о писателях, связанных с Сибирью. Он вёл активную переписку с писателями, учёными, актёрами, в том числе и с писателем В. Г. Лидиным, поддерживавшим с А. Ф. Достоевским дружеские отношения. 19.08.1968 г. В. Г. Лидин сообщил И. С. Коровкину: «Я очень рад, что Андрей Фёдорович Достоевский побывал в Омске – он давно мечтал об этом». (Цитируется по неопубликованным воспоминаниям И. С. Коровкина «Об А. Ф. Достоевском». ИАОО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.)

Г. А. Фёдоров

«ТЫ НЕ ЗАРАЙСКИЙ ЛИ?» (ДОРОГА К ДАРОВОМУ)

Публикация статьи, завершившей цикл работ Г. А. Фёдорова о Даровом в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, Даровое, сохранение усадьбы.

Под статьёй, которую мы вводим в научный оборот, стоит дата «3.VIII.86». Её автор – Георгий Алексеевич Фёдоров (1927 – 2004), театральный художник по профессии, исследователь Достоевского по велению души. Его публикации¹ в своё время перевернули устоявшиеся представления о «московском мире писателя», о смысле «Двойника», но особенной его заслугой следует считать начало «реабилитации» Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя, опороченного не в меру ретивыми сочинителями. Среди работ исследователя немалое место занимает усадьба Достоевских Даровое: понимая ограниченность имеющихся источников, Георгий Алексеевич начал нелёгкий поиск в архивах (этой черновой работой гнушаются бойкие авторы скороспелых «реконструкций») и, надо сказать, во многом преуспел, заложив фундамент для последующих разысканий.

Со второй половины семидесятых годов я встречался в Георгием Алексеевичем на конференциях в новооткрытом петербургском (тогда ленинградском) музее Достоевского. Город «Преступления и наказания» он воспринимал как тайну, нами ещё не разгаданную. Гулять с ним по Петербургу Достоевского было едва ли не приключением: «дух места» вёл его нехоженными путями по исхоженной мостовой. Вспоминая его рассказы, читая его статьи, понимаешь, что такое краеведение в точном значении этого слова. Никогда не забуду его пламенной речи на Аничковом мосту в виду коней Клодта, затаивших ключ к нефантастическому «Двойнику». Узнав, что я переселился в Коломну, Георгий Алексеевич немедленно начал обращать меня в свою веру – в огромность «маленького» Дарового: «Теперь это совсем рядом с Вами, теперь уж никак нельзя отмахнуться». «Отмахнуться» при таком напоре на тебя энергии внутренней убеждённости было действительно невозможно. Надвигался юбилейный 1981 год, и в нашем коломенском «гнезде» было решено провести первую научную конференцию в Зарайске – Даровом. Придумали название: «Москва и Подмосковье в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского». Идею активно поддержали ведущий кафедрой литературы Коломенского пединститута Георгий Васильевич Краснов и руководитель группы Достоевского в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР Георгий Михайлович Фридендер. Я для себя называл это «сошествием трёх Георгиев». Увы, победоносцами они не оказались.

Со стороны Зарайска конференцию курировал заместитель председателя горисполкома В. В. Мокеев. Мы довольно быстро договорились о сроках

¹ Собраны в книге: Фёдоров Г. А. Московский мир писателя. Из истории русской художественной культуры XX века. М., 2004. В основу публикуемой статьи легли некоторые положения одной из глав данной книги – «Сельцо Даровое».

Георгий Алексеевич Фёдоров в Даровом

(25 – 26 сентября 1981 г.) и размещении гостей. Была составлена и отпечатана программа (храню её как будущий музейный экспонат). Дальнейший ход событий перевернул все наши планы. Когда отпечатанная программа легла на стол первого секретаря Зарайского горкома КПСС Е. В. Балакиной, она, т.е. программа, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Доселе Даровое благополучно хирело в неведомой глуши, а тут нагрянут столичные «академики и профессора» и увидят... Мы с Георгием Васильевичем срочно были вызваны на горкомовский «ковёр», и первая леди Зарайска гневно топала по нему ногами, выкрикивая: «не согласовали!», «не предупредили!», «не подготовили!» и т.п. Короче говоря, легче было запретить конференцию, чем хоть что-то сделать в Даровом за оставшийся месяц, хоть как-то обозначить свой интерес к запущенной усадьбе.

Постигшая нас неудача, кажется, только «завела» Георгия Алексеевича. Он начал писать письма в высшие инстанции. Отголоски этих волнений слышны в публикуемой статье, в отличие от других известных его «даровских» публикаций она исполнена тревоги: выживет ли роща, устоит ли усадьба под напором дачного строительства, дождётся ли реставрации храм... Увы, и сегодня, четверть века спустя, нас одолевают те же чувства, только многократно обострившиеся: оголтелость наступающих на усадьбу дачников возросла от безнаказанности, а равнодушие властей хорошо скрыто показным сочувствием. Передо мной письмо Министерства культуры РСФСР от 24 апреля 1992 г. в ответ на очередное воззвание Г. А. Фёдорова: знакомый мне и сегодня утешительный зачин, бессмертный чиновничий штамп «мы разделяем Вашу обеспокоенность» – и ставшее идиомой обещание «проект зон охраны... в первой половине года должен быть утверждён». Двадцать лет спустя уже новый проект охраняемых зон Дарового вновь ожидает утверждения «в первой половине года», трудно сказать какого.

Последнее из горячо обсуждаемого – поиски затерянной могилы отца писателя. Незадолго до своего ухода из жизни неутомимый «реставратор памяти» позвонил, чтобы исправить ложную информацию, проникшую и в печатаемую статью: «Владимир Александрович, искать надо направо от входа в храм».

Рукопись публикуемой статьи передана нам вдовой Г. А. Фёдорова Ираидой Георгиевной.

«Икарус» объезжает окраинные кварталы Москвы и наконец выбирается на шоссе. У юго-восточной границы Московской области, за древним городом Зарайском, есть сельцо Даровое.

Проехав памятник на месте «Тарутинского манёвра» М. И. Кутузова, спохватываешься. В сентябре 1812 года этой дорогой эвакуировали из Москвы тысяч до тридцати раненых. Среди небольшого числа медицинского персонала – студент Михайло Достоевский. Он будет награждён похвальным аттестатом.

Через 19 лет этой же дорогой врач Московской Мариинской больницы для бедных М. А. Достоевский, коллежский асессор и кавалер, ехал покупать Даровое. Через год уже к себе в имение отправилась его супруга М. Ф. Достоевская с детьми. Среди старших – одиннадцатилетний Фёдор.

Трудно не отвлечься на старину Зарайска. Но снова дорога. Другой ландшафт. В величавых просторах – зелёные острова роц. И вдруг за полем, в стороне от дороги узнаёшь знакомые черты. Буйно разросшийся зелёный массив, в котором потонули роща, избы... Сейчас не свернёшь сразу к Даровому, нужно ехать в объезд. На окраине щит: «Усадьба Даровое. В 1831 году сельцо... было приобретено ...»

В судьбе Ф. Достоевского Даровое, как и соседние Чермошня и Моногарово, занимают особое место. Здесь не писались романы. Но именно после посещения Дарового летом 1877 года в «Дневнике писателя» Достоевский признается: «Это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь...» Жизнь, в которой создавались романы, жизнь в которой были Москва, Петербург, Сибирь и вновь Петербург, Москва, заграничные скитания. Жизнь писателя, не имевшего родного дома.

«Самое глубокое и сильное впечатление...» В Даровом Достоевский рос, складывался будущий писатель.

Посещение Дарового не было нужно непосредственно для работы над «Братьями Карамазовыми», как затем поездка в Оптину пустынь. Тогда в 1877-м он посетил «самые различные места в парке и окрестностях»², рощу, прозванную Фединой, был в Чермошне. В той стороне в поле тридцать восемь лет назад на стало его отца.

Даровое, Чермошня, Моногарово. В эти три дня своими блужданиями он определил для нас границы будущего заповедного места. Он писал жене: «...Если отказать себе в этих впечатлениях, то как же после того и об чём писать писателю». «Как же после того» – самое важное для Достоевского. Даровских впечатлений в «Братьях Карамазовых» нет³. Но как

² Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 313.

³ Столь категоричное заявление исследователя скорее всего вызвано узким толкованием «даровских впечатлений»: нет конкретных фактов усадебного детства, узнаваемого пейзажа, как это было в «Бедных людях», «Униженных и оскорблённых» или «Мужике Марее».

<p>Коломенский пединститут, исполком Зарайского горсовета, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР приглашают Вас принять участие в региональной сессии «Москва и Подмосковье в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского», посвященной 160-летию со дня рождения писателя. Сессия состоится 25–26 сентября 1981 года в Большом зале Зарайского горисполкома.</p> <p>Проезд до г. Зарайска (из Москвы) автобусом от автостанции (метро «Ждановская»).</p> <p>Доклады — 20 минут.</p> <p>Выступления в дискуссии — 5 минут.</p> <p>Л01343 10 ТМО Заказ 2021-81 г</p>	<p>КОЛОМЕНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИСПОЛКОМ ЗАРАЙСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ</p> <p>ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР</p> <p>МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО</p> <p>Программа региональной сессии 25–26 сентября 1981 года</p> <p>Коломна—Зарайск 1981</p>
--	--

<p>25 сентября 10 часов</p> <p>Достоевский и современность. Доктор филологических наук Г. М. Фрилендер. (Ленинград)</p> <p>О нерешенных проблемах научной биографии Достоевского. Кандидат филологических наук В. Н. Захаров. (Петрозаводск)</p> <p>Из биографии Достоевского. Кандидат филологических наук Ю. И. Селезнев. (Москва)</p> <p>Краеведческие источники для изучения биографии Достоевского. В. М. Кочетков (Зарайск)</p> <p>«Сибирская тетрадь» Достоевского как биографический источник. Кандидат филологических наук Т. И. Орнатская. (Ленинград)</p> <p>Достоевский и А. Суслова. Г. Л. Боград. (Ленинград)</p> <p>Петербургский роман и московская хроника. К истории создания «Преступления и наказания». Г. Ф. Коган (Москва)</p> <p>Из опыта изучения Достоевского в школе. Кандидат филологических наук Н. С. Русина (Москва)</p> <p>ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ</p>	<p>26 сентября 10 часов</p> <p>Достоевский в Москве в 1880 г. (По новым материалам). Доктор филологических наук Г. В. Краснов. (Коломна)</p> <p>Речь о Пушкине в творческом пути Достоевского. Доктор филологических наук Н. М. Фортунатов. (Горький)</p> <p>Мемуары Д. А. Олсуфьева о пушкинских речи Достоевского. Кандидат филологических наук С. В. Белов. (Ленинград)</p> <p>Михаил Михайлович Достоевский в судьбе и творчестве Ф. М. Достоевского. Кандидат филологических наук В. А. Викторич. (Коломна)</p> <p>Достоевский и Ап. Григорьев. К проблеме прототипов. Н. В. Живолупова. (Горький)</p> <p>Алексей Толстой и Достоевский. Доктор филологических наук В. И. Баранов. (Москва)</p> <p>Был ли убит отец Достоевского? Кандидат филологических наук Г. А. Федоров. (Москва)</p> <p>Москва—Даровое в жизни Достоевского (По материалам В. С. Нечаевой.) Кандидат искусствоведения Д. Д. Благой (Нечаев). (Москва)</p> <p>ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДОВ</p>
---	--

не поклониться родной земле, могиле отца на Моногаровском погосте перед созданием эпопеи, в которой собирался «высказаться весь» («Неужели же в самом деле, – скажет Достоевский, – есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землёй, что оторваться от неё ни за что нельзя»).

Два десятилетия знаешь это место России. После долгих архивных поисков найдены документы о покупке поместья и планы владений, документы о пожаре, о смерти в поле М. А. Достоевского. Встречи с Даровым от раза к разу становятся всё более и более значительными. И в этот приезд отмечаешь: как буйно новая зелень захватила старое – не увидишь. И то, как всё сокрыто <?>, как потонуло в зелени – знак сбережения?

Рассказывают: в Гражданскую войну топор был занесён над барским помещьем. Спасло Даровое спешное вмешательство М. И. Калинина⁴. И в годы Великой Отечественной войны эти рощи не пошли на топливо.

И то, что сейчас нет старого пути в Даровое, отсутствие указателя на дороге – по-своему тоже сбережение. В Москве рекламируют экскурсию⁵. Следы автобусов видишь на траве заповедных мест. Вероятно, этим [«сбережением»] объяснишь и отсутствие материалов о Достоевском и в Даровом, и в Зарайском историко-художественном музее. Но в Даровом нет места для экспозиции: прогнили полы в «доме Достоевского». А в Зарайске? Дом на балансе совхоза им. Мерецкова. Но забота о Даровом лежит на Зарайском отделе культуры. Письмо в Министерство культуры РСФСР, решение Министерства – казалось бы, сбережённое должно перейти в руки реставраторов...

Даровое куплено в 1831 году. Весной следующего года сельцо сгорело. Сохранившиеся до недавнего времени липы уберегли от огня господский дом. М. Ф. Достоевская приехала с детьми в Даровое весной 1832 года. Запрудили ложе речки, пустили карасей. Дети купались, ловили рыбу.

Но это ли главное?

Одиннадцатилетний Фёдор встретился в Даровом с новым для него миром – крестьянской Россией. Он бывал в сельце пять лет подряд. Его «сельская эпоха» равна приблизительно двадцати двум месяцам. Почти два года отрочества.

Память о Даровом, его людях живёт в «Бедных людях», в «Преступлении и наказании» в образе маляра Миколки, и в «Мужике Марее», и Макаре

⁴ Имеется в виду противостояние даровских крестьян и последней владелицы усадьбы, племянницы писателя М. А. Ивановой. «В 1919 году, когда крестьяне д. Даровое угрожали срубом старинного парка и изъятием у Ивановой её рояля, последняя обращалась в Зарайский Умузей <...>, который сносился по вопросу охраны имения с наркомом Луначарским». Охранную грамоту на Даровое М. А. Иванова получила от наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского. Цит. по: Переписка с Главмузеем и Каширским уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. [Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова] // А. П., Ф. Д. и В. В. : Сб. науч. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 201.

⁵ Экскурсию «Достоевский в Даровом» разработало с 1973 г. Московское городское бюро экскурсий и путешествий. Она начиналась в Москве у Рогожской заставы и проходила через Люберцы, Бронницы, Коломну, Луховицы, Зарайск. Консультантом выступил Г. А. Фёдоров (Полянчев В. И. Достоевские в Даровом. Хронология событий XIX – XX вв. 2004. С. 15 – 16. Рукопись).

Ивановиче Долгоруком из «Подростка». Здесь каждый уголок нёс для Фёдора свой неповторимый облик. Хотя на обычный глаз – всего-то просто роща, берёзовый перелесок, овраг. Потребность быть наедине необходима не только в зрелые годы писателя. Но и тогда – у начала. Даровое – это прежде всего обретение свободы и уединения.

Он приезжал в Даровое с великим, всё увеличивающимся богатством. Всем тем, чем уже восторженно бредил. И что в московской повседневности искало и не находило выхода. Из-за тесноты казённой квартиры отца при больнице для бедных, комнат пансиона. Он никогда не был один в городе.

Достоевский живёт литературой: Пушкин, ставший уже для него кумиром, Державин, Жуковский, Шиллер, «Страдания молодого Вертера», Карамзин, Вальтер Скотт. Страстно-восторженные переживания нуждались в своей среде. Его даровское приволье, скромное по своей внешней красоте («маленькое и незамечательное место»), обживалось высокой поэзией, образами великой литературы.

И уже не игра в прочитанное, а затем в воображаемое, но первые попытки создать своё. Когда в мае 1837 года отец повёз их с братом в Петербург, то брат сочинял в дороге стихи, а Фёдор – роман из венецианской жизни. Почему же Даровому мы должны отказать в первых творческих опытах Фёдора Достоевского? Именно там, в уединении и могли потаённо вызревать и, вероятно, находили выход творческие пробы. Даровской мечтатель болел литературой. И память о даровском прошлом в духовном становлении Достоевского – это «святыня для души», как он сам определил значение «маленького и незамечательного места» в его судьбе.

С мыслями об этом бродишь окрестностями сельца.

Пятнадцать лет назад, к 150-летию со дня рождения Ф. Достоевского... Нет-нет – заповедник не был создан. Согласно «плановому заданию» Бюро по охране памятников истории и культуры архитектором С. П. Орловским и техником Н. А. Калининой произведено обследование «технического состояния усадьбы Достоевских». Только лишь тщательно составленные «материалы обследования»⁶. Подводился итог тому, как действительно хранили, сберегали.

Дом Достоевских (он же «флигель») от ремонта к ремонту (раз в двадцать – тридцать лет) «превращался в удивительно унылый и безликий». Голубая его окраска «настолько диссонирует с окружающим», что остаётся радоваться акациям, заслоняющим его. «Роща, – читаем дальше, – крайне запущена, вековые липы болеют и падают, в том числе вот-вот упадёт защитившая от пожара <...> дом, в котором прошла часть детства Ф. М. Достоевского (в настоящее время не сохранился)».

«Моногаровский погост <...> заслуживает тщательного изучения и восстановления. Земля, в которой погребён отец великого писателя Михаил Андреевич Достоевский, священна для памяти русской». (Через четыре

⁶ Спустя восемь лет они легли в основу статьи: Калинина Н. А., Орловский С. П. Подмошковая усадьба Ф. М. Достоевского: к проблеме организации заповедника // Материалы творческого отчёта треста «Мособлстройреставрация». М., 1979. С. 39 – 41.

⁷ Автор имеет в виду свою публикацию: Фёдоров Г. А. Домысли и логика фактов // Литературная газета. 1975. 18 июня. Впоследствии напечатано по названию «Был ли убит отец Достоевского?» в книге: Фёдоров Г. А. Московский мир Достоевского... С. 146 – 153.

года будет документально опровергнут факт убийства крепостными отца Ф. М. Достоевского⁷. Замечательный врач-патриот умер безвременно пятидесяти летв поле от инсульта). «Удалось с определённой точностью установить и место захоронения Михаила Андреевича, находящееся рядом с утраченной в настоящее время <...> часовней, также связанной с детством писателя». В «Проекте предложения по ремонтно-реставрационным работам по комплексу "Усадьба Достоевского"» прочтём: «установка мемориального знака на могиле Михаила Андреевича Достоевского даст возможность осмотра погоста туристами».

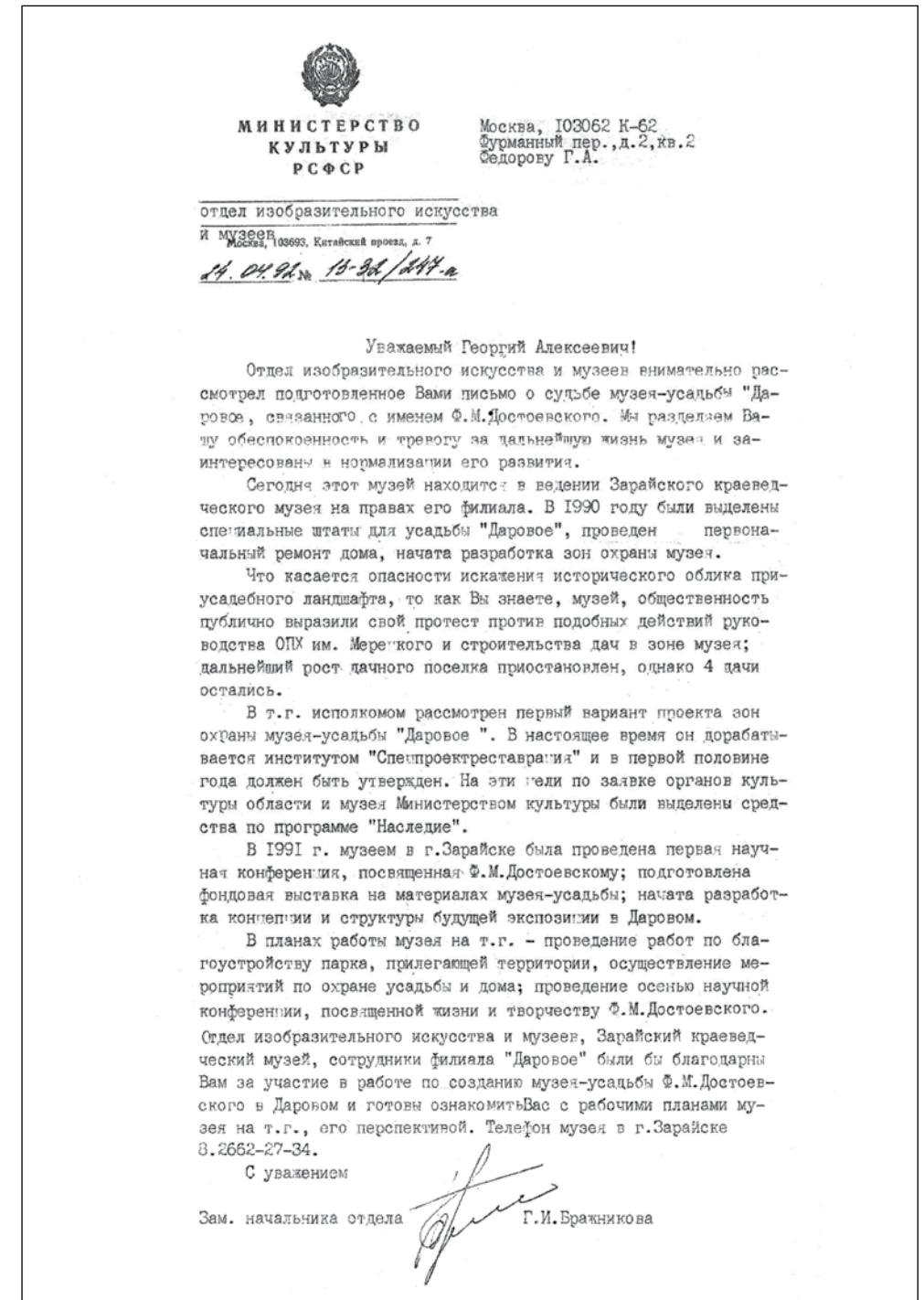
«Деревня Даровое, благодаря стечению обстоятельств, сохранилась <...> в том же виде, какой она имела во времена детства Достоевского – то же количество дворов, те же мазанки под соломенными крышами. Усадебные участки с огородами и плодовыми садами, колодец на главной улице – всё это создаёт облик бедного села южных районов Средней России. Учитывая несомненную ценность деревенских построек <...> представляется необходимым сохранить её как неотъемлемую часть усадьбы и разместить в ряде домов этнографический материал по крестьянскому быту...» Значительный интерес, по мнению авторов «материалов обследования», представляет полуразрушенная, находящаяся «в аварийном состоянии» Духосошестввенская церковь в Моногарове на месте погоста.

Всё это писалось после тщательного обследования пятнадцать лет назад. И на сегодняшний день не только не создан заповедник, но не предотвращена гибель рощи, ничего не сделано для сохранения старых изб Дарового. Их осталось совсем мало. А поперёк (!) улицы Дарового стоит уже совсем новая изба, поставленная недавно дача москвичей. Кто-то ведь разрешил, забыв о Достоевском. Исчезло Моногарово, в развалинах церковь. Лопухами и крапивой зарос погост. Лишь фрагменты рухнувших белокаменных карнизов, кирпичи стен, подобно трупам упавших деревьев рощи, бессмысленно оживляют картину гибели.

Можно бы утешить себя новыми документами о Даровом. В 1988 – 1989 гг. XII пятилетки обещают «реставрацию экспозиции флигеля Ф. М. Достоевского». В Зарайске говорят о заповеднике. Заверяют интересом Министерства культуры РСФСР к Даровому (как, впрочем, и в 1965 году). Успокаивают близящимся восстановлением. Будто бы вот-вот начнут. Пока же Зарайский отдел культуры озабочен поисками широких досок взамен сгнившего пола во «флигеле». Кажется, должны раздобыть лесника из Луховиц (другой район!), чтобы остановить гибель рощи. Но всё это вроде бы прямое дело Министерства культуры РСФСР. Тут вспоминается другой сюжет.

Семь-восемь лет на виду Москвы, всё того же Министерства культуры РСФСР и прочих высоких столичных организаций стоял на улице Достоевского флигель. В нём родился Достоевский. Не раз горевший, он и сейчас без кровли. Реставрационные работы чудовищны по своей безграмотности⁸. Но это разговор особый.

Сегодня вторая половина 1986 года. Работы по восстановлению Дарового осенью, зимой не начнёшь. Но, может быть, действительно возможно через год – полтора открыть заповедник. Даровские годы семьи

⁸ По-видимому, речь идет о ремонтно-реставрационных работах 1979 – 1982 гг.

Достоевских заставляют видеть иные пределы заповедника. Не только Даровое, но и Моногарово и Чермошня. [Однако] от Дарового к Моногарову вдоль дороги, где рос кустарник, стоят новые коровники, хозяйственные постройки совхоза. Дом москвича можно удалить, но возможно ли перевести коровники, приостановить постройку новых? Моногарово всё более отчуждается от Дарового. А Чермошня, безалаберно застроенная, в которой осталась единственная старая изба?..

Кто бережёт Даровое? Старая «тётя Наташа»⁹. Она спросит, кто вы, вспомнит о прошлом, даст ключи от дома, где сгнил пол, а дверца от печи спрятана в Зарайском музее.

Даровое по своему «духовному смыслу» имеет право на такой же заповедник, как Михайловское, Ясная Поляна.

И вот уже едешь обратно. Автобус мчит верхом холма. Зарайск предстаёт в сиянии июльского дня 1986 года, во всей своей буйной зелёной красе. Среди зелёного раздолья белеет кремль. Ему предстоит обновление. У города едва хватит сил на его восстановление. А как быть с Даровым? Необходимо срочное вмешательство Москвы. Да в городе должен быть и памятник Ф. Достоевскому.

И в той Зарайской стороне думаешь, казалось бы, о другом. «А ты не зарайский ли?» – спрашивает Раскольников. Откуда сам родом Родион Романович – в романе утаено. Но городок Раскольниковова Рязанской («Р-ской») губернии. И купец Вахрушин (через него пересылают деньги в Петербург) – Вахрушин, уроженец Зарайска. Из той семьи вышел знаменитый коллекционер, основатель театрального музея. В стороне от Зарайска, ближе к Рязани жил в своём поместье Недригайлов, сослуживец М. А. Достоевского¹⁰.

Мужик Марей не подлинное лицо – собирательный образ¹¹. Но вот Макарыч Иванович, кому в романе «Подрасток» писатель дал фамилию Долгоорукий, – отец даровского приказчика¹².

Писатель всю жизнь вглядывался в своё даровско-зарайское прошлое, оставившее «самое глубокое и сильное впечатление».

Подготовка текста, прамбула, комментарии В. А. Викторovichа

⁹ Наталья Семёновна Чухнина, дочь М. С. Макаровой, которая служила экономкой у последней владелицы усадьбы, племянницы Достоевского М. А. Ивановой. О Н. С. Чухниной см.: Полянчев В. Вслед за утраченным // За новую жизнь. 1971. 11 ноября. С. 3. Предок Макаровых-Чухниных даровской крестьянин Семён Широкий упоминается А. М. Достоевским как «опытный наездник и любитель и знаток лошадей», возивший семью из Москвы в усадьбу (Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 57).

¹⁰ «Штаб-лекарь Михайла Недригайлов» упомянут в «Исповедных ведомостях церкви Ивановского сорока» за 1819 год. См. об этом: Хроника рода Достоевских / Под ред. И. Л. Волгина. М., 2013. С. 94.

¹¹ Г. А. Фёдоров, по-видимому, опирается на архивные источники, согласно которым крестьянина по имени Марей в Даровом не было. Как указывает В. С. Нечаева, в церковных ведомостях значится Марк Ефремов, наиболее вероятный прототип «мужика Марей»: Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939. С. 67.

¹² «Все хозяйственные распоряжения лежали <...> на старосте, даровском крестьянине, Савине Макарове <...> Последний принадлежал к большой семье, во главе которой находился восьмидесятилетний дед Макарыч Иванов...» // Там же. С. 40.

ПОЛЕМИКА

О «САКРАЛЬНОМ» МУЗЕЕВЕДЕНИИ

Полемика со статьёй Г. Б. Пономарёвой в данном издании и с книгами Т. Г. Бирюковой. Автор утверждает необходимость комплексного, подлинно научного исследования усадьбы Достоевских Даровое.

Ключевые слова: заповедник «Даровое», принципы музеефикации.

1. По поводу статьи Г. Б. Пономарёвой

Публикуемая выше статья Г. Б. Пономарёвой – обзор известных и неоднократно обсуждавшихся фактов биографии и творчества Достоевского. Новое и оригинальное здесь – предлагаемая автором общая концепция и интерпретация фактов, ведущая к созданию, как бы теперь сказали, особого музейного кластера, объединяющего в себе три музея Достоевского – Москвы, Дарового и Омска. Сразу же возникает вопрос: а почему не приняты в сей колхоз Петербург, Старая Русса и Кузнецк? В этом-то разделении «наших» и «не наших» и скрывается главная интрига статьи. Как в таких случаях говорят: против кого дружить будем?

Какова же система доказательств в пользу предносимого «триединства»? С первых строк автор берёт такую высокую ноту, что состязаться с ним в «низкой» аргументации становится как-то неловко. Нам возвещают: «Это триединство немыслимо с точки зрения географической, краеведческой, исторической и даже биографической в отношении к нашему писателю. Но оно очевидно в его духовной судьбе и включает нечто сакральное».

Увы, я как краевед, историк и даже биограф сим возгласием извергнут из среды посвящённых, но мне всё же любопытно, почему один треугольник несёт в себе эту самую сакральность, а другой несёт... что-то другое. Старая Русса и Кузнецк даже не упоминаются Г. Б. Пономарёвой, очевидно, за их ничтожностью ввиду столь высоких материй. На линию огня вызываются, конечно же, два извечных противника – Москва и Петербург. Старая песня, но зачем-то, значит, и она понадобилась. Торжественно доказывается, что «центростремительно-духовная» Москва – город Средневековья, а потому истинно православный (ибо только в Средние века и было у нас настоящее-то Православие). «Центробежный» и потому (?) эгоистический Петербург – город Нового времени, и тянет от него... уж никак не православным русским духом. Что это город Святого Петра, что здесь упокоены были, при его основании, мощи Святого князя Александра Невского и, кстати, при них нашло вечный покой тело раба Божьего Феофора – очевидно, не имеет никакого значения.

Для обоснования развода, теперь уж окончательного, «самобытной» Москвы и «заёмного» Петербурга Г. Б. Пономарёва обращается к мнению

«литературоведа и богослова» В. М. Ерёминой. Обратимся и мы к не менее авторитетному суждению: «Мы ещё недостаточно знаем это время, недостаточно оцениваем роль XVIII века в подготовке и накоплении той духовной силы, которая проявилась уже в XIX веке как творческий источник самостоятельной русской культуры <...>. Когда в XVIII веке Россия подошла ближе к Западу, то церковная культура, силой внешних условий, стала отходить не задний план; широкой волной полилась в русскую душу новая, чужая культура, и русские не боялись идти к ней навстречу. <...> из взаимодействия с новой, чужой культурой и *родилась, в сущности, новая русская культура*». И далее тот же автор, уже ближе к нашей теме, пишет: «Впоследствии, – впервые в Гоголе, а затем с особой силой в Достоевском, – откроется, что это погружение в проблемы Запада вовсе не было отрывом от Православия, а имело глубокую с ним связь, было творческим и жизненным явлением, выросшем в лоне Православия...»¹

Христианский мыслитель обозначил возможную и столь необходимую нам сегодня широту подлинно *исторического* понимания специфики русской культуры – её всечеловечности, по Достоевскому. Предлагаемая Г. Б. Пономарёвой концепция старомосковского Православия возвращает нас к староверческим (или местечковым – как кому нравится) канонам самоизоляции – национальной, духовной, религиозной.

Новые веяния своеобразно коснулись нашего автора, и он начинает повсюду у Достоевского искать некий таинственный «код Москвы». Сей код, уверяет исследователь, «нарушает монолитную петербургскую реальность в “Преступлении и наказании”»: в чём это конкретно проявляется, не указано, я же вспоминаю тонкий анализ московских реалий в этом петербургском романе, сделанный в своё время ещё Г. Ф. Коган. Сослаться на свою известную предшественницу у Г. Б. Пономарёвой, очевидно, не было сил. Впрочем, ссылками на исследования по рассматриваемой теме автор в принципе себя не утруждает.

Другой пример более конкретен и взят из романа «Бесы»: «Предание анафеме юродивой Лебядкиной самозванца Ставрогина – аллюзия на старомосковскую ситуацию, и это *едва ли не единственное* (выделено нами – В. В.), что противопоставлено бесовству в романе; “код Москвы” наводит на восстановительные силы нации, именно её самоидентификацию». И так всё спасение – от единственно-православной Москвы, гласящей устами Хромоножки. А самоотверженность Шатова? А «освобождение» Степана Трофимовича? А запоздалое прозрение некоторых «бесноватых»? Наконец, и самоуничтожение Ставрогина – не от одной только анафемы его сумасшедшей жены. «Код Москвы» не столь всемогущ в этом романе, как представляется новейшему интерпретатору.

Не всемогущ он, слава Богу, и в музейном пространстве современной России, о чём стоит поговорить отдельно. Г. Б. Пономарёва всеми силами желает распространить «код Москвы» на Даровое и Омск. «Бедная, чтобы не сказать

¹ Зеньковский В. В. Православие и русская культура // Собр. соч. Т. 2. М., 2008. С. 103 – 104, 108.

убогая усадьба Достоевских, – полагает она, – кажется продолжением, но теперь в деревенском варианте, квартиры на Божедомке». Оставим на совести автора «убогость» Дарового, но вот идея клонирования московского музея, овладевшая нынешней его заведующей, представляется нам проявлением всё той же местечковости. Ведь, кажется, очевидно, что переезд из Москвы в Даровое был для Достоевского не переходом в соседнюю комнату, а прорывом в другое измерение – русской природы, русской деревни, русского народа, на земле живущего.

Безусловно, существует духовная нить, связующая деревню Даровое со старинной Москвой и провинциальным Омском, но ведь и со столичным Петербургом (церковь в Моногарове несёт в себе черты «петербургского» XVIII столетия и в архитектуре, и в росписях), а уж тем более с полудеревенской Старой Руссой, заместившей Достоевскому Даровое (в плане «семейного лета») и смешавшейся с ним в последнем романе писателя.

Историческая связь Москвы и Дарового как «детских мест» Достоевского очевидна, некоторые позднейшие события внесли дополнительные оттенки в эту связь. Так, семейная мебель перекочевала вначале из московской квартиры в усадебный дом, а затем проделала обратный путь. Попытка первого отдельного музея Достоевского была сделана всё же в Даровом, но вполне удалась чуть позже в Москве, а затем какое-то время усадьба Даровое даже официально числилась как филиал московского музея Достоевского. С тех пор, с двадцатых годов двадцатого века, у Москвы с Даровым, действительно, особые отношения.

«В московском музее, – пишет Г. Б. Пономарёва, – с первых лет его основания возникла традиция изучения и участия в судьбе Дарового, поддерживается она и теперь». Что и говорить, бесспорен вклад первого руководителя московского музея Достоевского В. С. Нечаевой, многое сделано другой заведующей – Г. Ф. Коган, но в чём «теперь», т.е. при Г. Б. Пономарёвой, выражается «изучение» и особенно «участие в судьбе Дарового»? Я что-то не припоминаю.

За исключением некоторых обстоятельств. С 2003 года начались волонтерские поездки, а затем и научные комплексные экспедиции, организованные Коломенским пединститутом (ныне МГОСГИ), прошли три международных конференции «Летние чтения в Даровом», где обсуждались итоги данных экспедиций. Именно эти обстоятельства и стали самым большим раздражителем для Галины Борисовны. По её мнению, выраженному и в выступлениях в ходе «Летних чтений в Даровом», и в публикуемой статье, буквально всё в десятилетней работе учёных разных специальностей и студентов вуза делалось не так, как надо: «непрофессионально», «вслепую» и «малопродуктивно». Главное обвинение в наш адрес: «Вообще в работе, не обеспеченной пропедевтической частью, не преследовались приоритеты по воссозданию усадьбы в целом, её первостепенных объектов; она носила периферийный характер».

Я не знаю, что подразумевает под «пропедевтической частью» уважаемый оппонент. Если речь идёт о систематизирующих подходах, «концептуальных

посылах» к исследованию усадьбы, то они были изложены как в моих публикациях, так и в публикациях коллег. Галине Борисовне угодно их не замечать – это удобная позиция, но, мягко говоря, не слишком корректная в научном отношении. Так, Г. Б. Пономарёва утверждает, что раскопки археологами «велись вслепую». Межевые планы XVIII – XIX вв. и экономические примечания к ним, «Воспоминания» А. М. Достоевского, семейная переписка Достоевских, фото усадьбы конца XIX – начала XX вв., а также предварительное георадарное сканирование территории усадьбы – вот на чём изначально основано археологическое исследование Дарового. Может быть, Г. Б. Пономарёвой известен ещё какой-то метод поиска утраченных архитектурных сооружений? Мы были бы признательны за подсказку. Разумеется, идеальный вариант – вскрытие всей территории хозяйственно-жилой части усадьбы, но это пока не в наших силах: археология – вещь весьма затратная. Мы надеемся лишь на то, что эта работа будет продолжена и в итоге окажется «продуктивной». Кроме того, надо учитывать, что археология Нового времени – относительно молодое направление, до сих пор неоднозначно оцениваемое специалистами; а наш случай – усадебная археология – для России и вовсе не такое традиционное и методически обеспеченное явление. И в этой ситуации можно оспаривать интерпретацию, предложенную археологами. Можно указывать и на ошибки исследователей. Только делать это желательно бы аргументированно, а не огульно и безапелляционно.

Теперь о наших приоритетах. Автор «идеи триединства» убеждена, что работа экспедиций носит «периферийный характер», что понятно: ведь все привлечённые нами силы и средства не направлены на создание копии московской экспозиции в усадебном доме. Мы уже давно поняли, что московских «небожителей» мало волнуют юридические аспекты создания в Даровом полноценного музея (статус, вид пользования, охранные зоны, инфраструктура) – видимо, само всё устроится. А ведь без решения этих вопросов любые, самые замечательные концепции останутся всего-навсего «музейными мечтаниями». Формирование активного общественного мнения – одно из направлений нашей «периферийной» деятельности.

Собственно исследовательская часть, т.е. работа экспедиций была поддержана Российским гуманитарным научным фондом и её результаты были положительно оценены экспертами РГНФ. В научном сообществе и СМИ сложилось другое, отличное от позиции Г. Б. Пономарёвой, мнение, о чём свидетельствует и обсуждение результатов экспедиций на конференциях «Летние чтения в Даровом», и публикации в прессе².

Бывает однако, что «многие» ошибаются и лишь «один» эксклюзивно владеет истиной. Поэтому скажу о существовании наших расхождений с Г. Б. Пономарёвой. В настоящее время можно выделить три главных объекта усадебного комплекса, требующих немалых реставрационных усилий: 1) так называемый флигель и прилегающая к нему территория утраченных жилых

и хозяйственных построек барской усадьбы; 2) трёхвековая липовая роща; 3) храм Сошествия Святого Духа в Моногарове. С нашей точки зрения, это именно комплекс мемориального характера, и каждая из его частей не может быть названа «периферией». По мнению же Г. Б. Пономарёвой, лишь первая часть (флигель, мазанка, хоздвор) достойна быть приоритетной. Наши усилия, направленные на восстановление храма и леса Достоевского, оппонент готов снисходительно признать, но при этом считает своим долгом указать на их малозначимость в общем контексте судьбы Дарового. Категорически с этим не согласен! Для нас, участников даровских экспедиций, лес и храм в современной ситуации, *когда им грозит исчезновение*, приобретают даже более важное значение, чем флигель или искомая мазанка. Что поделать, больные дети вызывают у родителей больший прилив любви и сострадания. Мне трудно понять, как профессиональный музейщик может быть столь безмятежен, когда надо – в буквальном смысле! – спасти уходящую натуру.

Трудно оторваться от злободневности, но посмотрим на вопрос и с обобщённой, вневременной точки зрения. «Главные места обитания Достоевских, – уверяет нас Г. Б. Пономарёва, – мазанка и флигель». В свою очередь смею уверить уважаемого оппонента, что «место обитания» человека шире его жилища (чем-то мы всё-таки отличаемся от кротов). Если же говорить о Ф. М. Достоевском, напомним его собственное признание о даровском детстве: «И ничего в жизни я так не любил, как лес с его грибами и дикими ягодами, с его букашками и птичками, с его ёжиками и белками, с его столь любимым мною запахом перетлевших листьев. <...> Впечатления эти остаются на всю жизнь» (22; 47). Писателю вторит брат, А. М. Достоевский: «Эти три местности: липовая роща, сад и Брыково <...> составляли место нашего постоянного пребывания и гулянья». И далее рассказывает о даровском детстве, проходившем в играх и разнообразных занятиях *вне стен дома* («В деревне <...> мы постоянно были на воздухе»). Даже в знаменитой «игре в диких» была своя философия: «совершенно уединиться от всего обычного – не дикого»³. Размышляя о судьбах отечества и человечества, Ф. М. Достоевский сложил для себя формулу: «Человечество обновится в Саду и Садом выправится» (23; 96). Дать почувствовать всё это посетителям Дарового – важнейшая из задач будущего музея и сердцевина разрабатываемого нами *природо-культурного заповедника*, открытого миру.

Не могу не сделать одного отступления. Мне как давнему посетителю московского музея Достоевского горько и обидно видеть, что в последние годы он именно «уполз в раковину» родительского флигеля, отгородившись от Мариинского корпуса, от больничного сада (места детских игр Феди Достоевского), храма и памятника писателю работы великого скульптора. Увы, это мемориальное культурное пространство скукожилось при Г. Б. Пономарёвой и благодаря проводимой ею музейной политике. Современный музей, как мы знаем, стремится выйти из замкнутого пространства, дать

² См.: <http://darovoe.ru/publication/media>

³ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 59, 61, 62.

представление о живом космосе человеческого бытия (идея П. Флоренского). В этом смысле дерзкие проекты осуществляет петербургский музей Достоевского, осваивая пространство улицы и площади. Кому-то могут показаться спорными элементы «маскультной» театрализации, но сама идея музеефикации Петербурга Достоевского весьма перспективна и уводит от понимания музея как мумифицированной резервации. Боюсь, что именно к этому изрядно пронафталиненному идеалу зовёт нас Г. Б. Пономарёва. Увиденное ею Даровое ютится «на аршине пространства» и заповедные дали «времён Авраама» здесь не предусмотрены.

По меньшей мере странно, особенно на фоне выдвигаемого автором «сакрального» треугольника, выглядит стремление всячески принизить значение храма Сошествия Святого Духа в Моногарове. Оказывается, это всего лишь «напоминание о продолжающейся воцерковлённой жизни семьи Достоевских». Самая эта жизнь, её перипетии, намоленность места, пребывание в нём юной души («всякое воскресенье в церкви», как вспоминал А. М. Достоевский) – всё это звук пустой? И уникальные для сельского храма фрески, которые видел Достоевский – тоже пустяк? И могила отца в церковной ограде, которую писатель посетил в 1877 году, запасаясь «впечатлениями» для последнего романа и преодолев многие препятствия, – это не факт духовной биографии? «... Духовно событийного следа это место не имеет, по крайней мере, никаких свидетельств тому нет» – так позитивистская безапелляционность ставит свои ограничители. Однако если уж быть до конца последовательным, то и московская квартира на Божедомке, коею «ведает» Г. Б. Пономарёва, при таком размашистом подходе пожалуй что не обнаружит «духовно событийного следа».

Относительно Моногаровского храма есть множество косвенных свидетельств такового следа, но существует и одно прямое, на которое указала ещё А. Г. Достоевская. Я имею в виду следующее место из детских воспоминаний Аркадия Долгорукого в романе «Подросток»: «Я всю эту деревню как во сне теперь вижу <...> а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...» (13; 92). Образ сельского храма и связанные с ним незабываемые детские впечатления – это ли не событие духовной жизни, оставившее след на всю жизнь?!

Реконструкция музея-усадьбы «Даровое», если она пойдёт по указаниям уважаемого «московского гостя», приведёт к обезличиванию этого уникального природо-культурного феномена. Таковы плоды местечковой «сакральности». Не берусь судить столь же подробно о всех «советах постороннего» городу Омску, замечу лишь и здесь проявившееся нежелание автора исходить из сегодняшних реалий. Омск Достоевского – это прежде всего пространство острога, крепости и иртышских далей. Увы, многое уже потеряно и в первую очередь из-за бездарной и безумной «престижной» застройки в «сакральном» центре омского пространства. Об этом, как в случае с Даровым, Г. Б. Пономарёва предпочитает умалчивать.

Мемориальное пространство Достоевского в современной России должно выстраивать и сохранять усилиями многих специалистов: музейщиков, исследователей биографии и творчества писателя, историков, реставраторов (архитектуры и ландшафта), искусствоведов. Совершенно необходимо, чтобы различные предлагаемые концепции обсуждались научной и культурной общественностью. С этой целью на трёх состоявшихся «Летних чтениях в Даровом» (2006, 2009, 2011) и в сборниках материалов этих конференций мы предоставляем возможность высказывать самые разные точки зрения, но желательно научно аргументированные. Апелляцию к сакральности собственного видения нам трудно признать научной.

2. Рецензия на книгу Т. Г. Бирюковой

Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. История. Судьбы. Портреты. М., 2009. – 75 с.;

Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. Историческая реконструкция. Судьбы. Портреты. Изд. 2, испр. и доп. М., 2010. – 96 с.;

Бирюкова Т. Г. Даровое – усадьба Достоевских. Проект реконструкции. Изд. 3, испр. и доп. М., 2012. – 73 с.

Вот уже два десятилетия в усадьбе Достоевских Даровое непрерывно существует музей писателя, сначала на правах филиала, а затем сектора экспозиционного отдела музея «Зарайский кремль». За это время перед нами прошла череда заведующих, сменяющих друг друга с возрастающей скоростью. И если в начале пути мы видим усердно-кропотливую и заметную своими трудами В. Г. Шейнблат, то теперь имена «завов» знает разве что их непосредственное начальство. Т. Г. Бирюкова в этом ряду ближе к началу, и в её деятельности «хозяйки Дарового» (с 2000 по 2002 гг.) проступали черты искреннего и даже несколько восторженного энтузиазма. В её публикациях⁴ в местной и центральной печати было много полезного, но было всегда и то, что называется преувеличением от увлечения. Стоит ли говорить, что это всё-таки лучше равнодушия?

Теперь, почти год за годом, вышли три книги Т. Г. Бирюковой с варьирующимся названием, в которых сохранялся и даже нарастал взятый с самого начала пророческий тон: едва ли не каждый свой шаг автор относит к действию «высшего промысла». Новое увлечение влекло за собою новые преувеличения.

Трудно рецензировать такие работы, зная, в личном общении, искренность и энтузиазм их сочинителя. Однако наука – дама суровая, терпимая

⁴ В том числе: Бирюкова Т. Г. Каким быть музею в Даровом // Летние чтения в Даровом. Материалы междунар. науч. конф. 27 – 29 авг. 2006 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2006. С. 107 – 118; см. также: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/birukova_kakim.pdf. Она же. Анализ исторического облика усадьбы в Даровом. 1832 г. Мемориально-культурный комплекс им. Ф. М. Достоевского: мечты и реальность // Ф. М. Достоевский в диалоге культур. Материалы междунар. науч. конф. 25 – 29 авг. 2009 г. / сост. В. А. Викторovich. Коломна, 2009. С. 206 – 212; см. также: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/birukova_analiz.pdf.

к случайным ошибкам (у кого их не бывает?) и нетерпимая к непрофессионализму. Увы, в данном случае мы имеем дело с последним. Укажу на главное отличие: для профессионала в научном деле на первом месте строгие факты, на втором – собственное увлечение, для дилетанта – всё наоборот.

Итак, в рецензируемых книгах идёт речь об усадьбе детства Ф. М. Достоевского Даровое. Известны серьёзные работы на эту тему В. С. Нечаевой, Г. А. Фёдорова, И. Л. Волгина и группы учёных различных специальностей, сплотившихся вокруг кафедры литературы Коломенского пединститута (ныне МГОСГИ)⁵. И вот на этом фоне раздаётся торжественное заявление Т. Г. Бирюковой (выделенное во всех трёх изданиях курсивом): «Настоящая публикация является итогом проделанной работы, которая впервые за прошедшие 100 лет позволяет не только составить представление об имении Достоевских, но и даёт научную базу для создания проекта его реконструкции».

Какие же методы «реконструкции» предлагаются в «открытии века»?

Центральной, «промыслительной» проблемой, решаемой Т. Г. Бирюковой, является местонахождение и вид «мазанки», описанной в воспоминаниях А. М. Достоевского как временное пристанище семьи, впервые приехавшей в разорённое пожаром имение. Андрей Михайлович указал ориентир: мазанка стояла между двух курганов рядом со сгоревшим усадебным домом. Ход мыслей автора рецензируемых книг таков:

– «...никакая, даже самая неотразимая версия не может заменить документально запечатлённого изображения. Таким документом, в идеале, могла быть фотография. Оставалось надеяться только на чудо»,

– «и вот летом 2006 года ряд промыслительных ... обстоятельств привёл нас в фонды Государственного Литературного музея»,

– «надежда, что сохранилось хоть какое-то изображение мазанки, почти нет, но есть Бог!»,

– является фотография флигеля (впрочем, давно известная) и «справа от флигеля ясно видим торец и часть стены белого низенького домика»,

– «мазанка – а это без всякого сомнения она – уже покрыта железом и сияет белизной».

Озарение свыше не требует доказательств! Если видна часть побелённой стены – значит, это и есть та самая мазанка, описанная у А. М. Достоевского: «маленький плетнёвый, связанный глиною на манер южных построек флигелёк». Ничего, что фотография не сходится с мемуарным описанием (на фото строение более капитальное и крытое соответственно не соломой, а железом), на этот случай сгодится оговорка насчёт несовершенства памяти мемуариста (там, где он сходится с нашей версией, мы, напротив, восхваляем его «точность»). А главное, исследователю даже не приходит в голову, что на фотографии конца XIX, а скорее всего, начала XX века может быть запечатлено здание, построенное позднее на месте уже обветшавшей и сне-

⁵ См.: Даровое – земля детства Ф. М. Достоевского: Библиографический указатель. 2-е изд., доп./ Сост. В. А. Викторovich, Н. И. Катенёва, В. А. Мокрова. Коломна, 2012. См. также: <http://darovoe.ru/publication/bibliography>.

сённой мазанки. На отсутствие (пока что) твёрдых доказательств указывают результаты археологических раскопок, проведённых здесь летом 2009 г. (см. статью А. С. Сыроватко в настоящем издании). Правда, археологическое исследование не было доведено до конца по причине нехватки финансирования. Терпением и осторожностью в выводах наш автор не страдает, и вот уже готово скороспелое решение. Ничего, что строение на фотографии более похоже на хозяйственное (не исключено, что это кухня Ивановых): мы подрисуем с помощью компьютера оставшуюся часть. Прямоугольное пятно, больше похожее на дверь, мы примем за окно и к нему подрисуем ещё два. Вот и «реконструкция»! Ни документальных свидетельств, ни археологических заключений – только мутная фотография и буйная фантазия.

Следующий объект ворожбы по фотографиям – собственно сам сохранившийся флигель, а вернее было бы сказать, главное здание усадьбы. Его реконструкция – одна из важнейших и, добавим, ответственных задач, стоящих перед исследователями и реставраторами. Что делает Т. Г. Бирюкова? «В июне 2006 г., – пишет она, – в фондах ГЛИМ нам показали одну фотографию со словами: “Это тоже имеет отношение к усадьбе Даровое, но мы не можем сказать, кто здесь запечатлён”». Ну, это специалисты «не могут» и без конца сомневаются, ведомый же «высшим промыслом» автор решителен и скор. Он назначает: вот эта дама на снимке будет Александра Михайловна Достоевская, эта – Варвара Михайловна, эта – Вера Михайловна. Сходство весьма сомнительно, и оставляет желать лучшего качество любительского снимка, но не в этом счастье: ведь исследователь собрал на завалинке якобы даровского дома всех сестёр писателя! Известен факт, что после раздела наследственного имения они не были дружны, тем более не известно о совместном приезде Александры и Варвары в Даровое в гости к новой хозяйке имения Вере.

Фантазия берёт верх над здравым смыслом и тогда, когда речь заходит о доме, на фоне которого сфотографировались дружные сестрицы. Делается это просто: фотография прикладывается к известному изображению даровского флигеля, и автор торжественно возглашает: «это он!» Правда, на семейной фотографии оказывается одно лишнее окно, но тут уже сочиняется история о том, как Вера Михайловна распорядилась его заделать. Существовало ли окно, можно проверить, например, путём натурального обследования сруба. Однако исследователю это даже не приходит в голову: лёгкая на подъём фантазия разрешает все сомнения.

Любой реставратор скажет: без привлечения *всех возможных документальных источников* проект не может считаться научным – он остаётся всего лишь субъективным мнением автора. Слова гипотезы, принятые в научном обороте, – «возможно», «как нам представляется», – в лексиконе Т. Г. Бирюковой обретают безапелляционную семантику («мы считаем себя вправе допустить даже со стопроцентной вероятностью», «у нас не вызывает сомнения»), скорее всего потому, что ей не известны иные документы, кроме опубликованного варианта мемуаров А. М. Достоевского и фотографий, либо они её просто не интересуют, т.к. могут помешать стройности концепции.

Растиражированные без должной атрибуции фото Дарового имеют два источника: один – архив семьи Ивановых, другой обязан своим появлением И. П. Перлову, который в свои посещения усадьбы озаботился её фотофиксацией⁶. На всех семейных снимках есть одна характерная особенность: фотографу здесь важны люди, а не виды усадьбы, как в случае с «безлюдными» изображениями более позднего времени. Столь трепетного, как у нас, отношения к Даровому как к земле детства великого русского писателя в семье Веры Михайловны не было вплоть до 20-х годов XX века, пока к племяннице Достоевского М. А. Ивановой не потянулись многочисленные поклонники и исследователи его творчества. А потому так сложно и весьма проблематично по групповым портретам реконструировать облик усадьбы Ивановых, а тем более «выстраивать» имение Достоевских 1830-х годов. Фото «женщины в белом платье с поросёнком на руках» и компании (выдвигаемое Т. Г. Бирюковой как главный аргумент в проекте реконструкции флигеля), могло быть сделано, например, в Шистове, с хозяйками которого, сёстрами Логвиновыми, дружила Вера Михайловна Иванова. Тем более что облик дома позади даёт возможность широкой интерпретации: обычный деревенский сруб, каких много⁷. Весьма сомнительным представляется утверждение автора о том, что «флигель» Достоевских – не что иное как «простая и аскетичная» деревенская изба, тогда как с Ивановыми в Даровое «приходит дух гедонизма» (2012; с. 25). Остаётся в таком случае только восхищаться талантом Веры Михайловны Ивановой, вдовы, матери десяти детей, сумевшей воплотить «стремление к земным радостям» при перестройке флигеля⁸.

Видимо, так Т. Г. Бирюкова хочет обосновать идею близости Достоевского к народу, которая в дальнейшем распространяется и на интерьер господского дома: обеденный стол в зале должен стоять «по народной традиции» – вдоль стены. Почему-то у автора «нет сомнений, что у Достоевских – людей православных и набожных – он стоял ровно на этом месте», хотя ранее был провозглашён другой принцип: «флигель Достоевских <...> дублирует “московскую” планировку, направленную на создание привычной обстановки и удобство проживания» (2012; с. 65, 45). А в московской квартире, по свидетельству А. М. Достоевского, обеденный стол стоял на середине залы...

⁶ О документальном «освидетельствовании» усадьбы Достоевских см.: Переписка с Главмузеем и Каширским Уисполкомом об охране музея-усадьбы «Даровое», принадлежавшей писателю Достоевскому. Подготовка текста, комментарии и вступительная статья Г. С. Прохорова // А. П., Ф. Д. и В. В.: Сб. науч. тр. к 60-летию проф. В. А. Викторovichа. Коломна, 2010. С. 195 – 206. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perepiska_glavmuzey.pdf

⁷ Похожий дом сфотографировал во время своей поездки в Даровое в начале 1980-х гг. Г. А. Фёдоров (снимок передан нам вдовой исследователя).

⁸ «О материальном положении Веры Михайловны в последние годы жизни говорят следующие строки из её письма к дочери Юлии: “Я теперь шью по заказу в лавку штаны по 6 коп. за пару и шью в день по 4 пары”» // Хроника рода Достоевских. М., 2013. С. 677.

В главе «Большие перемены» Т. Г. Бирюкова по-своему решает и судьбу бревенчатой «пристройки» флигеля, видной на известной фотографии, но отсутствующей в натуре: «Несколько лет назад на месте пристройки велись раскопки с целью поисков артефактов периода Достоевских, НО, по признанию руководителя археологов А. С. Сыроватко, то, что найдено, имело отношение только к периоду “до и после Достоевских”» (2012; с. 27). Из чего делается вывод: утраченная часть господского дома была поздней «пристройкой» новых владельцев, Ивановых.

Во-первых, не могу не заметить, что определение деятельности профессиональных археологов исключительно как «поиск артефактов» ставит их на одну доску с так называемыми «чёрными копателями». Задача усадебной археологии (а именно таково одно из направлений исследования Дарового) – по остаткам фундаментов определить границы утраченных строений и датировать их с помощью тех самых артефактов, что является необходимым этапом в реконструкции усадьбы⁹. Опираясь на «признание» А. С. Сыроватко (без ссылки на его публикацию)¹⁰ насчёт «до и после Достоевских», Т. Г. Бирюкова утверждает: если что-то стояло здесь «до» и «после», то, значит, ничего не стояло «при». Сей логический казус напоминает мне известный софизм об Ахилле, который никогда не догонит черепаху. Ведь если нечто стояло «до», почему оно не осталось стоять на том же месте и «при» Достоевских?¹¹

Апелляция к археологам у автора «реконструкции» весьма избирательна. В частности, оставлено без внимания заключение: «Северная сторона этой пристройки была продолжением стены основного здания <...> В пределах фундамента заслуживает внимания объёмная подпечная яма, уходящая северным бортом под здание музея...»¹². Почему бы не допустить, что Достоевские возвели после пожара новый дом на старом фундаменте (археологические находки 2005 года датируют его XVIII веком), что в доме было по меньшей мере две печи, одна из которых находилась в кухне, отделённой

⁹ Именно так определена деятельность археологической группы в проектах, поддержанных грантами РГНФ: 05-04-18037е, «Усадьба “Даровое”: реставрация» (2005); 06-04-03201е, «Храм Сошествия Святого Духа в Моногарове как символ возрождающейся России» (2006); 08-04-03202 е/Р «Образы прошлого в будущем России: потенциал усадьбы Достоевских Даровое как памятника мирового значения» (2008).

¹⁰ Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // Летние чтения в Даровом. 2006. С. 146 – 156. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/8_syrovatko.pdf.

¹¹ Надо признать, что атрибуция находок 2005 года проведена археологами не в полном объёме, что привело к произвольной интерпретации результатов как самими специалистами, так и склонными к предвзятости «заинтересованными лицами». Так, по крайней мере две находки способны, на наш взгляд, скорректировать выводы археологов. Во-первых, это фрагменты посуды: клеймо фарфорового завода Гарднера, вдавленное в массу, ставилось на изделиях с 1830-х гг. А майоликовую зооморфную скульптуру, образец которой – коник – был обнаружен в том же раскопе при усадебном доме, гжельские заводы производили вплоть до 1812 года. Здравый смысл при этом подсказывает, что предметы быта последней трети XVIII – начала XIX вв. вполне могли быть в обиходе семьи Достоевских: девятнадцатое столетие ещё не знало современного нам духа потребительства.

¹² Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н. Археологические исследования... С. 149.

от господской части дома «пятой» стеной? Кухни в предлагаемой Т. Г. Бирюковой реконструкции просто нет (на её месте сени 4 x 1,4 м). В типовых проектах сельских усадеб первой трети XIX в. кухня входила в планировку как главного господского дома, так и флигеля – факт исторический¹³. А вот факт литературный: «Флигель этот стоял на дворе, был обширен и прочен; в нём же определил Федор Павлович быть и кухне, хотя кухня была и в доме: не любил он кухонного запаха, и кушанье приносили через двор зимой и летом» (14; 85).

Думается также, что рано расставлять воображаемую мебель в интерьерах до конца не обследованного дома: многое ещё может дать и археология, и дендрология, и история усадебной архитектуры... и здравый смысл.

О нём отдельно. Увлёкшись реконструкцией интерьеров будущего музея, Т. Г. Бирюкова «поселила» М. Ф. Достоевскую... в неотопливаемую комнату, видимо, забыв, что хозяйка Дарового приезжала в усадьбу ранней весной, а уезжала нередко поздней осенью. Может быть, холодная спальня – ещё одно доказательство аскетизма деревенского жилища Достоевских?

Та же история с мебелью, призванной создать мемориальную обстановку дома. Мебель эта после смерти в 1929 г. М. А. Ивановой, племянницы писателя и последней владелицы Дарового, оказалась у потомков прислуги Марии Александровны и бывших крепостных крестьян Достоевских. Ранее, в 1926 г. из Дарового для московского музея писателя была вывезена мебель (стол, диван, книжный шкаф), принадлежавшая Достоевским. Организатор и руководитель московского музея В. С. Нечаева, профессионал высокого класса, вряд ли могла оставить что-то из мемориальных предметов. Надо отдать ей должное: в комплектовании фондов она была последовательна. Это относится, кроме мебели, и к семейной переписке Достоевских (Ольга Александровна Иванова специально отбирала для В. С. Нечаевой письма, представляющие мемориальный интерес), и к архиву Моногаровского храма (часть которого вошла в первую музейную экспозицию на Божедомке). В атрибуции даровской мебели В. С. Нечаева, скорее всего, основывалась на свидетельстве М. А. Ивановой, подтверждённом официальной перепиской музейного начальства 1926 г. с тогдашними экспертами: только три предмета были ими атрибутированы как принадлежащие «ко времени жизни в Даровом Ф. М. Достоевского», остальные же признаны «личными вещами Ивановой М. А.»¹⁴ Если мы не доверяем музейщикам 1920-х гг., то можно провести новую экспертизу. Кажется, на неё-то и ссылается Т. Г. Бирюкова, делая это вопреки требованиям строгой научности: «... в результате проведённой экспертизы эксперты-реставраторы, имевшие опыт работы с музеем-заповедником “Коломенское”, пришли к заключению: 4 из 6 предметов обстановки <...> “с определённой степенью вероятности” можно отнести

к первой половине XIX века» (2012; с. 52). Кто эти безымянные «эксперты-реставраторы», взявшие на себя столь серьёзную ответственность? В таком деле ответственность не может быть анонимной. Так, у нас, в свою очередь, на руках имеется заключение, подписанное главным хранителем Отдела дерева и мебели Государственного исторического музея Н. В. Углевой: «Все представленные на экспертизу предметы мебели относятся ко второй половине XIX – началу XX веков. Более подробная экспертиза по фотографиям невозможна, т.к. необходим визуальный осмотр памятников». Об этом заключении Т. Г. Бирюкова была проинформирована ещё в 2006 г. Окончательное решение вопроса подсказано авторитетным ГИМом – визуальный осмотр памятников специалистами-профессионалами. Между тем автор проекта реконструкции ни в чём не сомневается: не заинтересовавший Нечаеву сундук «стоял в спальне родителей Ф. М. Достоевского», «детский письменный столик» – из комнаты Миши и Феди, буфет – «из кухни московской квартиры» или в крайнем случае «мог быть куплен в Зарайске на рынке для обустройства построенного после пожара нового флигеля», стул... С новонайденным стулом фантазия разыгралась похлеще ильфо-петровской: он – не иначе как сакрально – «совпал» с исчезнувшими московско-достоевскими стульями, описанными Андреем Михайловичем (тоже ведь с мягким набивным сиденьем, не беда, что другого цвета), и, «единственно уцелевший», родил у автора прямо-таки перл доказательности: «С этим можно не согласиться в двух случаях: 1) по причине плохого зрения и 2) если А. М. Достоевский вам не указ» (2012; с. 59).

В рецензентах третьего издания книги значатся имена, подкрепившие своим авторитетом сии экзерсисы: «Ю. Б. Бирюков, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства» и «Г. Б. Пономарёва, заслуженный деятель культуры РФ, кандидат филологических наук». Не берусь судить, чем руководствовались господа рецензенты.

Подлинно научная реконструкция, извините за повтор, зиждется на комплексном обследовании *всех возможных источников*. Трижды переизданная работа Т. Г. Бирюковой может претендовать только на статус малодоказуемой гипотезы, особенно в тех своих положениях, где автор опирается на наитие, провидение и устные рассказы местных жителей. При этом архивные источники зияют своим отсутствием. Правда, автор дважды отсылает своих читателей к рукописным материалам, но на самом деле она лишь создаёт видимость архивных разысканий, т.к. в обоих случаях черпает из уже опубликованных исследовательских работ, «забыв» указать их¹⁵. Присвоение результатов чьей-либо деятельности простительно

¹⁵ Речь идёт о дневнике А. М. Достоевского и письме к нему В. М. Ивановой, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) и впервые процитированных в статье: Викторovich В. А. Экспедиция в Даровое (2005) // Летние чтения в Даровом. Коломна, 2006. С. 102 – 103, 106. Он же. Экспедиция в Даровое // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 1 (42). С. 212 – 213. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/03/viktorovich_expedicia.pdf. В полном объёме эти документы готовятся нами к печати.

¹³ См., например: Муханов П. А. Портфель для хозяев. М., 1834.

¹⁴ Переписка с Главмузеем... С. 222 – 224. То же: http://darovoe.ru/wp-content/uploads/2012/04/perepiska_glavmuzey.pdf

школьникам и студентам-первокурсникам: они ещё не искушены в законах научного мира. В последнем же принято соблюдать исследовательскую этику. Здесь вновь сказалась отличительная особенность книг Т. Г. Бирюковой – игнорирование существующей «науки о Даровом».

В конце концов надо в полной мере отдавать себе отчёт в том, что создание музея-заповедника, достойного имени Достоевского, – дело не энтузиастов-одиночек, как бы увлечены и амбициозны они ни были. Только привлечение широкого круга специалистов – историков, литературоведов, искусствоведов, биологов, архитекторов, реставраторов различной специализации – способно дать объективный результат, в достижении которого обязательны все этапы: накопление материала – его тщательное исследование и корректная интерпретация – обсуждаемая научным сообществом гипотеза – проект. Пренебрежение хотя бы одним из звеньев этой цепи чревато тем, что эпохе и людям, в ней жившим, мы навязываем свои взгляды, желания, фантазии, комплексы в конце концов. И невольно разрушаем, а не сохраняем и передаём...

SUMMARIES

DOSTOEVSKY AND RUSSIA

V. A. Viktorovich MYSTERY OF «NOT REMARKABLE PLACE»

The topos “Darovoe” is examined as archetyp of humble Russian space in F. M. Dostoevsky’s works. Children’s impressions from the estate have strengthened «vertical» of a spiritual world of writer.

Key words: Darovoe, genesis of creativity, Russian landscape.

B. N. Tikhomirov DAROVUE AND CHEREMOSHNYA IN UNFULFILLED ART PLANS OF DOSTOEVSKY

The article analyzes Dostoevsky’s three unrealized projects: «The Life of a Great Sinner», «Ideas of new short stories» and «Novel. The Landowner, father is killed...» – all of which reflect Dostoevsky’s impressions and reminiscences of his childhood and youth associated with the estate of his parents – the villages Darovoe and Cheremoshnya. The main focus of the article is the analysis of motives related with the legend of Dostoevsky’s father violent death (the factual authenticity of the legend is debatable) and with the fact of his father’s concubinage in Darovoe (after his wife’s death) with a peasant girl Katerina with whom he had a child – the son Simeon.

Key words: unrealized projects, Darovoe, Cheremoshnya, character-teenager, murder of father, Katerina, bastard slip.

S. A. Kibalnik THE PROVINCIAL TOPOS IN DOSTOEVSKY’S WORKS AND ITS BALZACS’S PRETEXTS

The main subject of the article is the provincial topos in Dostoevsky’s tale “Uncle’s Dream” and his novel “The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants”. It is shown that while portraying Russian province Dostoevsky was to great extent based on European and Russian literary models. Dostoevsky owes very much to Balzac’s “Scènes de la vie de province” in his analysis, and he partly follows Gogol in his satirical viewing.

Key words: province, topos, intertextuality, Russian, French, tale, novel, Dostoevsky, Balzac.

A. G. Gacheva
DOSTOEVSKY AND THE HISTORIOSOPHY
OF EUVRASIANISM

This article is dedicated to similarities and differences between Eurasist doctrine and historiosophical conception of Dostoevsky. During the ideological evolution Eurasianism moved from internal polemics with Dostoevsky and the tradition of Russian Christian historiosophy to the admission of the idea of generality, from historiosophical pessimism to the idea of justification of history and integral transfiguration of life.

Key words: Dostoevsky Eurasianism philosophy of history Russia and Europe generality the idea of symphonic personality.

G. L. Cheryukina
FROM CONFESSION TO SERMON:
SPIRITUAL EVOLUTION OF HEROES OF DOSTOEVSKY

The article is devoted to one of the most up-to-date problems in the modern science about Dostoevsky. Communications of literary anthropology in the writer's creative works with orthodox spiritual tradition come to light. The author of the article uses new means and methods to analyse and perceive the literary text on the level of poetics. Thus she extends and intensifies the understanding of the specific content of Dostoevsky's works.

Key words: hero-ideologist, psychological level, «living life», art anthropology, genesis and typology, dialogue and monologue, reflection.

T. P. Batalova
HISTORIESOPHY PROBLEMS
IN F. M. DOSTOEVSKY'S JOURNALISM OF 1846 – 1859

The author investigates the problems of philosophy of history in F. M. Dostoevsky's journalism. The points of view of writer are similar to the position of the periodical "Sovremennik" in the period of the years 1840. He develops Russian idea in the years 1850. His religious frames of mind increase.

Key words: Dostoevsky, Peter I, Russian journalism.

G.V. Fedyanova
THE IMAGE OF DOSTOEVSKY IN O. D. FORSH'S NOVEL
"DRESSED IN STONES"

The semantic load of the image of Dostoevsky is exposed in this paper. Dostoevsky is the hero of second plan, but the stages of meeting of the main heroes with him emphasize the oppose of idea of Russian "Vsechelovechnost" (Allhumaning) with fanaticism of radicals. Destruction of terrorists and tragedy of Story-teller accentuate ineffectual of their persuasions and viable of humanind position of Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky, image, situation, novel.

O. I. Chudova
F. GORENSTEIN'S UNDERSTANDING
OF F. DOSTOEVSKY'S "RUSSIAN IDEA"

The article is devoted to the problem of Dostoevsky's "Russian idea". The research is based on F. Gorenstein's novel "The Place". The article delineates the "historiosophical conception" of a modern author. It is concluded that the Dostoevsky's "Russian idea" is completely alien to him.

Key words: Dostoevsky, Gorenstein, understanding, Russian idea.

G. B. Ponomaryova
MOSCOW, DAROVOE, OMSK - THREE IN ONE, IMMORTALIZING
SPIRITUAL ASCENSION OF DOSTOYEVSKY AND HIS OPENING OF RUSSIA
(to the concept of Dostoevsky's museum)

The affinity Darovoe and Omsk is proved to centripetal spirituality of Moscow and on this basis it is offered to build activity of museums.

Key words: Moscow, Darovoe, Omsk, sacral unity, museology.

RESEARCH EXPEDITION

A. S. Syrovatko
ARCHEOLOGICAL RESEARCH OF DOSTOYEVSKY'S ESTATE «DAROVOE»

In the article are given the excavated material in the estate of F. M. Dostoyevsky «Darovoe» and a cemetery in the Monogorovo village, where the writer's father was buried. The purpose of the excavations in the Darovoe village was to find an original house where the writer lived as a child. The excavations discovered a few remnants of buildings, which are assigned either to the time before Dostoyevsky (previous owners), or to the period after Dostoyevsky, when the estate was owned by his sisters. There is an interesting collection of finds of the late 18th – early 19th centuries, and the late 19th – early 20th centuries. The Monogorovo village excavations determined the age of the civil construction, which had previously been considered of late 18th century. Excavations have established its later age about the middle of the 19th century.

Key words: Dostoyevsky, Darovoe, Monogorovo, estate- archeology.

S. M. Prokhorov
TRANSFORMATION OF THE FACT IN NATIONAL CONSCIOUSNESS,
OR WHAT WE INVESTIGATE IN THE FOLKLORE TEXT

This article deals to the problem of variation of the folklore text. Based on the submissions received during the expedition to the village Darovoe Zarskiy district, Moscow region, the author shows the impermanence of variants about stories violent or nonviolent death of M. A. Dostoevsky not only within the local culture, but from one informant also.

Key words: folklore, variation, psychology of narrator, Dostoevsky, «killing vs natural death» of his father.

YU. V. Peterson

ABOUT THE OLD-AGE FOREST IN THE ESTETE DAROVOE

The article brings preliminary results of dendrology work in the estate Darovoe, spent within the complex research expeditions of the Moscow State Regional Social Hummanitarian Institute in 2005 - 2011. The question on the further destiny of the memorial wood is put.

Key words: Darovoe, wood, dendrology.

V. A. Viktorovich

TO DIE IN RUSSIA

About dramatic destiny of burial places of close relatives of F. M. Dostoevsky, in particular, his parents. About the project «Memory» of noncommercial partnership «Zapovednoe Darovoe».

Key words: memory, culture of death, civil society.

RESERVE

A. S. Bessonova

**TO THE QUESTION ON THE CONCEPT
OF MUSEUM - RESERVE «DAROVOE»**

The concept of memorial and landscape reserve «Estate of Dostoevsky's Darovoe» is proved in the article. The results of scientific – practical studying of Darovoe, Monogorovo, Cheremoshnya are put in a basis of the concept. Prime and perspective actions on museification of the land of the childhood of F. M. Dostoevsky are planned.

Key words: F. M. Dostoevsky, concept of museum-reserve, estate Darovoe, Monogorovo, Cheremoshnya, questions of museification.

KEEPERS

G. S. Prokhorov

**MARIYA ALEXANDROVNA IVANOVA.
PRE-REVOLUTIONARY FIGURE IN A POST-REVOLUTIONARY
ARRANGEMENT**

What follows is a reflection on some ulterior circumstances in the Darovoe museification process that took place during the second decade of XXth century.

We bring to light the late biography of M. A. Ivanova, the last landowner of Darovoe, and by the events reconstruct the very political and social local atmosphere that doomed to failure attempts to establish museum in the sole Dostoevsky family country-estate in Russia. M. A. Ivanova's letter with comments are publishing in the appendix.

Key words: Darovoe in 1920th, early-Soviet memorial museum, museum in Darovoe, Dostoevsky's niece.

A. F. DOSTOEVSKY'S "OMSK" LETTERS

The history of creation of the Omsk museum in the name of F. M. Dostoevsky is reflected in published grandson's letters.

Key words: literary criticism, museum affairs, grandson of F. M. Dostoevsky.

G. A. Fyodorov

«WHETHER YOU ZARAJSKIJ?» (ROAD TO DAROVOE)

The publication of the article of G. A. Fyodorov, it has finished a cycle of his works about Darovoe in life and works by F. M. Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky, Darovoe, preservation of estate.

POLEMIC

V. A. Viktorovich

ABOUT «SACRAL» MUSEOLOGY

Polemic with G. B. Ponomaryova's article in the given edition and with T. G. Birjukova's books. The author approves a necessity of complex scientific research of Dostoevsky's estate «Darovoe».

Key words: memorial estate «Darovoe», principles of science of museum.

ОБ АВТОРАХ

Баталова Тамара Павловна. Кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).

Бессонова Альбина Станиславовна. Кандидат филологических наук, директор НП «Заповедное Даровое» (Коломна).

Богданов Николай Николаевич. Доктор медицинских наук (Москва).

Викторович Владимир Александрович. Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института, председатель правления НП «Заповедное Даровое» (Коломна).

Гачева Анастасия Георгиевна. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН им. А. М. Горького (Москва).

Зародова Юлия Прокопьевна. Заместитель директора по научной работе Омского государственного литературного музея им. Ф. М. Достоевского.

Кибальник Сергей Акимович. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург).

Петерсон Юрий Васильевич. Дендролог (Москва).

Пономарёва Галина Борисовна. Кандидат филологических наук, заведующая Музеем-квартирой Ф. М. Достоевского (Москва).

Прохоров Георгий Сергеевич. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).

Прохоров Сергей Михайлович. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна).

Сыроватко Александр Сергеевич. Кандидат исторических наук, директор МУ «Коломенский археологический центр».

Тихомиров Борис Николаевич. Доктор филологических наук, заместитель директора по научной части Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, президент Российского общества Достоевского (Санкт-Петербург).

Федянова Галина Всеволодовна. Кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).

Черюкина Гузель Леонидовна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной литературы Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Чудова Ольга Игоревна. Кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и гуманитарных дисциплин Пермского института экономики и финансов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3

ДОСТОЕВСКИЙ И РОССИЯ

В. А. Викторovich.

Тайна «незамечательного места» 7

Б. Н. Тихомиров.

Даровое и Черемошня в неосуществлённых художественных замыслах
Достоевского 15

С. А. Кибальник.

Провинциальный топос у Достоевского
и его бальзаковские претексты 30

А. Г. Гачева.

Достоевский и евразийство..... 45

Г. Л. Черюкина.

От исповеди к проповеди:
духовная эволюция героев Ф. М. Достоевского 61

Т. П. Баталова.

Историософские проблемы в публицистике
Ф. М. Достоевского 1845 – 1859 гг. 66

Г. В. Федянова.

Образ Достоевского в романе Ольги Форш «Одеты камнем» 77

О. И. Чудова.

«Русская идея» Ф. М. Достоевского в восприятии Ф. Н. Горенштейна 87

Г. Б. Пономарёва.

Москва, Даровое, Омск – триединство,
увековечивающее духовное восхождение Достоевского
и открытие им России (к концепции музеев Достоевского) 91

ЭКСПЕДИЦИЯ

А. С. Сыроватко.

Археологические исследования усадьбы Достоевских в Даровом 105

С. М. Прохоров.

Трансформация факта в народном сознании,
или Что мы изучаем в фольклорном тексте 122

Ю. В. Петерсон.

О старовозрастном древостое усадьбы Даровое 127

В. А. Викторovich.

Умереть в России 133

ЗАПОВЕДНИК

А. С. Бессонова.

К вопросу о концепции музея-заповедника «Даровое» 149

ХРАНИТЕЛИ

Г. С. Прохоров.

Мария Александровна Иванова. Дореволюционный портрет
в постреволюционной оправе 179

Письмо М. А. Ивановой (преамбула и комментарии Г. С. Прохорова) 190

«Омские» письма А. Ф. Достоевского
(публикация Ю. П. Зародовой, Н. Н. Богданова) 194

Г. А. Фёдоров.

«Ты не зарайский ли?» (Дорога к Даровому)
(публикация В. А. Викторovichа) 206

ПОЛЕМИКА

В. А. Викторovich.

О «сакральном» музееведении 217

SUMMARIES 231

ОБ АВТОРАХ 236

III ЛЕТНИЕ ЧТЕНИЯ В ДАРОВОМ

*Материалы научной конференции
26 – 28 августа 2011 г.*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Московского государственного областного социально-гуманитарного института.

Редактор-составитель – В. А. Викторович
Фотографии – Ю. Л. Имханицкий, А. С. Бессонова,
МУ «Коломенский археологический центр»
Компьютерная вёрстка – Н. В. Яриновская
Корректурa – А.С. Бессонова

Издательский дом «Лига»
140400, Московская обл., Коломна, ул. Лажечникова, 5
Тел.: +7(496) 616-11-32 web: www.liga.org.ru

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ»
390010, г. Рязань, проезд Шабулина, д. 4

Подписано в печать 08.05.2013. Бум. офсетная. Гарнитура Constantia
Формат 70 x 100 ^{1/16} Печать офсетная. Усл. печ. л. 15. Тираж 200 экз. Заказ 518.